THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG2987
.C4
L 5

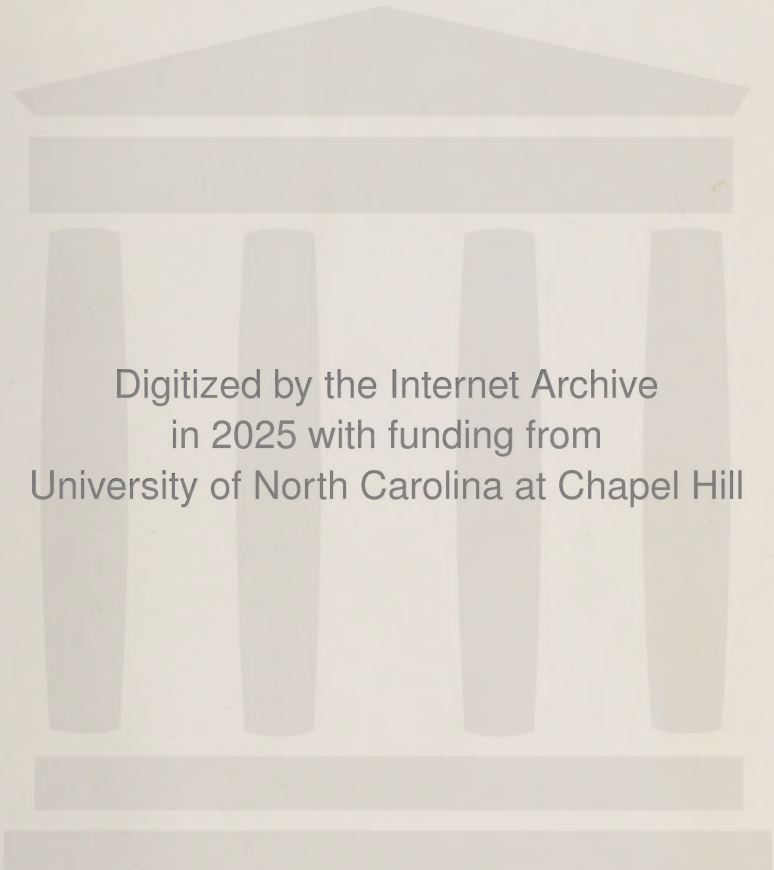
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00022217780

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 2 0 1983	APR 9 '83		

Form No. 513


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/literaturnymuzeu00unse

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ.

Цензурные Матеріалы I-го Отд. (Секціи Государственнаго Архивнаго Фонда.)

Подъ Редакціей
А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана

ПЕТЕРБУРГЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ.

PG 2987
M6 .C4
L5

(Цензурные Матеріалы I-го Отд. I Секціи Государственнаго Архивнаго Фонда.)

I

Подъ Редакціей
А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана

ПЕТЕРБУРГЪ.

6848 130
LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
CHAPEL HILL

2-я Государственная типография. Красная ул., 1.

В состав I отделения IV секции Единого Государственного Архивного Фонда (бывший Архив Министерства Народного Просвещения) входят архивные фонды, касающиеся просвещения и печати. С 1917 г. Архив значительно вырос: в него поступили и поступают делопроизводства целого ряда ликвидированных центральных и местных учреждений.

Среди фондов, хранящихся в Отделении, видное место по своему широкому общественному, литературному и научному значению занимают фонды, касающиеся печати. В разные моменты нашего исторического прошлого цензурой ведало Министерство Народного Просвещения. Временами цензура переходит в Министерство Внутренних Дел, то, как его отдельная составная часть, то как самостоятельное целое. Проглядывая старые описи Архива Министерства Народного Просвещения, исследователь постоянно наталкивается на досадную неполноту [1]). Вполне понятно, что одной из настоятельных и очередных задач I отделения IV секции в настоящее время является стремление возможно полнее и шире впитать в себя все разбросанные во многих еще местах цензурные дела. Такая полнота даст массу удобств исследователям истории русской культуры и истории русской литературы: явится возможность, имея весь архивный материал, широко

[1]) См. Описание дел Архива Министерства Народного Просвещения. Том II. Петроград. 1921, стр. VII и след.

провести и идею надлежащим образом поставленной специальной цензурной библиотеки. В эту библиотеку должны влиться все книги, которых касалась рука цензора: архивное дело, оторванное от цензурованной книги, неполно.

В жизни Архива Министерства Народного Просвещения большое значение будет всегда иметь 1917 г. С марта этого года пошли уже разговоры о ликвидации Главного Управления по делам печати. Управление, действительно, было закрыто: это было одним из первых актов нового порядка и новой власти. В 1917 и 1918 гг. ликвидированы были многие учреждения. Ликвидация учреждений и массовая передача их дел в Государственный Архивный Фонд стали явлением рядовым, обычным. В марте 1917 г. не было еще Государственного Архивного Фонда. Сама ликвидация большого учреждения была новинкой. Около упраздняемого учреждения создается весьма многочисленная и разносоставная Комиссия по ликвидации его. В Комиссии возникала масса планов и предположений (частью очень фантастического характера) о судьбе бумажного наследия, оставленного Главным Управлением по делам печати. Много боевой энергии в это время пришлось напречь Архиву Министерства Народного Просвещения, чтобы доказывать и доказать, что единственное место, куда по существу дела надлежит сдать делопроизводство главного цензурного органа—это Архив Министерства Народного Просвещения, где уже хранятся отдельные цензурные фонды. С большой теплотой поэтому каждый исследователь, работающий теперь в I отделении IV секции над ценным по своей полноте комплексом цензурных дел второй половины XIX века, должен вспомнить тогдашнего министра народного просвещения А. А. Мануйлова, настоятельной поддержкой которого удалось вос-

пользоваться Архиву Министерства Народного Просвещения и таким образом сохранить для поколений ценнейший историко-литературный материал.

В вышедшем ныне II-м томе описания дел Архива Министерства Народного Просвещения исследователь найдет краткую записку о составе цензурных фондов, хранящихся во II-м отделе I отделнния IV секции [1]). Среди этих фондов видное место занимает обширный архивный материал, отразивший в себе делопроизводство бывшего Главного Управления по делам печати. Это ценное историко-литературное архивное наследие служащие Архива дважды (в 1917 и 1918 годах) на собственных плечах переносили из помещения в помещение. Теперь, Цензурный Архив в „устойчивом" помещении, из которого, надо надеяться, не удастся его вытеснить: наше архивное и историческое невежество так еще велики, что приходилось и приходится вымаливать и выпрашивать даже для этого, исключительного по своей ценности архивного материала, помещение; и ему даже угрожала опасность быть выброшенным из занимаемого им помещения.

Силами архивных работников материал приведен в полный порядок, научно инвентаризирован, исследователю широко и гостеприимно открыты двери к его использованию.

Перед самым Цензурным Архивом стоят две задачи: одна — это по возможности в ближайшее время издать научное описание цензурных дел. Первый шаг в этом отношении уже сделан: самые старые фонды научно описаны во II-м томе Описания дел Архива Министерства Народного Просвещения. Другая задача — это систематически публиковать наиболее интересные и ценные в историко-литературном отношении материалы,

---

[1]) Ibid, стр. IX.

хранящиеся во II отделе I отделения IV секции. Задача эта и большая, и настоятельная. Есть целый ряд писателей, публицистов, политических и общественных деятелей, творчество которых было систематически пожираемо цензурным ведомством: произведение или совсем не выходило в свет или выходило в искалеченном до неузнаваемости виде. По архивным же делам в настоящее время возможно реставрировать то, что в свое время не могло увидеть свет или увидело свет не так, как было задумано автором. Надо думать, что идея издать в свое время погибшее в недрах цензурного ведомства, и переиздать то, что было искалечено цензорской рукою, — встретит горячее сочувствие как государства, так и общества. Нельзя, например, не указать на одну неотложнейшую работу: необходимо по архивным первоисточникам переиздать Салтыкова-Щедрина; мы этим методом получим большое количество новых его произведений; многие же из его произведений, всем уже известные, появятся в совершенно новой редакции. Конечно, Салтыков-Щедрин один из многих...

Предлагаемая вниманию исследователя первая книга „Литературного Музеума“ — организованная попытка силами Цензурного Архива пойти навстречу этому заданию. Мысль о Литературном Музеуме возникла в составе II отдела I отделения IV секции. Пушкин, Боратынский, Веневитинов, Гоголь, Тургенев, — составляют содержание I тома „Литературного Музеума“. Книга задумана в 1918 году и отпечатана уже почти целиком в 1919 г. Ряд разнообразных сложных условий современной жизни задержал выход ее в свет.

Состав историко-литературных материалов, помещаемых в книге, разнообразен: здесь и новые тексты, и оффициальные документы, имеющие значение как

по существу, так и в справочно-библиографическом отношении.

Материалы сопровождаются комментариями, помещенными в конце книги.

Основную работу выполнили: С. М. Бонди, В. В. Данилов, М. К. Клеман и Ю. Г. Оксман. Участие в работе принимали: Л. Е. Зубашева, М. С. Платонова, Л. И. Полянская, М. В. Попова, М. Л. Слонимский и Б. М. Энгельгардт. С. А. Переселенков охотно делился с работниками своими богатыми библиографическими познаниями.

Редакторы приносят искреннюю благодарность двум ценным друзьям всех архивных издательских предприятий I отделения IV секции Г. А. Ф.: З. Г. Гринбергу, содействовавшему получению необходимых денежных средств на издание, и П. П. Тарасову, помогавшему наладить само печатание.

Надеемся, встретив сочувствие государства и общества к этому новому типу архивных изданий, с усердием продолжать и дальше это дело.

А. С. Николаев.
Ю. Г. Оксман.

ПУШКИНЪ.

ДОКУМЕНТЫ ДѢЛА О „СОВРЕМЕННИКѢ“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СОВРЕМЕННИКЪ

(неизвѣстный автографъ Пушкина).

Журналъ подъ названіемъ Современникъ выходитъ каждыя три мѣсяца по одному тому.

Въ немъ будутъ помѣщаться стихотворенія всякаго роду, повѣсти, статьи о нравахъ, и тому подобное; (оригинальныя и переводныя) критики замѣчательныхъ книгъ русскихъ и иностранныхъ; наконецъ статьи касающіяся вообще искуствъ и наукъ.

Цѣна за годовое изданіе 25 р. асс. съ пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕПИСКА

о правахъ наслѣдниковъ Пушкина на Современникъ.

1. Письмо вдовы Пушкина Н. Н. Ланской.

2. Записка о «Современникѣ», представленная Плетневымъ въ Цензуру.

3. Письмо Предсѣдателя СПБ. Цензурнаго Комитета М. Н. Мусина-Пушкина.

Pardonnez moi, Monsieur, la liberté que je prends, de m'adresser a vous, pour une affaire qui intèrresse mes enfans. Il s'agit du Современникъ, journal dont feu mon mari Poushkine a été le fondateur. Après sa mort, ses amis, les Princes Wiasemsky et Odoevsky, Messieurs Joukoffsky et Pletneff ont publié ce journal pendant une année au profit de mes enfans—plus tard, la tutelle ayant négligé de maintenir les droits de possession de ce journal, Monsieur Pletneff a obtenu la permission de le publier et vient de le vendre à une societé de littérateurs—J'aurai desiré, Monsieur, connoître votre avis, sur la discussion qui vient de s'élever entre la Tutelle qui réclame les droits, qu'elle croit appartenir à mes enfans, et Monsieur Pletneff qui défend les siens. Mon mari Lanskoy qui vient nouvellement d'etre nommé tuteur, se trouvant obligé de veiller aux intérêts des enfans veut faire toutes les tentatives légales pour rentrer en possession de ce journal; et moi de mon côté, je vous supplie de vouloir bien prendre cette affaire en grâcieuse considération, et nous aider de vos conseils, si vous trouvez que notre réclamation soit juste, et puisse être autorisée par l'exemples de plusieurs autres journaux qui ont été maintenus dans les familles de leurs fondateurs—Agréez, je vous en prie, Monsieur, l'assurance de la haute considération

de votre toute devouée

Natalie Lanskoy.

22 Octobre. 1846.—

Записка о «Современникѣ».

Въ 1836 году А. С. Пушкинъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, чтобы ему въ томъ году дозволено было издать въ свѣтъ четыре тома статей чисто-литературныхъ, историческихъ, ученыхъ и критическихъ разборовъ Русской и иностранной Словесности. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ своимъ Предсѣдателю Здѣшняго Цензурнаго Комитета, отъ 16 Января 1836 года за № 16, далъ знать, что Е. И. В. на эту просьбу А. С. Пушкина изволилъ изъявить Высочайшее Свое соизволеніе. Въ этомъ предложеніи именно повторено, что дается право издать четыре тома статей въ теченіе одного 1836 года.

Ни въ концѣ 1836 года, ни въ началѣ 1837 А. С. Пушкинъ не возобновилъ просьбы объ исходатайствованіи ему дозволенія издать еще четыре тома статей въ теченіе 1837 года. Смерть его послѣдовала въ концѣ Генваря 1837 года. Опека не могла считать Современникъ, уже не существовавшій съ 1 января, какъ бы наслѣдственною собственностію дѣтей А. С. Пушкина.

Въ Февралѣ 1837 года, В. А. Жуковскій, Князь П. А. Вяземскій, Профессоръ Плетневъ и Кн. В. Ѳ. Одоевскій обратились къ Е. И. В. съ просьбою, чтобы имъ въ теченіе того года разрѣшено было издать еще четыре тома Современника въ

пользу семейства А. С. Пушкина. Г. Министръ Н. П., предложеніемъ своимъ отъ 6 Февраля 1837 года за № 46, опять далъ знать Предсѣдателю Здѣшняго Цензурнаго Комитета, что Е. И. В. соизволяетъ на эту просьбу. Въ предложеніи этомъ снова было положительно сказано, что дозволено издать въ томъ только году четыре тома Современника.

И такъ, по истеченіи 1837 года, Современникъ не существовалъ ни какъ журналъ, ни какъ сборникъ. Никто о немъ не думалъ. Для продолженія его не было ни разрѣшенія Государя Императора, ни редактора.

Тогда Е. И. В. Великая Княжна Марія Николаевна изволила ходатайствовать у Государя Императора, чтобы Высочайше разрѣшено было обратить изданіе Современника въ постоянный журналъ, предоставивъ его редактору въ собственность. Ея Высочеству угодно было представить въ редакторы—Профессора Плетнева, отъ котораго Великая Княжна благоволила принять предварительно согласіе. Г. Министръ Н. П., 19 Ноября 1837 года за № 377, далъ знать предложеніемъ своимъ Предсѣдателю Здѣшняго Цензурнаго Комитета, что Е. И. В., на основаніи заключенія Главнаго Управленія Цензуры, въ 14 день Ноября 1837 года Высочайше соизволилъ предоставить право редактора Современника Профессору Плетневу.

Всѣ приведенныя здѣсь оффиціальныя бумаги въ подлинникахъ хранятся въ С.П.бургскомъ Цензурномъ Комитетѣ.

á Md. Lanskoi, ci devant Pouschkine née Goncharoff.

24 Oct. 1846,

Отв. на записку
отъ 22 Окт.

Madame

En reponse au billet du 22 Oct: que Vous avez bien voulu m'adresser, j'ai l'honneur de Vous informer, que d'après le dossier de l'affaire du Современникъ, que je viens de parcourir moi-même, Mr. feu Vôtre époux a reçu la permission de publier ce journal pour un an seulement, qu'après sa mort la permission a été continué encore pour un an, à Mrs. Viasemsky, Joukoffsky, Odoevsky et Pletneff, et qu'enfin en Novembe 1837 la proprieté du Journal a été doné par ordre suprême de Sa Majésté L'Empereur à Mr. Pletneff. D'après ceci Vous Vous convainquerez facilement, Madame, que les droits de Mr. Pletneff à la proprieté du Journal sont incontestables. Cette proprieté reste constament la sienne, quoique' il ait presentement cedé, pour un tems indeterminé la redaction et la publication du Journal au pr. Nikitenko.

Je saisis avec empressement cette occasion pour Vous prier de vouloir bien agrèer l'assurance des sentimens de ma haute considération et de mon estime très distinguée avec lesquelles j'ai l'honneur de me nommer

Madame

Votre tout devoué serviteur.

„СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВГЕНІЯ БАРАТЫНСКАГО“ ВЪ ЦЕНЗУРѢ.

Выписка изъ журнала засѣданій
СПБ. Цензурнаго Комитета
14 марта 1833 г.

Въ засѣданіи Комитета 14-го Марта 1833 г. слушали: Представленныя на разрѣшеніе Комитета Г. Ценсоромъ Статскимъ Совѣтникомъ Бутырскимъ нѣкоторыя мѣста изъ стихотвореній Евгенія Баратынскаго, находившихся у него на разсмотрѣніи:

1) Изъ описанія бури слѣдующіе стихи:

«Не тотъ-ли злобный духъ, геенны властелинъ,
Что по вселенной розлилъ горе?
Что человѣка подчинилъ
Желаньямъ, немощи, страстямъ и разрушенью,
И на творенье ополчилъ
Всѣ силы данныя творенью?
Земля трепещетъ передъ нимъ:
Онъ небо заслонилъ огромными крылами
И двигаетъ ревущими водами
Бунтующимъ могуществомъ своимъ».

Комитетъ призналъ стихи сіи подлежащими запрѣщенію.

2) Стихотвореніе, подъ заглавіемъ: Дельвигу, начинающееся стихами:

«Такъ любезный мой Горацій,
Такъ, хоть радъ, хотя нерадъ,
Но теперь я музъ и грацій
Промѣнялъ на вахтпарадъ;»

и до слѣдующихъ стиховъ:

«О судьбы переворотъ!
Твой поэтъ летитъ геройски
Вмѣсто Пинда на разводъ».

Комитетъ призналъ сіе мѣсто подлежащимъ запрещенію.

3) Изъ XII стихотворенія:

«Безумецъ! не она-ль, не вышняя ли воля
Даруетъ страсти намъ? и не ея ли гласъ
Въ ихъ гласѣ слышимъ мы?»

Комитетъ положилъ изключить послѣднюю мысль, то есть:

«и не ея ли гласъ въ ихъ гласѣ слышимъ мы?»

4) Мѣсто, начинающееся стихами:

«Взгляни! ты видишь ли: покинувъ ложе сна,
Передъ окномъ, полу-одѣта,
Томленья страстнаго въ душѣ своей полна,
Счастливца ждетъ моя Лилета?»

и оканчивающееся:

«И Лила спитъ еще: любовію горятъ
Младыя свѣжія ланиты,
И мнится поцѣлуй сквозь тонкой сонъ манятъ
Ея уста полу-открыты.»

Комитетъ призналъ сіе мѣсто позволительнымъ и допустилъ къ напечатанію.

5) XXV-ое стихотвореніе

Комитетъ призналъ оное позволительнымъ, предоставивъ Г. Цензору въ стихѣ: «И сладострастныхъ осязаній» вмѣсто слова о с я з а н і й поставить: л о б ы з а н і й.

6) Изъ XL-го стихотворенія:

«И вотъ нетлѣнными лучами
Ликъ пѣснопѣвца окруженъ
И чтимъ земными племенами
Подобно мученику онъ.»

Комитетъ допустилъ къ напечатанію.

7) Окончаніе XLIV стихотворенія:

«Чего еще душою хочешъ?
Какъ Магдалина плачешъ ты
И какъ русалка ты хохочешъ.

Комитетъ признавъ сравненіе развратной женщины съ святою Магдалиною вовсе не приличнымъ, запретилъ стихи сіи къ напечатанію.

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Неизвѣстная редакція „Новгорода“.

Текстъ, запрещенный цензурой
7 февраля 1828 г.

НОВГОРОДЪ.

Валяй, ямщикъ, да говори,
Далеколь Нòвградъ?
— Недалеко,
Версты четыре или три.
Вонъ видишь, что-то тамъ высоко,
Какъ черный лѣсъ издалека.—

Ну вижу; это облака.
— Нѣтъ! это Новградскія кровли.

Тыль предо мной, о древній градъ!
Отчизна славы и торговли!
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разбросанныхъ обломковъ!
Не смолкли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ.

— Ну тройка! духомъ донесла.

Потише. Гдѣ соборъ Софійской?
— Соборъ отсюда, баринъ, близко.
Вотъ улица, да влѣво двѣ,
А тамъ найдешь ужь самъ собою,
И крестъ на голубой главѣ
Ужь будетъ прямо предъ тобою.—

Вездѣ былаго свѣжій слѣдъ!
Вѣка прошли... но ихъ полетъ
Промчался здѣсь, не разрушая.
Ямщикъ! гдѣ площадь вѣчевая?
— Прозванья этого здѣсь нѣтъ.—
Какъ нѣтъ?
— А, площадь? недалеко:
За этой улицей широкой.
Вотъ площадь. Видишь шесть столбовъ?
По сказкамъ нашихъ стариковъ
На сихъ столбахъ висѣлъ когда-то
Огромный колоколъ, но онъ
Давно отсюда увезенъ.—

Молчи, мой другъ; здѣсь мѣсто свято,
Здѣсь воздухъ чище и вольнѣй!
Потише!... Нѣтъ, ступай скорѣй:
Чего ищу я здѣсь безумной?
Гдѣ Волховъ?
— Вотъ передъ тобой
Течетъ подъ этою горой.—

Все также онъ волною шумной,
Играя, весело бѣжитъ!...
Онъ о минувшемъ не груститъ.
Такъ все здѣсь близко, какъ и прежде...
Теперь ты самъ отвѣтствуй мнѣ,
О Новградъ! Въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной какъ въ сѣдинѣ,
Безсмертныхъ витязей ровесникъ.
Твой прахъ гласитъ, какъ бдящій вѣстникъ,
О непробудной старинѣ.
Отвѣтствуй, городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы,

Когда твой голосъ, бичь враговъ,
Звуча здѣсь мѣдью въ бурномъ вѣчѣ,
Къ суду или кровавой сѣчѣ,
Какъ гласъ отца, сзывалъ сыновъ?
Когда твой мечь, гроза сосѣда,
Каралъ и рыцарей и Шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, гдѣ эти времена?

Онѣ далеко, ахъ далеко!

ГОГОЛЬ.

КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТЪ.

Глава изъ романа.

Кровавый Бандуристъ.

Глава изъ романа.

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лукомья была смущена отрядомъ рейстровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго прежде одно появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительства, ѣхалъ съ какою то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо—и онъ бы вѣрно блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому, что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но увидя угрожающій кулакъ, или саблю одного изъ

провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои щедушные домики, закутываясь покрѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрогивая отъ свѣжести ночнаго воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ, совершенно противуположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмѣлемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура Византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣвшими старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный карнизъ, покрытый небольшими своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями, или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣ-

чіяхъ посыпалась изъ подѣ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда: «Терем-те-те, поповство проклятое! А то я знаю, чѣмъ васъ разбудить!» Раздался пистолетный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрипомъ отворились,—и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные съ крестами въ рукахъ.

— Изыдите, нечистые! кромѣшники! произнесъ едва слышнымъ дрожащимъ голосомъ настоятель. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, изыди, діаволе!

— Але то еще и брешетъ, поганый собака! прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени: изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ. То брешешь Лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы; а то мы не дьяволы, мы коронные.

— Что вы за люди? Я не знаю васъ! Зачѣмъ вы пришли смущать православную церковь? произнесъ настоятель.

— Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Дай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ!

— На что вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?

— Я, глупой попъ, не буду съ тобою говорить! Але ты хочешь, басамаженята, поговори зъ моимъ конемъ: нехъ тебѣ отвѣчаетъ изъ подъ.....

— Принеси имъ антихристамъ ключи, братъ Касьянъ! простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху. Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! Ни одной бочки, ни боченка, и ничего такого, что бы вамъ было нужно.

— А то мнѣ какое дѣло! Ребята хочутъ пить. Я тебѣ говорю, же ты, глупой попъ, сѣна, стойла и пшеницы

не дашь лошадямъ, то я въ костелъ вашъ поставлю ихъ и тебя сапогомъ до морды.

Настоятель, не говоря ни слова, возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые казалось давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали ни какой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами Іезуита. Отворотившись отъ него, онъ остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

— За что вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ Трехипостасною силою своею! Вѣрно опять какой нибудь мученикъ за вѣру Христову!

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно-горѣвшей свѣтильни, вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лице ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Одни только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ; что жизнь и смерть—трынъ-трава; что величайшее наслажденіе—табакъ и водка; что рай тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. Это было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй. Родомъ Сербъ, буйно изкоренившій изъ себя все человѣческое въ Венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку По-

лякъ, по жадности къ золоту жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно, когда неровный земляной полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и замковъ, зная, какъ непрочно ихъ существованіе. Наконецъ показалась деревянная, заростая мхомъ, зацвѣтшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Предъ ней остановился онъ и оглядѣлъ ее значительно снизу до верху.—А ну! сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ. Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отвалили бревна. Дверь отворилась. Боже! какое обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде, нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими городами, подъ всѣмъ веселящимся, живущимъ міромъ. Но если эта дышущая смертію внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба остановилась неподвижно, выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехъ угольная, безъ всякаго другаго выхода, пещера. Цѣлыя лоскутья паутины висѣли толстыми кло-

ками съ землянаго свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводовъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь была бы здѣсь красавицею.

— А чемъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая! проревѣлъ предводитель. Терем-те-те! Лысый бѣсъ начхай тебѣ въ кашу! Але тебѣ, псяюхѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковалки, а подъ голову подмости ту жабу, али возми ее за женку на ночь!

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно, беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ втолкнутъ на средину и слышалъ только, какъ заскрыпѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна, свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, а стукъ бревенъ, завалившихъ входъ его, казался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ».

Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, и вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго. Видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто, и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живаго. Онъ всѣми чувствами

вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ. Ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи,—послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣта, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, или волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопъ часть крылышка или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна,—котораго, увы! не было въ его темницѣ,—проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ черной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать опредѣлительность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему—то склизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!..... онъ вскрикнулъ..... и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ въ весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между-тѣмъ, отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни, и пировалъ отъ радости, что наконецъ схватилъ того, кто имъ былъ нуженъ!

— Попал ся, псяюха! говорилъ усастый предводитель. Хотѣлъ бы я знать, чего онѣ такъ быстры на ноги,

собачьи дѣти? Пойдемъ, хлопцы, довѣдаемся, кто съ нимъ былъ, лысый бѣсъ начхай ему въ кашу!

Жолнеры опустились внизъ, и нашли плѣнника лежащаго безъ чувствъ.

— Дай ему понюхать чего нибудь!

Одинъ изъ нихъ немедленно насыпалъ ему на руку пороху, къ которой прислонилась его голова, и зажегъ его. Плѣнникъ чихнулъ, и поднялъ голову, будто послѣ безпокойнаго сна.

— Толкните его дубиной! расказывай, Терем-те-те, бабій сынъ! Але кто съ тобою разбойничалъ? Двѣнадцать дьябловъ твоей маткѣ! Гдѣ твои ребята?

Плѣнникъ молчалъ.

— А то я тебя спрашиваю, псяюха! Скиньте съ него наличникъ! Сорвите съ него епанчу! А то лайдакъ! Але то я знаю добре твою морду: зачѣмъ ее прячешь?

Жолнеры принялись, разорвали верхнюю эпанчу тонкаго чернаго сукна, которою закрывался плѣнникъ, сорвали наличникъ... и глазамъ ихъ мелькнули двѣ черныя косы, упавшія съ головы на грудь, очаровательная бѣлизна лица, блѣднаго какъ мраморъ, бархатъ бровей, обмершія губы и дѣвственныя обнаженныя груди, стыдливо задрожавшія, лишенныя покрова.

Начальникъ отряда коронныхъ войскъ окаменѣлъ отъ изумленія; команда тоже.

— Але то баба? наконецъ обратился онъ къ нимъ съ такимъ вопросомъ.

— Баба! отвѣчали нѣкоторые.

— А то какъ могла быть баба? Мы козака ловили.

Предстоящіе пожали плечами.

— На цугундру бабу! Какъ ты,—глупая баба—Дьяволъ бы тебя!...—Але какъ ты смѣла?... расказывай, гдѣ тотъ псяюха, гдѣ Острженица?

Полуживая не отвѣчала ни слова.

— То тебя заставятъ говорить, лысый бѣсъ начхай тебѣ въ кашу! кричалъ въ ярости воевода. Ломайте ей руки!

И два жолнера схватили ее за обнаженныя руки, бѣлизною равнявшіяся пыли волнъ. Раздирающій душу крикъ раздался изъ устъ ея, когда они стиснули ихъ жилистыми руками своими.

— Что? скажешь теперь, бѣсова баба?

— Скажу! простонала жертва.

— Оставь ее! Расказывай, гдѣ тотъ бабій сынъ, сто дьябловъ его маткѣ!

— Боже! проговорила она тихо, сложивъ свои руки: какъ мало силъ у женщины! Отъ чего я не могу стерпѣть боли!

— То мнѣ того не нужно! Мнѣ нужно знать, гдѣ онъ?

Губы несчастной пошевелились и казалось готовы были что-то вымолвить, какъ вдругъ это напряженіе ихъ было прервано неизъяснимо страннымъ произшествіемъ: изъ глубины пещеры послышались довольно внятно умоляющія слова; «Неговори Ганулечка! Неговори Галюночка!» Голосъ произнесшій эти слова несмотря на тихость былъ невыразимо пронзителенъ и дикъ. Онъ казался чемъ-то среднимъ между голосомъ старика и ребенка. Въ немъ было какое-то, можно сказать, не человѣческое выраженіе; слышавшіе чувствовали какъ волосы шевелились на головахъ и холодъ трепетно бѣгалъ по жиламъ; какъ будто бы это былъ тотъ ужасный чорный голосъ который слышитъ человѣкъ передъ смертью.

Допросчикъ содрогнулся, и положилъ невольно на себя крестъ, потому, что онъ всегда считалъ себя католикомъ. Минуту спустя уже ему показалось, что это

только почудилось. Жолнеры обшарили углы, но ничего не нашли, кромѣ жабъ и ящерицъ.

— Говори! проговорилъ снова неумолимый допросчикъ, однако жъ не присовокупивъ на этотъ разъ ни какой брани.

Она молчала.

— А ну, принимайтесь! При этомъ густая бровь Воеводы мигнула предстоящимъ.

Исполнители схватили ее за руки.

И тѣ снѣжныя руки, за которыя бы сотни рыцарей переломали копья, тѣ прекрасныя руки, поцѣлуй въ которыя уже дарить столько блаженства человѣку, эти бѣлыя руки должны были вытерпѣть адскія мученія! Не многіе глаза выдержали бы то ужасное зрѣлище, когда одинъ изъ нихъ съ варварскимъ звѣрствомъ свернулъ ей два пальца, какъ перчатку. Звукъ хрустѣвшихъ костей былъ тихъ, но его, казалось, слышали самыя стѣны темницы. Сердцу, съ несовсѣмъ оглохлыми чувствами, не достало бы силъ выслушать этотъ звукъ. Страшно внимать хрипѣнію убиваемаго человѣка; но если въ немъ повержена сила, оно можетъ вынести и не тронуться его страданіями. Когда же врывается въ слухъ стонъ существа слабаго, которое ничто предъ нашею силою, тогда нѣтъ сердца, котораго бы даже сквозь самую ярость мести неужалила ядовитая змѣя жалости.

Плѣнница ни звука не издала. Лице ея только означилось мгновеннымъ судорожнымъ движеніемъ муки и губы задрожали.

— Говори, я тебя!.. поганая лайдачка!... произнесъ воевода, которому муки слабаго доставляли какое-то сладострастное наслажденіе, которое онъ могъ только сравнить съ дорого доставшеюся рюмкою водки.

Но только что онъ произнесъ эти слова, какъ снова

тотъ же нестерпимый голосъ также явственно раздался и также невыносимо жалобно произнесъ: «Неговори Ганулечка!»

На этотъ разъ страхъ запалъ глубже въ душу начальника.

Всѣ обратились въ ту сторону, откуда послышался этотъ странный голосъ—и что же?....

Ужасъ оковалъ ихъ. Никогда не могъ предстать человѣку страшнѣйшій фантомъ!.... Это былъ.... ничто не могло быть ужаснѣе и отвратительнѣе этого зрѣлища! Это былъ.... у кого не потрялись бы всѣ фибры, весь составъ человѣка! Это былъ.... ужасно!—это былъ человѣкъ.... но безъ кожи. Кожа была съ него содрана. Весь онъ былъ закипѣвшій кровью. Однѣ жилы синѣли и простирались по немъ вѣтвями!.... Кровь капала съ него!... Бандура на кожаной ржавой перевязи висѣла на его плечѣ. На кровавомъ лицѣ страшно мелькали глаза...

Невозможно было описать ужаса присутствовавшихъ. Все обратилось, казалось, въ неподвижный мраморъ со всѣми знаками испуга на лицахъ. Но, къ удивленію это появленіе отнявши силу у сильныхъ возвратило ее слабому. Собравши всю себя, всю душевную крѣпость, молодая узница тихо поползла къ дверямъ и вступила въ земляной коррндоръ, котораго гнилой воздухъ показался ей райскимъ въ сравненіи съ ея темницей...

Гоголь.

1832 годъ

ОФИЦІАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

О

„Мертвыхъ душахъ“

I. Письмо гр. Строганова къ С. С. Уварову.

II. Отвѣтъ С. С. Уварова.

№ 3861.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. въ Москвѣ.

Милостивый Государь Сергій Семеновичъ.

16 іюня 1842. № 1985.

На дняхъ, прочитывая новую поэму Гоголя: Похожденія Чичикова или мертвыя души, я останавливался на многихъ мѣстахъ, которыя, несмотря на свою занимательность и юморъ, не могли, какъ я думаю, быть дозволены къ напечатанію безъ особеннаго высшаго разрѣшенія и съ какою либо особенною цѣлію.

Ценсурныя постановленія вообще неопредѣленны. Были случаи, что Ценсура, при одобреніи нѣкоторыхъ сочиненій къ напечатаніи или при неодобреніи, руководствовалась доселѣ особенными указаніями Правительства и изъ нихъ составляла для себя частныя правила. Теперь, новое произведеніе Гоголя обратило на себя всеобщее вниманіе и конечно будетъ подвергнуто разнымъ толкованіямъ и критикѣ. Въ семъ случаѣ Ценсура будетъ поставлена въ затрудненіе, потому, что не имѣетъ указанія, при

Его Выс-пре-ву, С. С. Уварову.

какихъ обстоятельствахъ дозволено напечатаніе означенной поэмы.

Вслѣдствіе сего и для огражденія Членовъ Московскаго Ценсурнаго Комитета, покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство снабдить меня наставленіемъ, какими условіями должно руководствоваться, вслучаѣ представленія рецензій и критикъ на поэму Гоголя, для напечатанія въ повременныхъ изданіяхъ и журналахъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйшимъ слугою

гр. Строгановъ.

М. Н. П.

Канцелярія.

18-го Іюля 1842.

№ 797.

Господину Попечителю Московскаго учебнаго округа.

Предполагая, что книга Г. Гоголя: «Похожденія Чичикова—или Мертвыя души», дозволена къ напечатанію по особому высшему разрѣшенію и съ какою-либо особенно цѣлію, Ваше Сіятельство испрашиваете, какими условіями должно руководствоваться въ случаѣ представленія рецензій и критикъ на это сочиненіе.

На сіе считаю нужнымъ увѣдомить, что книга Похожденія Чичикова разсмотрѣна и одобрена Цензурою на общихъ основаніяхъ, и при разсмотрѣніи критикъ на это сочиненіе надлежитъ руководствоваться общими цензурными постановленіями.

Министръ Народнаго Просвѣщенія

Уваровъ.

ЦЕНЗУРНОЕ РАЗСМОТРѢНІЕ

перваго полнаго собранія сочиненій

ГОГОЛЯ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

Отдѣленіе I

Столъ I.

въ Санктпетербургѣ.

——

4 Января 1843 г.

№ 5.

——

Отъ Исправляющаго должность Попечителя Санктпетербургскаго Учебнаго Округа.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Цензоръ Экстра-Ординарный Профессоръ Никитенко въ засѣданіяхъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета—Октября 6, 13, Ноября 17 и Декабря 1-го, донося о поступившемъ къ нему на разсмотрѣніе полномъ собраніи сочиненій Гоголя, испрашивалъ разрѣшенія Комитета относительно нѣкоторыхъ изъ сихъ сочиненій, нигдѣ еще не напечатанныхъ, при чемъ привелъ многія изъ нихъ мѣста, требовавшія, по его мнѣнію, совокупнаго разсужденія всѣхъ Цензоровъ.

Сочиненія и мѣста сіи суть слѣдующія:

1-е. Шинель повѣсть, въ которой представленъ бѣдный и жалкій чиновникъ, служащій въ какомъ-то Департаментѣ, крайне съ ограниченными способностями и потому осужденный на вѣчную переписку канцелярскихъ бумагъ. Характеръ этого чиновника возбуждаетъ участіе читателя своимъ простодушіемъ, безропотною покорностію своему жребію и

тою незавидною ролею, какую судьба назначила ему играть въ общественномъ и нравственномъ порядкѣ вещей. «Не презирайте братій своихъ, какъ бы они слабы и малы ни были по своимъ душевнымъ силамъ и значенію въ свѣтѣ».—Вотъ нравственная идея, коею проникнуто все сочиненіе. Положенія, въ кои авторъ вводитъ своего героя, иногда комическія, иногда возбуждающія состраданіе. У бѣднаго чиновника все почти имущество состоитъ въ платьѣ, которое онъ носитъ. Къ ужасу своему, онъ однажды замѣтилъ, что шинель его, необходимѣйшая часть его одежды для посѣщенія Департамента, дѣлается совершенно негодною къ употребленію. Въ сердцѣ его поселилась страшная забота, какъ добыть новую шинель. Долго мучился онъ, отказалъ себѣ въ половинѣ обычной пищи, уменьшивъ другія изъ своихъ малыхъ издержекъ и достигъ наконецъ того, что Русской портной, характеръ коего превосходно очерченъ въ повѣсти, сшилъ ему новую шинель. Акакій Акакіевичъ (имя героя повѣсти) блаженствовалъ въ новой шинели, которая исполнила всѣ надежды и замѣнила ему всѣ радости жизни. Но блаженство это недолго продолжалось. Однажды онъ возвращался домой поздно ночью, на него напали воры и отняли шинель. Акакій Акакіевичъ едва не лишился послѣдней капли удѣленнаго ему природою разсудка. Однако жъ онъ рѣшается дѣйствовать, отыскивать свое сокровище. Частный Приставъ, къ которому онъ обратился, принимаетъ его очень сухо; онъ рѣшается прибѣгнуть къ покровительству одного значительнаго лица, что бы походатайствовало за него у Оберъ Полицмейстера. Значительное лице встрѣчаетъ его бранью и бѣдный чиновникъ съ отчаянія умираетъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто умершій чиновникъ бродитъ по ночамъ у какого то моста и въ отмщеніе за свою трату, снимаетъ шинели

съ проходящихъ. Разумѣется этотъ слухъ былъ распущенъ ворами, которые распоряжались тутъ отъ имени мертвеца.

Мѣста изъ повѣсти, представленныя на особенное вниманіе Цензурнаго Комитета:

1) «Если бы соразмѣрно рвенію Акакія Акакіевича, давали ему награды, онъ бы къ изумленію своему, можетъ быть даже попалъ въ Статскіе Совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки его жъ товарищи, пряжку въ петлицу, да нажилъ геморой въ поясницу».

2) «Въ одномъ обществѣ (по причинѣ недостатка матеріаловъ для разговора) пересказывали вѣчный анекдотъ о Комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента».

3) «При встрѣчѣ съ нею Гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой то особый голосъ».

4) «Кухарка совѣтывала Акакію Акакіевичу идти (съ жалобою о пропавшей шинели) прямо къ Частному, что Квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить».

5) «Чиновники рѣшились собрать на шинель Акакію Акакіевичу по подпискѣ сумму, но собрали самую бездѣлицу, потому, что они и безъ того уже много истратились подписываясь на Директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію Начальника Отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю».

6) «Хотъ и можетъ случиться, что Квартальный, желая заслужить одобреніе Начальства, отыщетъ какимъ нибудь средствомъ шинель (отнятую ворами у Акакія Акакіевича), но шинель все таки останется въ Полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему».

7) «Значительное лице, человѣкъ женатый, у котораго есть взрослые сынъ и дочь, ѣздитъ къ какой то любовницѣ Каролинѣ Ивановнѣ».

8) «Привидѣніе, т. е. воръ, грабившій по ночамъ у прохожихъ шинели у Калинкина моста, носило преогромные усы» и проч.

II. Женитьба. Комедія, нѣчто въ родѣ очерка нравовъ изъ низшаго чиновническаго и мѣщанскаго быта въ Петербургѣ, гдѣ комическія стороны людей представлены въ юмористическихъ каррикатурахъ, безъ всякой впрочемъ неблагонамѣренной цѣли, съ намѣреніемъ больше позабавить читателей и зрителей возможностію нелѣпыхъ понятій и поступковъ среди людей извѣстнаго круга, чѣмъ изобразить дѣйствительные предметы и лица.

Цензоръ Никитенко обратилъ особенное вниманіе Комитета на слѣдующія мѣста Комедіи:

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ пьесы говоритъ: «плевать на того, кто стыдится быть купцомъ; да не выдамъ же дочь за Полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына не отдамъ на службу. Развѣ купецъ не служитъ Государю какъ и всякой другой».

2) Жевакинъ Морской Офицеръ говоритъ: «у насъ вся эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярышкинъ, Перепрѣевъ Лейтенантъ. А одинъ Мичманъ и даже хорошій Мичманъ былъ по фамиліи просто Дырка. И Капитанъ бывало говоритъ: ты, Дырка, поди сюда. И бывало всегда надъ нимъ подшутишь: ахъ, ты Дырка, эдакой, говоришь».

3) «Одинъ чиновникъ грубый и хвастунъ, говоритъ: «Директоръ такъ только для вида поставленъ, и всѣ дѣла дѣлаетъ онъ. (Подколесинъ пріятель говорящаго).

4) Мнѣ плевали, говоритъ Кочкаревъ, человѣкъ буй-

наго характера, мнѣ плевали нѣсколько разъ, ей Богу. Еще не такъ давно мой Начальникъ,—я до тѣхъ поръ надоѣлъ ему о прибавкѣ жалованья, пока наконецъ онъ не вынесъ, плюнулъ въ самыя глаза: «вотъ тебѣ, говоритъ, твоя прибавка, отвяжись сатана. А жалованья однако жъ все таки прибавилъ».

III. Утро дѣловаго человѣка. Юмористическая и сатирическая картина нравовъ, гдѣ выставленъ Лицемѣръ чиновникъ, увѣряющій всѣхъ, что онъ заваленъ дѣлами по службѣ, между тѣмъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и проводитъ большую часть своего времени за вистомъ съ пріятелями».

Отдѣльныя мѣста пьесы:

1) «Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «Не терплю я людей такого рода; ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой сякой, и то надѣлалъ и это поправилъ. Вишь чего захотѣлъ— Ордена! и вѣдь получитъ, получитъ мошенникъ, получитъ—такіе люди всегда успѣваютъ».

2) Дѣйствующее лице, Пролетовъ говоритъ: «Павелъ Петровичъ произведенъ. А? Каково! взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну».

3) «У насъ въ полку былъ Поручикъ, вотъ какъ двѣ капли воды похожъ на васъ (говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ другому), пьяница страшнѣйшій! дня непроходило, что бы у него рожа не была разбита».

IV. Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія Комедіи. Содержаніе этой пьесы слѣдующее: Авторъ сыгранной на театрѣ комедіи, въ которой современные нравы нѣкоторыхъ сословій представлены весьма съ невыгодной стороны, выходитъ по окончаніи спектакля въ театральный коридоръ и, никому неизвѣстный, прислушивается тамъ къ сужденіямъ зрителей о его пьесѣ. Мимо его проходятъ лица разныхъ

сословій, чиновъ, возрастовъ; всѣ говорятъ о новой комедіи, иные хвалятъ ее, но большая часть зрителей бранитъ автора за то, что онъ такъ рѣзко обрисовалъ разные пороки общества и злоупотребленія общественныхъ должностей. Многіе изъ посѣтителей театра, не принимая всего этого прямо на свой счетъ, видятъ однакожъ въ изображеніяхъ автора оскорбленіе своихъ сословій, званія, народа и самаго Правительства. Другіе лица, представители идей автора, возражаютъ на это и стараются доказать, что сатирическое обличеніе порочныхъ и дурныхъ людей, неизбѣжныхъ во всякомъ сословіи, ни мало не относится къ самымъ сословіямъ, что оно не только не противно нравственности и общественному благу, но напротивъ содѣйствуетъ имъ стараясь освободить общество отъ плутовъ и негодяевъ и что чѣмъ ярче и разительнѣе выставлены пороки, тѣмъ большее произведутъ они отвращеніе.

Отдѣльные мѣста сей статьи, поставленные на видъ Цензурному Комитету:

1) Одинъ Офицеръ, говоря о другомъ, спрашиваетъ, «что глупъ? На это отвѣчаетъ ему одно изъ дѣйствующихъ лицъ: «нѣтъ не то, что бы, у него есть умъ, но сей-часъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего».

2) «Наши комики не могутъ ни какъ обойтись безъ того, что бы не вмѣшивать Начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія».—На это отвѣчаетъ другое лицо: «Это правда. А впрочемъ съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ Правительству, всѣ почти служимъ, интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ Правительствомъ. Стало быть не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей». Такъ ну и пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то, что пьеса ни какъ не

можетъ кончиться безъ того, что бъ не вмѣшать Начальства. Оно непремѣнно явится точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ». — Ну видите: стало быть это уже что то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть это составляетъ какой то отличительный характеръ нашей комедіи; въ груди нашей заключается какая то тайная вѣра въ Правительство. Чтожъ? Тутъ нѣтъ ничего дурнаго: дай Богъ чтобъ Правительство вездѣ и всегда слышало призваніе свое: быть представителемъ Провидѣнія на земли, что бы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленіе.

3) Сужденія одного изъ бывшихъ въ театрѣ о новой комедіи. Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ, это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что. Это значитъ выставить въ дурномъ видѣ самыя Начальства. Просто даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій (*уходитъ*).

4) Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А что скажетъ народъ, когда увидитъ что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія».

Господинъ А.

Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ, и что скажетъ народъ нашъ глядя на все это.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (*постараниваетсяся, проходятъ двое въ армякахъ*).

Синій армякъ сѣрому.

Не бось прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли когда пришла Царская расправа! (*Оба выходятъ вонъ*).

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Вотъ что скажетъ народъ, вы слышали.

Господинъ А.

Что?

Очень скромно одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: не бось прыткіе были воеводы, а всѣ побледнѣли когда пришла Царская расправа. Слышите ли какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ: Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, и черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка. Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ Правительство. Да, для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдѣлитъ Правительство отъ дурныхъ исполнителей Правительства. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ Правительства, а отъ непонимающихъ требованій Правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать Правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно Правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око! Что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка, что поблѣднѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недрѣмлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится тоже замѣчаніе: народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ Начальникахъ. То есть они воображаютъ что народъ только здѣсь въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ Начальниковъ. Что если дома какой нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ этого

онъ ни какъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они право народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ теперь мнѣ кажется даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться что это можетъ быть.

Господинъ П.

5) Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь напримѣръ выведутъ какого нибудь Титулярнаго Совѣтника, и потомъ..... э..... пожалуй выведутъ..... и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

Господинъ Б.

Ну такъ что жъ? личность только должна быть неприкосновенна, и если я выдумалъ собственное лице и придалъ ему кое какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ не таковъ какъ слѣдуетъ. Что жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между Дѣйствительными Статскими Совѣтниками.

Штатскій.

6) Вѣдь вотъ вы какіе господа военные! Вы говорите: это нужно выводить на сцену, вы готовы вдо-

воль посмѣяться надъ какимъ нибудь штатскимъ чиновникомъ. А затронь какъ нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ то полку офицеръ, не говоря уже о порочныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурнаго тона съ неприличными ухватками, да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самой Государственный Совѣтъ.

Военный.

Ну послушайте: за кого же вы меня считаете. Конечно есть между нами такіе донкишоты, но вѣрьте также что есть много истинно разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

Вторая Дама.

7) За чѣмъ Вамъ знать? Да не онъ одинъ, я слышала безпрестанно какъ около насъ кричали: это отвратительная насмѣшка надъ Россіею, насмѣшка надъ Правительствомъ! Да, какъ это позволить, да что скажетъ народъ. А отъ чего они кричали? Отъ того ли что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Отъ того, что бы произвесть шумъ, что бъ запретили піесу, потому что въ ней можетъ быть отыскали кое что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари.

Первый.

8) Вотъ что они думаютъ: за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ.

Первый.

9) Не знаешь какой генералъ, долженъ быть какой нибудь извѣстный.

Второй.

Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства *(подхватывая сзади)*. Просто Статскій Совѣтникъ. По мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастіе: въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ Совѣта, да отъ Коммисіи, да еще по Департаменту.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ.

10) То, что нравственность каждый мѣряетъ относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностію сниманье ему шляпы на улицѣ, другой называетъ нравственностію смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностію услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? Съ высока говоритъ: Милостивый Государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, Государя, отечества, а ты молъ ужъ самъ разсудилъ относительно чего. Впрочемъ это такъ только въ провинціяхъ водится: въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если явится у кого нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отъ чего. Все отъ честности, не правда ли?

Третій господинъ.

11) Еще бы! это серьезная вещь! говорятъ: бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе. Нѣтъ это не простыя бездѣлушки, на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Комитетъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и обсужденія въ четырехъ своихъ засѣданіяхъ, всего представленнаго Цензоромъ Никитенко, опредѣлилъ дозволить оное къ напечатанію, руководствуясь слѣдующими соображеніями и основаніями:

1) Всѣ сочиненія юмористически, или сатирически, въ формѣ новѣстей или драмъ изображающія пороки, смѣшныя грубыя стороны общественныхъ правовъ и злоупотребленія сословій, разсматриваемыя единственно съ нравственной точки зрѣнія а не политической,—сочиненія клеймящія позоромъ низость, пронырство по службѣ, лихоимство, своекорыстіе жертвующее самыми священными обязанностями человѣка и гражданина личнымъ расчетамъ и видамъ—всѣ такія сочиненія допускаемы были у насъ, какъ одно изъ средствъ къ нравственному усовершенствованію и очищенію общества, которое къ несчастію нигдѣ и никогда не бываетъ изъято отъ подобныхъ болѣзней, недоступныхъ карѣ закона и врачуемыхъ единственно преданіемъ ихъ на всеобщее презрѣніе и посмѣяніе. Въ эпоху, когда еще въ Россіи не существовала Литература и когда слѣдовательно нельзя еще было прибѣгать для сей цѣли ни къ сатирѣ ни къ драмѣ, безсмертный преобразователь Отечества, Петръ великій установлялъ цѣлыя процессіи, игры, въ коихъ были осмѣиваемы и порицаемы многіе странные, закоснѣлые предразсудки и пороки нашихъ предковъ. Въ послѣдствіи, когда по упредительному наитію его генія, пробудилась въ Россіи умственная дѣятельность, а съ нею возникла и Литература, первыми ея подвигами было подвергнуть публичному осмѣянію все, что не могло уже соотвѣтствовать начавшемуся великому нравственному перерожденію и развитію народа. Такимъ образомъ Кантемиръ сильно и явно возставалъ противъ невѣжества и грубыхъ пороковъ своего времени, преслѣдуя

ихъ вездѣ и болѣе въ первенствующихъ сословіяхъ, не щадя знатныхъ и самаго Духовенства. Сумороковъ нападалъ на разныя злоупотребленія въ кругу административныхъ лицъ и въ судахъ, Фонъ Визинъ былъ страшнымъ бичемъ этого зла, а въ своемъ Недорослѣ и Бригадирѣ въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ изобразилъ дикіе нравы Русскаго Дворянства, стоявшаго тогда на рубежѣ между новыми формами образованности и обычаями старины. Державинъ грозно порицалъ въ своихъ сатирическихъ одахъ вельможъ, коихъ поступки не согласны съ высокимъ ихъ призваніемъ. Въ послѣдствіи, комедія Капниста Ябеда обнажила отвратительныя тайны злоупотребленій въ судахъ; издавался журналъ подъ названіемъ: Адская почта, съ цѣлію осмѣивать все низкое и нелѣпое въ современныхъ нравахъ; знаменитый Крыловъ, изображая пороки людей въ своихъ басняхъ, мѣтитъ часто на обстоятельства и событія современнаго общества. Такое постоянное и сатирическое направленіе большей части нашей Литературы было естественнымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей, воздвигнутаго Петромъ великимъ. Россія пробужденная отъ вѣковаго сна своимъ пересоздателемъ, прозрѣла и устыдилась черныхъ пятенъ, оставленныхъ на ней тяжкимъ ярмомъ Татарскаго владычества; не вдругъ могли изгладится слѣды нравственнаго уничиженія, противныя нашему народному духу, нашему политическому значенію и державной волѣ нашихъ вѣнценосныхъ путеводителей ко всему великому и благому; эти слѣды однакожъ надобно было изглаживать, надобно было даже умѣрять страсть къ новому, которое принимали слѣпо изъ чужеземныхъ источниковъ, однимъ словомъ надобно было исправлять, направлять нравы, еще возникающіе, иное гнать строго, другое осмѣивать остроумно или рѣзко, и такимъ образомъ многіе изъ нашихъ писателей, увле-

ченные сею потребностію, начали дѣйствовать въ духѣ сатиры. 1812 годъ возвысившій Россію на такую степень славы, указавшій ей будущность какой едва ли какой народъ на землѣ былъ удостоенъ Промысломъ, вмѣстѣ съ глубокимъ сознаніемъ силъ и достоинства, пробудилъ въ обществѣ всеобщее живое стремленіе къ нравственному и умственному усовершенію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ необходимѣе нравственныя мѣры противъ всего, что остается еще отъ старыхъ грѣховъ минувшаго и что уже не совмѣстно съ значеніемъ великаго прославленнаго народа.. Писатели съ новымъ жаромъ и одушевленіемъ начали выставлять на всеобщее зрѣлище, для осмѣянія и кары, все не нравственное, нелѣпое, грубое въ нравахъ и образѣ мыслей—тѣхъ особенно классовъ обществъ, куда еще не вполнѣ проникъ свѣтъ истиннаго образованія. Явились Горе отъ ума, ревизоръ Гоголя, мертвыя души его же, множество повѣстей и романовъ Булгарина, Сенковскаго, Бѣгичева, Загоскина, Даля и проч.: которые всѣ съ большею или меньшею силою, съ большимъ или меньшимъ талантомъ устремились къ одной цѣли изображать въ разныхъ сословіяхъ то, что не совмѣстно съ ихъ назначеніемъ. Цензурный Комитетъ не имѣя ни силъ, ни права остановить таковое всеобщее направленіе Литературы, ни особенныхъ указаній со стороны Высшаго Правительства, которые бы требовали подобной мѣры, полагалъ и въ настоящемъ случаѣ относительно вышесказанныхъ сочиненій Гоголя, руководствоваться тѣмъ же § 14-мъ Устава о Цензурѣ, которымъ онъ руководствовался до нынѣ и въ коемъ изображено: «охраняя личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія, Цензура не препятствуетъ однако же печатанію сочиненій, въ коихъ подъ общими чертами осмѣиваются пороки и сла-

бости, свойственные людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни». Комитетъ находилъ что въ сочиненіяхъ Гоголя и приведенныхъ изъ нихъ мѣстахъ ни на чье лице не указывается, что пороки имъ выставляемые относятся къ людямъ вообще въ разныхъ званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, и потому примѣняя вышеизложенный законъ, къ симъ сочиненіямъ, полагалъ себя невправѣ препятствовать ихъ печатанію.

2) Обнимая помянутое общее Сатирическое и Юмористическое направленіе нашей Литературы, Комитетъ естественно долженъ былъ прійти къ новому соображенію: охраняя личную честь каждаго, онъ тѣмъ болѣе долженъ заботиться объ охраненіи чести цѣлыхъ сословій. Къ сожалѣнію Комитетъ не имѣлъ въ виду посему предмету никакого положительнаго правила: что именно, какой способъ выраженія, или картины какихъ недостатковъ пороковъ и злоупотребленій должно считать оскорбляющими такое или другое сословіе? Между тѣмъ каждая статья въ журналахъ, каждая повѣсть и романъ, поступившіе въ Цензуру наполнены дѣйствующими лицами, часто весьма съ невыгодной стороны выставленными и въ тоже время непремѣнно относящимися къ какому либо сословію. По самому свойству сего рода литературныхъ произведеній умѣряя по возможности выраженія, Комитетъ находился тѣмъ не менѣе въ величайшемъ затрудненіи: ему пришлось бы запрещать почти каждое изъ разсматриваемыхъ имъ сочиненій, а съ другой стороны онъ видѣлъ, какъ явствуетъ изъ перваго пункта сего донесенія, сколь много уже въ разныя времена допущено въ Русской Литературѣ сочиненій, гдѣ лица разныхъ сословій выведены иногда въ самыхъ рѣзко-неблаговидныхъ чертахъ, и чего по видимому Правительство не относило

къ оскорбленію сословій, ибо не препятствовало ихъ распространенію. Посему Комитетъ руководствуясь какъ близкими къ намъ примѣрами, такъ и историческимъ ходомъ почти всей нашей Литературы, а съ другой стороны не имѣя ни какого на сей предметъ опредѣленнаго узаконенія, полагалъ что вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій Гоголя, должно считать и посему уваженію позволительными.

Пропущенные въ слѣдствіе сихъ соображеній, сочиненія Гоголя нынѣ отпечатаны и представлены въ Цензурный Комитетъ для полученія установленнаго билета на выпускъ ихъ изъ Типографіи.

Между тѣмъ, какъ извѣстно Вашему Высокопревосходительству, въ 11-й день сего Декабря два Цензора Профессоры Никитенко и Куторга имѣли несчастіе подвергнуться Высочайшему взысканію за пропускъ двухъ мѣстъ изъ повѣсти: Гувернантка, напечатанной въ 8-мъ № Сына Отечества. Высочайшую волю, выраженную въ семъ горестномъ для помянутыхъ Цензоровъ событіи, Цензурный Комитетъ пріемля съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, какъ повелѣніе строжайше усилить бдительность свою при исполненіи своихъ обязанностей, нашелъ себя въ затрудненіи по поводу вышеозначенныхъ сочиненій Гоголя. Соображая мѣста, пропущенныя у Гоголя, съ тѣми, по случаю коихъ Цензора Никитенко и Куторга подверглись отвѣтственности, Комитетъ не осмѣливается дозволить выпуска книгъ, въ коихъ они существуютъ. Съ другой стороны книги эти уже напечатаны и издатель истратилъ на нихъ значительный капиталъ: слѣдуетъ ли подвергнуть ихъ перепечатанію и на чей счетъ? На сіе Комитетъ положилъ испросить разрѣшенія высшаго Начальства, покорнѣйше прося оное снабдить его въ тоже время и правиломъ относительно вообще разсматриванія право-

описательныхъ сочиненій въ юмористическомъ и сатирическомъ духѣ.

Раздѣляя вполнѣ всѣ вышеизложенныя мысли Комитета, я съ своей стороны полагаю, что такъ какъ въ случаѣ постигшемъ Ценсоровъ Куторгу и Никитенко не выражена Высочайшая воля объ отмѣнѣ тѣхъ параграфовъ Ценсурнаго Устава, коими доселѣ руководствовалась Ценсура, то оныя, какъ и вообще весь Ценсурный Уставъ, остаются въ своей силѣ, почему и должно Ценсорамъ руководствоваться ими какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя, которыя слѣдовательно и должны быть снабжены билетомъ на выпускъ ихъ изъ Типографіи, какъ пропущенные совершенно на законномъ основаніи. Во всякомъ случаѣ, по всѣмъ изъясненнымъ въ семъ донесеніи причинамъ, Ценсорамъ, по моему мнѣнію, должно быть дано какое нибудь опредѣленное наставленіе о томъ, въ какомъ духѣ они должны дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ, не смотря на свою благонамѣренность, доказанную долговременною службою, не смотря на пламенную ревность къ своему дѣлу и вѣрный взглядъ на важное дѣло имъ ввѣренное, они будутъ находиться всегда въ величайшемъ затрудненіи и быть въ опасности навлечь на себя тяжкую отвѣтственность, которая унижая званіе Ценсора, основанное на важныхъ Государственныхъ потребностяхъ, и въ то же время сокрушая духъ ихъ, лишитъ ихъ той моральной силы, какая въ столь многосложномъ и разнообразномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за мыслію человѣческою, необходима.

Испрашивая на сіе разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства, я нахожу не излишнимъ присовокупить еще слѣдующее соображеніе относительно общаго духа и направленія, въ какомъ дѣйствовала и, по моему мнѣнію, должна дѣйствовать Ценсура: Строго охраняя

предметы, поименованные въ § 8-мъ Цензурнаго Устава отъ малѣйшаго покушенія злонамѣренности или даже неблагоразумнаго какого либо намека, она должна стараться не стѣснять вообще развитія отечественной Литературы: этого требуетъ величайшая изъ Государственныхъ нуждъ—развитіе нашей народности. Ибо во первыхъ съ успѣхами Литературы сопряжены успѣхи языка, который долженъ согласно Высочайшей воли и величію Имперіи, сдѣлаться господствующимъ въ ней повсюду, а этого онъ иначе достигнуть не можетъ, какъ укореняясь въ умахъ своими красотами и богатствами. Во вторыхъ при той легкости, съ какою распространено у насъ изученіе Иностранныхъ языковъ, а слѣдовательно и возможность читать все, что выходитъ въ Иностранныхъ Литературахъ, единственное средство ослабить вліяніе сихъ послѣднихъ на умы и духъ общества, есть наибольшее развитіе Литературы отечественной, охраняемой и въ тоже время руководимой просвѣщенною волею Правительства.

Исправляющій должность Попечителя

Князь Григорій Волконской.

ДѢЛО

о пособіи Гоголю въ 1845 году.

I. Письмо А. О. Смирновой вел. кн. Маріи Николаевнѣ.

II. Всеподданнѣйшее представленіе С. С. Уварова.

III. Письмо П. А. Плетнева къ С. С. Уварову.

IV. Всеподданнѣйшее представленіе С. С. Уварова.

V. Отношеніе Департамента Государственнаго Казначейства въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Императорское Высочество, милостиво изволили принять мою просьбу о Гоголѣ и приказали составить о немъ записку, которую имѣю честь представить. Сочиненія его извѣстны Вашему Императорскому Высочеству. Публика особенно замѣтила въ нихъ оригинальныя, комическія стороны; но отъ Вашего взгляда, безъ сомнѣнія не ускользнули красоты высшія, чувство всего прекраснаго, чисто Русскаго народнаго, которые его поставили на ряду съ первыми нашими Литераторами. Чѣмъ болѣе онъ входитъ въ изображеніе серьезной стороны Русскаго быта (о чемъ упоминаетъ самъ въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ) тѣмъ медленнѣе подвигается его работа и слѣдовательно онъ лишается выгодъ соединенныхъ съ продажею книгъ. Самая первая выручка его сочиненій, употреблена была имъ на поправленіе разстроеннаго состоянія Матери и сестеръ, которыя и до сихъ поръ не совершенно обезпечены. Между тѣмъ его здоровье было всегда такъ слабо, что въ слѣдствіе сильной болѣзни, онъ вынужденъ былъ оставить самую выгодную службу, находившись въ здѣшнемъ Университетѣ Адъюнктъ-Профессоромъ, и отправился за границу. Лишенный всякаго способа достигнуть своихъ предпріятій Литературныхъ и касающихся до здоровья, онъ только благодѣяніями Царскими можетъ быть обезпеченъ. Конечно онъ еще не успѣлъ сдѣлать для пользы Русской словесности, столько какъ Пушкинъ и Карамзинъ; но Милости Государя не исключаютъ никого, кто изъ любви

къ пользѣ Отечества, приноситъ хотя слабую дань своего усердія. Участіе Вашего Императорскаго Высочества само опредѣлитъ какимъ образомъ можетъ быть поддержано существованіе человѣка, который по общему признанью подаетъ много надеждъ.

Вашего Императорскаго Высочества много преданная и всепокорная слуга

А. Смирнова.

Съ представленіемъ записки о Гоголѣ.

Пусть самъ М. опредѣлитъ мѣру пособія котораго заслуживаетъ.

Его Императорскаго Величества собственною рукою карандашемъ: „Пусть самъ М. опредѣлитъ мѣру пособія, котораго заслуживаетъ.“

18 Марта 1845
Уваровъ.

Министръ Императорскаго Двора сообщилъ мнѣ отъ 15 сего Марта за № 828 по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, для разсмотрѣнія и доклада, представленную Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, супругою Церемоніймейстера Смирнова, записку о Литераторѣ Гоголѣ, при семъ всеподданнѣйше прилагаемую.

Писатель сей, съ самаго начала литературной дѣятельности своей обратилъ на себя вниманіе неоспоримою оригинальностію дарованія. — Желая открыть ему способы къ полезной дѣятельности, я опредѣлилъ Гоголя при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ званіе Адъюнктъ-Профессора по каѳедрѣ Исторіи; но направленіе его таланта не согласовалось съ постоянными и серьёзными занятіями; онъ оставилъ ученое званіе, чтобы предаться литературѣ, и на этомъ поприщѣ разныя произведенія пріобрѣли уже ему извѣстность. Гоголь, сколько

мнѣ извѣстно, находится теперь за границею. Благодѣяніе Вашего Императорскаго Величества оживитъ его дѣятельность на пользу отечественной словесности. Отъ щедроты Царской зависитъ опредѣленіе мѣры пособія, для поддержанія его существованія.

№ 22.
17 Марта 1845 г.

Сергій Уваровъ.

Милостивый Государь

Сергій Семеновичь!

По приказанію Вашему я былъ у А. О. Смирновой, чтобы узнать ея мысли касательно вспоможенія Гоголю. Она поручила мнѣ донести Вашему Высокопревосходительству, что, по болѣзненному состоянію своему, Гоголь никакъ не можетъ ранѣе пяти закономъ дозволенныхъ лѣтъ приняться за свои занятія въ Россіи, приговоренъ будучи докторами пользоваться умѣреннымъ заграничнымъ климатомъ и тамошними минеральными водами. Это обстоятельство лишаетъ его всякой возможности самому добывать содержаніе литературными трудами въ теченіе пяти лѣтъ. И такъ обезпеченіе его на это время милостію Государя будетъ съ Вашей стороны истиннымъ благодѣяніемъ для Гоголя. А. О. Смирнова полагаетъ, что, при самой умѣренной жизни Гоголя, онъ вполнѣ будетъ счастливъ, ежели Ваше Высокопревосходительство удостоите ходатайствовать ему временнаго вспомоществованія по тысячѣ рублей серебромъ на каждый изъ этихъ пяти годовъ.

Поспѣшаю довести ея отзывъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою

П. Плетневъ.

23 Марта 1845 г.

О единовременномъ вспомоществованіи литератору Гоголю.

С . . . .

Его Императорскаго Величества собственною рукою написано карандашемъ: „согласенъ“.

25 Марта 1847.

Уваровъ.

По всеподданнѣйшему докладу моему о представленной Ея Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ супругою Церемоніймейстера Смирнова запискѣ, относительно Литератора Гоголя, Вашему Императорскому Величеству, благоугодно было повелѣть мнѣ опредѣлить мѣру пособія, которое онъ заслуживаетъ.

При болѣзненномъ положеніи своемъ, Гоголь долженъ, по приговору врачей, пользоваться умѣреннымъ заграничнымъ климатомъ и тамошними минеральными водами.

Удостоеніе его на первый случай временнаго вспомоществованія на три года по тысячѣ рублей серебромъ на каждый, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, будетъ, по моему мнѣнію, истиннымъ благодѣяніемъ милости Царской.

№ 24.

24 Марта 1845.

Сергій Уваровъ.

Министерство Финансовъ.

Департаментъ Государственнаго Казначейства.

Часть Распорядитель.

Отдѣленіе 3.

Столъ I.

31 Марта 1845 г.
№ 10590.

По Высочайшему повелѣнію.

Объ ассигнованныхъ 1000 р. сер. Литератору Гоголю.

Въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго Г. Министру Финансовъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отъ 26-го сего Марта, за № 445, предписано Главному Казначейству пожалованные Литератору Николаю Гоголю по 1000 р. сер. въ годъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, отпускать подъ росписку Ректора С.Петербургскаго Университета Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Плетнева; о чемъ Департаментъ Государственнаго Казначейства имѣетъ честь увѣдомить Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

Вице-Директоръ (подпись).

ОФИЦІАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

о поднесеніи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ высочайшимъ особамъ.

I. Письмо П. А. Плетнева къ гр. С. С. Уварову.

II. Отношеніе Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи на имя гр. С. С. Уварова.

Милостивый Государь

Графъ Сергій Семеновичъ!

Для поправленія здоровья находящійся нынѣ въ Неаполѣ писатель нашъ Николай Гоголь доставилъ ко мнѣ для изданія въ свѣтъ новое сочиненіе свое подъ названіемъ: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“. Въ письмѣ ко мнѣ по этому случаю онъ возложилъ на меня обязанность по окончаніи печатанія, поднести экземпляръ его книги Вашему Сіятельству и униженнѣйше просить ходатайства Вашего о поднесеніи ея Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Государю Великому Князю Михаилу Павловичу.

Не считая себя въ правѣ не исполнить что либо изъ возложеннаго на меня отсутствующимъ лицомъ порученія, я имѣю честь представить всѣ четыре экземпляра книги Гоголя на благоуваженіе Вашего Сіятельства, почтительнѣйше прося приказать увѣдомить меня, могу ли я въ отвѣтъ сообщить Гоголю, что Ваше Сіятельство удостоиваете милостиваго вниманія книгу его.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
П. Плетневъ.

31 Дек. 1846 г.

СОБСТВЕННАЯ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
КАНЦЕЛЯРІЯ.

17 Января 1847 г.
№ 63.

Милостивый Государь

Графъ Сергѣй Семеновичъ.

Отвѣтъ на № 38.

Препровожденный ко мнѣ при отношеніи Вашего Сіятельства отъ 10-го сего января экземпляръ сочиненія Н. Гоголя, подъ названіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями,—я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить Государынѣ Императрицѣ, и Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила благодарить Автора за поднесеніе этой книги.

Его Сія-ву Графу С. С. Уварову.

Увѣдомляя о семъ Васъ, милостивый государь, я имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга
Иванъ Шамбо.

ДѢЛО

о посмертномъ изданіи сочиненій Гоголя.

I. Представленіе ген.-адъют. В. И. Назимова товарищу министра народнаго просвѣщенія объ изданіи сочиненій Гоголя.

II. Справка къ предыдущему представленію.

III. Отношеніе А. С. Норова на имя В. И. Назимова.

IV. Второе представленіе ген.-ад. Назимова.

V. Донесеніе цензора М. И. Похвиснева о второй части «Мертвыхъ душъ» и «Авторской Исповѣди».

VI. Донесеніе цензора Д. Ржевскаго о разсмотрѣнномъ имъ первомъ собраніи сочиненій Гоголя.

VII. Конфиденціальное предложеніе мин. нар. пр. князя П. А. Ширинскаго-Шихматова попечителю Моск. Учебнаго Округа по поводу статьи о Гоголѣ И. С. Аксакова въ «Московскомъ Сборникѣ».

VIII. «Изложеніе дѣла о предполагаемомъ въ Москвѣ изданіи сочиненій Гоголя».

IX. Черновая редакція донесенія А. С. Норова на имя вел. кн. Константина Николаевича.

X. Отзывъ цензора О. Пржецлавскаго о непапечатанныхъ сочиненіяхъ Гоголя.

XI. «Дѣло» объ изданіи сочиненій Гоголя въ Главномъ Управленіи Цензуры.

XII. Всеподданѣйшее представленіе министра народнаго просвѣщенія объ изданіи сочиненій Гоголя.

XIII. Черновая редакція донесенія А. С. Норова на имя вел. кн. Константина Николаевича.

XIV. Отношеніе на имя попечителя Московскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи издать сочиненія Гоголя.

XV. Представленіе В. И. Назимова министру народнаго просвѣщенія объ изданіи рукописей, найденныхъ послѣ смерти Гоголя.

XVI. Статьи I и II протокола Главнаго Управленія Цензуры.

XVII. Отношеніе А. С. Норова на имя помощника попечителя Московскаго Учебнаго Округа о новомъ изданіи сочиненій Гоголя.

Министерство Народнаго Просвѣщ.

Московскій Ценсурный Комитетъ въ Москвѣ.

5 Декабря 1853 г.
№ 1286.

I.

Господину Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія.

Ординарный Профессоръ Московскаго Университета, Статскій Совѣтникъ Шевыревъ, вошелъ въ Московскій Ценсурный Комитетъ съ прошеніемъ, въ коемъ, по имѣющейся у него довѣренности отъ наслѣдниковъ покойнаго писателя Н. В. Гоголя, на изданіе въ свѣтъ его сочиненій, — проситъ о разрѣшеніи отпечатать новымъ изданіемъ 4 части сихъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1842 году въ С.Петербургѣ, съ дополненіемъ и найденныхъ послѣ смерти его рукописей: «Авторская исповѣдь и 5-ти Главъ изъ втораго Тома мертвыхъ душъ».

Четыре части печатныхъ сочиненій еще при жизни Автора, были уже въ разсмотрѣніи здѣшняго Комитета и онымъ 10 Октября 1851 года къ напечатанію одобрены, съ немногими исключеніями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, а за тѣмъ, какъ

объясняетъ Статскій Совѣтникъ Шевыревъ, было уже начато и самое печатаніе сихъ сочиненій, но которое со смертію Автора было пріостановлено.

По полученіи же въ Московскомъ Комитетѣ помянутаго прошенія Шевырева, я сдѣлалъ распоряженіе о новомъ пересмотрѣ, какъ печатныхъ такъ и рукописныхъ сочиненій покойнаго Гоголя. Хотя при этомъ просмотрѣ, какъ и прежде, въ направленіи всѣхъ сочиненій, не найдено ничего противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ и хотя сочиненія заключающіяся въ 4-хъ томахъ давно уже пользуются всеобщимъ одобреніемъ и заслуженною извѣстностію, особенно комедіи, которыя постоянно разыгрываются на всѣхъ нашихъ Театрахъ, какъ Императорскихъ, такъ и частныхъ; но имѣя въ виду предложеніе покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16-го Февраля 1852 г. № 227, я считаю себя обязаннымъ, прежде разрѣшенія къ печати означенныхъ сочиненій, представить оныя на предварительное усмотрѣніе Вашего Превосходительства.

При семъ нахожу нужнымъ присовокупить, что новое изданіе сочиненій Гоголя, предпринимаемое по случаю рѣдкости экземпляровъ прежняго изданія, продающихся по непомѣрно-дорогой цѣнѣ, я съ своей стороны признаю не только возможнымъ, но еще весьма полезнымъ, по уваженію литературнаго ихъ достоинства, благонамѣренности направленія и нравственности впечатлѣній, производимыхъ ими на читателей. Дѣлать же какія либо измѣненія или исключенія частныхъ мѣстъ изъ прежняго изданія, при общеизвѣстности этихъ сочиненій и при безукоризненности ихъ общаго духа и направленія, я полагаю неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что это могло бы уронить въ глазахъ читателей, достоинство новаго изданія, въ явный ущербъ наслѣдниковъ покойнаго Гоголя и еще болѣе возвысить тѣмъ цѣну остальнымъ экземпля-

рамъ прежняго изданія.—При томъ позволительно думать, что сочиненія Гоголя, составляющія одно изъ украшеній нашей литературы, заслуживаютъ по преимуществу того снисхожденія со стороны Цензуры, которое, по указанію изъясненному въ вышеупомянутомъ предложеніи бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, можетъ быть допускаемо въ отношеніи къ новымъ изданіямъ извѣстныхъ Русскихъ писателей.

Генералъ-Адъютантъ Назимовъ.

II.

Справка къ представленію Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 сего Декабря за № 1286.

Генералъ-Адъютантъ Назимовъ въ этомъ представленіи ссылается на предложеніе покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16 Февраля 1852 года за № 227. Предложеніе это содержитъ въ себѣ изложеніе нижеслѣдующаго Высочайшаго повелѣнія.

1) Предоставить Главному Управленію Цензуры, при разсмотрѣніи донесеній Цензурныхъ Комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ которыя читаютъ

только люди посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы.

2) Заключеніе Главнаго Управленія Цензуры о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія, представлять чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее благоусмотрѣніе.

(Прописанное здѣсь Высочайшее повелѣніе состоялось въ 14 день Августа 1851 года; находится въ дѣлѣ Гл. Упр. Ц., 1851 года, № 136).

Св. Зак. изд. 1842 г. т. XIV, Уст. пред. прест. прил. въ ст. 147,—ст.

57. Попечитель въ особенности старается не обременять Главнаго Управленія частыми и маловажными представленіями, если требованіемъ разрѣшенія на случаи непревышающіе ввѣренной Комитету власти, но доводить немедленно до свѣдѣнія онаго сомнѣнія важныя и всѣ обстоятельства, заслуживающія вниманія начальства.

Секретарь Л. Добровольскій.

18 Декабря 1853.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Канцелярія Министра.

22 Декабря 1853 г.
№ 2536.

III.

Господину управляющему Московскимъ Учебнымъ Округомъ.

Отвѣтъ на № 1286.

Въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 сего Декабря за № 1286, по дѣлу о цензурномъ разсмотрѣніи сочиненій умершаго писателя Н. В. Гоголя, какъ изданныхъ, въ 4-хъ частяхъ, въ 1842 году, такъ и найденныхъ послѣ его смерти въ рукописяхъ, имѣю честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что я соглашаюсь, въ основаніи, съ мнѣніемъ Генералъ-Адъютанта Назимова о возможности подвести новое изданіе произведеній этого литератора подъ Высочайше утвержденныя правила о полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ отечественныхъ писателей, сообщенныя Г. Попечителю покойнымъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16 Февраля 1852 года за № 227. Но вмѣстѣ съ симъ считаю необходимымъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что рѣшительное опредѣленіе Главнаго Управленія Цензуры касательно наше-

чатанія сочиненій, возбудившихъ сомнѣнія въ подвѣдомственныхъ оному Цензурныхъ учрежденіяхъ, можетъ состояться не иначе, какъ по обсужденіи въ ономъ подробнаго донесенія цензора и заключенія Цензурнаго Комитета, какъ о содержаніи и общемъ направленіи разсматриваемыхъ сочиненій, такъ и о каждомъ изъ мѣстъ, представляющихся сомнительными. Не видя же изъ представленія Г. Попечителя, какія именно сочиненія, или отдѣльныя выраженія и слова въ сочиненіяхъ Гоголя, предназначаемыхъ къ новому изданію, возбуждаютъ сомнѣніе Цензурнаго Комитета, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, представить мнѣ надлежащее по этому предмету объясненіе. Представленныя Г. Попечителемъ сочиненія Гоголя возвращены его Превосходительству лично.

Товарищъ Министра
Народнаго Просвѣщенія А. Норовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Ценсурный Комитетъ въ Москвѣ.

30 Ноября 1854 г. № 561.

Донесеніе на № 2536.

IV.

Его Превосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Вслѣдствіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 22 Декабря минувшаго года по дѣлу о цензурномъ разсмотрѣніи сочиненій умершаго писателя Н. В. Гоголя, какъ изданныхъ въ четырехъ частяхъ, въ 1842 году, такъ и найденныхъ послѣ его смерти въ рукописяхъ, Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ опредѣлено было: печатныя четыре части передать Цензору Ржевскому для новаго просмотра, а рукописи Цензору Похвисневу, которымъ и представить свои о нихъ заключенія въ Комитетъ.

Прилагая при семъ, въ подлинникахъ, согласно требованію Вашего Превосходительства, полученныя нынѣ мною донесенія обоихъ помянутыхъ Цензоровъ, а также и самыя сочиненія Гоголя, какъ печатныя, такъ и рукописныя, съ Цензорскими на нихъ отмѣтками, имѣю честь донести, что,

изложенныя въ этихъ донесеніяхъ, заключенія Комитетъ признаетъ правильными. Что же касается до общаго направленія и содержанія разсмотрѣнныхъ сочиненій, то Члены Комитета раздѣляютъ вполнѣ мнѣніе мое объ этомъ предметѣ, изложенное въ донесеніи моемъ къ Вашему Превосходительству отъ 5 Декабря прошедшаго года за № 1286. Оставаясь и нынѣ при томъ же мнѣніи, какъ относительно благонамѣренности сочиненій Гоголя, такъ и высокаго ихъ значенія въ нашей литературѣ, долгомъ считаю обратиться вновь къ Вашему Превосходительству съ прежнею моею покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго разрѣшенія на изданіе сочиненій этаго писателя безъ перемѣнъ и исключеній, которыя не только повредятъ ихъ достоинству, но и могутъ дать поводъ къ злоупотребленію въ пріисканіи по прежнимъ изданіямъ выпущенныхъ мѣстъ, которое придастъ имъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли. Въ заключеніе не излишнимъ считаю обратить благосклонное вниманіе Вашего Превосходительства и на состояніе семейства покойнаго. Наслѣдники его до сихъ поръ лишаются законнаго своего достоянія и семейство не пользуется никакимъ плодомъ трудовъ писателя, который принесъ столько пользы и славы Отечеству.

Предсѣдатель Комитета
Генералъ-Адъютантъ Назимовъ.

V.

Господину Предсѣдателю Московскаго Цензурнаго Комитета, Попечителю Московскаго Учебнаго Округа Генералъ-Адъютанту, Генералъ-Лейтенанту Назимову.

Цензора Коллежскаго Совѣтника Похвиснева

ДОНЕСЕНІЕ.

Во исполненіе порученія Вашего Превосходительства имѣю честь изложить мнѣніе мое о поступившихъ въ Московскій Цензурный Комитетъ и разсмотрѣныхъ мною рукописяхъ покойнаго Н. В. Гоголя: продолженіе «Мертвыхъ душъ» (первыя пять главъ 2 тома) и «Авторская Исповѣдь».

Посмертныя сочиненія Гоголя, разсматриваемыя съ цензурной точки зрѣнія, относительно общаго ихъ духа и впечатлѣнія, производимаго ими на читателя, не только не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но еще отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ. При всей однако же безукоризненности направленія, при всѣхъ литературныхъ и художественныхъ достоинствахъ, сочиненія эти содержатъ въ себѣ нѣсколько частныхъ мѣстъ, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящимъ Цензурнымъ требованіямъ и если могутъ быть пропущены, то развѣ съ разрѣшенія высшаго Цензурнаго Начальства.

Такъ какъ въ настоящее время возбужденъ вопросъ о просмотрѣ въ Главномъ Управленіи Цензуры всѣхъ сочиненій Гоголя, какъ прежде изданныхъ, такъ и оставшихся послѣ его смерти, то я и имѣю честь возвратить у сего рукописи: пять главъ 2 тома Мертвыхъ душъ и Авторская Исповѣдь и при томъ изъяснить, что всѣ мѣста, казавшіяся мнѣ сомнительными, отмѣчены мною, для видимости, карандашемъ. Независимо отъ сего считаю долгомъ моимъ сказать мнѣніе мое вообще о тѣхъ частностяхъ въ посмертныхъ твореніяхъ Гоголя, которыя представляютъ особыя затрудненія въ цензурномъ отношеніи.

Отъ втораго тома Мертвыхъ душъ найдено, по смерти автора, только пять первыхъ, и то не полныхъ главъ. Первая глава, за исключеніемъ двухъ, трехъ рѣзкихъ выраженій, не представляетъ особенно сомнительныхъ мѣстъ и, по моему мнѣнію, можетъ быть одобрена къ печати, въ цѣлости, безъ всякихъ исключеній.

Во второй главѣ (отъ которой уцѣлѣло только начало) рельефно изображенное лице Генерала Бетрищева, также не представляетъ, по моему мнѣнію, ничего противо-цензурнаго. Помѣщенный же въ этой главѣ разсказъ Чичикова «Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ», хотя очевидно относится къ судейскому поколѣнію прежняго времени, требуетъ однако же особаго разрѣшенія.

Въ третьей главѣ сомнительны: эпизодъ о Полковникѣ Кашкаревѣ, помѣшанномъ на письменномъ производствѣ и канцелярскихъ порядкахъ и полныя негодованія, хотя и благонамѣренныя, рѣчи Костанжогло противъ пьяныхъ помѣщиковъ и ложнаго просвѣщенія.

Четвертая глава, кромѣ нѣкоторыхъ частностей (въ разговорѣ Хлобуева съ Чичиковымъ и Платоновымъ), не заключаетъ въ себѣ особенно сомнительныхъ мѣстъ.

Пятая глава представляетъ болѣе затрудненій. Въ ней мрачными красками изображена картина злоупотребленій и безпорядковъ, совершающихся въ провинціи. Возвышенно-благородный и энергическій характеръ Генералъ-Губернатора, представленнаго въ борьбѣ съ предосудительными дѣйствіями подчиненныхъ ему лицъ, описаніе разныхъ продѣлокъ служащихъ лицъ, обращеніе или рѣчь Генералъ-Губернатора къ чиновникамъ предъ отъѣздомъ его въ С.-Петербургъ, все это, какъ предметы, касающіеся нашей Государственной жизни, при всей благонамѣренной цѣли автора, можетъ появиться въ печати только съ одобренія высшей власти.

Что же касается до Авторской Исповѣди, то и въ этомъ сочиненіи, вызванномъ, по поводу обвиненій и нападокъ, которымъ подвергался авторъ за изданную имъ Переписку съ друзьями, встрѣчается нѣсколько сомнительныхъ, въ Цензурномъ отношеніи, мѣстъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ выражаетъ мысли свои о нынѣшнемъ состояніи нашего отечества. Впрочемъ духъ и содержаніе этаго сочиненія вполнѣ благонамѣренны.

26 Ноября 1854 г.
Москва.

Цензоръ М. Похвиснев.

VI.

Его Превосходительству, Господину Предсѣдателю Московскаго Цензурнаго Комитета, Генералъ Адъютанту, Генералъ Лейтенанту Владиміру Ивановичу Назимову

Цензора Надворнаго
Совѣтника Ржевскаго

ДОНЕСЕНІЕ.

Разсмотрѣвъ, по порученію Комитета, четыре тома Сочиненій Н. Гоголя, изданныхъ въ С.-Петербургѣ въ 1842 году, имѣю честь донести нижеслѣдующее:

Первый томъ заключаетъ въ себѣ повѣсти и разсказы большею частію фантастическаго содержанія. По духу и направленію они не представляютъ ничего противнаго общимъ правиламъ Цензурнаго Устава, но въ подробностяхъ находится много мѣсть и выраженій, возбуждающихъ сомнѣніе и требующихъ разрѣшенія Главнаго Цензурнаго Начальства. Мѣста эти отмѣчены карандашомъ въ самомъ подлинникѣ.

Второй томъ содержитъ: 1) Разсказъ «Старосвѣтскіе помѣщики», вполнѣ соотвѣтствующій цензурнымъ требованіямъ. 2) «Тарасъ Бульба». Яркое и живое изображеніе Запорожской Сѣчи и обычаевъ, бывшихъ въ употребленіи у козаковъ требуетъ разрѣшенія Главнаго Цензурнаго Начальства. Кромѣ того нѣкоторыя отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 3) «Вій»—Содер-

жаніе фантастическое, основанное на мѣстныхъ народныхъ предразсудкахъ. Отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 4) «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» заключаетъ въ себѣ комическій разсказъ о медленности судопроизводства и бездѣйствіи—въ низшихъ инстанціяхъ.

Третій томъ: 1) «Невскій Проспектъ». Описаніе различныхъ сценъ въ жизни офицера, представленнаго въ смѣшномъ видѣ, дѣлаетъ всю повѣсть сомнительною для пропуска. Отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 2) «Портретъ»—отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 3) «Шинель». Замѣчанія, сдѣланныя Главнымъ Цензурнымъ Начальствомъ по поводу повѣстей: «Мечтатель» и «Записки Почтмейстера», могутъ вполнѣ относиться и къ сей повѣсти. 4) «Носъ». Содержаніе фантастическое. Цѣль автора темна и способна быть истолкована различнымъ образомъ, а потому пропускъ этаго разсказа требуетъ разрѣшенія Главнаго Цензурнаго Начальства. 5) «Коляска», 6) «Записки сумасшедшаго». Отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 7) «Римъ». Одобрителенъ вполнѣ.

Четвертый томъ: 1) «Ревизоръ». Замѣчанія, сдѣланныя на повѣсть Мечтатель, вполнѣ относятся къ этой комедіи. 2) «Женитьба». Отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 3) «Игроки». Запрещенная азартная игра въ гостинницѣ, совершеніе фальшиваго акта и описаніе различныхъ обмановъ, употребляемыхъ игроками, дѣлаютъ эту комедію сомнительною для пропуска. 4) «Утро дѣлового человѣка», 5) «Тяжба», 6) «Лакейская», 7) «Отрывокъ» и 8) «Разъѣздъ». Отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ.

Въ заключеніе честь имѣю присовокупить, что сочиненія, заключающіяся въ означенныхъ четырехъ томахъ, печатаемыя сначала отдѣльно каждое въ современныхъ

журналахъ, а потомъ изданныя въ 1842 г. всѣ вмѣстѣ никогда, сколько мнѣ извѣстно, не подвергались никакому замѣчанію со стороны Цензурнаго Начальства. Комедіи же этаго автора постоянно разыгрывались и разыгрываются на Императорскихъ Театрахъ. То и другое обстоятельство можетъ служить указаніемъ на то, что Правительство не находитъ сочиненій этаго автора предосудительными, еще менѣе вредными. Къ тому же заключенію приводитъ даже самое строгое разсматриваніе сочиненій этихъ, если при этомъ разсматриваніи руководствоваться правиломъ, изъясненнымъ въ 6-й статьѣ Цензурнаго Устава, въ которой именно предписывается цензурѣ въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Тѣмъ не менѣе однако, имѣя въ виду неоднократныя замѣчанія по поводу разныхъ статей, въ которыхъ, не смотря на явное, безукоризненное направленіе всего содержанія, нѣкоторыя мѣста, отдѣльно взятыя, подвергались осужденію, потому единственно, что могли быть истолкованы читателями въ превратномъ смыслѣ и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ, я считаю долгомъ представить всѣ Сочиненія Н. Гоголя на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства.

Надворный Совѣтникъ Д. Ржевскій.

VII.

Копія съ конфиденціальнаго предложенія покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія, Князя Ширинскаго-Шихматова, къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 Мая 1852 года за № 647.

Въ видѣ введенія къ 1-му тому Московскаго Сборника, изданному въ текущемъ году, напечатана статья, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о Гоголѣ». Статья эта, во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, заключаетъ въ себѣ отрывистые намеки и мысли недоконченныя, которые могутъ подать поводъ читателямъ къ неблагопріятнымъ и даже предосудительнымъ выводамъ.

«Много еще пройдетъ времени, говоритъ сочинитель статьи, пока уразумѣется вполнѣ все глубокое и строгое значеніе Гоголя, этого монаха-художника, христіанина-сатирика, аскета и юмориста, этого мученика возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи».

Здѣсь вовсе не объяснено, почему такъ много требуется времени, чтобъ уразумѣть вполнѣ значеніе Гоголя. Неужели сочинитель статьи думаетъ, что значеніе это такъ непостижимо, что никто изъ современниковъ не въ состояніи составить себѣ яснаго понятія о Гоголѣ по его литературнымъ произведеніямъ? Почему преимущественно Гоголю приписывается глубокое и строгое значеніе? Подобныя неопредѣлительныя выра-

женія невольно приводятъ къ предположенію, что онъ имѣлъ какую либо особую скрытую цѣль, извѣстную только немногимъ, и такое предположеніе тѣмъ покажется правдоподобнѣе, что сочинитель статьи называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи. Какая это возвышенная мысль и нѣразрѣшимая задача, которыя терзали Гоголя до того, что наконецъ преждевременно свели его въ могилу?—Должно замѣтить, что причиною смерти Гоголя сочинитель статьи почитаетъ именно неудовлетворительное разрѣшеніе означенной задачи и необходимость, послѣ двукратнаго сожженія втораго тома Мертвыхъ Душъ, приступить снова къ ея рѣшенію: «но недостало человѣка, говоритъ онъ, на это новое испытаніе, и дѣятельность духа, напоромъ силъ своихъ, постоянно возраставшимъ, безъ труда разорвала и сломила сдержававшія ее земныя узы».

Далѣе, въ статьѣ о Гоголѣ, сказано: «Нельзя было художнику въ одно время вмѣстить въ себя, выстрадать, высказать вопросъ и самому предложить на него отвѣтъ и разрѣшеніе. Вспомнимъ то мѣсто, въ концѣ 1-го тома Мертвыхъ Душъ, когда изъ души поэта, наболѣвшей отъ пошлости и ничтожества современнаго общества, вырываются мучительные стоны, и—обхваченный предчувствіемъ великихъ судебъ, ожидающихъ Русь, эту непостижимую страну, онъ восклицаетъ: «Русь! куда несешься ты, дай отвѣтъ!.. Не даетъ отвѣта!»

«И не дала она отвѣта поэту, продолжаетъ сочинитель статьи, «хотя всю жизнь свою ждалъ, молилъ и домогался истины. Отвѣтъ желалъ онъ найти и себѣ и обществу, требовавшему отъ него разрѣшенія вопросу, заданному Мертвыми Душами».

Изъ всего сказаннаго здѣсь нельзя не заключить, что возвышенная мысль и неразрѣшимая задача, и выстраданный вопросъ, составляя одно и то же, относится къ направленію, по которому несется Русь; что этотъ вопросъ заданъ первымъ томомъ Мертвыхъ Душъ; что Гоголь напрасно усиливался разрѣшить его во второмъ томѣ, написанномъ два раза, и наконецъ изнемогъ подъ тяжестію труда, превосходящаго его силы. Но если онъ обхваченъ былъ предчувствіемъ великихъ судебъ, ожидающихъ Русь, то для чего же ему было страдать, и какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться мученикомъ возвышенной мысли о Руси? Какъ согласить неразрѣшимую задачу, которая положила Гоголя въ гробъ, съ предчувствіемъ великихъ судебъ, ожидающихъ Русь?

Съ другой стороны, кто далъ сочинителю статьи право клеймить все современное общество печатью пошлости и ничтожества, отъ которыхъ будтобы изъ наболѣвшей души Гоголя вырывались мучительные стоны. Судить по героямъ Мертвыхъ Душъ о цѣломъ Русскомъ обществѣ— есть верхъ несправедливости, никому не дозволительной.

Далѣе сказано въ статьѣ: «Долго страдалъ онъ (Гоголь), отыскивая свѣтлой стороны и пути къ примиренію съ обществомъ... уже не однажды думалъ, что найденъ отвѣтъ... но не удовлетворялось правдивое чувство поэта». И такъ сочинитель статьи не только безотчетно чернитъ все современное общество, по его мнѣнію, пошлое и ничтожное, но утверждаетъ даже, что въ немъ небыло ни одной свѣтлой стороны, которая могла бы послужить Гоголю средствомъ примиренія съ нимъ. Вотъ до чего доводитъ необдуманное желаніе возвысить Гоголя!

Всѣ сіи недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, не могутъ не вводить въ заблужденіе читателей, изъ которыхъ многіе конечно подумаютъ, что онъ былъ коноводомъ какой нибудь партіи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствіемъ Россіи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытіе и направленіе. И въ самомъ дѣлѣ по содержанію этой статьи можно не безъ основанія вообразить себѣ, что Гоголь имѣлъ притязаніе сдѣлаться преобразователемъ Россіи, и особливо по прочтеніи слѣдующихъ двухъ мѣстъ:

1) «Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ, эта страшная торжественная ночь сожженія, и въ слѣдъ за этимъ—смерть,—все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую великую грозную поэму, смыслъ которой еще долго останется неразгаданнымъ».

2) Въ одномъ изъ напечатанныхъ своихъ писемъ Гоголь говоритъ: «три первыхъ поэта, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертію въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ, и никого это не поразило. Даже не содрогнулось вѣтреное племя... Теперь, не досказавъ своего слова, похищенъ смертью человѣкъ, котораго значеніе для Россіи важнѣе всехъ упомянутыхъ трехъ поэтовъ, на котораго такъ долго обращались взоры, полные надеждъ и ожиданія, который былъ послѣднею современною,

свѣтлою точкою на нашемъ грустномъ небѣ... Содрогнется ли хотя теперь вѣтреное племя»?

Кого еще этими словами караетъ сочинитель статьи,— неизвѣстно.

Находя, что статья подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о Гоголѣ», не подлежала цензурному одобренію и не долженствовала появиться въ печати въ настоящемъ видѣ ея, тѣмъ болѣе, что безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой мѣры похвалъ Гоголю, она накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія, котораго покойный писатель нашъ не заслужилъ ни жизнію, ни христіанскою своею кончиною, я пропу покорнѣйше Ваше Превосходительство, за необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе этой статьи и за пропускъ оной къ печатанію, сдѣлать Цензору, Статскому Совѣтнику Князю Львову, строгій выговоръ.

Подлинное подписалъ Князь Ширинскій-Шихматовъ.

О предполагаемомъ, въ Москвѣ, новомъ изданіи Сочиненій Гоголя.

VIII.

Изложеніе дѣла о предполагаемомъ въ Москвѣ изданіи Сочиненій Гоголя.

Обстоятельства дѣла сего суть слѣдующія.

Отпечатанныя въ С.Пб., въ 1842 году, въ 4-хъ частяхъ, Сочиненія Н. В. Гоголя давно уже не находятся въ продажѣ; онѣ были, еще при жизни автора, разсмотрѣны Московскимъ Ц. Комитетомъ, и имъ къ напечатанію новымъ изданіемъ одобрены 10 Октября 1851 года, съ исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Затѣмъ было начато печатаніе, но, со смертью автора, пріостановлено.

Въ 1853 году Ординарный Профессоръ Московскаго Университета, Статскій (нынѣ Дѣйствительный Статскій) Совѣтникъ Шевыревъ вошелъ въ упомянутый Комитетъ съ прошеніемъ, въ коемъ, по имѣющейся у него довѣренности наслѣдниковъ Н. В. Гоголя, проситъ о разрѣшеніи напечатать новымъ изданіемъ вышеозначенныя 4 части (СПб., 1842 г.), съ

дополненіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей: Авторская Исповѣдь и Пять главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ.—По полученіи сего прошенія, въ Московскомъ Ценз. Комитетѣ приступлено было къ новому пересмотру, какъ печатныхъ такъ и рукописныхъ сочиненій Гоголя. Г. Попечитель Моск. Учебн. Округа, 5 Декабря 1853 года за № 1286, представилъ Г. Министру, что хотя при этомъ просмотрѣ, какъ и прежде, въ направленіи всѣхъ сочиненій не найдено ничего противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, и хотя сочиненія, заключающіяся въ 4-хъ печатныхъ томахъ, давно уже пользуются всеобщимъ одобреніемъ и извѣстностью, особенно комедіи, которыя постоянно разыгрываются на русской сценѣ; однако, имѣя въ виду Высочайше утвержденныя правила о полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, онъ, Генералъ-Адъютантъ Назимовъ, препроводилъ означенныя сочиненія Гоголя на предварительное усмотрѣніе Г. Министра. При семъ Г. Попечитель изъяснилъ, что онъ, съ своей стороны, новое изданіе сочиненій Гоголя, предпринимаемое по случаю рѣдкости экземпляровъ прежняго изданія, продающихся по неимовѣрно-дорогой цѣнѣ,—признаетъ весьма полезнымъ, по уваженію литературнаго ихъ достоинства, благонамѣренности направленія и нравственности впечатлѣній, производимыхъ ими на читателей. Дѣлать же какія либо измѣненія или исключенія частныхъ мѣстъ изъ прежняго изданія, при общеизвѣстности этихъ сочиненій и безукоризненности ихъ общаго духа и направленія, Ген. Адъют. Назимовъ полагаетъ неудобнымъ, тѣмъ болѣе что это могло бы уронить въ глазахъ читателей достоинство новаго изданія, въ явный ущербъ наслѣдниковъ Гоголя, и еще болѣе возвысить тѣмъ цѣну экземпляровъ прежняго изданія. По мнѣнію Ген. Адъют. Нази-

мова позволительно думать что сочиненія Гоголя, составляющія одно изъ украшеній нашей литературы, заслуживаютъ по преимуществу того цензурнаго снисхожденія, которое Высочайше дозволено въ отношеніи къ новымъ изданіямъ произведеній извѣстныхъ Русскихъ писателей.

Г. Министръ Н. П. 22 того же Декабря за № 2556, согласился, въ основаніи, съ мнѣніемъ Генералъ-Адъют. Назимова о возможности подвести предполагаемое изданіе Сочиненій Гоголя подъ Высочайше утвержденныя правила о полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ отечественныхъ писателей.

Въ послѣдствіе сего Г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, 30 Ноября 1854 года за № 561, представилъ Г. Министру, что опредѣленіемъ Московскаго Ценз. Комитета, отпечатанныя въ 1842 году четыре части Сочиненій Гоголя поручены были, для новаго просмотра, бывшему Цензору Ржевскому, а рукописи—найденныя послѣ смерти Гоголя (именно 5 главъ II-го тома Мертвыхъ Душъ и Авторская Исповѣдь), бывшему Цензору Похвисневу. Заключенія Г.г. Похвиснева и Ржевскаго, изложенныя въ ихъ донесеніяхъ по сему предмету, Комитетъ призналъ правильными. Что же касается до общаго направленія и содержанія разсмотрѣнныхъ сочиненій, то Члены Московскаго Ценз. Комитета раздѣляютъ вполнѣ мнѣніе по этому предмету Г. Попечителя, изложенное выше. Ген.Адъют. Назимовъ, оставаясь и нынѣ при томъ же мнѣніи относительно благонамѣренности сочиненій Гоголя и высокаго ихъ значенія въ нашей литературѣ, ходатайствуетъ объ испрошеніи Высочайшаго разрѣшенія на изданіе сихъ сочиненій безъ перемѣнъ и исключеній, которыя не только повредятъ ихъ достоинству, но и могутъ дать поводъ къ злоупотребленію въ пріисканіи по прежнимъ изданіямъ выну-

щенныхъ мѣстъ, которое придастъ имъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли. Въ заключеніе Г. Попечитель обращаетъ вниманіе Г. Министра и на состояніе семейства покойнаго Гоголя: наслѣдники его до сихъ поръ лишаются законнаго своего достоянія, и семейство не пользуется никакимъ плодомъ трудовъ писателя, который принесъ столько пользы и славы отечеству.—Къ сему представленію Г. Попечитель приложилъ книги и рукописи, назначаемыя въ новое изданіе, а также подлинные о нихъ рапорты бывшихъ Цензоровъ Похвиснева и Ржевскаго.

Надв. Сов. Ржевскій, разсмотрѣвшій четыре тома Сочиненій Н. Гоголя, изданныхъ въ С.П.бургѣ въ 1842 году, доноситъ, что первый томъ заключаетъ въ себѣ повѣсти и разсказы большею частью фантастическаго содержанія, которые, по духу и направленію, не представляютъ ничего противнаго общимъ правиламъ Цензурнаго Устава; но въ подробностяхъ находится много мѣстъ и выраженій, возбуждающихъ сомнѣніе и требующихъ разрѣшенія главнаго цензурнаго начальства; мѣста эти отмѣчены карандашемъ въ самомъ подлинникѣ. Второй томъ содержитъ въ себѣ: 1) Разсказъ: Старосвѣтскіе Помѣщики, вполнѣ соотвѣтствующій цензурнымъ требованіямъ. 2) Тарасъ Бульба,—яркое и живое изображеніе Запорожской Сѣчи и казацкихъ обычаевъ, требующее разрѣшенія главнаго цензурнаго начальства. 3) Вій,—разсказъ содержанія фантастическаго, основаннаго на мѣстныхъ преданіяхъ; отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 4) Повѣсть о томъ какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, въ коей заключается комическій разсказъ о медленности судопроизводства и о бездѣйствіи въ низшихъ инстанціяхъ. Въ третьемъ томѣ: 1) Невскій Проспектъ. Описаніе различныхъ сценъ

въ жизни офицера, представленнаго въ смѣшномъ видѣ, дѣлаетъ всю повѣсть сомнительною для пропуска; отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 2) Портретъ,—отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 3) Шинель, замѣчанія, сдѣланныя главнымъ цензурнымъ начальствомъ по поводу повѣстей «Мечтатель» и «Записки Почтмейстера» могутъ вполнѣ относиться и къ этой повѣсти. 4) Носъ,—содержанія фантастическаго; цѣль автора темна и способна быть истолкована различнымъ образомъ, а потому пропускъ этого разсказа требуетъ разрѣшенія главнаго цензурнаго начальства. 5) Коляска и 6) Записки сумасшедшаго,—отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 7) Римъ,—разсказъ, одобрительный вполнѣ.—Четвертый томъ. 1) Ревизоръ; замѣчанія сдѣланныя на повѣсть «Мечтатель» вполнѣ относятся къ этой комедіи. 2) Женитьба,—отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ. 3) Игроки: запрещенная азартная игра въ гостинницѣ, совершеніе фальшиваго акта и описаніе различныхъ обмановъ, употребляемыхъ игроками, дѣлаютъ эту комедію сомнительною для пропуска. 4) Утро дѣловаго человѣка, 5) Тяжба, 6) Лакейская, 7) Отрывокъ и 8) Разъѣздъ,—отдѣльныя мѣста отмѣчены карандашемъ.—Въ заключеніе Н. С. Ржевскій присовокупляетъ, что сочиненія, заключающіяся въ означенныхъ четырехъ томахъ, печатавшіяся сначала отдѣльно каждое, въ современныхъ журналахъ, а потомъ изданныя въ 1842 году всѣ вмѣстѣ, никогда, сколько ему извѣстно, не подвергались никакому замѣчанію со стороны цензурнаго начальства. Комедіи же Гоголя постоянно разыгрываются на Императорскихъ театрахъ. Оба эти обстоятельства могутъ служить указаніемъ на то, что Правительство не находитъ сочиненій этого автора предосудительными, еще менѣе вредными. Къ тому же заключенію приводитъ даже самое

строгое разсматриваніе сочиненій этихъ, если при этомъ разсматриваніи руководствоваться 6-ю статьею Ценз. Уст., въ которой именно предписывается цензурѣ въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Тѣмъ не менѣе однако, въ виду имѣются неоднократныя замѣчанія по поводу разныхъ статей, въ которыхъ, не смотря на явно безукоризненное направленіе всего содержанія, нѣкоторыя мѣста, отдѣльно взятыя, подвергались осужденію, потому единственно, что могли быть истолкованы читателями въ превратномъ смыслѣ и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ.

Колл. Сов. Похвисневъ, разсмотрѣвшій, въ рукописяхъ, пять главъ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» и Авторскую Исповѣдь, доноситъ, что эти посмертныя сочиненія Гоголя, разсматриваемыя съ цензурной точки зрѣнія, относительно общаго ихъ духа и впечатлѣнія, производимаго ими на читателя, не только не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но еще отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ. При всей однакоже безукоризненности направленія, при всѣхъ литературныхъ и художественныхъ достоинствахъ, сочиненія эти содержатъ въ себѣ нѣсколько частныхъ мѣстъ, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящимъ цензурнымъ требованіямъ, и если могутъ быть пропущены, то развѣ съ разрѣшенія высшаго цензурнаго начальства. Отмѣтивъ въ рукописяхъ, карандашемъ, мѣста казавшіяся ему сомнительными, Колл. Сов. Похвисневъ независимо отъ того считаетъ долгомъ сказать мнѣніе свое вообще о тѣхъ частностяхъ въ поименованныхъ рукописяхъ, которыя представляютъ особыя затрудненія въ цензурномъ отношеніи. Отъ втораго тома Мертвыхъ Душъ найдено, по смерти автора,

только пять первыхъ, и то неполныхъ главъ. Первая глава, за исключеніемъ двухъ-трехъ рѣзкихъ выраженій, не представляетъ особенно сомнительныхъ мѣстъ, и, по мнѣнію г. Похвиснева, можетъ быть одобрена къ печати въ цѣлости, безъ всякихъ исключеній. Во второй главѣ, отъ которой уцѣлѣло только начало, рельефно изображено лицо Генерала Бетрищева;—въ ней также не находится, по мнѣнію г. Похвиснева, ничего противоцензурнаго. Помѣщенный же въ этой главѣ разсказъ Чичикова: Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ, хотя очевидно относится къ судейскому поколѣнію прежняго времени, однако же требуетъ особаго разрѣшенія. Въ третьей главѣ сомнительны: эпизодъ о Полковникѣ Кашкаревѣ, помѣшанномъ на письменномъ производствѣ и канцелярскихъ порядкахъ,—и полныя негодованія, хотя и благонамѣренныя, рѣчи Костанжогло противъ нынѣшнихъ помѣщиковъ и ложнаго просвѣщенія. Четвертая глава, кромѣ нѣкоторыхъ частностей въ разговорѣ Хлобуева съ Чичиковымъ и Платоновымъ, не заключаетъ въ себѣ особенно сомнительныхъ мѣстъ. Пятая глава представляетъ болѣе затрудненій; въ ней мрачными красками изображена картина злоупотребленій и безпорядковъ, совершающихся въ провинціи; возвышенно-благородный и энергическій характеръ Генералъ-Губернатора, представленнаго въ борьбѣ съ предосудительными дѣйствіями подчиненныхъ ему лицъ, описаніе разныхъ продѣлокъ служащихъ лицъ, обращеніе или рѣчь Генералъ-Губернатора къ чиновникамъ предъ отъѣздомъ его въ С.П.бургъ,—все это, какъ предметы касающіеся нашей государственной жизни, при всей благонамѣренной цѣли автора, можетъ появиться въ печати только съ одобренія высшей власти. Что же касается до Авторской Исповѣди, то и въ этомъ сочиненіи, вызванномъ напад-

ками и обвиненіями, которымъ подвергался авторъ за изданную имъ Переписку съ друзьями, встрѣчается нѣсколько сомнительныхъ, въ цензурномъ отношеніи, мѣстъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ выражаетъ мысли свои о нынѣшнемъ состояніи нашего отечества. Впрочемъ духъ и содержаніе этого сочиненія вполнѣ благонамѣренны.

Справка 1. При обозрѣніи, въ Канцеляріи, представленныхъ Генералъ-Адъютантомъ Назимовымъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій Гоголя, оказались въ нихъ черты, сдѣланныя карандашемъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ.

А) Сочиненія Николая Гоголя. С.Пб. 1842 г. въ типографіи А. Бородина и К-о.

Въ томѣ первомъ. Въ 1-мъ предисловіи, на стр. XV. На страницахъ первой нумераціи: 71 (два мѣста), 74, 77 (два мѣста), 97 (два мѣста), 106, 140 (два мѣста). Во второмъ предисловіи: VI, VII (два мѣста). На страницахъ второй нумераціи: 4 (три мѣста), 5, 6 (три мѣста), 7 (четыре мѣста), 8—9, 10, 19, 20 (два мѣста), 21, 24 (два мѣста) 25, 26, 31, 35 (три мѣста), 38 (два мѣста), 39, 44, 53 (два мѣста), 56, 66, 74, 86 (два мѣста), 90, 99, 116, 118, 127—135, 151—167, 181—184, 194 (два мѣста), 195 (два мѣста), 196 (два мѣста), 200, 235, 246, 258. Въ томѣ второмъ, на страницахъ: 68, 97, 100, 101, 102 (два мѣста), 114, 120, 130, 177, 178, 180, 191, 322, 329, 344, 352, 357, 360 (два м.), 363, 368, 371, 378, 380, 381. Въ томѣ третьемъ, на стр. 10, 11, 14 (два м.), 15 (два м.), 17, 18, 19 (два м.), 20—21, 23, 24, 25 (два м.), 30, 31 (два м.), 39, 40, 43, 44, 45, 55, 58, 59—60, 64, 68, 71, 72, 74, 75, 162, 164, 165, 179, 187, 192, 200, 207 (два м.), 211, 212, 214, 226, 316, 319 (два м.), 341, 342 (три м.), 343, 344, 347,

548 (два м.), 349, 350, 351 (два м.), 353 (два м.), 354, 358, 359, 364, 365 (два м.), 366, 370 (два м.), 371. Въ томѣ четвертомъ, на стр. 224, 230 (пять м.), 231, 232 (два м.), 233, 234, 244, 248, 253, 254 (два м.), 255 (четыре м.), 256, 257, 258, 259, 272, 289, 299, 302, 322, 331, 338, 439, 441 (два м.), 445, 468, 469 (два м.), 470, 471, 473, 476, 477, 478, 480, 487 (два м.), 488, 493, 496, 497, 499 (два м.), 500 (два м.), 504, 506, 533, 542, 545 (три м.), 546, 551, 571, 572, 576.

В) Рукописи.

Тома 2-го Мертвыхъ Душъ, въ главѣ первой, на стр. 8, 26, 29, 33, 66. Въ главѣ второй, на стр. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 29. Въ главѣ третьей, на стр. 17, 27, 59, 61, 69, 70 (два м.), 71, 72, 73, 75 (два м.), 76, 77, 78, 79 (два м.), 82, 85, 86 (два м.), 87, 88, 89 (два м.), 90, 91, 92, 93 (два м.), 94, 95, 96, 97, 98, 99 (два м.), 100, 104, 108, 110—111, 116, 122, 123, 154. Въ главѣ четвертой, на стр. 10, 11 (два м.), 12, 14, 19, 20, 21, 22, 23, 29, 34, 39, 44, 58, 59. Въ главѣ пятой, на стр. 1, 2, 3, 5 (два м.), 19, 44, 52, 54, 56, 60, 62, 84, 92, 93, 98, 111, 112, 114, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 128, 129, 134, 140, 142, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158. Въ Авторской Исповѣди, на стр. 2, 5, 6, 9, 10, 11 (два м.), 25, 28, 29, 43, 48, 51, 60, 66, 68, 69, 72, 76, 77 (три м.), 82, 83, 84, 85, 96, 99.

Справка 2. Изъ дѣлъ Главнаго Упр. Ценз. усматривается, что при одобреніи въ С.Пб. Ценз. Комитетѣ, въ 1843 году, собранія сочиненій Гоголя,—разсматривавшій ихъ бывшій Цензоръ, Профессоръ Никитенко, имѣлъ въ виду различныя сомнѣнія, которыя разсмотрѣны были Комитетомъ и разрѣшены словесно бывшимъ Министромъ, Графомъ Уваровымъ. Сомнѣнія эти и сообра-

женія, на основаніи коихъ означенное изданіе было одобрено къ печати, изложены въ представленіи Исправлявшаго должность Попечителя С.Пб. Учебн. Округа Князя Волконскаго Графу Уварову (на девяти нумерованныхъ листахъ), отъ 4 Января 1843 года за № 5. (Дѣло Гл. Упр. Ц., 1843 г., № 1).

Справка 3. Въ конфиденціальномъ предложеніи бывшаго Министра Нар. Пр. Князя Ширинскаго-Шихматова къ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 Мая 1852 г. за № 647, между прочимъ, значится, что въ видѣ введенія къ 1-му тому Московскаго Сборника, изданному въ 1852 году, напечатана статья: «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» (который умеръ въ Москвѣ, 22 Февраля 1852 г.). Статья эта, во многихъ мѣстахъ неясная и загадочная, признана Княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ приводящею къ предположенію, что Гоголь имѣлъ какую либо особую, скрытную цѣль, извѣстную только немногимъ. Сочинитель называетъ Гоголя мученикомъ возвышенной мысли и неразрѣшимой задачи, и причиною смерти его почитаетъ именно неудовлетворительное разрѣшеніе этой задачи и необходимость, послѣ двукратнаго сожженія второго тома Мертвыхъ Душъ, приступить снова къ ея рѣшенію. Недомолвки и несообразности, при восторженномъ тонѣ и мистическомъ смыслѣ цѣлой статьи о Гоголѣ, по мнѣнію Князя, не могутъ не вводить въ заблужденіе читателей, изъ которыхъ многіе, конечно, подумаютъ, что Гоголь былъ коноводомъ какой нибудь партіи, которая, не довольствуясь настоящимъ благоденствіемъ Россіи, возмечтала дать нашему отечеству новое политическое бытіе и направленіе. Князь Шир. Шихм. признавалъ, что статья эта, безотчетнымъ расточеніемъ выходящихъ изъ всякой

мѣры похвалъ Гоголю, накидываетъ тѣнь подозрѣнія на его намѣренія и дѣйствія, котораго покойный писатель нашъ не заслужилъ ни жизнью, ни христіанскою своею кончиною. За необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе этой статьи и за пропускъ оной къ печатанію, бывшему Цензору, Ст. Сов. Князю Львову, сдѣланъ строгій выговоръ. (Копія съ означеннаго конфиденціальнаго предложенія за № 647, на пяти листахъ, приложена къ настоящему дѣлу).

Справка 4. Въ вышеизложенномъ рапортѣ бывшаго Цензора, Надв. Сов. Ржевскаго, упоминается о цензурныхъ замѣчаніяхъ, возбужденныхъ напечатанными въ журналѣ Москвитянинъ, 1854 года, повѣстями: Мечтатель и Записки Почтмейстера. Въ первой изъ этихъ повѣстей Г. Министръ Нар. Пр. изволилъ усмотрѣть «весьма многія двусмысленныя, часто ложныя и даже вредныя сужденія о государственной службѣ, объ образованіи, о неравенствѣ состояній и о брачной жизни». Посему, 28 Сентября 1854 г. за № 1924, Г. г. Цензорамъ Московскаго Ценз. Комитета сдѣлано «строгое внушеніе, чтобы они, при разрѣшеніи къ печати сочиненій, обращали особенное вниманіе на духъ и направленіе ихъ, дабы не могло снова произойти столь важнаго упущенія, какъ въ настоящемъ случаѣ».—Въ повѣсти же Записки Почтмейстера, Г. Министръ изволилъ обратить вниманіе на «сатирическія выходки противъ чиновъ гражданской службы», и признавая, что «вообще въ литературныхъ произведеніяхъ не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить уваженію, которымъ должны пользоваться лица состоящія въ государственной службѣ»,—17 Октября 1854 г. за № 2053, въ дополненіе къ вышеозначенному предписанію за № 1924, сдѣлалъ соотвѣтствен-

ное внушеніе Г.г. Цензорамъ Московскаго Ценз. Комитета.

Справка 5. Изъ дѣлъ Канцеляріи Г. Министра усматривается, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго Министра Н. П. Графа Уварова, въ 25 день Марта 1845 года Высочайше повелѣть соизволилъ: извѣстному литератору Николаю Гоголю выдавать, въ теченіе трехъ лѣтъ, по тысячѣ рублей серебромъ ежегодно, изъ суммъ Государственнаго Казначейства. (Дѣло 1845 года, за № 34). Въ семъ же дѣлѣ находится собственноручное письмо Гоголя къ Графу Уварову, по случаю означенной Монаршей милости. Въ письмѣ этомъ особенно замѣчательны слѣдующія выраженія Гоголя: «О благодарности Государю ничего не говорю: она въ душѣ моей; выразить ее могу развѣ одной молитвой о Немъ».—«Грустно мнѣ потому что и за прежнее я состою донынѣ въ неоплатномъ долгу предъ Государемъ».—«Государь, которому истинно дорого душевное благо его подданныхъ, сказалъ бы можетъ быть, со временемъ, обо мнѣ такъ: этотъ человѣкъ умѣлъ быть благодарнымъ, и зналъ чѣмъ высказать мнѣ свою признательность».

Законы. Уст. о Ценз. (Св. Зак. изд. 1842 г. статьи).

3. Произведенія словесности, наукъ и искуствъ подвергаются запрещенію цензуры.

а) Когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія Православной Церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ Христіанской вѣры.

б) Когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной

Власти, или уваженіе къ Императорскому Дому и что либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ.

в) Когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и

г) Когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою.

6. Руководствуясь въ точности постановленными въ статьѣ 3 правилами, цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. Объясненія автора на замѣченныя цензурою мѣста допускаются, если только сіи объясненія не противны явному смыслу рѣчи.

7) Слѣдуя тѣмъ же правиламъ при разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ, однако наблюдаетъ, чтобы и въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ.

Государь Императоръ, въ 14 день Августа 1851 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Предоставить Главному Управленію Цензуры, при разсмотрѣніи донесеній Цензурныхъ Комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ

цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, бо́льшей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ которыя читаютъ только люди посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы.

2) Заключенія Главнаго Управленія Цензуры о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія, представлять чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее благоусмотрѣніе».

Секретарь А. Добровольскій.

IX.

В. И. В.

М. Г.

Мнѣ весьма утѣшительно донести В. И. В. что вполнѣ раздѣляя изложенныя въ рескриптѣ которымъ В. В. угодно было почтить меня мнѣнія Ваши Мил. Гос. о лицѣ и о сочиненіяхъ Гоголя я еще до полученія сего рескрипта сдѣлалъ распоряженія о предложеніи таковаго мнѣнія Главн. Упр. Ценз. въ случаѣ если мѣстная Цензура встрѣтитъ затрудненія при разсмотрѣніи его сочиненій. То высокое покровительство которое благоугодно было В. В. оказать нынѣ памяти сего отличнаго писателя не можетъ не быть драгоцѣнно для Отечественнаго Просвѣщенія.

Съ глубоч. уваж. и неогр. преданн. и. ч. б.

М. Г.

В. И. В—ва.

О ненапечатанныхъ сочиненіяхъ Гоголя.

X.

Произведенія чисто литературныя имѣютъ вообще двѣ стороны, съ которыхъ должны быть разсматриваемы: художественную и нравственную; внутреннее ихъ достоинство оцѣняется по мѣрѣ того, какъ и въ какой степени выполнены въ нихъ основанныя на непреложныхъ законахъ требованія въ семъ двоякомъ отношеніи.

Въ первомъ изъ нихъ, (художественномъ,) истинное достоинство Гоголя составляетъ обладаемая имъ въ высшей степени способность: схватывать характеристическія черты предмета и передавать ихъ въ вѣрнѣйшихъ, не менѣе характеристическихъ очеркахъ. По роду своему и манерѣ, Гоголь, въ уподобленіи къ знаменитымъ живописцамъ, близко напоминаетъ Гогорта, Каллота и Теніерса, въ области же литературы, талантъ его не имѣетъ ничего общаго ни съ французскимъ остроуміемъ (ésprit), ни съ нѣмецкимъ вицомъ, и если непремѣнно уже должно искать для него сравненія, то онъ болѣе близокъ къ игривой, хотя иногда довольно ѣдкой, но добродушной и благонамѣренной остротѣ англійскихъ юмористовъ: Свифта, Дикенса, особенно Вашингтона Эрвинга.

Въ другомъ, (нравственномъ) отношеніи, сочиненія Гоголя имѣютъ важное достоинство и возвышенное значеніе. Вездѣ видны въ нихъ пламенная любовь къ Правдѣ, душевное желаніе добра, неусыпное противоборство пороку во всѣхъ его проявленіяхъ, и все это съ весьма искуснымъ примѣненіемъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени.

При осуществленіи своемъ въ такомъ направленіи, талантъ Гоголя проявляется разительными противоположностями свѣта и тѣней, рѣзкими, истинно мастерскими очерками, яркимъ колоритомъ. Отсюда чрезвычайно естественныя фламандскія картины, язвительныя, прямо въ цѣль попадающія насмѣшки, смѣлыя, даже рѣзкія, не всегда утонченнымъ вкусомъ одобряемыя выраженія.

Но это именно составляетъ оригинальную особенность его, и служитъ ему средствомъ къ достиженію моральной цѣли; средствомъ быть можетъ вѣрнѣйшимъ, потому, что картины его поразительно-правдивы, выводы всѣмъ понятны.

А такъ какъ въ этомъ соединеніи качествъ глубокаго наблюдателя, смѣлаго живописца и мыслителя заключается индивидуальность таланта Гоголя, то ни одно изъ сихъ качествъ не могло бы быть не только исключено, но даже смягчено или сглажено, безъ разрушенія характера и самой жизни, слѣдовательно и моральнаго значенія его твореній. Лишенныя такимъ образомъ одной изъ составныхъ своихъ стихій, творенія эти содѣлались бы менѣе чѣмъ посредственными; они стали бы скучными, ихъ никто не сталъ бы читать.

Такой взглядъ на литературное произведеніе и такое оцѣненіе его, могло бы быть признано не подлежащимъ разсужденію первой Цензурной инстанціи; даже быть можетъ, что и вторая инстанція не приняла бы на себя разрѣшенія замѣчаній первой. Но безъ сомнѣнія,

такой высшій взглядъ входитъ въ кругъ дѣйствія и даже принадлежитъ къ обязанностямъ Главнаго Управленія Цензуры, которая о явленіяхъ словесности судитъ съ точки общихъ видовъ, по совокупному соображенію всѣхъ, равно общихъ, но притомъ и частныхъ и даже личныхъ уваженій, не по наружнымъ и, такъ сказать, наличнымъ качествамъ сочиненія; но съ оцѣненіемъ внутренняго его достоинства, значенія его въ общемъ составѣ отечественной письменности, особенно же въ предусмотрѣніи нравственнаго вліянія и не стѣсняясь наружною формою, которая въ первыхъ инстанціяхъ не можетъ быть упускаема изъ виду.

Что касается до усматриваемыхъ нѣкоторыми въ послѣднихъ главахъ «Мертвыхъ Душъ», предосудительныхъ, будто, намековъ, я долженъ сказать, что ихъ вовсе не нашелъ. Гоголь вездѣ говоритъ впрямь то, что хочетъ сказать; не прибѣгая къ прикрасамъ и иносказаніямъ, онъ называетъ вещи по имени. То что другимъ можетъ казаться намекомъ, по мнѣнію моему есть необходимое развитіе первоначальнаго плана, безъ всякой сокровенной мысли (arrière pensée).

По всему этому я не могу не раздѣлить и не принять вполнѣ мнѣнія Г. Генералъ-Лейтенанта Дубельта, изложеннаго въ прочитанной въ послѣднее засѣданіе Главнаго Управленія Цензуры запискѣ Его Превосходительства, о дозволеніи напечатать неизданныя до нынѣ сочиненія покойнаго Гоголя безъ всякихъ исключеній и измѣненій.

Все сказанное выше тѣмъ болѣе еще относится къ изданію вновь твореній того жъ автора, извѣстныхъ уже публикѣ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ

О. Пржецлавскій.

Въ С. Петербургѣ.
16/28 Апрѣля 1855.

О новомъ изданіи Сочиненій Гоголя.

XI.

Зас. Гл. Упр. Ц. 6 Мая 1855.

Особая Статья.

Главному Упр. Ц. доложено дѣло о предполагаемомъ, въ Москвѣ, новомъ изданіи Сочиненій Гоголя. Обстоятельства дѣла сего суть слѣдующія.

Въ 1853 году Профессоръ Шевыревъ, по довѣренности наслѣдниковъ Гоголя, обратился въ Моск. Ц. К. съ прошеніемъ о разрѣшеніи напечатать новымъ изданіемъ Сочиненія Н. В. Гоголя, отпечатанныя въ 4 частяхъ, въ С.П.Б., въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти этого писателя рукописей: Авторская Исповѣдь и Пять главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ. — По полученіи о семъ отъ Попечителя Моск. Уч. Округа представленія, Г. Министръ Нар. Пр. 22 Декабря 1853 г. за № 2536 призналъ возможнымъ подвести предполагаемое изданіе подъ Высочайше утвержденныя правила о полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ отечественныхъ писателей.

Бывшій Цензоръ Моск. Ц. Ком. Ржевскій, разсмотрѣвшій Соч. Гоголя, отпечатанныя въ четырехъ частяхъ въ 1842 году, а прежде появлявшіяся въ современныхъ изданіяхъ, изъяснилъ, что сочиненія эти никогда, сколько ему извѣстно, не подвергались замѣчаніямъ цензурнаго начальства; что комедіи Гоголя постоянно разыгрываются на Императорскихъ театрахъ; что, какъ слѣдуетъ изъ обоихъ этихъ обстоятельствъ, Правительство не находитъ сочиненій этого автора предосудительными, еще менѣе вредными; что къ тому же заключенію приводитъ даже самое строгое разсматриваніе сочиненій этихъ, если, на основаніи ст. 6 Уст. о Ц., принимать за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону. При семъ Г. Ржевскій отмѣтилъ въ 4-х печатныхъ книгахъ множество мѣстъ которыя, отдѣльно взятыя, могутъ быть истолкованы читателями въ превратномъ смыслѣ, и подать поводъ къ неблаговиднымъ заключеніямъ.

Бывшій Цензоръ Моск. Ц. Ком. Похвисневъ, разсмотрѣвшій вышеназванныя рукописи, донесъ, что эти посмертныя сочиненія Гоголя, разсматриваемыя съ цензурной точки зрѣнія, относительно общаго ихъ духа и впечатлѣнія, производимаго ими на читателя, не только не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, но еще отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ; однако содержатъ въ себѣ нѣсколько частныхъ мѣстъ, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящимъ цензурнымъ требованіямъ, и если могутъ быть дозволены, то развѣ съ разрѣшенія высшаго цензурнаго начальства. Мѣста эти въ рукописяхъ отмѣчены.

Московскій Ц. К. призналъ правильными сіи заключенія двухъ бывшихъ Цензоровъ. Новое изданіе Сочиненій Гоголя, предпринимаемое по случаю рѣдкости

экземпляровъ прежняго изданія, продающихся по неимовѣрно-дорогой цѣнѣ, Комитетъ призналъ весьма полезнымъ, по уваженію литературнаго ихъ достоинства, благонамѣренности направленія и нравственности впечатлѣній, производимыхъ ими на читателей. Предсѣдатель Комитета Ген.-Адъют. Назимовъ, соглашаясь съ симъ заключеніемъ Комитета, находитъ, что дѣлать какія либо измѣненія или исключенія частныхъ мѣстъ изъ прежняго изданія, при общеизвѣстности этихъ сочиненій и безукоризненности ихъ общаго духа и направленія,—было бы неудобно, тѣмъ болѣе что это могло бы уронить въ глазахъ читателей достоинство новаго изданія, въ явный ущербъ наслѣдниковъ Гоголя, и еще болѣе возвысить тѣмъ цѣну экземпляровъ прежняго изданія; притомъ же измѣненія или исключенія могли бы дать поводъ къ злоупотребленію въ пріисканіи по прежнимъ изданіямъ выпущенныхъ мѣстъ, что придастъ имъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли.

Между тѣмъ Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, извѣстясь о поступившемъ на разсмотрѣніе Гл. Упр. Ц. полномъ собраніи сочиненій Гоголя, въ рескриптѣ на имя Г. Министра Нар. Пр. отъ 29 Января сего года, изволилъ изъяснить, что «пропуски въ новомъ изданіи тѣхъ мѣстъ, которыя были уже однажды напечатаны, только обратятъ на нихъ всеобщее вниманіе, а притомъ всѣмъ извѣстныя личныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность Престолу, служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что онъ писалъ, и изъемлютъ отъ мелочной разборчивости Цензоровъ». Посему Его Императорское Высочество желаетъ, чтобы Гл. Упр. Ц. было приглашено имѣть въ виду эти обстоятельства при разборѣ помянутыхъ сочиненій,—присовокупляя, что будетъ

искренно благодаренъ за просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

Вышеупомянутыя печатныя и рукописныя сочиненія Гоголя, со всею относящеюся къ сему предмету перепискою, были разсмотрѣны Г.г. Членами Главнаго Упр. Ц., каждымъ отдѣльно, при чемъ даны слѣдующіе письменные отзывы:

Генералъ-Лейт. Дубельтъ, 31 Января текущаго года, по внимательномъ разсмотрѣніи сочиненій Гоголя, изложилъ, что Гоголь, какъ сатирическій писатель, въ сочиненіяхъ своихъ выводитъ такихъ людей, которые смѣшны и забавны; какъ забавное и смѣшное особенно находится въ низшихъ классахъ народа, въ людяхъ, подверженныхъ слабостямъ и порокамъ, то и онъ представляетъ сцены не всегда строго-нравственныя, и людей, которые выражаются не совсѣмъ пристойно, судитъ ошибочно или невыгодно о помѣщикахъ, о дворянствѣ, о военныхъ и гражданскихъ чиновникахъ. Но общее направленіе у него всегда нравственное; неприличное и дурное изображено такъ, что невольно чувствуется отвращеніе, или возбуждается невинный смѣхъ, а доброе и истинное надъ всѣмъ господствуетъ. Нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіяхъ дѣйствительно кажутся рѣзкими и какъ бы сомнительными, но только въ такомъ случаѣ, если оторвать ихъ отъ цѣлаго разсказа, не обращая вниманія, кѣмъ и по какому случаю что сказано. Эти то мѣста и отмѣчены Цензорами. Для примѣра, Ген.-Лейт. Дубельтъ привелъ изъ этихъ 19 мѣстъ, признанныхъ имъ наиболѣе рѣзкими. Сверхъ того, по замѣчанію Ген.-Лейт. Дубельта, Цензоры обращаютъ особенное вниманіе, въ Мертвыхъ Душахъ, на Полковника Кошкарева, который въ помѣстьѣ своемъ учредилъ разныя комиссіи и завелъ огромное письменное дѣлопроизводство по сельскому управленію (гл. III, стр. 69—87); на доносы губернскихъ чиновни-

ковъ другъ на друга, затѣянные съ цѣлью освободить Чичикова; на положеніе мѣстнаго Генералъ-Губернатора, который не видѣлъ средствъ унять чиновниковъ и собирался ѣхать въ С.Пбургъ, жаловаться на нихъ Государю (гл. V, стр. 116—123, 148—158). Но поступки Кошкарева представлены какъ дѣйствіе сумасброднаго помѣщика, и примѣнять ихъ къ государственному правленію было бы слишкомъ насильственнымъ примѣненіемъ; а при описаніи чиновничьихъ интригъ въ губерніи, выставлена въ яркомъ и прекрасномъ видѣ заботливость Генералъ-Губернатора о прекращеніи зла, и его твердая справедливость.—Въ заключеніи, Ген.-Лейт. Дубельтъ, опираясь на представленныя Попечителемъ Моск. Учебн. Округа соображенія, полагаетъ справедливымъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 Августа 1851 года, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе какъ прежде изданныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописяхъ посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій.

Д. С. С. Пршецлавскій, оцѣняя значеніе Гоголя въ нашей литературѣ, съ точекъ зрѣнія нравственной и художественной, вполнѣ одобряетъ его нравственное направленіе, и замѣчаетъ въ немъ способность схватывать характеристическія черты предмета и передавать ихъ въ вѣрнѣйшихъ очеркахъ; посему и находитъ, что исключеніе выраженій, хотя и нѣсколько рѣзкихъ, значительно унизило бы достоинство произведеній этого писателя, вполнѣ благонамѣреннаго. Отвергая присутствіе всякихъ намековъ въ рукописныхъ главахъ Мертвыхъ Душъ, Д. С. С. Пршецлавскій вполнѣ раздѣляетъ вышеприведенное мнѣніе Генералъ-Лейтенанта Дубельта о дозволеніи напечатать представленныя Московскимъ Ц. К., какъ изданныя уже, такъ и посмертныя сочиненія Гоголя, безъ всякихъ исключеній и измѣненій.

ЗАКОНЫ.

Уст. о Ценз. (Св. Зак. изд. 1842 г.) статьи.

3, 6, 7 (См. въ этомъ же дѣлѣ, въ особо составленной запискѣ съ изложеніемъ дѣла).

Высочайшее повелѣніе 14 Августа 1851 г. Тамъ же.

Гл. Упр. Ц., разсмотрѣвъ представленныя Московскимъ Ц. К-мъ печатныя и рукописныя сочиненія Гоголя, согласилось съ мнѣніемъ К-та о благонамѣренномъ, нравственномъ направленіи сочиненій этого писателя, находя возможнымъ оказать, какъ по сей причинѣ, такъ и по уваженію общей извѣстности напечатанныхъ уже сочиненій Гоголя, снисхожденіе и къ встрѣчающимся въ нихъ и въ рукописяхъ нѣкоторымъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ, и посему опредѣлило: означенныя сочиненія Гоголя къ напечатанію дозволить. На приведеніе же сего рѣшенія въ исполненіе предоставить Г. Министру Народнаго Просвѣщенія испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Вѣрно. Секретарь Л. Добровольскій.

О новомъ изданіи сочиненій Гоголя.

Со — ъ.

Собственною Его Императорскаго Величества рукою, карандашемъ, написано: „СОГЛАСЕНЪ“. 15 Мая 1855 г. въ Царскомъ Селѣ.

XII.

Наслѣдники извѣстнаго писателя Николая Гоголя просятъ о разрѣшеніи напечатать новымъ изданіемъ сочиненія его, отпечатанныя въ 4 частяхъ, въ С.Петербургѣ, въ 1842 г., съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей «Авторской исповѣди» и «пяти главъ изъ втораго тома Мертвыхъ душъ».

Нѣкоторыя мѣста въ сихъ сочиненіяхъ, будучи отдѣльно взяты, невполнѣ удовлетворили цензурныя требованія Московскаго Цензурнаго Комитета. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ призналъ неудобнымъ дѣлать какія либо измѣненія или исключенія частныхъ мѣстъ изъ прежняго изданія, при общеизвѣстности этихъ сочиненій, литературномъ ихъ достоинствѣ и безукоризненности и нравственности общаго направленія, и потому также, что это побудило бы къ пріисканію по прежнимъ изданіямъ выпущенныхъ мѣстъ, и къ придаванію симъ послѣднимъ такого толкованія, какого они никогда не имѣли.

Главное Управленіе Цензуры, раздѣляя мнѣніе Цензурнаго Комитета и

имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе, коимъ предоставлено ему при разсмотрѣніи новыхъ изданій полныхъ собраній сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ,—нашло возможнымъ оказать снисхожденіе къ встрѣчающимся въ печатныхъ и рукописныхъ сочиненіяхъ Гоголя нѣкоторымъ нѣсколько рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ, а потому опредѣлило: дозволить означенныя сочиненія къ напечатанію безъ измѣненій.

На приведеніе сего опредѣленія Главнаго Управленія Цензуры въ исполненіе, имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія.

Авраамъ Норовъ.

№ 40.
14 Мая 1855 г.

XIII.

Ваше Импер. Высочество,

Милостивѣйшій Государь,

Считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Имп. Высочества, что по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 15 день сего Мая послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на напечатаніе, безъ измѣненій, новаго изданія Сочиненій Н. Гоголя, отпечатанныхъ въ 4 частяхъ, въ С.Пбургѣ, въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей «Авторской Исповѣди» и «пяти главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ».

Съ глубоч. уваж. и неогранич. пред. имѣю честь быть

М — ѣйшій Г — рь

Вашего Имп. В — ва

(подписалъ) всепокорнѣйшій слуга Авраамъ Норовъ.

№ 863.
19 Мая 1855 г.

20-го Мая 1855 г.
№ 878.

По Высочайшему повелѣнію.

XIV.

Г. Попечителю Московскаго Учеб. Округа.

Представленіе Вашего Превосходительства съ заключеніемъ Московскаго Ценз. Комитета, касательно новаго изданія Сочиненій Н. Гоголя, отпечатанныхъ въ 4 частяхъ, въ С.Петербургѣ, въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей «Авторской Исповѣди» и «пяти главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ», разсмотрѣны были Главнымъ Управленіемъ Цензуры.

Главное Управленіе Ц., раздѣляя мнѣніе Московскаго Цензурнаго Комитета, нашло возможнымъ оказать снисхожденіе къ встрѣчающимся въ означенныхъ сочиненіяхъ Гоголя нѣкоторымъ, нѣсколько рѣзкимъ, сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ, а потому опредѣлило: дозволить сочиненія эти къ напечатанію безъ измѣненій.

На сіе, по всеподданнѣйшему моему докладу, въ 15 день текущаго Мая

послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

О таковой Высочайшей волѣ имѣю честь Ваше Превосходительство увѣдомить, для предложенія Московскому Ценз. Комитету. Представленныя симъ Комитетомъ, 30 Ноября 1854 года за № 561, печатныя и рукописныя сочиненія Гоголя при семъ возвращаются.

М. Н. П. А. Норовъ.

Дир. А. Берте.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ въ Москвѣ.

4 Іюня 1855 года № 197.

XV.

Его Превосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Превосходительство отъ 20 минувшаго Мая за № 878 изволили сообщить мнѣ о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи на напечатаніе новымъ изданіемъ безъ перемѣнъ сочиненій Н. Гоголя, отпечатанныхъ въ 4 частяхъ, въ С.Петербургѣ, въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей «Авторской Исповѣди» и «пяти главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ».

Какъ наслѣдники покойнаго Гоголя желаютъ издать нынѣ всѣ его сочиненія со включеніемъ и первой части Мертвыхъ Душъ, о которой въ предложеніи Вашего Превосходительства особо не упомянуто, то, по опредѣленію Московскаго Цензурнаго Комитета, и принимая въ соображеніе послѣдовавшее уже безусловное разрѣшеніе на напечатаніе пяти главъ вто-

рой части этаго сочиненія, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство о дозволеніи наслѣдникамъ отпечатать вмѣстѣ съ прочими, обозначенными въ приведенномъ выше предложеніи Вашемъ, сочиненіями Гоголя, и первую часть Мертвыхъ Душъ новымъ изданіемъ безъ перемѣнъ.

Предсѣдатель Комитета

Генералъ-Адъютантъ Назимовъ.

По Высочайшему повелѣнію о новомъ изданіи Сочиненій Гоголя.

XVI.

Статья I.

VI. Зас. Гл. Упр. Ц., 11 Іюня 1855.

Гл. Упр. Ц. объявлено, что согласно опредѣленію онаго, Г. Министръ Н. П. имѣлъ счастіе входить къ Государю Императору со всеподданнѣйшимъ докладомъ о дозволеніи напечатать новымъ изданіемъ, безъ измѣненій, Сочиненія Н. Гоголя, отпечатанныя въ 4-хъ частяхъ, въ С.Пбургѣ, въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти этого писателя рукописей: Авторской Исповѣди и пяти главъ изъ втораго тома Мертвыхъ Душъ; и что на всеподданнѣйшей его докладной запискѣ по сему предмету послѣдовала, въ 15 день истекшаго Мая, собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «СОГЛАСЕНЪ».

Гл. Упр. Ц. принято къ свѣдѣнію.

Вѣрно. Пом. Секр. фонъ-Брадке.

О включеніи 1-й части «Мертвыхъ Душъ» въ новое изданіе «Сочиненій Гоголя».

Статья 2.

VI Зас., 11 Іюня 1855.

Слушали представленіе Г. Попечителя Московскаго Учебн. Окр., отъ 4 сего Іюня за № 197, въ коемъ значится, что по полученіи имъ предложенія Г. Мин. Н. П. отъ 20 минувшаго Мая за № 878, о Высоч. соизволеніи на напечатаніе новымъ изданіемъ, безъ перемѣнъ, сочиненій Н. Гоголя, отпечатанныхъ въ 4-хъ частяхъ, въ СПб., въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей: Авторской Исповѣди и пяти главъ изъ второго тома Мертвыхъ Душъ,—наслѣдники Гоголя изъявили желаніе издать нынѣ всѣ его сочиненія, со включеніемъ и первой части Мертвыхъ Душъ. По опредѣленію Моск. Ц. К., и принимая въ соображеніе послѣдовавшее уже безусловное разрѣшеніе на напечатаніе пяти главъ второй части этого сочиненія, Генералъ-Адъют. Назимовъ проситъ о дозволеніи наслѣдникамъ отпечатать вмѣстѣ съ прочими, обозначенными въ указанномъ выше предложеніи Г. Министра, сочиненіями Гоголя и первую часть Мертвыхъ Душъ безъ перемѣнъ.

СПРАВКА. Гл. Упр. Ц., въ засѣданіи своемъ 6-го истекшаго Мая, разсмотрѣвъ представленныя Моск. Ц. К. сочиненія Гоголя: печатныя (изданныя въ 4-хъ частяхъ въ С.Пбургѣ въ 1842 году) и рукописныя (Авторскую Исповѣдь и пять главъ изъ второго тома Мертвыхъ Душъ), согласилось съ мнѣніемъ Комитета о благонамѣренномъ, нравственномъ направленіи сочиненій этого писателя, находя возможнымъ оказать, какъ по сей причинѣ, такъ и по уваженію общей извѣстности напечатанныхъ уже сочиненій Гоголя, снисхожденіе и къ встрѣчающимся въ нихъ и въ рукописяхъ нѣкоторымъ слишкомъ, можетъ быть, рѣзкимъ сужденіямъ и описаніямъ, и не совсѣмъ эстетическимъ картинамъ и выраженіямъ;— и посему опредѣлило: означенныя сочиненія Гоголя къ напечатанію дозволить, испросивъ на сіе Высочайшее соизволеніе; — каковое, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра, и послѣдовало въ 15 день Мая, а 20-го того же Мая за № 878 сообщено о семъ Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Гл. Упр. Ц., основываясь на послѣдовавшемъ въ 15 день минувшаго Мая Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе новымъ изданіемъ, безъ измѣненій, сочиненій Н. Гоголя, какъ отпечатанныхъ уже, такъ и найденныхъ послѣ его смерти въ рукописи, находило возможнымъ распространить это Высочайшее разрѣшеніе и на отпечатанную уже прежде 1-ую часть сочиненія подъ заглавіемъ: Мертвыя Души, а потому опредѣлило: дозволить наслѣдникамъ Гоголя напечатать первую часть Мертвыхъ Душъ, Гоголя, новымъ изданіемъ, безъ перемѣнъ.

Вѣрно. Секретарь Л. Добровольскій.

16 Іюля 1855.
№ 1270.

Отвѣтъ на № 197.

XVII.

VI Зас., 11 Іюня 1855 г., ст. 2.

Госп. Помощнику Попечителя Московскаго Учебн. Округа.

Гл. Упр. Ц., разсмотрѣвъ представленіе Моск. Ценз. Комитета отъ 4 истекшаго Іюня за № 197, и основываясь на послѣдовавшемъ въ 15 день Мая сего года Высочайшемъ соизволеніи на напечатаніе новымъ изданіемъ, безъ измѣненій, Сочиненій Н. Гоголя, какъ отпечатанныхъ уже, такъ и найденныхъ послѣ его смерти въ рукописи, опредѣлило: дозволить наслѣдникамъ этого писателя напечатать, согласно ихъ прошенію, первую часть Мертвыхъ Душъ Гоголя, новымъ изданіемъ, безъ перемѣнъ.

О такомъ опредѣленіи Главнаго Упр. Ц., имѣю честь Васъ М. Г. увѣдомить, для предложенія Московскому Цензурному Комитету.

М. Н. П. А. Норовъ.

Дир. А. Берте.

Вѣрно. Пом. Секр. Фонъ-Брадке.

ДѢЛО

о второмъ изданіи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя.

I. Представленіе В. И. Назимова министру народнаго просвѣщенія о второмъ изданіи «Выбранныхъ мѣстъ».

II. Мнѣніе кн. П. А. Вяземскаго.

III. Постановленіе Главнаго Управленія Цензуры.

IV. Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета министру народнаго просвѣщенія о дополненіяхъ къ Перепискѣ съ друзьями.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ въ Москвѣ.

16 Декабря 1855 г. № 479.

I.

Его Превосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ честь имѣетъ представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства поступившую въ здѣшній Комитетъ на разсмотрѣніе, для дозволенія къ напечатанію вторымъ изданіемъ, печатную книгу, подъ заглавіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, соч. Н. Гоголя; такъ какъ Цензоръ встрѣтилъ затрудненіе къ одобренію мѣстъ, отмѣченныхъ карандашемъ на страницахъ 95, 160, 161, 236, 237, 238 и 239.

Предсѣдатель Комитета

Генералъ-Адъютантъ Назимовъ.

II.

Полагаю, что мѣста отмѣченныя Московскою Цензурою въ книгѣ: выбранныя мѣста изъ переписки Гоголя, могутъ и должны быть, безъ малѣйшаго сомнѣнія, разрѣшены къ перепечатанію.

Болѣе того, желательно было-бы представить вновь къ разсмотрѣнію и письма (19-ое, 20-е и 21-е 26—28-ое) вовсе изъ помянутой книги исключенныя цензурою прежнихъ годовъ. Не помню въ подробности содержаніе этихъ писемъ: но судя по общему духу книги, духу высоконравственному и чисто-религіозному и православному, нельзя не предполагать, что эти письма могутъ быть съ пользой допущены къ напечатанію. Впрочемъ, если и встрѣтились-бы въ нихъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія, возбуждающія сомнѣнія Цензора, то и эти выраженія рѣзкія по своему изложенію, но вовсе не предосудительныя по смыслу, не должны подвергаться безусловной строгости цензуры. Эта рѣзкость выраженій принадлежитъ къ характеристическимъ свойствамъ таланта автора, и при общемъ направленіи настоящаго сочиненія, придаетъ только болѣе блеска и живости разсужденіямъ нравственнымъ и назидательнымъ.

12 Января 1856.

О второмъ изданіи Переписки съ Друзьями, Гоголя.

1 Зас. 21 Января 1856 г.

III.

Статья 7-я.

Моск. Ценз. Ком., 16 Декабря 1855 г. за № 479, представилъ на благоусмотрѣніе Г. Министра Нар. Пр. поступившую на разсмотрѣніе Комитета, для дозволенія къ напечатанію вторымъ изданіемъ, печатную книгу подъ заглавіемъ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, соч. Н. Гоголя, изъяснилъ что Цензоръ встрѣтилъ затрудненіе къ одобренію въ этой книгѣ мѣстъ, отмѣченныхъ карандашемъ на стр. 95, 160, 161 и 236—239.

По порученію Г. Министра, Его С-во Г. Товарищъ Министра разсмотрѣлъ означенную книгу, и въ письменномъ мнѣніи изложилъ что отмѣченныя въ оной Московскою Цензурою мѣста могутъ и должны быть, безъ малѣйшаго сомнѣнія, разрѣшены къ перепечатанію.

Справка.

1. При выходѣ въ свѣтъ книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ

(Дѣло 1845 г. № 34).

друзьями», экземпляры оной были поднесены, чрезъ бывшаго М. Н. П. Графа Уварова, въ Январѣ 1847 года, Ихъ Имп. Вел. Государю Императору Николаю Павловичу, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и Его Имп. Выс. Государю Великому Князю Михаилу Павловичу.

2. Въ 15 день Мая 1855 послѣдовало, по всеподд. докладу Г. М. Н. П. основанному на опредѣленіи Главнаго Упр. Ц., Высочайшее Его Имп. Велич. соизволеніе на напечатаніе, безъ измѣненій, новаго изданія Сочиненій Н. Гоголя, отпечатанныхъ въ 4-хъ частяхъ, въ С.П.бургѣ, въ 1842 году, съ прибавленіемъ найденныхъ послѣ смерти Гоголя рукописей «Авторской Исповѣди» и «пяти главъ изъ второго тома Мертвыхъ Душъ».—Въ послѣдствіи, именно въ засѣданіи 11 Іюня 1855 года, Гл. Упр. Ц., въ разрѣшеніе представленія Моск. Ценз. Ком. и основываясь на семъ Высочайшемъ соизволеніи, нашло возможнымъ распространить оное и на 1-ую часть сочиненія подъ названіемъ Мертвыя Души, почему и опредѣлило: дозволить наслѣдникамъ Гоголя напечатать первую часть Мертвыхъ Душъ, Гоголя, новымъ изданіемъ, безъ перемѣнъ.

(Дѣло 1853 г. № 245)

(Дѣло 1853 г. № 245).

Главное Упр. Ц., соглашаясь съ мнѣніемъ Г. Товарища Министра Нар. Пр, опредѣлило мѣста, отмѣченныя Московскимъ Ценз. К-омъ въ книгѣ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, соч. Н. Гоголя, дозволить къ напечатанію, въ предполагаемомъ новомъ изданіи этой книги.

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ въ Москвѣ.

7 февраля 1856 г. № 51.

IV.

Его Превосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ честь имѣетъ представить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства поступившую въ здѣшній Комитетъ на разсмотрѣніе, для дозволенія къ напечатанію рукопись, подъ заглавіемъ: Дополненія къ перепискѣ съ друзьями, соч. Гоголя, такъ какъ Цензоръ встрѣтилъ затрудненія къ одобренію этой рукописи, по изложеннымъ, во многихъ мѣстахъ, мыслямъ о современномъ положеніи дѣлъ внутри Россіи, особливо въ первомъ письмѣ (глава XXVII, подъ заглавіемъ: «Страхи и ужасы Россіи»). Мѣста и отдѣльно взятыя выраженія, которыя представляютъ затрудненія къ одобренію, отмѣчены карандашемъ на страницахъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 39, 42, 44 и 47.

Помощникъ Попечителя

Московскаго Учебнаго Округа П. Зиновьевъ.

Д Ѣ Л О

о напечатаніи «Учебной книги словесности» Гоголя.

I. Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета о рукописи Гоголя.

II. Протоколъ разсмотрѣнія Главнымъ Управленіемъ Цензуры «Учебной книги словесности».

Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ въ Москвѣ.

20 Февраля 1856 года № 77.

I.

Его Превосходительству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Московскій Цензурный Комитетъ честь имѣетъ препроводить при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства поступившую въ здѣшній Комитетъ для дозволенія къ напечатанію рукопись, подъ заглавіемъ: Учебная книга словесности для Русскаго юношества; начертаніе Н. Гоголя; такъ какъ Цензоръ встрѣтилъ затрудненіе одобрить къ печати 6 строкъ отмѣченныхъ карандашомъ на страницѣ 2, какъ отзывъ неблагопріятный для нашихъ ученыхъ, и на страницѣ 44 упоминаемую только по заглавію думу Острогожскъ.

Къ этому Комитетъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что означенная рукопись, какъ неоконченное произведеніе Н. Гоголя, не успѣвъ еще получить формы руководства для

юношества, представляетъ только общее начертаніе того сочиненія, которое авторъ имѣлъ въ виду.

А потому, Ценсурный Комитетъ, не полагая нужнымъ препровождать эту рукопись на предварительное заключеніе въ Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, тѣмъ болѣе, что таковая отсылка повлекла бы за собой, въ ущербъ наслѣдникамъ автора, остановку въ давно начатомъ изданіи сочиненій Гоголя, гдѣ предположено помѣстить и вышеозначенную статью,—представляетъ почтительнѣйше о томъ на разрѣшеніе Вашему Превосходительству.

Помощникъ Попечителя

Московскаго Учебнаго Округа П. Зиновьевъ.

О сочиненіи Гоголя: «Учебная книга Словесности для Русскаго юношества».

Зас., 10 Марта 1856.

II.

Статья 6-я. Московскій Цензурный Комитетъ, 20 истекшаго Февраля за № 77, представилъ къ Г. Министру Народн. Пр. поступившую въ оный, для дозволенія къ напечатанію, рукопись подъ заглавіемъ: Учебная Книга Словесности для Русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя, при чемъ изъяснилъ, что Цензоръ встрѣтилъ затрудненіе одобрить къ печати шесть строкъ, отмѣченныхъ карандашемъ на стр. 2, какъ отзывъ неблагопріятный для нашихъ ученыхъ, и на стр. 44 упоминаемую только по заглавію думу Острогожскъ. Къ сему Комитетъ присовокупилъ, что означенное произведеніе Гоголя, какъ неоконченное, еще не успѣло получить формы руководства для юношества; почему и не представляетъ нужнымъ препровождать эту рукопись на предварительное разсмотрѣніе въ Комитетъ учебныхъ Руководствъ, чѣмъ было бы замедлено напечатаніе оной въ давно начатомъ уже изданіи Сочиненій Гоголя.

Справка.

I. На стр. 2 представленной рукописи отмѣчены карандашемъ слѣдующія строки.

«Въ трудахъ нашихъ ученыхъ также раздаются не переварившіяся Европейскія мнѣнія и такими же торчатъ яркими заплатами ихъ собственныя мысли, какъ все это раздается въ нашихъ гостиныхъ, спорахъ и разговорахъ. Всего нанесено и все не переварилось.

II. На стр. 44, между заглавіями разныхъ стихотвореній, написано:

«Острогожскъ. Рылѣева».

Заключеніе.

Главное Управленіе Цензурою, разсмотрѣвъ мѣста, обратившія на себя вниманіе Московскаго Цензурнаго Комитета въ рукописи: Учебная книга Словесности для Русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя, опредѣлило: мѣсто на стр. 2 къ напечатанію дозволить, мѣсто же на стр. 44 не допускать. При семъ Главное Управленіе Цензурою согласилось съ Комитетомъ о неимѣніи надобности препровождать упомянутую рукопись на заключеніе Комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ.

ДѢЛО

о представленіи посмертнаго собранія сочиненій Гоголя Высочайшимъ Особамъ.

I. Письмо Н. П. Трушковскаго къ А. С. Норову.

II. Благодарность вел. кн. Константина Николаевича.

III. Увѣдомленіе кн. П. А. Вяземскаго о высочайшей благодарности родственникамъ Гоголя.

I.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь,

Авраамъ Сергѣевичъ,

Мать покойнаго Николая Васильевича Гоголя, а моя бабка, Марія Ивановна Гоголь, проживающая въ Полтавской Губерніи, въ деревнѣ Васильевкѣ, поручила мнѣ препроводить къ Вашему Высокопревосходительству экземпляръ вновь отпечатанныхъ сочиненій ея сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свою глубочайшую благодарность за принятіе Вашимъ Высокопревосходительствомъ участія къ ускоренію изданія этихъ сочиненій. Она покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство всеподданнически поднести, прилагаемые при семъ экземпляры: Его Императорскому Величеству Государю Императору, Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Вмѣняя себѣ въ пріятнѣйшую обязанность исполнить это порученіе, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству означенные экземпляры.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій Слуга Николай Трушковскій

Кандидатъ Императорскаго С.Петербургскаго Университета.

Августа 9 дня 1855 г.

Москва.

II.

Получивъ при отношеніи Вашего Превосходительства отъ 23 Августа, № 1495, экземпляръ сочиненій Гоголя, прошу Васъ выразить родственникамъ покойнаго автора совершенную благодарность Мою за присылку этихъ книгъ.

Константинъ.

«24» Августа 1855 г.

Его Превосходительству
А. С. Норову.

III.

Г. Исправляющему должность Московскаго Оберъ-Полиціймейстера.

Издатель сочиненій Гоголя, родственникъ его, кандидатъ Николай Трушковскій, согласно съ желаніемъ матери покойнаго автора, представилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія четыре экземпляра собранія сихъ сочиненій, для поднесенія Членамъ Императорской Фамиліи.

Г. Министръ удовлетворяя желанію родственниковъ покойнаго Гоголя, имѣлъ счастіе поднести Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великому Князю Константину Николаевичу и Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ по экземпляру означенныхъ сочиненій въ 5 частяхъ.

Ея Императорское Величество, удостоивъ благосклоннаго принятія это поднесеніе, Всемилостивѣйше повелѣть соизволила благодарить издателя сочиненій Гоголя отъ Высочайшаго Имени Ея Величества.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ поручилъ выразить родственникамъ покойнаго Гоголя совершенную благодарность Его Высочества за присылку этихъ книгъ.

Покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, сдѣлать распоряженіе о объявленіи сего Г. Трушковскому, имѣющему жительство въ Москвѣ.

Т. М. Н. П. Князь Вяземскій.

«7» Сентября 1855 г.
№ 1639.

ДѢЛО

объ изданіи П. А. Кулишемъ „Сочиненій и писемъ Гоголя".

I. Прошеніе П. А. Кулиша въ Главное Управленіе Цензуры.

II. Прошеніе П. А. Кулиша на имя кн. П. А. Вяземскаго.

III. Письмо П. А. Кулиша къ кн. П. А. Вяземскому.

IV. Резолюція кн. П. А. Вяземскаго.

I.

Издатель «Сочиненій Гоголя», Кулишъ, получивъ изъ Московскаго Цензурнаго Комитета утвержденную къ напечатанію рукопись «Писемъ Гоголя», покорнѣйше проситъ Главное Правленіе Цензуры разрѣшить ему напечатать письма Гоголя, какъ продолженіе того же самаго изданія, и дать всѣмъ томамъ одно общее заглавіе: Сочиненія и Письма Гоголя.

Второй томъ «Мертвыхъ Душъ» желалъ онъ напечатать въ двоякомъ видѣ: во первыхъ, такъ, какъ были они переписаны Гоголемъ на бѣло, и потомъ такъ, какъ имъ измараны. Московская цензура затрудняется пропустить представленную такимъ образомъ вторую часть Мертвыхъ Душъ—на томъ основаніи, что она не имѣетъ права дѣлать измѣненія въ изданіи, состоявшемся по утвержденію высшей цензуры. Издатель Сочиненій Гоголя проситъ Главное Правленіе Цензуры — разрѣшить Московскому Комитету пропускъ измѣненій, не противорѣчащихъ общимъ цензурнымъ постановленіямъ.

1857, апрѣля 1.

Адресъ издателя. Пантелеймону Александровичу Кулишу, у Литовскаго Рынка, въ домѣ Вагенгейма, кв. № 8.

II.

Его Сіятельству
Господину Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія,
Князю Петру Андреевичу Вяземскому,

Губернскаго секретаря Пантелеймона Александрова сына Кулиша

ПРОШЕНІЕ.

Московскій Цензурный Комитетъ одобрилъ къ печатанію два представленныя мною изданія:

1) Сочиненія Н. В. Гоголя, въ 4-хъ томахъ, и

2) Письма Н. В. Гоголя, въ 2-хъ томахъ. Находя выгоднымъ, касательно сбыта книгъ, соединеніе этихъ произведеній одного и того же писателя въ одно изданіе, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство снабдить меня разрѣшеніемъ Главнаго Правленія Цензуры—напечатать при всѣхъ шести томахъ одно общее заглавіе, а именно: Сочиненія и письма Н. В. Гоголя (томы I, II, III, IV, V, VI).

П. Кулишъ.

1857 года, апрѣля 3.
С.Петербургъ.

Адресъ: У Литовскаго рынка,
въ домѣ Вагенгейма, кв. № 8.

III.

Милостивый Государь

Князь Петръ Андреевичъ!

Просьба моя, представленная Вашему Сіятельству чрезъ Графа А. П. Толстого, касается двухъ совершенно различныхъ предметовъ: 1) чтобы разрѣшено было мнѣ издать сочиненія и письма Гоголя въ одномъ и томъ же порядкѣ томовъ и подъ однимъ общимъ заглавіемъ, а именно: Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, томъ 1, 2, 3, 4, 5 и 6; а не такъ: Сочиненія Гоголя, томъ 1, 2, 3 и 4, и—Письма Гоголя, томъ 1 и 2. Все дѣло здѣсь въ заглавномъ листкѣ; сочиненія же и письма Гоголя разрѣшены уже цензурнымъ комитетомъ къ печатанію въ отдѣльныхъ изданіяхъ. 2) чтобы дозволено было Московскому Цензурному Комитету разрѣшить къ печатанію найденныя въ рукописяхъ сочиненія Гоголя, если въ нихъ нѣтъ ничего противнаго общимъ правиламъ цензуры. Ваше Сіятельство изволили сказать мнѣ, что рѣшеніе по этому послѣднему пункту можетъ быть сдѣлано только на основаніи мнѣнія цензурнаго комитета, съ которымъ онъ долженъ войти въ главное правленіе; но разрѣшеніе общаго заглавія для всѣхъ шести томовъ сочиненій Гоголя, изъ которыхъ половина уже отпечатана, мнѣ кажется, зависитъ единственно отъ

участія, какое Ваше Сіятельство принимаете въ наслѣдникахъ Гоголя, которые отъ этого, по видимому, маловажнаго обстоятельства рискуютъ лишиться десяти тысячъ рублей серебромъ дохода, такъ какъ письма, будучи изданы не въ связи съ сочиненіями Гоголя, обратятся имъ въ убытокъ. Поэтому честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Сіятельство принять отъ меня прилагаемую при этомъ форменную просьбу и выдать мнѣ изъ Главнаго Правленія Цензуры разрѣшеніе на напечатаніе при всѣхъ шести томахъ сочиненій и писемъ Гоголя одного общаго заглавія.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

П. Кулишъ.

1857, апрѣля 4.
С.Петербургъ.

IV.

Изъ бумагъ Кулиша невидно, почему Московскій Цензурный Комитетъ отказалъ въ напечатаніи при сочиненіяхъ Гоголя одного общаго заглавія, и даже невидно, проситъ ли Кулишъ объ этомъ Цензурный Комитетъ. Можетъ быть затрудненіе состоитъ въ томъ, что сочиненія Гоголя разрѣшено напечатать въ прежнемъ ихъ видѣ, слѣд. Цензура понимаетъ въ отдѣльныхъ книгахъ Мертвыя Души, письма и собраніе прочихъ сочиненій. Мнѣ кажется, Кулишъ долженъ обратиться съ просьбою въ Ценз. Комитетъ или къ Попечителю, находящемуся нынѣ въ С.Пбургѣ, о представленіи своего недоразумѣнія на рѣшеніе Главнаго Управленія Цензуры.

6 Апрѣля 1857.

ДѢЛО

о Лейпцигскомъ изданіи сочиненій Гоголя.

I. Обращеніе сестеръ Гоголя къ П. А. Плетневу.

II. Циркулярное отношеніе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

III. Отвѣтъ П. А. Валуева Аннѣ Васильевнѣ Гоголь.

I.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь

Петръ Александровичъ!

Принявшій на себя, по просьбѣ нашей, послѣднее изданіе сочиненій покойнаго брата нашего, Николая Васильевича Гоголя, Федоръ Васильевичъ Чижовъ, письменно, увѣдомилъ насъ, что Цензурный Комитетъ сообщилъ ему, что, независимо послѣдняго упомянутаго изданія и еще окончательно не распроданнаго, вышло, за границею, въ городѣ Лейпцигѣ, новое, пятое изданіе, вопреки узаконенію и въ ущербъ выгодъ нашихъ, наслѣдниковъ правъ автора.

Не зная положительно существуетъ ли между Россіею и иностранными государствами конвенція, касательно литературной собственности авторовъ и ихъ наслѣдниковъ, мы не смѣемъ безпокоить Ваше Высокопревосходительство о сдѣланіи сношеній по сему съ Саксонскимъ Правительствомъ; но почтительнѣйше просимъ Васъ, благосклонно принявъ просьбу нашу, употребить свое содѣйствіе къ обезпеченію нашей собственности преслѣдованіемъ въ предѣлахъ Россіи контрафакціи, на основаніи 304-й статьи XIV тома свода законовъ Гражданскихъ изданія 1857 года.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣемъ честь быть

Вашего Высокопревосходительства
покорныя слуги
Анна Гоголь
Елизавета Быкова (урожденная Гоголь).

21 Марта 1864 года.
Городъ Полтава.

С.Петербургскій
Цензурный Ко-
митетъ

«7» Апрѣля 1864 г.
№ 156.

II.

Въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Въ прошломъ году вышло въ Лейпцигѣ «Полное Собраніе сочиненій Н. В. Гоголя» въ 4-хъ томахъ, перепечатанное безъ измѣненій съ подобнаго же собранія, изданнаго въ 1862 г. въ Москвѣ наслѣдниками покойнаго писателя.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Лейпцигское изданіе сочиненій Гоголя напечатано безъ согласія наслѣдниковъ Гоголя, что на продажу экземпляровъ онаго въ Россіи они позволенія не давали и что слѣдовательно означенное изданіе составляетъ недопускаемую закономъ контрафакцію.

Имѣя въ виду, что 313-ю статьею Ценз. Устава возложено на Цензуру наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленій, ограждающихъ права собственности на произведенія наукъ и словесности, покорнѣйше прошу Московскій Ценз. Комитетъ не допускать Лейпцигскаго изданія сочиненій Гоголя къ ввозу въ Россію.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
Статсъ-Секретарь Валуевъ.

С.Петербургскій Цензурный Комитетъ.

«7» Апрѣля 1864 г.
№ 163.

III.

Милостивая Государыня
Анна Васильевна.

На письмо Ваше и сестры Вашей Елизаветы Васильевны отъ 21 минувшаго Марта, имѣю честь увѣдомить, что въ огражденіе Вашихъ правъ собственности на литературныя произведенія покойнаго брата Вашего Николая Васильевича Гоголя, я сдѣлалъ по Цензурному Управленію распоряженіе, дабы изданіе полнаго собранія сочиненій его, выпущенное въ прошломъ году въ Лейпцигѣ безъ позволенія Вашего, не было допускаемо ко ввозу въ Россію какъ контрафакція. Что касается до преслѣдованія самовольнаго издателя, то къ сожалѣнію не представляется къ этому возможности по несуществованію у насъ трактата съ Саксоніею, который взаимно обезпечивалъ-бы для писателей обѣихъ странъ исключительное право печатанія и продажи своихъ произведеній въ предѣлахъ обоихъ Государствъ.

Примите, Милостивая Государыня, увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности

П. Валуевъ.

Ея Высокобл-ію
А. В. Гоголь
въ г. Полтаву.

ОФИЦІАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

по поводу сообщенія Ѳ. В. Булгарина о службѣ Гоголя въ III отдѣленіи.

I. Рапортъ секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

II. Секретное отношеніе А. С. Норова къ Л. В. Дубельту.

III. Секретное отношеніе Л. В. Дубельта къ А. С. Норову.

IV. Отношеніе А. С. Норова на имя попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа о допущенной Цензоромъ Бекетовымъ «неосмотрительности».

I.

Его Превосходительству Господину Директору Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру Александру Александровичу Берте,

Секретаря Канцеляріи, Титулярнаго Совѣтника Добровольскаго,

РАПОРТЪ.

Доложено Г. Министру.

Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству, что мною разсмотрѣны одинадцать нумеровъ Сѣверной Пчелы (171—181), изданные на прошедшей и нынѣшней недѣляхъ. Въ фельетонѣ № 175 напечатана статья г. Булгарина, въ которой неумѣстно и двусмысленно говорится о службѣ покойнаго Гоголя въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,—о чемъ и было мною представлено Вашему Превосходительству въ самый день выхода означеннаго нумера въ свѣтъ. Затѣмъ въ показанныхъ газетныхъ листахъ не находится ничего, требующаго какихъ либо особыхъ замѣчаній со стороны высшаго цензурнаго начальства.

14 Августа 1854.
№ 28.

Секретарь Л. Добровольскій.

Секретно.

II.

Милостивый Государь

Леонтій Васильевичъ.

28 Августа 1854.
№ 134/1755.

О фельетонѣ № 175-го «Сѣверной Пчелы».

Въ фельетонѣ № 175 Сѣверной Пчелы, вышедшаго въ субботу, 7 сего Августа, подписанномъ буквами Ѳ. Б., разсказывается между прочимъ, что въ 1829 или 1830 году Гоголь, тогда только что прибывшій въ С.П-бургъ, просилъ одного журналиста (подъ которымъ, кажется, должно разумѣть автора статьи) о содѣйствіи къ опредѣленію его, Гоголя, въ государственную службу. «Журналистъ въ тотъ же день послалъ къ покойному Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, Управлявшему III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, разсказалъ о несчастномъ положеніи молодаго человѣка и усердно просилъ спасти его и пристроить къ мѣсту, потому что молодой человѣкъ казался близкимъ къ отчаянію. Кто только зналъ покойнаго М. Я. фонъ-Фока, тотъ умѣлъ цѣнить

его добрую, благородную, нѣжную душу. Журналиста зналъ М. Я. фонъ-Фокъ еще въ дѣтствѣ, въ родительскомъ домѣ, бывъ самъ молодымъ человѣкомъ и офицеромъ въ Легкоконномъ Харьковскомъ Полку, и потому охотно согласился помочь пріѣзжему изъ провинціи и дать мѣсто Гоголю въ Канцеляріи III Отдѣленія. Не помню, сколько времени прослужилъ Гоголь въ этой канцеляріи, въ которую онъ являлся только за полученіемъ жалованія; но знаю, что какой-то пріятель Гоголя принесъ просьбу объ отставкѣ, и взялъ обратно его бумаги. Самъ же Гоголь исчезъ куда неизвѣстно»!

Находя съ своей стороны напечатаніе вышеизложеннаго неумѣстнымъ, я считаю долгомъ, прежде дальнѣйшихъ распоряженій, обратиться къ Вашему Превосходительству съ просьбою почтить меня сообщеніемъ Вашего, Милостивый Государь, заключенія по настоящему предмету, имѣющему непосредственное отношеніе къ управляемому Вами Отдѣленію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честъ быть Вашего Превосходительства

(Подп.) покорнѣйшій слуга А. Норовъ.

Секретно.

III-е отдѣленіе
Собственной
Его Императорскаго
Величества
Канцеляріи.

Экспедиція I.

въ С.Петербургѣ
1 Сентября 1854 г.
№ 1519.

III.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

По докладу г. генералъ-адъютанту графу Орлову отношенія Вашего Превосходительства за № 1755, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что Его Сіятельство, найдя съ своей стороны напечатаніе помѣщеннаго въ семъ отношеніи извлеченія изъ фельетона Сѣверной пчелы совершенно неумѣстнымъ, приказалъ мнѣ покорнѣйше благодарить Ваше Превосходительство за сообщеніе мнѣ о сей статьѣ и принять мѣры къ предупрежденію печатанія подобнаго впередъ,—что и будетъ исполнено.

При этомъ графъ Алексѣй Федоровичъ поручилъ мнѣ имѣть честь доложить Вашему Превосходительству, что означенный фельетонъ, въ такомъ видѣ какъ онъ напечатанъ, не долженъ былъ по мнѣнію Его Сіятельства, быть одобренъ ценсоромъ, на разсмотрѣніе котораго представлена была сія статья.

Управляющій Отдѣленіемъ
Генералъ-лейтенантъ Дуббельтъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Канцелярія Министра.

IV.

9 Сентября 1854 г. № 1803

Господину Попечителю С.Петербургскаго Учебнаго Округа.

О фельетонѣ № 175-го «Сѣверной Пчелы.»

Въ фельетонѣ № 175-го Сѣверной Пчелы, вышедшаго 7-го истекшаго Августа, подписанномъ буквами Ѳ. Б., разсказывается междупрочимъ, что въ 1829 или въ 1830 году Гоголь, тогда только что прибывшій въ С.Петербургъ, просилъ одного журналиста о содѣйствіи къ опредѣленію его, Гоголя, въ государственную службу, и «казался близкимъ къ отчаянію»; что по просьбѣ этого журналиста, Управляющій III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, М. Я. фонъ-Фокъ, далъ мѣсто Гоголю въ Канцеляріи III Отдѣленія, «въ которую онъ» (Гоголь) «являлся только за полученіемъ жалованія»; и что по прошествіи нѣкотораго времени «какой-то пріятель Гоголя принесъ просьбу объ отставкѣ и взялъ обратно его бумаги. Самъ же Гоголь исчезъ куда неизвѣстно»!

Напечатаніе подобнаго разсказа, въ особенности же безъ предварительнаго представленія его на разсмотрѣніе того вѣдомства, къ которому содержаніе его непосредственно относится, не можетъ не быть признано совершенно неумѣстнымъ; посему я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство поставить на видъ одобрившему къ печати означенный нумеръ Сѣверной Пчелы Цензору Статскому Совѣтнику Бекетову, допущенную имъ при семъ случаѣ неосмотрительность.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Норовъ.

РАПОРТЪ

графа Комаровскаго о «непозволительныхъ строкахъ» въ статьѣ Чернышевскаго о Гоголѣ.

Его Сіятельству Господину Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія

Статскаго Совѣтника
гр. Комаровскаго

РАПОРТЪ.

Честь имѣю донести Вашему Сіятельству, что въ послѣдней книжкѣ (VIII) Современника нашелъ я нѣсколько строкъ вовсе, по моему мнѣнію, непозволительныхъ.

Безъимянный авторъ статьи подъ заглавіемъ: Сочиненія и письма Н. В. Гоголя—нападая на аскетизмъ овладѣвшій знаменитымъ писателемъ подъ конецъ его жизни, приводитъ слѣдующіе примѣры:

«Слышали ли вы когда нибудь на рынкахъ пѣсню убогихъ слѣпцовъ о томъ сынѣ, который скрылся изъ отцовскаго дома, пришелъ назадъ одѣтый во вретище и поселился, какъ незнаемый нищій, въ конурѣ подъ порогомъ родительскаго дома, и каждый день слышалъ вздохи отца, стоны матери о погибшемъ возлюбленномъ сынѣ, и укрѣпляясь духомъ молчалъ, и только черезъ много лѣтъ, въ минуту смерти, открылся имъ что онъ сынъ ихъ? Читали ль вы недавно въ нашихъ газетахъ разсказъ о томъ, какъ одна мать зарѣзала двухъ своихъ

дѣтей, зарѣзала съ любовью, съ ласкою, чтобы сдѣлать двухъ мучениковъ и самой спасти душу спасеніемъ двухъ душъ отъ земнаго соблазна? Въ Аскетическихъ письмахъ Гоголя вѣетъ тотъ же самый духъ ослѣпленнаго экстаза» (стр. III).

Изувѣръ, воспѣваемый на рынкѣ—не иной кто какъ весьма извѣстный у насъ Св. Алексѣй Божій человѣкъ (см. Житіе Св. 17 Марта); точно такой же подвигъ совершилъ и Св. Іоанъ Кущникъ (15 января), такъ прозванный по кущѣ гдѣ жилъ онъ до самой кончины у родительскаго порога. Вѣроятно православнымъ читателямъ покажется страннымъ что и Святые подлежатъ критическимъ разборамъ Современника!

Статскій Совѣтникъ Гр. Комаровскій.

18 Августа 1857.

ТУРГЕНЕВЪ.

«НАХЛѢБНИКЪ».

(первая редакція комедіи).

Текстъ, предназначенный для третьяго номера Отечественныхъ Записокъ и запрещенный цензурой 22 Февраля 1849 года.

НАХЛѢБНИКЪ.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.

(Посвящена М. С. Щепкину).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Павелъ Николаевичъ Елецкій, колежскій совѣтникъ, 32 лѣтъ
Петербургскій чиновникъ, холоденъ, сухъ, не глупъ, аккуратенъ; одѣтъ просто, со вкусомъ. Человѣкъ дюжинный, не злой, но въ сущности безъ сердца.

Ольга Петровна Елецкая, урожденная Корина, его жена, 21 года
Доброе, мягкое существо; мечтаетъ о свѣтѣ и боится свѣта; любитъ мужа, ведетъ себя весьма прилично. Хорошо одѣвается.

Василій Семенычъ Кузовкинъ, дворянинъ, проживающій на хлѣбахъ у Елецкихъ, 50 лѣтъ.
Носитъ сюртукъ со стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами.
— Эта роль назначена Михаилѣ Семенычу; *слѣд.* мнѣ прибавлять нечего: онъ изъ нея сдѣлаетъ, что захочетъ.

Флегонтъ Александрычь Тропачёвъ, сосѣдъ Елецкихъ, 36 лѣтъ.
Помѣщикъ 400-хъ душъ; не женатъ. Высокаго роста, виденъ собою, говоритъ громко, рисуется. Служилъ въ каваллеріи и вышелъ въ отставку поручикомъ. Ѣздитъ въ Петербургъ и собирается за границу. По природѣ грубоватъ и даже подловатъ. Одѣтъ въ зелёный круглый фракъ, гороховые панталоны, Шотландскій жилетъ, шелковый галстухъ съ огромной булавкой. Носитъ лакированные сапоги и палку съ золотымъ наболдашникомъ. Встриженъ коротко, à la malcontent.

Иванъ Кузьмичь Ивановъ, другой сосѣдъ, 45 лѣтъ
Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, другъ Кузовкина. Охотно груститъ. Носитъ старенькій, коричневый фракъ, вымытый желтоватый жилетъ и сѣрые панталоны. Очень бѣденъ.

Кирпичовъ, тоже сосѣдъ, 40 лѣтъ.
Очень глупый человѣкъ съ усами, нѣчто въ родѣ адъютанта Тропачева. Не богатъ. Носитъ венгерку и шаровары. Говоритъ басомъ.

Нарцысъ Константинычь Трембинскій, дворецкій и метръ-д'отель Елецкихъ, 40 лѣтъ.
Пронырливъ, крикливъ, хлопотливъ. Въ сущности большая бестія.

Одѣтъ хорошо, какъ слѣдуетъ дворецкому въ богатомъ домѣ. Говоритъ правильно, но съ бѣлорусскимъ произношеніемъ.

Егоръ Карташовъ, управитель, 50 лѣтъ. Пухлый, заспанный человѣкъ. Гдѣ можно, крадетъ. Одѣтъ въ долгополый, синій сюртукъ.

Прасковья Ивановна, кастелянша, 50 лѣтъ. Сухое, злое и жолчное существо. На головѣ носитъ платокъ; ходитъ въ темномъ платьѣ; шамкаетъ.

Маша, горнишная, 20 лѣтъ. Свѣжая дѣвка.

Аппадистъ, портной, 70 лѣтъ. Дряхлый, выжившій изъ ума, сильно заѣзженный и сѣвшій на ноги дворовый человѣкъ.

Петръ, лакей, 25 лѣтъ. Молодой здоровый парень, зубаскалъ и балагуръ.

Васька, казачокъ, 14 лѣтъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Сцена представляетъ залу, въ домѣ богатаго помѣщика, на право два окна и дверь въ садъ, на лѣво дверь въ гостиную; прямо въ переднюю. Между окнами раздвижной столъ; на столѣ шашешница. Спереди на лѣво другой столъ и два кресла. Между гостиной и передней входъ въ корридоръ.

За кулисами слышенъ голосъ *Трембинскаго:* «Это безпорядокъ! это безпорядокъ! Я во всемъ здѣсь нахожу безпорядокъ! Это непростительно!» *(Трембинскій входитъ въ сопровожденіи Петра лакея и казачка Васьки).*—Я имѣю формальное предписаніе отъ госпожи! Меня здѣсь должны всѣ слушаться! *(къ Петру).*—Понимаешь ты меня?

Петръ.—Слушаю-съ.

Трембинскій.—Госпожа съ своимъ супругомъ сегодня сюда пріѣхать изволятъ, меня вотъ напередъ прислали, а мы что́ здѣсь дѣлаемъ? Мы ничего здѣсь не дѣлаемъ! *(обращается къ казачку).* Ты зачѣмъ здѣсь? Шататься тоже любишь, а? Ничего ни дѣлать тоже? *(Схватываетъ за ухо и держитъ).* Даромъ хлѣбъ ѣсть? Это вы всѣ любите даромъ хлѣбъ ѣсть! Знаемъ мы васъ! Вонъ! на мѣсто! *(Казачокъ уходитъ.—Трембинскій садится*

въ кресла). Совсѣмъ, ей-Богу, замучился! *(Вскакиваетъ)*. А что жь портнаго мнѣ не представляютъ? Гдѣ жь наконецъ этотъ портной?

Петръ (*гикнулъ въ переднюю*).—Пришелъ портной-съ.

Трембинскій.—Что жь онъ не входитъ? Что онъ тамъ стоитъ? Чего дожидается? Пойди сюда, братецъ ты мой, какъ тебя зовутъ. *(Входитъ Анпадистъ; и становится у дверей, заложивъ руки за спину)*.

Трембинскій *(Петру)*.—Это портной?

Петръ.—Точно такъ-съ, портной.

Трембинскій *(Анпадисту)*.—Сколько тебѣ лѣтъ, братецъ ты мой?

Анпадистъ.—Семидесятый годокъ пошелъ, батюшка.

Трембинскій *(Петру)*.—И другаго нѣтъ у васъ портнаго?

Петръ.—Никакъ нѣтъ-съ. Былъ другой, да негоднымъ оказался. По причинѣ косноязычья.

Трембинскій *(поднимая руки къ небу)*.—Что за безпорядки! *(Анпадисту)*.—Ну, ты старина́, исполнилъ приказаніе, а? Исполнилъ?

Анпадистъ.—Исполнилъ, батюшка.

Трембинскій.—Воротники на ливреяхъ подшилъ?

Анпадистъ.—Подшилъ, батюшка. Только, батюшка, желтаго суконца не хватило, батюшка.

Трембинскій.—Ну, такъ какъ же ты распорядился?

Анпадистъ.-А, батюшка, мнѣ изъ кладовой юпочку старенькую выдали, жолтенькую такую...

Трембинскій (*махая руками)*.—И не говори! И не говори!.. Ну, однако, дѣлать не́чего. Не ѣхать же теперь въ городъ за сукномъ. Ступай *(Анпадистъ хочетъ идти)*. Да смотри у меня! Живо у меня! А то вѣдь, я, братъ, того... Ну, ступай. *(Анпадистъ уходитъ. Трембинскій опять садится и тотчасъ опять вскакиваетъ)*.—Ахъ, да! чистятъ ли дорожки въ саду? Барыня прогуливаться любитъ.

Петръ.—Какъ же-съ, чистятъ-съ. Съ деревни безтягольныхъ нагнали.

Трембинскій *(подступаетъ къ Петру).*—Да ты кто?

Петръ *(съ изумленіемъ).*—Чего извольте-съ?

Трембинскій *(подступаетъ ближе къ Петру).*—Ты кто, говорятъ тебѣ, кто ты?

Петръ *(съ возрастающимъ изумленьемъ).*—Я-съ?

Трембинскій *(подходитъ къ самому носу Петра).*—Да, ты, ты, ты... кто ты?

Петръ *(конфузится, глядитъ на Трембинскаго и молчитъ).*

Трембинскій.—Да говори же наконецъ, тебя я спрашиваю, кто ты такой?

Петръ.—Я Петръ-съ.

Трембинскій.—Нѣтъ, ты лакей, вотъ ты кто. Домъ—твое дѣло, и лампы чистить тоже твое дѣло, а садъ—не твое дѣло. Безтягольныхъ ли нагнали или другихъ тамъ какихъ-нибудь—это не твое дѣло. Это дѣло прикащика. Я тебя не спрашивалъ; я отъ тебя отвѣта не требовалъ. Твое дѣло за прикащикомъ сходить. Вотъ это твое дѣло.

Петръ.—Да вотъ они сами сюда идутъ-съ. *(Входитъ Егоръ изъ передней).*

Трембинскій.—А! Егоръ Алексѣичъ, очень кстати изволили прійдти. Скажите пожалуйста, вы распорядились тамъ въ саду, на-счетъ...

Егоръ.-Распорядился, распорядился, Нарцысъ Константиновичъ... Не извольте безпокоиться... Табачку не хотите ли?

Трембинскій *(беретъ табакъ у Егора и нюхаетъ).*—Вы не повѣрите, Егоръ Алексѣевичъ, не ожидалъ я въ такомъ большомъ имѣніи найдти подобные безпорядки! не по вашей части, разумѣется, не по хозяйству, а въ домѣ, въ домѣ.

Егоръ.—Тэ-акъ-съ.

Трембинскій.—Вообразите себѣ, на-примѣръ, спрашиваю: музыканты имѣются? Вы понимаете, надо господъ, какъ слѣдуетъ встрѣтить. Говорятъ мнѣ, имѣются. Ну, говорю, подайте ихъ сюда. Что жь вы думаете? Всѣ они, музыканты-то, въ разныхъ должностяхъ состоятъ. Кто огородникомъ, кто сапожникомъ; контробасъ за волами ходитъ. На что это похоже? Инструменты тоже въ безпорядкѣ. Насилу кое-какъ сладилъ. *(Опять нюхаетъ табакъ).*

Егоръ.—Хлопотливую должность изволили получить.

Трембинскій.—Да-съ, смѣю сказать, не даромъ хлѣбъ свой ѣмъ... А что, музыканты стоятъ у крыльца?

Егоръ.—Какъ же у крыльца. Дождикъ накрапывать сталъ, такъ они-было, въ офиціантскую забрались, инструменты говорятъ, подмочитъ. Да я ихъ, признаться, выгналъ. Ну, неровно, вѣстовой прозѣваетъ. Господа вдругъ пожалуютъ. А инструменты можно подъ полой подержать.

Трембинскій.—Совершенно справедливо. Кажется, все теперь въ порядкѣ.

Егоръ.—Будьте спокойны, Егоръ Алексѣевичъ *(убѣдительнымъ голосомъ).* Совершенно, то-есть, будьте спокойны *(взглядываетъ на Петра).* Ты что тутъ торчишь? Ступайка вонъ, на свое мѣсто, любезный мой, между-прочимъ *(Петръ уходитъ въ переднюю. Изъ корридора выбѣгаетъ Маша).* Ишь, ишь, ишь, куда сударыня спѣшите?

Маша.—Ахъ, Егоръ Андрѣевичъ, оставьте! Прасковья Ивановна ужь и такъ затормошила совсѣмъ *(бѣжитъ въ переднюю).*

Егоръ *(глядитъ ей въ слѣдъ, потомъ оборачивается къ Трембинскому и подмигиваетъ глазомъ. Трембинскій ухмыляется).* А позвольте узнать, Нарцысъ Константиновичъ, который часъ?

Трембинскій *(смотритъ на часы).*—Три четверти одиннатцатаго. Того и гляди, господа пріѣдутъ. *(Изъ передней показывался Кузовкинъ, останавливается, дѣлаетъ кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входитъ и пробирается къ столу возлѣ оконъ).*

Егоръ.—Пойду сбѣгаю въ контору. Староста навѣрно себѣ бороды не вычесалъ, а цаловаться, небось, тоже полѣзетъ. *(Уходя, сталкивается съ Кузовкинымъ).*

Кузовкинъ.—Здравствуйте, Егоръ Алексѣевичъ.

Егоръ *(не безъ досады).*—Эхъ, Василій Семеновичъ, не до васъ. *(Уходитъ въ переднюю. Кузовкинъ продолжаетъ пробираться къ окну).*

Трембинскій *(вглядывается и замѣчаетъ Кузовкина. Про себя).*—А! этотъ! *(Кузовкинъ кланяется Трембинскому. Трембинскій небрежно киваетъ головой и говоритъ ему черезъ плечо).*—Ну, что? И вы туда же? Тоже молодыхъ господъ встрѣчать собрались? а?

Кузовкинъ.—Какъ же... какъ же-съ.

Трембинскій—Ну, что жъ и рады вы? *(не дожидаясь его отвѣта).* Приодѣлись?

Кузовкинъ.—Да, то-есть...

Трембинскій.—Хорошо, хорошо... вы можете тутъ въ уголку посидѣть. *(Кузовкинъ кланяется).* Ахъ да! я и забылъ! Петръ!... Петръ!.. Петрушка!.. Что это? Никого нѣтъ въ передней?

Ивановъ *(не выказываясь болѣе).*—Ивановъ, Иванъ Кузьмичъ... вотъ ихъ пріятель-съ *(указываетъ на Кузовкина).*

Кузовкинъ *(Трембинскому).*— Сосѣдъ здѣшній-съ. Помѣщикъ—тоже-съ. Въ гости ко мнѣ пришелъ-съ.

Трембинскій *(съ разстановкой и качая головой).* Эхъ, не время теперь, не время, не мѣсто здѣсь, господа, не мѣсто! *(Петръ выходитъ изъ передней мимо самаго носа г-на Иванова. Ивановъ прячется).*

Петръ.—Вы изволили меня спрашевать?

Трембинскій.—А зачѣмъ ты въ передней не сидишь?

Петръ.—Я ходилъ...

Трембинскій *(перебивая его)*.—Ты ходилъ... Зачѣмъ ты отъ своего мѣста отлучаешься? Ступай за мной... Я хочу посмотрѣть, что у тебя тамъ въ кабинетѣ... Чай все не такъ, какъ я приказывалъ... Положись-ка на васъ! *(Оба уходятъ въ гостиную. Кузовкинъ остается одинъ)*.

Кузовкинъ *(послѣ нѣкотораго молчанія)*.—Ваня.... а, Ваня!

Ивановъ *(изъ передней, не показываясь)*.—Чего!

Кузовкинъ—Войди, Ваня, войди, ничего, можно.

Ивановъ *(медленно входитъ)*.—Я лучше уйду.

Кузовкинъ.—Нѣтъ, останься. Что за бѣда? Ты ко мнѣ пришелъ. Вотъ пойди сюда. Вотъ тутъ сядь-ка. Это вотъ мой уголокъ.

Ивановъ.—Пойдемъ лучше въ твою комнату.

Кузовкинъ.—Въ мою комнату намъ теперь идти нельзя. Тамъ теперь бѣлье разбираютъ... Перинъ тоже много нанесли. Да здѣсь чѣмъ худо?

Ивановъ.—Нѣтъ я лучше домой пойду.

Кузовкинъ.—Нѣтъ, Ваня, ты останься. Сядь-ко вотъ тутъ, ся-ядь. И я сяду. *(Кузовкинъ садится)*. Наши вотъ сей часъ пріѣдутъ. Посмотри на нихъ.

Ивановъ.—Чего смотрѣть.

Кузовкинъ.—Сядь какъ чего смотрѣть? Ольга-то Петровна въ Петербургѣ замужъ вышла. Каковъ-то у ней муженекъ? Ну да и ее мы съ тобой давно не видали шестъ лѣтъ слишкомъ. Сядь.

Ивановъ.—Да что, Василій Семеновичъ, право...

Кузовкинъ.—Сядь, сядь, говорятъ. Ты не смотри на то, что новый дворецкій кричитъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ! Онъ ведь для этого приставленъ. Ольга Петровна

его сами сюда изволили прислать. Ты Ваня, это пойми.

Ивановъ.—Ольга Петровна-то, чай, за богатаго вышла? *(садится).*

Кузовкинъ.—Не знаю, Ваня, какъ тебѣ сказать, а чиновникъ, говорятъ, важный. Ну Ольгѣ Петровнѣ такъ и слѣдовало. Лишь бы на добраго человѣка напала. Не всежъ ей было съ своей теткой жить самъ посуди, Ваня. Ты, Ваня, въ ея положеніе войди. Ты ведь умный человѣкъ.

Ивановъ.—А какъ бы, Василій Семеновичъ, новый то баринъ насъ съ тобою не выгналъ?

Кузовкинъ.—А зачѣмъ ему насъ выгнать?

Ивановъ.—То есть я про тебя говорю.

Кузовкинъ *(со вздохомъ).*—Знаю, Ваня, знаю. Ты, братъ, что ни говори, все таки помѣщикъ, ты баринъ. А на меня и платье то не изъ цѣлаго кроятъ. Все съ чужаго плеча. А все таки новый баринъ меня не выгонятъ. Да и зачѣмъ ему меня выгонять самъ посуди покойный баринъ меня не выгналъ... а ужъ на что былъ сердитъ.

Ивановъ.—Да ты, Василій Семеновичъ, петербургскихъ молодцовъ не знаешь.

Кузовкинъ.—А что, Иванъ Кузьмичъ, развѣ они... того?

Иванъ.—Просто говорятъ, бѣда! Я ихъ тоже не знаю а слыхалъ.

Кузовкинъ *(послѣ минутнаго молчанья).*—Ну посмотримъ, Ваня, посмотримъ. Я на Ольгу Петровну надѣюсь. Она не выдастъ.

Ивановъ.—Не выдастъ! Да она чай, и забыла тебя совсѣмъ. Вѣдь она отсюда, послѣ смерти покойной матушки своей—съ теткой-то съ своей ребенкомъ выѣхала. Что ей? И четырнадцати лѣтъ не было.

Кузовкинъ.—Говорятъ, какъ выросла, Иванъ, какъ похорошѣла!

Ивановъ.—Ты съ ней въ куклы игрывалъ—велико дѣло! Она и не посмотритъ на тебя.

Кузовкинъ.—Ну нѣтъ, Ваня.

Ивановъ.—Вотъ увидишь.

Кузовкинъ.—Ну полно же, Ваня, пожалуйста.

Ивановъ.—Да вотъ увидишь, Василій Семеновичъ.

Кузовкинъ.—Право, Ваня, перестань... Съиграемъ-ка лучше въ шашки. А? какъ по твоему? *(Ивановъ молчитъ).* Что такъ сидѣть-то? Давай-ка, братъ, давай. *(Беретъ шашешницу и разставляетъ шашки).*

Иванъ *(тоже разставляетъ шашки)*—Нашолъ время, нечего сказать. Дворецкій позволитъ тебѣ, какъ же.

Кузовкинъ.—А мы развѣ кому мѣшаемъ?

Ивановъ.—Да господа сей часъ пріѣдутъ.

Кузовкинъ.—Господа пріѣдутъ мы бросимъ. Въ правой или въ лѣвой?

Иванъ.—Ужъ прогонятъ насъ съ тобой, Василій Семенычъ, вотъ увидишь. Въ лѣвой. Тебѣ начинать.

Кузовкинъ.—Мнѣ... я, братъ сегодня вотъ какъ начинаю.

Ивановъ.—Вишь что вздумалъ. А я вотъ какъ.

Кузовкинъ.—А я сюда.

Ивановъ.—А я сюда.

(Вдругъ въ передней поднимается шумъ. Казачокъ Васька вбѣгаетъ сломя голову: „ѣдутъ! ѣдутъ! Нарцысъ Коскенкинычъ! ѣдутъ“!... Кузовкинъ и Ивановъ киваютъ).

Кузовкинъ *(въ большомъ волненьи).*—Ѣдутъ! Ѣдутъ?

Васька. *(кричитъ).*—Махальный знакъ подалъ—ѣдутъ! *(Изъ гостиной раздается голосъ Трембинскаго: „Что такое? господа-господа ѣдутъ?“—Онъ вмѣстѣ съ Петромъ выбѣгаетъ изъ гостиной).*

Трембинскій *(кричитъ)*.—Музыканты! музыканты по мѣстамъ! *(Убѣгаетъ въ переднюю; Петръ и козачокъ за нимъ изъ корридора выскакиваетъ Маша)*.

Маша.—Господа ѣдутъ?

Кузовкинъ.—Ѣдутъ, ѣдутъ. *(Иванъ, съ таской забивается въ уголъ. Маша бѣжитъ въ корридоръ съ крикомъ: „Ѣдутъ!“ Черезъ мановенье изъ корридора вырывается Прасковья Ивановна а изъ передней Трембинскій)*.

Прасковья Ивановна.—Ѣдутъ?

Трембинскій.—Дѣвокъ зовите сюда, дѣвокъ!

Прасковья Ивановна *(кричитъ въ корридоръ)*.—Дѣвки дѣвки!

Егоръ *(выбѣгая изъ передней)*.—А гдѣжъ хлѣбъ-соль, Нарцысъ Константинычъ?

Трембинскій *(кричитъ во все горло)*.—Петръ! Петръ! Хлѣбъ-соль! гдѣ хлѣбъ-соль? *(Изъ корридора выходятъ шесть разряженныхъ дѣвокъ)*. Въ переднюю, дѣвки, въ переднюю! *(Дѣвки бѣгутъ въ переднюю и сталкиваются въ дверяхъ съ Петромъ. У него на рукахъ блюдо съ огромнымъ кренделемъ и солонкой)*.

Петръ.—Тише вы сумасшедшія! *(Трембинскій вырываетъ у Петра блюдо и передаетъ его на руки Егору)*. Это Вамъ... Ступайте на крыльцо, ступайте. *(Выталкиваетъ его вонъ вмѣстѣ съ Петромъ и Прасковьей Ивановной, бѣжитъ самъ за ними и кричитъ въ передней: „А люди то гдѣ... людей сюда!“)*.

Голосъ Петра.—Аппадиста позовите!

Другой голосъ.—У него десятскій сапоги отобралъ...

Голосъ Трембинскаго.—Кучеровъ сюда, кучеровъ!

Голоса дѣвокъ.—Ѣдутъ, ѣдутъ!

Голосъ Трембинскаго.—Молчать теперь, молчать! *(Воцаряется глубокое молчаніе. Кузовкинъ, который*

во все время тревоги находился въ большомъ волненьи но почти не сходилъ съ мѣста, съ жадностью прислушивается.— Вдругъ музыка начинаетъ страшно фальшиво играть: Громъ побѣды раздавайся... карета подъѣзжаетъ къ крыльцу, раздается говоръ, музыка умолкаетъ.—Слышны лобызанья... Черезъ мгновенье входятъ Ольга Петровна, и ея мужъ; у него въ одной рукѣ крендель; за ними Трембинскій, Егоръ, съ блюдомъ, Прасковья Ивановна и дворня, которая однако останавливается въ дверяхъ).

Ольга *(съ улыбкой мужу).*—Ну вотъ мы дома наконецъ. Дома, Paul *(Елецкій жметъ ей руку).* Какъ я рада! *(обращаясь къ дворовымъ).* Благодарствуйте, благодарствуйте (*указывая на Елецкаго*). Вотъ вамъ вашъ новый господинъ... Прошу любить и жаловать *(къ мужу).* Rendez cela, mon ami. *(Елецкій отдаетъ крендель Егору).*

Трембинскій *(наклонивъ всю верхнюю часть тѣла).*— Не угодно ли будетъ, что приказать... покушать или можетъ быть, чаю...

Ольга.—Нѣтъ, благодарствуйте, послѣ *(къ мужу).* Я хочу показать тебѣ весь нашъ домъ твой кабинетъ... Я цѣлыхъ семь лѣтъ здѣсь не была... семь лѣтъ!

Елецкій.—Покажи, покажи.

Прасковья Ивановна *(принимая съ рукъ Ольги шляпу и мантилью).*—Матушка вы наша, голубушка...

Ольга (*улыбается ей въ отвѣтъ и глядитъ кругомъ*).— А постарѣлъ нашъ домъ... И комнаты мнѣ меньше кажутся...

Елецкій *(голосомъ ласковаго наставника).*—Это всегда такъ кажется... Ты отсюда ребенкомъ выѣхала.

Кузовкинъ *(который все время глазъ не спускалъ съ Ольги подходитъ къ ней).*—Ольга Петровна, позвольте... *(Голосъ у него перерывается).*

Ольга *(сперва не узнаетъ его).*—А... ахъ Василій... Василій Петровичъ, какъ ваше здоровье?—Я васъ и не узнала сперва.

Кузовкинъ *(цалуетъ у ней руку).*—Позвольте... поздравить...

Ольга *(мужу, указывая на Кузовкина).*—Старый нашъ пріятель, Василій... Петровичъ...

Елецкій *(кланяется).*—Очень радъ. *(Ивановъ издали тоже кланяется, хотя его еще не замѣтили).*

Кузовкинъ *(кланяется Елецкому).*—Съ пріѣздомъ... мы всѣ... такъ рады...

Елецкій *(кланяется ему еще разъ и въ полъ-голоса женѣ).*—Кто это?

Ольга *(тоже въ полъ-голоса).*—Бѣдный дворянинъ, у насъ въ домѣ проживаетъ *(громко).* Ну пойдемъ, пойдемъ... Я тебѣ хочу весь домъ показать. Я здѣсь родилась, Paul, я здѣсь выросла...

Елецкій.—Пойдемъ съ удовольствіемъ... *(обращаясь къ Трембинскому).* А вы, пожалуйста, прикажите моему каммердинеру... вещи тамъ мои...

Трембинскій *(торопливо).*—Слушаю, слушаю-съ.

Ольга.—Пойдемъ же, Paul...

Елецкій.—Пойдемъ, пойдемъ... *(Оба идутъ въ гостиную).*

Трембинскій *(ко всей дворнѣ, въ полъ-голоса).*—Ну, друзья мои, ступайте теперь по мѣстамъ, друзья мои. Вы, Егоръ Алексѣичъ, останьтесь въ передней—неравно баринъ спроситъ. *(Егоръ, и дворовые уходятъ въ переднюю, Прасковья Ивановна съ горничными въ корридоръ).*

Прасковья Ивановна *(въ дверяхъ).*—Идитѐ, идитѐ... Да ты, Машка, чего смѣешься? *(Уходитъ).*

Трембинскій *(къ Кузовкину и Иванову).*—А вы, господа, здѣсь останетесь, что ли?

Кузовкинъ. Мы здѣсь останемся.

Трембинскій.—Ну хорошо... Только пожалуйста, вы знаете... *(дѣлаетъ знаки руками)...* Ради Бога... а тѐ ведь съ насъ же взыщутъ... *(Уходитъ на цыпочкахъ въ переднюю).*

Кузовкинъ *(глядитъ ему въ слѣдъ и быстро обращается къ Иванову).*—А, Ваня, какова? Нѣтъ скажи, какова? Какъ выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь Ваня, видишь: выходитъ я правъ.

Ивановъ.—Не забыла... А зачѣмъ же она тебя Васильемъ Петровичемъ-то величаетъ?

Кузовкинъ.—Экой ты Ваня! Ну чтожъ тутъ такое— Петровичъ, Семенычъ, ну не все ли равно ну самъ посуди, ты ведь умный человѣкъ. Мужу своему меня представила. Видный мужчина, нечего сказать. Молодецъ! и лицо какое... О да онъ, должно-быть, чиновный человѣкъ! какъ ты думаешь, Ваня?

Ивановъ.—Не знаю Василій Семенычъ. Я вотъ лучше уйду.

Кузовкинъ.—Экой! Ваня, да что съ тобой сдѣлалось? На себя, ей Богу, не похожъ. Уйду да уйду. Ты лучше мнѣ скажи, каково тебѣ наша молодая показалась?

Ивановъ.—Хороша, чтожъ, я не говорю.

Кузовкинъ.—Улыбка одна чего стоитъ... А голосъ? а? нѣтъ, Ваня, скажи, а? Малиновка, просто кинарейка. И мужа своего любитъ. Это сей часъ видно. А? Ваня, ведь видно?

Ивановъ.—Господь ихъ знаетъ, Василій Семенычъ.

Кузовкинъ.—Грѣшно тебѣ, Иванъ Кузьмичъ, ей Богу грѣшно. Человѣку весело—а ты... да вотъ они опять сюда идутъ. *(Входятъ Ольга и Елецкій изъ гостиной).*

Ольга.—Не великъ нашъ домъ, какъ видишь. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Елецкій.—Помилуй, прекрасный домъ; превосходно расположенъ.

Ольга.—Ну теперь пойдемъ въ садъ.

Елецкій.—Съ удовольствіемъ... а впрочемъ—мнѣ бы хотѣлось слова два переговорить съ твоимъ управляющимъ.

Ольга *(съ упрекомъ)*.—Съ *твоимъ?*

Елецкій *(съ улыбкой)*.—Съ нашимъ, съ нашимъ... *(Цалуетъ у ней руку)*.

Ольга.—Ну какъ хочешь. Я вотъ съ собой Василья Петровича возьму. Василій Петровичъ, пойдемте въ садъ... Хотите?

Кузовкинъ *(съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ)*.—Помилуйте... я... я...

Елецкій.—Надѣнь шляпу, Оля.

Ольга.—Не нужно. *(Накидываетъ шарфъ на голову)*. Пойдемте, Василій Петровичъ.

Кузовкинъ.—Позвольте, Ольга Петровна, представить вамъ одного... тоже... здѣшняго сосѣда, Иванова... *(Иванъ Кузьмичъ конфузится и кланяется)*.

Ольга.—Очень рада. *(къ Иванову)*. Угодно вамъ идти съ нами въ садъ? *(Ивановъ кланяется)*. Дайте мнѣ вашу руку, Василій Петровичъ...

Кузовкинъ *(не вѣря ушамъ)*. Какъ-съ...

Ольга *(смѣясь)*.—Да вотъ такъ. *(Беретъ его руку и продѣваетъ свою)*. Помнители вы, Василій Петровичъ... *(уходятъ въ стекляную дверь; Ивановъ идетъ за нимъ)*.

Елецкій *(подходитъ къ стекляной двери, глядитъ въ слѣдъ женѣ, возвращается къ столу налѣво и садится)*.—Эй! кто тамъ? человѣкъ!

Петръ *(выходя изъ передней)*.—Чего извольте-съ?

Елецкій.—Какъ тебя зовутъ, любезный?

Петръ.—Петромъ-съ.

Елецкій.—А! Ну такъ позови же мнѣ управляющаго какъ бишь его зовутъ—Егоромъ чтоли?

Петръ.—Точно такъ-съ.

Елецкій.—Позовика его. *(Петръ уходитъ; спустя мгновенье входитъ Егоръ, останавливается у дверей и складываетъ руки за спину).*

Елецкій *(голосомъ начальника отдѣленья).*—Егоръ, я намѣренъ осмотрѣть завтра именье Ольги Петровны.

Егоръ.—Слушаю-съ.

Елецкій.—Много здѣсь душъ?

Егоръ.—Въ селѣ Тимофѣевскомъ триста-восемьдесятъ-четыре мужескаго пола, по ревизіи. На лицо больше.

Елецкій.—А сколько больше?

Егоръ *(кашляетъ въ руку).*—Душъ—эдакъ будетъ десятка съ два.

Елецкій.—Гмъ прошу аккуратно уснать и донести. Черезполосица есть?

Егоръ.—Въ круглой межѣ дача состоитъ-съ.

Елецкій *(глядитъ на Егора съ нѣкоторымъ недоумѣньемъ).*—Гмъ. А удобной земли много?

Егоръ.—Достаточно-съ. Двѣсти-семьдесятъ-пять десятинъ въ клину.

Елецкій *(опять съ недоумѣньемъ глядитъ на Егора).*—А неудобной сколько?

Егоръ *(съ нѣкоторой разстановкой).*—Какъ вамъ доложить-съ Подъ кустарниками... овраги тоже есть... Ну да вотъ подъ усадьбой... выгонъ тоже *(оправившись).* Подъ покосъ идетъ-съ.

Елецкій *(играя бровями).*—А сколько именно?

Егоръ.—Да кто ее знаетъ-съ земля не мѣряная. Развѣ на планѣ означено. Десятинъ, пожалуй, что пятьдесятъ набѣжитъ.

Елецкій *(про себя).*—Все это безпорядки. *(громко)* А лѣсъ есть?

Егоръ.—Двадцать восемь десятинъ-съ съ осьминникомъ.

Елецкій *(громко, съ разстановкой).*—Стало-быть, всего десятинъ эдакъ съ пять сотъ имѣется?

Егоръ.—Съ пятьсотъ-съ! За двѣ тысячи наберется.

Елецкій.—Какъ же ты самъ... *(останавливается).* Да... да... я... я такъ и хотѣлъ сказать. И, то-есть, того... понимаешь! я...

Егоръ.—Слушаю-съ.

Елецкій *(весьма развязно).*—Ну, а что, здѣшніе мужики хорошо себя ведутъ! Смирны?

Егоръ.—Народъ хорошій-съ. Острастку любитъ-съ.

Елецкій.—Гмъ. Ну, и не раззорены?

Егоръ. Какъ-можно-съ! Никакъ нѣтъ-съ. Много довольны.

Елецкій.—Ну, я это все самъ завтра разберу. Можешь идти. Такъ завтра. Да скажи пожалуйста, что это за господинъ тутъ живетъ, кто онъ такой?

Егоръ.—Кузовкинъ, Василій Семенычъ, дворянинъ. На хлѣбахъ-съ проживаетъ. Еще со временъ стараго барина. Онѣ ихъ, можно-сказать, для потѣхи при себѣ держали.

Елецкій.—И давно онъ здѣсь живетъ?

Егоръ.—Давно-съ. Со смерти стараго барина, двадцатый годъ пошолъ, а Василій Семенычъ-то еще при жизни покойника у насъ поселился.

Елецкій.—Ну хорошо. Ступай теперь... Да что у васъ контора ведь есть?

Егоръ.—Какъ безъ конторы быть-съ...

Елецкій.—Ну хорошо. Это я все завтра осмотрю. Ступай. *(Егоръ уходитъ).* А этотъ управляющій, кажется, глупъ. Впрочемъ увидимъ. *(Встаетъ и прохаживается).* Вотъ, я, и въ деревнѣ—у себя въ деревнѣ. Странно какъ-то. А хорошо. Ей Богу хорошо. *(Въ передней раздается голосъ Тропачева „Пріѣхали! сегодня!").*

Елецкій *(про себя).*—Кто это?

Петръ (*входя изъ передней*).—Тропачевъ, Флегонтъ Александровичъ пріѣхали-съ. Желаютъ васъ видѣть-съ... Что̀ прикажете доложить-съ!

Елецкій (*про себя*).—Кто бишь это такой... Знакомое имя. (*Громко*). Проси.

Тропачевъ (*входитъ*).—Здравствуйте, Павелъ Николаичъ, здравствуйте... Bonjour. (*Елецкій кланяется съ замѣтнымъ недоумѣньемъ*). Вы меня какъ-будто не узнаете... Помните. въ Петербургѣ, у графа Кунцова...

Елецкій.—Ахъ, точно, точно. Милости просимъ, я очень радъ... (*Жметъ ему руку*).

Тропачевъ.—И вашъ ближайшій сосѣдъ. Живу въ двухъ верстахъ отсюда. Въ городъ ѣзжу мимо самаго вашего дома. Я зналъ, что васъ ожидали... Дай, думаю, заѣду справлюсь сегодня. Но если я не во̀ время пріѣхалъ, вы мнѣ пожалуйста скажите Entre gens comme il faut, вы понимаете, что̀ за церемоніи!

Елецкій.—Напротивъ, я надѣюсь, что вы останетесь обѣдать у насъ... хотя я не знаю, что̀ намъ приготовилъ нашъ деревенскій поваръ.

Тропачевъ (*рисуясь и играя палкой*).—О Боже мой, я знаю, у васъ все на большой ногѣ... Вы, я надѣюсь, сдѣлаете мнѣ тоже честь отобѣдать на дняхъ у меня... Вы не повѣрите, какъ я радъ вашему пріѣзду. Здѣсь такъ мало порядочныхъ людей: des gens comme il faut. Et madame? Какъ ее здоровье? Я знавалъ ее ребенкомъ. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю васъ, Павелъ Николаичъ, отъ души поздравляю. Хе, хе. Но она вѣроятно ни сколько не помнитъ. (*Опять рисуется и гладитъ баженбарды*).

Елецкій.—Она будетъ очень рада... Она пошла гулять въ садъ съ этимъ... съ этимъ господиномъ, который здѣсь проживаетъ.

Тропачевъ *(съ пренебреженьемъ).*—А, съ этимъ! Ведь это, кажется, нѣчто въ родѣ шута... а впрочемъ человѣкъ онъ смирный. Кстати, со мной другой дворянинъ пріѣхалъ... Онъ тамъ въ передней... Вы позволите?

Елецкій.—Сдѣлайте одолженье... Какъ же въ передней...

Тропачевъ. Oh ne faites pas attention. Это такъ; это... это ничего. Тоже по бѣдности у меня проживаетъ. Ѣздитъ со мной... одному, знаете, въ дорогѣ скучно. Пожалуйста не безпокойтесь... Je vous en prie *(подходитъ къ передней).* Карпачовъ, войди братецъ. *(Карпачевъ входитъ и кланяется).* Вотъ-съ, Павелъ Николаичъ, рекомендую-съ.

Елецкій.—Я очень радъ...

Тропачевъ *(беретъ Елецкаго подъ руку и тихонько отворачиваетъ его отъ Карпачова, который скромно отходитъ въ сторонку).*—C'est bien, c'est bien. На долго вы у насъ поселились, Павелъ Николаичъ?

Елецкій.—Я взялъ трехъ-мѣсячный отпускъ. *(Оба начинаютъ ходить взадъ и впередъ).*

Тропачевъ.—Мало... мало. Ну, я понимаю, вамъ нельзя было больше. И то, я думаю, васъ съ трудомъ отпустили. Хе, хе. Надо вамъ отдохнуть. Что, вы охоту любите?

Елецкій.—Я отроду ружья въ руки не бралъ... однако передъ отъѣздомъ купилъ себѣ собаку. А что, здѣсь много дичи?

Тропачевъ.—Есть, есть. Это ужь, если вы позволите, я на себя возьму. Мы изъ васъ сдѣлаемъ охотника. *(къ Карпачову).* Что у насъ въ малинникѣ, выводки есть?

Карпачовъ *(изъ угла басомъ).*—Два выводка, а въ Камянной-Грядѣ три.

Тропачевъ.—А, хорошо!

Карпачовъ.—Ѳедулъ лѣсникъ тоже намедни сказалъ, что въ Горѣломъ... *(Изъ саду входитъ Ольга съ Кузовкинымъ и Ивановымъ, Карпачовъ умолкаетъ и кланяется).*

Ольга.—Ахъ, Paul, какъ нашъ садъ хорошъ... *(останавливается при видѣ Тропачева).*

Елецкій *(Ольгѣ).*—Позволь мнѣ тебя представить...

Тропачевъ *(перебивая Елецкаго).*—Извините, извините, мы старые знакомые... Ольга Петровна вѣроятно узнаетъ меня... и неудивительно. Я ее зналъ *(показывая рукой на аршинъ отъ пола)* comme ça. *(Рисуется и продолжаетъ съ улыбкой).* Тропачевъ, Флегонтъ... помните, сосѣда Тропачева Флегонта? Помните, онъ вамъ игрушки изъ города привозилъ? Вы были тогда такой милый ребенокъ—а теперь... *(Значительно напираетъ на послѣднемъ словѣ, кланяется, отступаетъ шагъ назадъ и выпрямляется, весьма довольный собою).*

Ольга.—Ахъ, м'сьё Тропачевъ, какъ же, такъ же... я теперь узнаю васъ... *(протягиваетъ ему руку).* Вы не повѣрите, какъ я счастлива съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь.

Тропачевъ *(сладко).*—Будто только съ тѣхъ поръ?

Ольга *(улыбается ему въ отвѣтъ).*—Мое дѣтство, мнѣ такъ живо вспомнилось... Paul, ты непремѣнно долженъ со мной пойдти въ садъ... я покажу тебѣ акацію, которую я сама посадила... она теперь гораздо выше меня.

Елецкій *(Ольгѣ, указывая на Карпачова).*—М'сьё Карпачовъ, тоже сосѣдъ. *(Карпачовъ кланяется и жмется въ уголъ, куда уже успѣли забиться Кузовкинъ и Ивановъ).*

Ольга.—Я очень рада...

Тропачевъ *(Ольгѣ).*—Ne faites pas attention. *(Громко и потирая руки).* Итакъ, вотъ вы у себя въ деревнѣ, наконецъ—хозяйкой... какъ время-то летитъ, а?

Ольга.—Вы, надѣюсь, у насъ обѣдаете?

Елецкій.—Я уже пригласилъ... pardon... какъ васъ по имени и по отчеству?

Тропачевъ.—Флегонтъ Александрычъ.

Елецкій.—Я пригласилъ Флегонта Александрыча... Боюсь я только, что обѣдъ...

Тропачевъ.—О, полноте!

Ольга *(отводя немного Елецкаго въ сторону).*—Ты пойдешь со мною въ садъ, передъ обѣдомъ, Paul!

Елецкій.—Съ удовольствіемъ, Оля...

Ольга *(слегка наморщивъ брови).*—Не во время пріѣхалъ этотъ господинъ...

Елецкій.—Да... впрочемъ онъ, кажется, порядочный человѣкъ.

(Въ теченіи разговора Ольги съ Елецкимъ, Тропачевъ отходитъ въ сторону и не принужденно покачиваясь и покусывая набалдашникъ своей палки, подходитъ къ Кузовкину и говоритъ ему въ носъ: А вотъ вы? Ну какъ вы?).

Кузовкинъ.—Слава Богу-съ, покорнѣйше благодарю-съ.

Тропачевъ. *(указывая локтемъ на Карпачева).*—Вы ведь его знаете?

Кузовкинъ.—Какъ же-съ... мы знакомы-съ.

Тропачевъ.—Такъ, такъ, такъ... *(къ Иванову).* А какъ бишь васъ? и вы тутъ?

Ивановъ.—И я... и я-съ...

Ольга *(къ Тропачеву).*—М'сьё... м'сьё Тропачевъ...

Тропачевъ *(быстро оборачивается).*—Мадамъ?

Ольга.—Ведь я съ вами, какъ съ старымъ пріятелемъ, безъ церемоніи, не правда-ли?

Тропачевъ.—Помилуйте...

Ольга.—Вы мнѣ позвольте пойдти къ себѣ... Мы только-что пріѣхали... Надобно посмотрѣть...

Тропачевъ. — Сдѣлайте одолженье, Ольга Петровна... Да и вы, Павелъ Николаичъ, будьте какъ дома, хе, хе. Мы вотъ здѣсь поболтаемъ немножко съ этими господами...

Ольга.—Притомъ, вы хоть и старый пріятель, но все таки мнѣ совѣстно... въ этомъ дорожномъ платьѣ...

Тропачевъ *(ухмыляясь).*—Я бы не принялъ подобнаго... подобнаго предлога... еслибъ я не зналъ, что для дамъ... туалетъ... всегда... такъ-сказать... всегда пріятно... *(запутывается, кланяется и рисуется).*

Ольга *(смѣясь).*—А, а, Мг Тропачевъ, вы злы... Я васъ оставляю, господа... До свиданья *(уходитъ въ гостиную).*

Тропачевъ.—Павелъ Николаичъ, позвольте мнѣ еще разъ поздравить васъ... вы, можно-сказать, счастливый человѣкъ...

Елецкій *(улыбается и жметъ ему руку).*—Вы правы... Ѳаддей... Флегонтъ Александрычъ, вы правы...

Тропачевъ.—Но послушайте, я васъ, можетъ-быть, удерживаю...

Елецкій.—Напротивъ, Флегонтъ Александрычъ, напротивъ. Знаете ли что? Я намѣренъ даже къ вамъ прибѣгнуть. Я въ хозяйствѣ, признаться, ничего не смыслю, а вы помѣщикъ опытный, вы хозяинъ...

Тропачевъ *(надвигаясь на Павла Николаевича и прижимая его руку къ своему желудку).*—Располагайте мною, Павелъ Николаевичъ, прошу васъ...

Елецкій.—Хотите, мы передъ завтракомъ сходимъ на гумно? отсюда, два шага, подлѣ сада. Я, признаюсь вамъ откровенно, отроду на гумнѣ не бывалъ.

Тропачевъ.—Не-уже-ли?

Елецкій. Ей Богу. Я родился и выросъ въ городѣ. Берите вашу шляпу, пойдемте. *(громко).* Человѣкъ, кто тамъ? *(входитъ Петръ).* Завтракъ вели приготовить.

Петръ.—Слушаю-съ. *(уходитъ).*

Тропачевъ.—Карпачовъ пойдетъ съ нами, если вы позволите!

Елецкій.—Съ удовольствіемъ... *(оба уходятъ. Карпачовъ идетъ за ними).*

Кузовкинъ *(живо обращаясь къ Иванову).*—Ну, Ваня, скажи теперь самъ, какова наша Оля?

Ивановъ.—Чтожь, я не говорю, хороша.

Кузовкинъ.—А ласкова-то какъ, Ваня, какъ ласкова...

Ивановъ.—Да, она не то, что онъ.

Кузовкинъ.—А чѣмъ же онъ дуренъ? Ты, Ваня, разсуди: онъ человѣкъ важный, привыкъ, знаешь, эдакъ себя держать. Онъ бы и радъ, да ты понимаешь: нельзя. Оно у нихъ такъ тамъ требуется.

Ивановъ.—Можетъ-быть, я не говорю.

Кузовкинъ.—А замѣтилъ ли ты, Ваня, какіе у ней глаза! замѣтилъ?

Ивановъ.—Нѣтъ не замѣтилъ, Василій Семеновичъ.

Кузовкинъ.—Я, братъ, тебѣ послѣ этого удивляюсь, ей Богу. Это не хорошо, Ваня, право не хорошо.

Ивановъ.—Можетъ-быть, чтожь, я не говорю. А вонъ дворецкій идетъ.

Кузовкинъ *(понизивъ голосъ).*—Ну чтожь, что идетъ. Мы ничего. *(Входитъ Трембинскій съ Петромъ. Петръ несетъ завтракъ на подносѣ).*

Трембинскій.—*(выдвигая столъ на средину сцены).* Вотъ здѣсь, здѣсь, поставь, да неразбей, смотри. *(Петръ ставитъ поднось и развертываетъ скатерть. Трембинскій отнимаетъ ее у него).* Подай... это, я самъ, а ты за виномъ ступай. *(Петръ уходитъ. Трембинскій накрываетъ столъ и съ боку поглядываетъ на Кузовкина).* Эка, подумаешь, иные люди, точно въ сорочкѣ родятся, именно въ сорочкѣ. Нашъ братъ бьется какъ рыба о ледъ бьется, изъ за куска хлѣба, а имъ все достается даромъ. Гдѣ, послѣ этого, позвольте спросить, справедливость на свѣтѣ? удивительное право, дѣло!

Кузовкинъ (*осторожно прикасается плеча Трембинскаго. Трембинскій глядитъ на него съ удивленіемъ*).—Объ стѣну замарались...

Трембинскій.—Вотъ еще... велика бѣда... оставьте. (*Входитъ Петръ съ бутылками и вазой шампанскаго, которую ставитъ на маленькій столъ подлѣ двери*). Ну иди, иди, поворачивайся. (*Беретъ бутылки и ставитъ на столъ*). Да шашки вонъ прибери... Вишь, когда вздумали господа играть... И что̀ за игра? Что̀ за игра? Дворянская это игра, что ли? право я удивляюсь. (*Петръ убираетъ шашки*).

Ивановъ (*тихо Кузовкину*).—Прощай, братъ.

Кузовкинъ (*тихо*).—Куда ты?

Ивановъ (*тихо*).—Домой.

Кузовкинъ (*тихо*).—Полно, останься.

Егоръ (*выглядывая изъ передней торопливо*).—Нарцисъ Константинычъ, а Нарцысъ Константинычъ...

Трембинскій (*оглядываясь*).—Чего?

Егоръ.—Куда баринъ пошелъ?

Трембинскій.—На гумно. А вы чтожъ не съ нимъ?

Егоръ.—На гумно... Ахъ батюшки... (*Хочетъ бѣжать, но тотчасъ же выправляется, закидываетъ руки назадъ и жмется къ двери... входятъ Елецкій, Тропачевъ и Карпачовъ*).

Елецкій (*Тропачеву*).—Итакъ, vous êtes content?

Тропачевъ.—Très bien, très bien, tout est très bien. А Егоръ, здравствуй. (*Егоръ кланяется. Тропачевъ треплетъ его по плечу*). Это у васъ прекрасный человѣкъ, Павелъ Николаевичъ... Вы можете смѣло на него положиться. (*Егоръ опять кланяется и уходитъ*). А вотъ и завтракъ (*подходитъ къ столу*). Э! да это цѣлый обѣдъ! Comme c'est bien servi! (*Снимаетъ покрышку съ одного блюда*). Дупели... прошу покорно... хотя бы у Сен-Жоржа... Экая бестія этотъ Сен-Жоржъ! А кормитъ славно. Я-таки проѣлъ у него не одну сотню... (*Рисуется*).

Елецкій. — Сядемте — хотите? Человѣкъ, стулья! *(Петръ подаетъ стулья. Трембинскій хлопочетъ около господъ. Елецкій съ Тропачевымъ садятся).*

Тропачевъ *(Карпачову).*—Садись и ты, Карпаче... *(Елецкому).* C'est comme cela que je l'appelle. Vous permettez?

Елецкій.—Сдѣлайте одолженіе... *(Къ Кузовкину и Иванову, которые все не выходятъ изъ своего угла).* Да вы чтожъ, господа, не садитесь... милости просимъ.

Кузовкинъ *(кланяясь).* — Покорнѣйше благодаримъ-съ... Постоимъ-съ.

Елецкій.—Садитесь, садитесь, прошу васъ.

(Кузовкинъ и Ивановъ робко садятся за столъ. Тропачевъ сидитъ для зрителя на лѣво отъ Елецкаго, Карпачевъ въ нѣкоторомъ разстояніи на право, возлѣ него Кузовкинъ и Ивановъ. Трембинскій съ салфеткой подъ мышкой, стоитъ позади Елецкаго; Петръ возлѣ двери).

Елецкій *(снимая покрышку съ блюда).*—Ну, господа, чѣмъ Богъ послалъ.

Тропачевъ *(съ кускомъ во рту).*—Parfait, parfait—у васъ чудесный поваръ, Павелъ Николаевичъ...

Елецкій.—О, вы слишкомъ-добры!.. Итакъ, вы думаете, умолотъ хорошъ будетъ въ нынѣшнемъ году?

Тропачевъ *(продолжая ѣсть).*—Я такъ думаю.

Елецкій.—Этого слѣдуетъ желать для пользы общей.

Тропачевъ.—Именно! *(Выпивая рюмку вина).* За ваше здоровье! Карпаче, чтожъ ты не пьешь за здоровье Павла Николаевича?

Карпачевъ *(вскакивая).*—Многія лѣта достойному нашему хозяину... *(Выпиваетъ рюмку разомъ).* И всякихъ благъ. *(Садится).*

Елецкій.—Спасибо, спасибо...

Тропачевъ *(поталкивая локтемъ Елецкаго, Карпачеву).*—Вотъ бы кого въ предводители, а? Какъ думаешь?

Карпачевъ.—Еще бы! Какого еще надобно?

Тропачевъ.—А вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ, Павелъ Николаевичъ, еслибъ не служба—какой удивительный сыръ... Еслибъ не служба, знаете, быть бы вамъ нашимъ предводителемъ!

Елецкій.—Помилуйте...

Тропачевъ.—Нѣтъ, нѣтъ я не шучу. *(Къ Кузовкину.)* А что́жь вы не пьете за здоровье Павла Николаевича, а? *(къ Иванову).* И вы то же, а?

Кузовкинъ *(не безъ замѣшательства).*—Я очень-радъ...

Тропачевъ.—Карпа́че, налей ему... да полнѣй, полнѣй. Вотъ такъ, что́ за церемоніи.

Кузовкинъ *(встаетъ).*—За здоровье почтеннаго хозяина... и хозяйки. *(Кланяется, пьетъ и садится. Ивановъ тоже кланяется и пьетъ молча).*

Тропачевъ.—А браво, браво... *(къ Елецкому.)* Погодите, nous allons rire. Онъ довольно-забавенъ, только надо его подпоить. *(Къ Кузовкину, играя ножемъ).* Ну, какъ вы поживаете, Имярекъ Ивановичъ, я васъ давно невидалъ. Все по-маленьку, небось?

Кузовкинъ.—По-маленьку-съ, какъ вы сказывать изволите-съ.

Тропачевъ.—Такъ. Ну, хорошо. А что́ Вѣтрово, достается вамъ наконецъ или нѣтъ?

Кузовкинъ *(потупляя глаза).*—Вамъ угодно шутить-съ.

Тропачевъ.—Помилуйте, съ чего вы это взяли? я въ васъ участье принимаю. Я никогда не шучу, я и не думаю шутить.

Кузовкинъ *(со вздохомъ).*—Никакого еще рѣшенья нѣту-съ.

Тропачевъ.—Будто?

Кузовкинъ.—Никакого-съ.

Тропачевъ.—Потерпите, потерпите, что дѣлать. *(Къ Елецкому, мигая глазомъ).* Вы, Павелъ Николаевичъ, можетъ-быть, не знаете, что въ лицѣ г. Кузовкина вы видите передъ собою помѣщика, настоящаго помѣщика, владѣльца, или нѣтъ бишь, наслѣдника, но законнаго наслѣдника сельца Вѣтрова, Угорова тожь... Сколько бишь у васъ душъ?

Кузовкинъ.—Въ сельцѣ Вѣтровѣ по восьмой ревизіи сорокъ двѣ души состоитъ; но оно не все мнѣ достается.

Тропачевъ *(тихо Елецкому).* — Онъ на этомъ Вѣтровѣ помѣшанъ *(громко).* А въ вашемъ участкѣ сколько десятинъ?

Кузовкинъ *(понемногу переставая робѣть).*—Да за выдѣломъ седьмыхъ частей и прочихъ законныхъ требъ восемьдесятъ-четыре десятины слишкомъ.

Тропачевъ.—А душъ сколько вамъ достается!

Кузовкинъ.—Душъ неизвѣстно сколько. Многія въ бѣгахъ состоятъ-съ.

Елецкій. Да отъ-чего же вы не владѣете вашимъ имѣньемъ?

Кузовкинъ.—А тяжба-съ.

Елецкій.—Тяжба? съ кѣмъ?

Кузовкинъ.—А другіе оказываются наслѣдники. Казенные долги тоже есть; ну и частные.

Елецкій.—И давно это дѣло завязалось?

Кузовкинъ *(постепенно одушевляясь).* — Давно-съ. Еще при покойникѣ-съ, царство ему небесное! За мной бы осталось, да достатковъ нѣтъ, времени то же мало. Слѣдовало бы въ городъ съѣздить, разумѣется, попросить, похлопотать, да вишь некогда-съ. Гербовая бумага одна чего стоитъ. А человѣкъ и бѣдный-съ.

Тропачевъ.—Карпàче, налей ему еще рюмочку.

Кузовкинъ *(отказываясь).* — Покорнѣйше благодарю... я...

Тропачевъ.—Полноте, полноте *(пьетъ самъ).* За ваше здоровье. *(Кузовкинъ встаетъ, кланяется и пьетъ).* Ну, такъ какъ же вы? Эдакъ не ладно, эдакъ вы, пожалуй, дѣло-то проиграете.

Кузовкинъ. — Что дѣлать-съ! Достатковъ нѣтъ. Вотъ ужъ болѣе года справокъ даже не собиралъ... *(Тропачевъ съ укоромъ качаетъ головой).* Правда есть тамъ у меня одинъ человѣчекъ... Я на него такъ надѣюсь, а впрочемъ, Господь знаетъ!

Тропачевъ *(поглядывая на Елецкаго).*—А что за человѣчекъ, можно узнать?

Кузовкинъ.—По настоящему нельзя,—ну, да ужь что!—Лычковъ, Иванъ Артемьичъ, изволите знать?

Тропачевъ.—Не знаю, нѣтъ, кто онъ такой?

Кузовкинъ.—А какъ же, стряпчій уѣздный... то-есть, онъ прежде былъ стряпчимъ, правда не здѣсь, а въ Веневѣ. Теперь такъ проживаетъ, больше торговыми оборотами занимается.

Тропачевъ *(продолжая поглядывать на Елецкаго, котораго начинаетъ смѣшить Кузовкинъ).*—И этотъ господинъ Лычковъ обѣщалъ вамъ помочь?

Кузовкинъ *(помолчавъ немного).*—Обѣщалъ-съ. Я у него втораго сынка крестилъ-съ, такъ вотъ онъ и обѣщалъ-съ. Я, дескать, тебѣ это дѣло устрою, погоди. А Иванъ Артемьичъ, извѣстный мастакъ-съ.

Тропачевъ.—Мастакъ? ой ли?

Кузовкинъ.—По губернiи мастакъ-съ.

Тропачевъ.—Да вѣдь онъ, вы говорите, въ отставкѣ и торговыми оборотами занимается?

Кузовкинъ.—Оно точно-съ; такая ужъ ему задача вышла-съ; да человѣкъ-то онъ золотой. А я его-таки давненько не видалъ.

Тропачевъ.—А кàкъ?

Кузовкинъ.—Да ужь будетъ съ годъ-съ.

Тропачевъ.—Эхъ, кáкъ же это вы такъ, какъ бишь васъ! нехорошо.

Кузовкинъ.—Совершенную правду изволите говорить-съ. Да что̀ прикажете дѣлать-съ!

Елецкій.—Да разскажите намъ въ чемъ дѣло?

Кузовкинъ *(откашливаясь и приходя въ азартъ)*.—Дѣло вотъ въ чемъ-съ, Павелъ Николаевичъ. Вы извините мою смѣлость... но впрочемъ, вамъ самимъ угодно. Дѣло вотъ въ чемъ-съ. Сельцо Вѣтрово... признаться, я отроду не говаривалъ передъ сановникомъ... вы меня извините, коли я что...

Елецкій.—Говорите, говорите смѣло.

Тропачевъ *(указывая Карпачеву головой на рюмку Кузовкину)*.—А рюмочку? а?

Кузовкинъ *(отказываясь)*.—Нѣтъ ужь позвольте-съ...

Тропачевъ.—Для куражу!

Кузовкинъ.—Развѣ для куражу *(пьетъ и утираетъ лобъ платкомъ)*. Итакъ-съ доложу вамъ-съ, сельцо Вѣтрово, о которомъ вотъ теперь рѣчь идетъ, сіе сельцо досталось по прямой нисходящей линіи отъ дѣда моего Кузовкина, Максима-съ, секунд-майора, можетъ-быть, изволили слыхать, роднымъ братьямъ, Максимовымъ сыновьямъ, родителю моему, Семену, и дядѣ моему родному, Никтополіону. Родитель мой, Семенъ съ братомъ своимъ роднымъ, а моимъ дядей, при жизни не дѣлился; а дядюшка мой умеръ бездѣтнымъ, вотъ что прошу замѣтить, а только умеръ онъ послѣ кончины отца моего роднаго, Семена; а была у нихъ сестра, тоже родная, Катерина, и вышла она, Катерина, замужъ за Ягушкина, Порфирія; а у Ягушкина Порфирія былъ отъ первой жены, Польки, сынъ Илья, пьяница горькій и бурмасонъ, которому Ильѣ дядя мой Никтополіонъ, стало-

быть, по навѣту сестры Катерины, далъ вексель въ тысяча-семь-сотъ рублевъ, а сама Катерина тоже мужу своему, Порфирію, вексель въ тысяча-семь-сотъ рублевъ опредѣлила и съ отца моего роднаго чрезъ посредство засѣдателя уѣзднаго суда Голушкина, тоже вексель— только въ двѣ тысячи рублевъ взяла, при чемъ и голушкинова жена участвовала... На этихъ порахъ отецъ мой— царство ему небесное—возьми да умри. Пошли векселя ко взысканью. Никтополіонъ туда-сюда, говоритъ, я не дѣлился, имѣніе сіе мое вообще съ племянникомъ, Катерина—четырнадцатую часть, говоритъ, подай, казенныя недоимки тоже подъ тотъ случай подвернулись... Бѣда! Голушкинова жена ждетъ вдругъ хлопъ вексель съ своей стороны.—Никтополіонъ говоритъ, за то племянникъ, дескать, отвѣчаетъ,—а какой, изволите разсудить, съ малолѣтняго отвѣтъ? а Голушкинъ его къ суду, къ суду. Полькинъ сынъ туда же, да еще и мачиху, Катерину не пощадилъ—и ей, говоритъ, не спущу—она, говоритъ, у меня прислужницу опоила... заварилась каша. Покатили прозьбы; въ уѣздный судъ, въ губернское, а изъ губернскаго опять въ уѣздное съ надписью—а послѣ смерти Никтополіона совсѣмъ худо пошло. Я требую ввода во владѣніе—а тутъ отдается приказъ: по казеннымъ недоимкамъ продать сельцо Вѣтрово съ аукціоннаго торгу. Нѣмецъ Гангиместеръ права свои заявляетъ— а тутъ, глядишь, мужики, словно куропатки, бѣгутъ, бѣгутъ, уѣздный предводитель мнѣ въ дверяхъ выговоръ читаетъ, подъ опеку, кричитъ, подъ опеку,—а какъ подъ опеку, законный наслѣдникъ не введенъ,—на полькина сына, Илью, мачиха Катерина жалобу въ самый Правительствующій Сенатъ... *(Остановленный всеобщимъ хохотомъ, Кузовкинъ умолкаетъ и страшно конфузится, Трембинскій, который все время подобострастно и не совсѣмъ рѣшительно взглядываетъ на господъ и почтительно*

участвовалъ въ ихъ веселости, съ визіомъ смѣется въ руку, Петръ глупо ухмыляется, стоя у двери, Карпачовъ хохочетъ густо, но не безъ осторожности, Тропачевъ заливается, Елецкій смѣется нѣсколько презрительно и щуритъ глаза. Одинъ Ивановъ, который въ-теченіи разсказа не разъ держалъ за полу разгоряченнаго Кузовкина, сидитъ потупя голову).

Елецкій. *(Кузовкину, сквозь смѣхъ).*—Продолжайте, продолжайте, зачѣмъ же вы остановились?

Тропачевъ.—Сдѣлайте одолженіе, какъ бишь васъ, продолжайте.

Кузовкинъ.—Я... извините... обезпокоилъ знать... я...

Тропачевъ.—А! я вижу въ чемъ дѣло... Вы робѣете, не-правда-ли, вы робѣете?

Кузовкинъ *(погасшимъ голосомъ).*—Точно такъ-съ.

Тропачевъ.—Ну, этому горю помочь нужно *(поднимая пустую бутылку)*... Человѣкъ, дай-ка намъ еще вина *(Елецкому)*... Vous permettez?

Елецкій.—Сдѣлайте одолженіе *(Трембинскому)*... Да нѣтъ ли шампанскаго?

Трембинскій.—Какъ не быть-съ *(Бѣжитъ къ вазѣ съ шампанскимъ и поспѣшно ее приноситъ. Кузовкинъ улыбается, краснѣетъ и беретъ за пуговицы своего сюртука).*

Тропачевъ *(Кузовкину).*—Это не хорошо робѣть, почтеннѣйшій *(Елецкому, указывая на вазу съ шампанскимъ).* Какъ, уже замороженное? Mais est magnifique. *(Наливаетъ рюмки).* Хорошее, должно быть, вино *(Кузовкину).* Это вотъ вамъ, какъ бишь васъ. Да не отказывайтесь же... Ну, зарепортовались немножко, что за бѣда? Павелъ Николаевичъ, прикажите ему пить...

Елецкій.—За здоровье будущаго владѣльца Вѣтрова! Пейте же, Василій... Василій Алексѣевичъ *(Кузовкинъ пьетъ).*

Тропачевъ.—Вотъ люблю *(Встаетъ съ Елецкимъ; всѣ встаютъ и идутъ на аван-сцену)!* Какой славный

завтракъ *(Кузовкину)*! Ну, такъ какъ же? Въ чемъ бишь дѣло? Съ кѣмъ у васъ тяжба теперь—а?

Кузовкинъ *(начиная приходить въ волненье отъ вина)*.—Съ гангинместеровскими наслѣдничками, разумѣется...

Тропачевъ.—Да кто этотъ господинъ?

Кузовкинъ.—А извѣстно, нѣмецъ. Онъ всѣ векселя скупилъ, а другіе говорятъ, что просто взялъ. Запугалъ, да взялъ. Я самъ того же мнѣнія. Запугалъ бабъ—да и взялъ.

Тропачевъ.—А Катерина-то что жъ глядѣла? А полькинъ сынъ Илья?

Кузовкинъ.—Э! эти всѣ перемерли. Полькинъ сынъ даже сгорѣлъ, въ постояломъ дворѣ, въ пьяномъ видѣ, на большой дорогѣ, по случаю пожара *(къ Иванову)*. Да полно тебѣ меня за полу дергать. Я передъ господами, какъ слѣдуетъ, изъясняюсь. Они сами того требуютъ. Что жъ тутъ худаго—а?

Елецкій.—Оставьте его, г. Ивановъ, оставьте его. Намъ очень-пріятно его слушать.

Кузовкинъ *(Иванову)*.—То-то же *(Елецкому и Тропачеву)*. Вѣдь я, господа, чего требую? Я требую справедливости, законнаго порядка вещей. Я не изъ честолюбія. Честолюбіе—Богъ съ нимъ совсѣмъ! Разсудите, дескать, насъ. Коли я виноватъ—ну, виноватъ, накажите, а коли правъ, коли я правъ...

Тропачевъ. *(перебивая его)*.—А еще рюмочку?

Кузовкинъ.—Нѣтъ-съ, покорнѣйше благодарю-съ. Много благодаренъ-съ. Вѣдь я чего требую-съ...

Тропачевъ.—Въ такомъ случаѣ, позвольте васъ обнять.

Кузовкинъ *(не безъ изумленія)*.—Много чести-съ. Покорнѣйше...

Тропачевъ.—Нѣтъ, вы мнѣ очень-нравитесь *(Обнимаетъ его и держитъ нѣкоторое время)*. Поцаловалъ бы я васъ, мой голубчикъ, да нѣтъ, лучше послѣ.

Кузовкинъ.—Какъ угодно-съ.

Тропачевъ *(мигая Карпачеву)*.—Ну, Карпа̀че, теперь твоя очередь.

Карпачевъ *(съ густымъ смѣхомъ)*.—Ну-ка, Василій Семеновичъ, позвольте-ка васъ прижать къ моему сердцу *(Обнимаетъ Кузовкина и вертится съ нимъ. Всѣ смѣются, каждый по-своему)*.

Кузовкинъ *(вырываясь изъ объятій Карпачева)*.—Да полно же, полно вамъ...

Карпачевъ.—Ну, не ломайся *(Тропачеву)*... Вы, Флегонтъ Александровичъ, прикажите-ка лучше ему пѣсенку спѣть... Онъ у насъ первый мастеръ.

Тропачевъ.—Вы поете, другъ мой... Ахъ, сдѣлайте одолженіе, покажите намъ свой талантъ.

Кузовкинъ *(Карпачеву)*.—Что̀ вы на меня за небылицы взводите? Какой я пѣвецъ?

Карпачевъ.—А при покойникѣ, небось, вы не пѣвали за столомъ?

Кузовкинъ *(понизивъ голосъ)*.—При покойникѣ... Я съ-тѣхъ-поръ состарѣться успѣлъ...

Тропачевъ.—Что̀ вы за старикъ, помилуйте.

Карпачевъ *(Тропачеву, указывая на Кузовкина)*.—И пѣлъ-съ и плясалъ-съ.

Тропачевъ.—Вотъ какъ. Э, да вы, я вижу, молодецъ. Окажите же дружбу, а *(Елецкому)*? C'est un peu vulgaire—ну, да въ деревнѣ *(громко Кузовкину)*. Что̀ жь вы? ну-ка: на улицѣ *(начинаетъ напѣвать: на ули-цѣ)*... Ну?..

Кузовкинъ.—Увольте-съ, сдѣлайте милость.

Тропачевъ.—Экій несговорчивый... Елецкій, прикажите ему вы...

Елецкій *(не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ).*—Да отъ-чего же вы, Василій Семеновичъ, не хотите теперь пѣть... и плясать, коли вы при покойникѣ...

Кузовкинъ.—Не тѣ лѣта, Павелъ Николаевичъ. Увольте.

Трембинскій *(прислуживаясь и съ улыбкой взглядывая на господъ).*—А кажется еще недавно на свадьбѣ вотъ ихъ братца *(указывая на Иванова)* изволили отличаться.

Тропачевъ.—А вотъ видите, видите...

Трембинскій.—Присядкой черезъ всю комнату изволили пройдти...

Тропачевъ.—О, въ такомъ случаѣ вамъ уже никакъ отказаться нельзя... За что̀ жь вы хотите насъ съ Павломъ Николаевичемъ обидѣть? Разсудите сами.

Кузовкинъ.—То было дѣло вольное-съ.

Тропачевъ.—А теперь мы васъ просимъ. Вы хоть то въ соображеніе пріймите, какъ бишь васъ, что вашъ отказъ, пожалуй, неблагодарности приписать можно. А неблагодарность—ай! какой гнусный порокъ!

Кузовкинъ.—Да у меня и голоса совсѣмъ нѣту-съ. А что̀ на счетъ благодарности—я по гробъ обязанный человѣкъ и готовъ жертвовать.

Тропачевъ.—Да мы отъ васъ никакой жертвы не требуемъ... А вотъ спойте-ка намъ пѣсенку. Ну *(Кузовкинъ молчитъ)*? Да ну же.

Кузовкинъ *(немного помолчавъ, начинаетъ пѣть: по улицѣ, но голосъ у него на второмъ словѣ перерывается).*—Не могу-съ... ей-Богу, не могу-съ.

Тропачевъ.—Ну, ну, не робѣйте.

Кузовкинъ *(взглянувъ на него).*—Нѣтъ-съ, я пѣть не буду-съ.

Тропачевъ.—Не будете?

Кузовкинъ.—Не могу-съ.

Тропачевъ.—Ну, въ такомъ случаѣ знаете что̀? Видите вы этотъ бокалъ шампанскаго? я вамъ его за галстухъ вылью.

Кузовкинъ *(съ волненіемъ).*—Вы этого не сдѣлаете-съ. Я этого не заслужилъ-съ. Со мной еще никто... Помилуйте-съ. Это... это стыдно-съ.

Елецкій *(Тропачеву).*—Finissez... Видите, онъ какой.

Тропачевъ.—Тѣмъ лучше *(Кузовкину).* Вы не хотите пѣть?

Кузовкинъ.—Не могу я пѣть-съ.

Тропачевъ.—Вы не хотите *(подходя къ нему).* Разъ...

Кузовкинъ *(умоляющимъ голосомъ, Елецкому).*—Павелъ Николаевичъ...

Тропачевъ.—Два (*еще болѣе приближается къ Кузовкину).*

Кузовкинъ *(пятясь и тоскливымъ отъ отчаянія голосомъ).*—Помилуйте-съ... За что̀ вы такъ со мной поступаете? Я васъ не имѣю чести знать-съ... Да и я самъ все-таки дворянинъ—извольте сообразить... А пѣть я не могу... Вы сами изволили видѣть-съ...

Тропачевъ.—Въ послѣдній разъ...

Кузовкинъ.—Полноте-съ, говорятъ... Я вамъ не шутъ дался...

Тропачевъ.—Будто вамъ въ диковинку?

Кузовкинъ *(разгорячаясь).*—Вы извольте себѣ другаго шута сыскать.

Елецкій *(презрительно).*—А какъ же мнѣ говорили, будто вы именно эту должность—должность шута у моего покойнаго тестя исправляли—а? Онъ отъ васъ, вѣроятно, еще не этого требовалъ.

Кузовкинъ.—То дѣло прошлое-съ *(утираетъ лицо).* Да и голова у меня сегодня что-то не того-съ, право-съ.

Елецкій *(строго).*—Какъ угодно-съ.

Кузовкинъ *(тоскливо).*—Не извольте на меня гнѣваться, Павелъ Николаевичъ...

Елецкій.—И полноте! Съ чего вы это взяли?

Кузовкинъ.—Въ другой разъ, съ удовольствіемъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ-съ *(стараясь принять веселый видъ).* А теперь, простите великодушно, коли я въ чемъ провинился... Погорячился, господа, что̀ дѣлать... Старъ я сталъ-съ, вотъ что... Ну, и отвыкъ то же. Ей-Богу, теперь не могу-съ.

Тропачевъ.—По-крайней-мѣрѣ, хоть выпейте этотъ бокалъ...

Кузовкинъ *(обрадовавшись).*—Вотъ это съ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ *(беретъ бокалъ и пьетъ).* За здоровье почтеннаго и дорогаго гостя...

Тропачевъ.—Ну, а пѣсенку все нельзя?

Кузовкинъ *(Вино уже давно его разбирало; но послѣ бокала и миновавшей опасности онъ вдругъ начинаетъ пьянѣть).*—Ей-Богу, не могу-съ *(смѣется).* Точно; въ кои-то вѣки я пѣвалъ... и не хуже другаго. Да теперь другія времена подошли. Теперь я что̀? пустой человѣкъ—и только. Вотъ не хуже его *(указывая на Иванова и смѣется).* Теперь я никуда не гожусь. А впрочемъ, вы меня извините. Старъ я сталъ, вотъ что̀. Вотъ, напримѣръ, кажется, что я выпилъ сегодня? Двѣ, три рюмочки всего; а тутъ *(указывая на голову)* ужь нелады.

Тропачевъ *(который между-тѣмъ пошептался съ Карпачевымъ).*—Это вамъ такъ кажется, полноте *(Карпачевъ уходитъ смѣясь и уводитъ Петра).* А что̀ жь вы намъ вашего дѣла не досказали?

Кузовкинъ.—А точно-съ. Точно не досказалъ-съ. Впрочемъ, я готовъ, когда прикажете *(смѣется).* Только будьте ласковы, позвольте присѣсть. Ножки что-то... того... отказываются.

Тропачевъ *(подаетъ ему стулъ)*.—Сдѣлайте одолженіе, какъ бишь васъ, садитесь.

Кузовкинъ *(садится лицомъ къ зрителямъ и говоритъ медленно и вяло, быстро пьянѣя)*.—На чемъ, бишь, я остановился? Да—Гангинместеръ. Гангинместеръ этотъ-нѣмецъ, извѣстно, ему что̀! Служилъ, служилъ по провіантской части, знать, наворовалъ тамъ тьму-тьмущую, ну, и говоритъ теперь—вексель мой. А я дворянинъ. Да, что̀, бишь, я хотѣлъ сказать? Ну, и говоритъ: либо заплати—либо во владѣнье введи... либо заплати—либо во владѣніе введи... либо заплати—либо во владѣнье имѣньемъ введи... либо...

Тропачевъ.—Вы спите, другъ мой, проснитесь.

Кузовкинъ *(вздрагиваетъ и снова погружается въ дремотное состояніе. Онъ говоритъ уже съ трудомъ)*.—Кто? я? помилуйте, съ чего вы это... какъ, бишь, ну, все равно. Я не сплю. Спятъ ночью, а теперь день. Развѣ теперь ночь? Я объ Гангинместерѣ говорю. Гангинместеръ этотъ — Ган-гин-местеръ. Ган-гинместеръ—это мой настоящій врагъ. Мнѣ говорятъ и то̀ и то̀; нѣтъ, я говорю, Ган-гинместеръ—Ган-гинместеръ—вотъ кто мнѣ вредитъ. *(Карпачовъ входитъ съ огромнымъ колпакомъ изъ сахарной бумаги и перемигиваясь съ Тропачевымъ, крадется сзади къ Кузовкину. Трембинскій давится отъ смѣха. Ивановъ блѣдный, убитый, глядитъ изъ-подлобья)*. И я знаю, за что онъ меня не любитъ... Знаю, знаю. Онъ мнѣ всю жисть вредилъ, этотъ Ган-гинместеръ, съ самаго моего дѣтства *(Карпачевъ осторожно надѣваетъ колпакъ на Кузовкина)*. Но я ему прощаю... Богъ съ нимъ... Богъ съ нимъ совсѣмъ *(Всѣ хохочутъ. Кузовкинъ останавливается и съ недоумѣніемъ глядитъ кругомъ. Ивановъ подходитъ къ нему, схватываетъ его за руку и говоритъ ему сквозь зубы: „Посмотри, что тебѣ на̀-голову надѣли... вѣдь изъ тебя шута дѣлаютъ“... Кузовкинъ поднимаетъ руки къ головѣ, ощупы-*

ваетъ колпакъ, медленно опускаетъ руки на лицо, закрываетъ глаза и вдругъ начинаетъ рыдать, бормоча сквозь слезы: „За что, за что, за что“... но не снимаетъ колпака. Тропачевъ съ Трембицкимъ и Карпачевымъ продолжаютъ хохотать... Петръ то же смѣется, выглядывая изъ-за двери).

Елецкій.—Полноте, Василій Семеновичъ, какъ вамъ не стыдно изъ-за такой бездѣлицы плакать?

Кузовкинъ *(отнимая руки отъ лица).*—Изъ-за такой бездѣлицы... Нѣтъ, это не бездѣлица, Павелъ Николаевичъ *(встаетъ и бросаетъ колпакъ на полъ).* Въ первый день вашего пріѣзда... въ первый день *(голосъ его прерывается)*... вотъ какъ вы поступаете съ старикомъ... съ старикомъ, Павелъ Николаевичъ! Вотъ какъ! За что́, за что́, вы, меня топчете въ грязь? Что́ я вамъ сдѣлалъ? Помилуйте! А я васъ такъ ожидалъ, такъ радовался... За что́, за что́, Павелъ Николаевичъ?

Тропачевъ.—Ну, полноте... что́ вы въ-самомъ-дѣлѣ?

Кузовкинъ *(блѣднѣя и теряясь).*—Я не съ вами говорю... вамъ позволили надо мной ломаться... Вы и рады. Я съ вами говорю, Павелъ Николаевичъ. Что покойный вашъ тесть за даровой кусокъ хлѣба, да за старые жалованные сапоги вволю надо мной потѣшался—вотъ вы чѣмъ меня попрекаете? Ну, да: его подарочки сокомъ изъ меня вышли, горькими слезинками вышли... Что́ жъ, и вамъ завидно стало? Эхъ, Павелъ Николаевичъ, стыдно, стыдно, батюшка... А еще образованный человѣкъ, изъ Петербурга...

Елецкій *(надменно).*—Послушайте, однако, вы забываетесь. Подите къ себѣ, да выспитесь. Вы пьяны... вы на ногахъ не стоите.

Кузовкинъ *(все болѣе и болѣе теряясь).*—Я высплюсь, Павелъ Николаевичъ, я высплюсь... Можетъ-быть, я пьянъ, за что́ меня поилъ? Дѣло не въ томъ, Павелъ Николаевичъ, дѣло не въ томъ. А вотъ вы что́

замѣтьте. Вотъ вы теперь при всѣхъ меня на смѣхъ подняли, вотъ вы меня съ грязью смѣшали въ первый же день вашего пріѣзда... а еслибъ я хотѣлъ, еслибъ я сказалъ слово...

Ивановъ *(въ полголоса)*.—Опомнись, Василій...

Кузовкинъ—Отстань! Да, милостивый государь, еслибъ я хотѣлъ...

Елецкій.—Э! да онъ совсѣмъ пьянъ! Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.

Кузовкинъ.—Извините-съ... извините-съ. Я пьянъ, но я знаю, что я говорю. Вотъ ты теперь—баринъ важный—петербургскій чиновникъ, образованный, конечно... а я вотъ шутъ, дуракъ, гроша за мной нѣту мѣднаго, я попрошайка, дармоѣдъ... а знаете ли вы, кто я? Вотъ вы женились... На комъ вы женились—а?

Елецкій *(хочетъ увести Тропачева)*.—Извините, пожалуйста, я никакъ не могъ ожидать подобныхъ глупостей...

Тропачевъ.—И я, признаюсь, виноватъ...

Елецкій.—О, да что за бѣда! *(Трембинскому)*. Уведи его... *(Хочетъ идти въ гостинную)*.

Кузовкинъ.—Постойте, милостивый государь, постойте... Вы мнѣ еще не сказали, на комъ вы женились... *(Ольга показывается въ дверяхъ гостиной и съ изумленіемъ останавливается. Мужъ ей дѣлаетъ знаки, чтобъ она ушла. Она ихъ не понимаетъ)*.

Елецкій *(Кузовкину)*.—Ступайте, ступайте...

Трембинскій *(подходитъ къ Кузовкину и беретъ его за руку)*.—Пойдемте.

Кузовкинъ *(отталкивая его)*.—Не дёргай меня, ты! *(Въ-слѣдъ Елецкому)*. Вы баринъ, знатный человѣкъ, не правда ли? Вы женились на Ольгѣ Петровнѣ Кориной... Корины—фамилія вѣдь тоже старинная, столбовая... а

знаете ли кто она, Ольга-то Петровна? Она... она моя дочь! *(Ольга исчезаетъ).*

Елецкій *(останавливаясь словно пораженный громомъ).*—Вы... вы съ ума сошли...

Кузовкинъ *(помолчавъ немного и схвативъ себя за голову).*—Да, я сошелъ съ ума, я сошелъ съ ума... *(Убѣгаетъ спотыкаясь. Ивановъ за нимъ).*

Елецкій *(обращаясь къ Тропачеву).*—Онъ помѣшанный...

Тропачевъ.—О... о, конечно! *(Оба тихо идутъ въ гостиную. Трембинскій и Тропачевъ съ изумленіемъ глядятъ другъ на друга. Занавѣсъ падаетъ).*

АКТЪ ВТОРОЙ.

(Театръ представляетъ гостиную, богато убранную по старинному. Направо отъ зрителя дверь въ залу, налѣво въ кабинетъ Ольги Петровны. Ольга сидитъ на диванѣ; подлѣ нея стоитъ Парасковья Ивановна).

Прасковья Ивановна *(послѣ небольшаго молчанія).*—Такъ какъ же, матушка, какихъ дѣвушекъ къ своей особѣ приказать опредѣлить?

Ольга *(съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ).* — Какихъ хочешь.

Прасковья Ивановна.—Акулина Косая у насъ хорошая дѣвка; Марѳа тоже, Марчукова дочь; прикажете ихъ?

Ольга. — Хорошо. А какъ зовутъ эту дѣвушку... вотъ, что собой недурна... платье на ней голубое...

Прасковья Ивановна *(съ недоумѣньемъ).* — Голубое... А да, точно-съ! Это вы про Машку-съ изволите спрашивать-съ. Воля милости вашей, а только она озорница такая, что и Господи! Непокорная вовсе, да и

поведенья тоже нехорошаго. А, впрочемъ, какъ вамъ угодно будетъ-съ.

Ольга. — Ея лицо мнѣ понравилось, но если она себя дурно ведетъ...

Прасковья Ивановна. — Дурно, дурно-съ. Не годится она, не стоитъ вовсе-съ. *(Помолчавъ немного).* Ахъ, матушка вы моя, какъ вы похорошѣть изволили! Какъ на родительницу вашу похожи стали! Голубушка вы наша... Не нарадуемся мы, глядя на васъ... Пожалуйте ручку, матушка...

Ольга.—Ну, хорошо, Просковья, ступай.

Прасковья Ивановна.—Слушаю-съ. А не угодно ли чего...

Ольга.—Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно.

Прасковья Ивановна. — Слушаю-съ. Такъ я Акулинѣ и Марѳѣ такъ ужь и прикажу-съ...

Ольга.—Хорошо, хорошо, ступай. *(Прасковья хочетъ уйдти).* Да вели сказать Павлу Николаевичу, что я желаю его видѣть...

Прасковья Иванова.—Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

Ольга *(одна).*—Что это значитъ? Что мнѣ послышалось вчера?... Я всю ночь заснуть не могла. Старикъ этотъ съ ума сошелъ... *(Встаетъ и ходитъ по комнатѣ).* «Она моя»... Да, да, точно эти слова. Да это безуміе... это... *(останавливается).* Paul еще ничего не подозрѣваетъ... А вотъ и онъ. *(Входитъ Елецкій).*

Елецкій *(падходя къ ней съ озабоченнымъ видомъ).*—Ты желала меня видѣть, Оля?

Ольга, — Да... я хотѣла тебя попросить...Въ саду, подлѣ пруда дорожки совсѣмъ поросли травой... Передъ домомъ ихъ вычистили, а тамъ забыли... Прикажи.

Елецкій.—Я уже распорядился.

Ольга — А! благодарствуй... Да прикажи въ городѣ купить колокольчиковъ моимъ коровамъ на шею...

Не смѣйся, пожалуйста, надо мной... Я объ этомъ всю дорогу думала.

Елецкій *(цалуя у ней руку)*. Все будетъ исполнено... *(Хочетъ идти)*. Больше никакихъ приказаній нѣтъ?

Ольга.—А что...развѣ у тебѣ тамъ... дѣло...

Елецкій.—Счеты изъ конторы принесли.

Ольга.—А! ну, въ такомъ случаѣ я тебя не удерживаю... Какая сегодня прекрасная погода!.. Мы можемъ передъ обѣдомъ съѣздить въ рощу...

Елецкій.—Конечно... *(опять хочетъ идти)*.

Ольга *(допустивъ его до двери)*.—Paul...

Елецкій *(оборачиваясь)*.—Что?

Ольга. — Скажи, пожайлуста... вчера мнѣ некогда было тебя спросить объ этомъ... Что это у васъ была за сцена, утромъ, за завтракомъ?

Елецкій.—А!.. ничего, ничего. Такъ. Досадно только, что именно въ день нашего пріѣзда такая вышла непріятность. Впрочемъ, я самъ виноватъ немножко. Этого старика, Кузовкина, вздумали мы подпоить, то-есть, это больше нашему сосѣду пришло въ голову, знаешь, мосьё Тропачеву... Ну, сперва онъ точно былъ довольно смѣшонъ, болталъ, разсказывалъ, знаешь, а послѣ началъ шумѣть, глупости всякія говорить, но, впрочемъ, ничего, ничего... И говорить объ этомъ не стóитъ.

Ольга.—А!.. А мнѣ показалось...

Елецкій. — О нѣтъ, нѣтъ... Впередъ осторожнѣе надо быть—вотъ и все. *(Подумавъ немного)*.—Впрочемъ... я уже взялъ свои мѣры...

Ольга.—Какъ...

Елецкій.—Да. Вотъ видишь ли, хотя оно и ничего... точно... но все-таки тутъ люди были, видѣли... слышали наконецъ. Оно неприлично... Въ порядочномъ домѣ неприлично. Такъ я ужь и распорядился.

Ольга.—Какъ же ты распорядился?

Елецкій.—Я... вотъ видишь ли... я старику этому объяснилъ, что наконецъ ему-самому будетъ непріятно остаться здѣсь, у насъ въ домѣ, послѣ подобной, такъ-сказать, сцены, какъ ты сама говоришь... Онъ, тотчасъ же, совершенно со мной согласился—хмѣль-то у него прошелъ... Конечно, я знаю, онъ человѣкъ бѣдный, жить ему нéчѣмъ... Ну, что жь, ему можно будетъ въ другой какой-нибудь твоей деревнѣ комнатку отвести, наконецъ жалованье назначить, харчи... онъ очень будетъ доволенъ... разумѣется, ему ни въ чемъ не будутъ отказывать.

Ольга. — Поль, мнѣ кажется, что за такую бездѣлицу... ты его слишкомъ строго наказываешь. Онъ здѣсь въ домѣ такъ давно у насъ живетъ... Онъ привыкъ... онъ меня съ дѣтства знаетъ... и...право, его, кажется, можно здѣсь оставить.

Елецкій.—Оля... нѣтъ... тутъ есть причины... Конечно, со старика взыскивать строго нельзя... особенно же онъ былъ не въ своемъ видѣ... но все-таки—позволь ужь мнѣ на этотъ счетъ распорядиться... Я повторяю, на то есть причины... довольно-важныя.

Ольга.—Какъ хочешь...

Елецкій.—Притомъ, ужь онъ, кажется, уложился совсѣмъ.

Ольга.—Но онъ не уѣдетъ, не простясь со мной?

Елецкій. — Я думаю, онъ прійдетъ проститься. Впрочемъ, если тебѣ, знаешь, этакъ непріятно, ты можешь его не принять.

Ольга. — Напротивъ, я бы желала съ нимъ поговорить...

Елецкій. — Какъ хочешь, Оля... Но я бы тебѣ, право, не совѣтывалъ... Ты разжалобишься, можетъ-быть... и потомъ, все-таки ста-арикъ, ну, съ дѣтства

тебя зналъ... конечно. А я, признаться, не хотѣлъ бы свое рѣшенье перемѣнить...

Ольга. — О нѣтъ, не бойся... Только я, право, думаю, что онъ уѣдетъ не простясь... Пошли узнать, пожалуйста, Поль, что онъ еще не уѣхалъ?

Елецкій.—Изволь, изволь. *(Звонитъ).* Vous êtes jolie comme un ange aujourd'hui. *(Входитъ Петръ).*

Петръ.—Чего изволите-съ?

Елецкій. — Поди, любезный мой, узнай тамъ, что́ господинъ Кузовкинъ не уѣхалъ еще? *(Взглянувъ на Ольгу).* Такъ, чтобъ пришелъ проститься.

Петръ.—Слушаю-съ. *(Уходитъ).*

Ольга. — Поль... а у меня до тебя есть просьба...

Елецкій *(ласково).*—Скажи, какая...

Ольга. — Послушай... Вотъ какъ прійдетъ этотъ... Кузовкинъ... оставь меня съ нимъ наединѣ.

Елецкій *(помолчавъ немного съ холодною улыбкой).*— Да мнѣ кажется... напротивъ... тебѣ будетъ неловко.

Ольга.—Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста...

Елецкій.—Какъ хочешь, Оля, какъ хочешь... Но, право...

Ольга. — У меня тоже есть до него есть дѣло... Мнѣ нужно спросить его... Да, да, я желаю съ нимъ поговорить на единѣ.

Елецкій. *(посмотрѣвъ на нее пристально).* — Да развѣ ты что-нибудь, вчера...

Ольга *(глядя на мужа самымъ невиннымъ образомъ).*— Что?

Елецкій *(поспѣшно).* — Впрочемъ, какъ хочешь... Вотъ онъ, кажется, идетъ.

(Входитъ Кузовкинъ. Онъ очень блѣденъ).

Ольга.—Здравствуйте, Василій Петровичъ... *(Кузовкинъ молча кланяется).* Здравствуйте *(Елецкому)* Eh bien, mon ami? je vous en prie.

Елецкій *(женѣ)*.-Oui, oui *(Кузовкину)*. Вы уже совсѣмъ собрались?

Кузовкинъ *(глухо и съ трудомъ)*. — Совсѣмъ собрался-съ.

Елецкій. — Ольга Петровна желаетъ съ вами поговорить... проститься съ вами... Вы, пожалуйста, если что вамъ нужно... скажите ей... *(Ольгѣ)* Au revoir... Вѣдь ты не долго съ нимъ останешься?

Ольга.—Не знаю... не думаю.

Елецкій.—Ну, хорошо, хорошо... *(уходитъ въ залу)*.

Ольга *(садится на диванъ и указываетъ на кресла Кузовкину)*. — Сядьте, Василій Петровичъ... *(Кузовкинъ кланяется и отказывается)*. Сядьте, я прошу васъ. *(Кузовкинъ садится. Ольга нѣкоторое время не знаетъ, съ чего начать разговоръ)*. Вы, я слышала, уѣзжаете, Василій Петровичъ...

Кузовкинъ *(не поднимая глазъ)*. Точно такъ-съ.

Ольга. — Мнѣ Павелъ Николаевичъ сказывалъ... Мнѣ это, повѣрьте, очень непріятно...

Кузовкинъ. — Не извольте безпокоиться... Много благодаренъ, и такъ-съ.

Ольга.—Вамъ... въ новомъ вашемъ мѣстѣ жительства, будетъ также хорошо, даже лучше, будьте спокойны. Я прикажу.

Кузовкинъ.—Много благодаренъ. Я чувствую-съ. Я не стою-съ. Кусокъ хлѣба, да уголокъ какой-нибудь-съ...больше мнѣ и не слѣдуетъ-съ. *(Послѣ нѣкотораго молчанія, поднимается)*. А теперь... позвольте проститься... Провинился я, точно... простите старика.

Ольга.—Что жь вы такъ спѣшите... Погодите.

Кузовкинъ.—Какъ прикажете-съ. *(Садится опять)*.

Ольга *(опять помолчавъ не много)*.—Послушайте, Василій Петровичъ, скажите мнѣ откровенно, что такое съ вами вчера по утру случилось... Отъ-чего.

Кузовкинъ. — Виноватъ-съ, Ольга Петровна, кругомъ виноватъ.

Ольга.—Однако, какъ же это вы...

Кузовкинъ. — Не извольте меня разспрашивать, Ольга Петровна... Не стоитъ-съ. Виноватъ-съ, виноватъ кругомъ — и только. Павелъ Николаевичъ совершенно правы-съ. Меня бы еще не такъ слѣдовало наказать... Вѣкъ за нихъ буду Бога молить-съ.

Ольга. — Я признаюсь, съ своей стороны; такой большой вины не вижу... Вы уже не молоды, вѣроятно, отъ вина отвыкли, ну, пошумѣли не много...

Кузовкинъ. — Нѣтъ-съ, Ольга Петровна, не извольте меня оправдывать-съ. Покорно васъ благодарю, а только я чувствую свою вину.

Ольга.—Или вы, можетъ-быть, сказали что-нибудь обидное для моего мужа, для господина Тропачева...

Кузовкинъ *(опуская голову)*. — Виноватъ-съ, Ольга Петровна...

Ольга *(не безъ волненія)*. — Послушайте, Василій Петровичъ, хорошо ли вы помните всѣ ваши слова?

Кузовкинъ *(вздрагиваетъ, глядитъ на Ольгу и медленно произноситъ)*.—Не знаю-съ... Какія слова...

Ольга.—Вы, говорятъ, что-то сказали...

Кузовкинъ *(поспѣшно)*. — Совралъ-съ Ольга Петровна, непремѣнно совралъ-съ. Что́ пришло на языкъ, то и сказалъ. Виноватъ-съ; не въ своемъ умѣ находился.

Ольга. — Однако... съ чего бы, кажется, пришло вамъ въ голову.

Кузовкинъ. — А Богъ-знаетъ, съ чего. Сумасшествіе, просто. Оно бываетъ-съ. Я, признаюсь, отъ вина уже отвыкъ совершенно-съ. Ну выпилъ, ну и пошелъ. Богъ меня знаетъ, что наболталъ бы. Оно бываетъ-съ. А я все-таки виноватъ кругомъ, и наказанъ подѣломъ.

(Хочетъ подняться). Позвольте проститься, Ольга Петровна... Не извольте поминать лихомъ.

Ольга.—Я вижу, вы не хотите со мной говорить откровенно. Вы меня не боитесь... Вѣдь я не то, что Павелъ Николаевичъ... Ну, его вы можете бояться, положимъ... Вы его не знаете... онъ съ виду кажется такимъ строгимъ, а меня-то зачѣмъ вы боитесь... Вѣдь вы меня ребенкомъ знали.

Кузовкинъ. — Ольга Петровна, сердце у васъ ангельское... Пощадите бѣднаго старика.

Ольга.—Помилуйте, я напротивъ желала бы васъ...

Кузовкинъ.—Не напоминайте мнѣ про вашу молодость, Ольга Петровна... Ужъ итакъ мнѣ на душѣ горько... охъ, горько! Подъ старость лѣтъ изъ вашего дома выѣзжать приходится и по своей винѣ...

Ольга.—Послушайте, Василій Петровичъ, еще есть средство помочь вашему горю... будьте только со мной откровенны... послушайте... и... *(Вдругъ встаетъ и отходитъ немного въ сторону).*

Кузовкинъ *(глядя ей во слѣдъ).*—Не извольте безпокоиться, Ольга Петровна, право, не стоитъ-съ. Я и такъ объ васъ буду Бога молить. А вы иногда вспомните обо мнѣ, скажете, вотъ старикъ Кузовкинъ, Василій, преданный мнѣ былъ человѣкъ — и дернула же его нечистая сила на старости лѣтъ буянить...

Ольга *(снова обращаясь къ Кузовкину).* — Василій Петровичъ, точно вы мнѣ преданный человѣкъ, точно вы меня любите?

Кузовкинъ. — Матушка вы моя, прикажите мнѣ умереть за васъ.

Ольга. — Нѣтъ, я не требую вашей смерти, я желаю правды, правды, я желаю знать правду.

Кузовкинъ *(съ нѣкоторымъ изумленіемъ).* — Слушаю-съ.

Ольга. — Я... я слышала ваше послѣднее восклицаніе.

Кузовкинъ *(едва выговаривая слова)*. — Какое... восклицанье.

Ольга. — Я слышала, я слышала, что вы сказали обо мнѣ. *(Кузовкинъ поднимается съ креселъ и падаетъ на колѣна)*. Что жь, это правда?

Кузовкинъ *(заикаясь)*. — Помилуйте, простите великодушно, Ольга Петровна... Сумасшествіе, я уже вамъ докладывалъ... *(Голосъ у него прерывается)*.

Ольга.—Нѣтъ, вы не правду мнѣ говорите...

Кузовкинъ. — Сумасшествіе, Ольга Петровна, простите.

Ольга *(схватываетъ его за руку)*. — Нѣтъ, нѣтъ... ради Бога, заклинаю васъ самимъ Богомъ, что это— правда? правда?

(Кузовкинъ поднимаетъ глаза, глядитъ на Ольгу... Черты его выражаютъ мучительную борьбу. Онъ вдругъ опускаетъ голову и шепчетъ: „Правда“. Ольга быстро отступаетъ отъ него и остается неподвижной... Кузовкинъ закрываетъ лицо руками. Дверь изъ залы растворяется, и входитъ Елецкій. Онъ сперва не замѣчаетъ Кузовкина, который все на колѣняхъ, и подходитъ къ женѣ).

Елецкій. — Ну, что жь, ты кончила? *(Останавливается съ изумленіемъ)*. Что̀ съ тобой? *(Увидавъ Кузовкина)* A voilá, je vous ai dit... Вотъ онъ прощенья сталъ просить.

Ольга.—Поль, оставь насъ однихъ.

Елецкій *(съ недоумѣньемъ)*.—Mais machère...

Ольга.—Прошу тебя, умоляю тебя, оставь насъ.

Елецкій *(помолчавъ немного)*. — Изволь... только я надѣюсь, что ты объяснишь мнѣ эту загадку... *(Ольга киваетъ головой утвердительно; Елецкій медленно выходитъ)*.

Ольга *(быстро идетъ къ двери залы, запираетъ ее на ключъ и возвращается къ Кузовкину, который все еще не поднимается).*—Встаньте... встаньте, говорю вамъ.

Кузовкинъ *(тихо поднимается).*—Ольга Петровна... *(онъ видимо не знаетъ, что сказать).*

Ольга *(указывая ему на диванъ).* — Сядьте здѣсь. *(Кузовкинъ садится. Ольга останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи и стоитъ къ нему бокомъ).* — Василій Петровичъ, вы... вы, понимаете мое положеніе.

Кузовкинъ *(слабо).* — Ольга Петровна, я вижу... Я точно въ умѣ повредился... Извольте меня отпустить... А то я еще бѣдъ надѣлаю... Я самъ не знаю, что говорю, Ольга Петровна.

Ольга *(дыша съ трудомъ).*—Нѣтъ, полноте, Василій Петровичъ. Теперь дѣло сдѣлано. Теперь, вы отказаться отъ вашихъ словъ не можете... Вы должны мнѣ все сказать... Всю правду... все.

Кузовкинъ.—Да вѣдь я...

Ольга *(быстро).*—Я говорю вамъ, поймите же наконецъ и мое положеніе и ваше... Или вы оклеветали мою мать... Въ такомъ случаѣ, извольте сейчасъ выйдти и не показывайтесь мнѣ въ глаза... *(Она протягиваетъ руку къ двери... Кузовкинъ хочетъ подняться и опускается снова).* А! вотъ вы остаетесь, вы видите, что вы остаетесь...

Кузовкинъ *(тоскливо).*—О Господи Боже мой!

Ольга.—Я хочу все знать... вы должны мнѣ все сказать, всю правду... слышите?

Кузовкинъ *(съ отчаяніемъ).*—Ну, да... да... вы все узнаете... коли ужъ такая стряслась надо мною бѣда... только, Ольга Петровна, не извольте такъ глядѣть на меня... а то я... я, право, не могу... не могу.

Ольга *(стараясь улыбнуться).*—Василій Петровичъ я...

Кузовкинъ *(робко).*—Меня... меня Васильемъ Семеновичемъ зовутъ, Ольга Петровна... *(Ольга краснѣетъ и*

едва пожимаетъ плечами. Она все стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Кузовкина). Да-съ...ну, съ чего же... съ чего же прикажете мнѣ начать-съ...

Ольга *(краснѣя и съ замѣшательствомъ).*—Василій Семеновичъ, какъ вы хотите... чтобъ я...

Кузовкинъ *(готовый заплакать).*—Да, я не могу говорить, когда вы такъ...

Ольга *(протягивая ему руку).*—Успокойтесь... говорите... говорите. Поймите же и то́, что во мнѣ происходитъ... Принудьте себя.

Кузовкинъ.—Слушаю, матушка, Ольга Петровна. Ну-съ, позвольте-съ, съ чего же я начну? Да-съ. Вы не глядите, что я... того-съ... Да-съ. Ольга Петровна, Богомъ вамъ клянусь, я никакъ, то-есть, этого не ожидалъ... Я такъ и думалъ умереть, никому, никому на свѣтѣ не сказавши... *(Ольга дѣлаетъ знакъ нетерпѣнія).* Виноватъ, виноватъ, простите великодушно. О Господи!.. Ну, да-съ. Такъ вотъ-съ. Я вамъ, если позволите, сперва такъ немножко разскажу... Да-съ. Сейчасъ, сейчасъ... Лѣтъ мнѣ эдакъ было двадцать съ небольшимъ... А родился я, можно сказать, въ бѣдности,—а потомъ и послѣдняго куска хлѣба лишился—и совершенно, можно сказать, не справедливо... а впрочемъ, воспитанія, конечно, не получилъ никакого... Батюшка вашъ покойный *(Ольга вздрагиваетъ)* царство ему небесное! Надо мною сжалиться изволилъ, а то бы я совсѣмъ пропалъ, точно; живи, дескать, у меня въ домѣ, пока-де мѣсто тебѣ сыщу. Вотъ я у вашего батюшки и поселился. Ну, конечно, мѣсто на службѣ сыскать не легко, вотъ я такъ и остался. А батюшка вашъ въ ту пору, еще въ холостомъ состояніи проживалъ, а тамъ, годика эдакъ черезъ два, сталъ за вашу матушку свататься, ну, и женился. Ну, вотъ и началъ онъ жить съ вашей матушкой, двухъ сыночковъ съ нею прижилъ, да только они оба скоро

померли. И скажу я вамъ, Ольга Петровна, былъ вашъ покойный батюшка крутой человѣкъ, такой крутой, что и прости Господи!.. На руку тоже маленечко дерзокъ, и когда, бывало, осерчаютъ, самихъ себя не помнятъ. Выпить тоже любилъ *(Видя, что Ольга опускаетъ голову, Кузовкинъ поспѣшно прибавляетъ)*. А впрочемъ, хорошій былъ человѣкъ-съ и мой благодѣтель. Ну-съ, вотъ сначала жилъ онъ, батюшка-то вашъ съ покойницей матушкой вашей въ большихъ ладахъ... только не долго. Матушка ваша, царство ей небесное! была, можно сказать, ангелъ во плоти—и собой красавица... Да что-съ! Судьба-съ! Сосѣдка у насъ въ ту пору завелась... вашъ батюшка возьми, да къ ней и привяжись... Ольга Петровна, простите меня великодушно, коли я...

Ольга.—Продолжайте.

Кузовкинъ.—Вы же сами изволили требовать... *(проводитъ рукой по лицу)*. О господи Боже мой, помоги мнѣ грѣшному! Вотъ, вашъ батюшка и привязался къ той сосѣдкѣ, чтобъ ей пусто было и на томъ свѣтѣ! сталъ къ ней кажинный Божій день ѣздить, часто даже на ночь домой не пріѣзжалъ. Начала ваша матушка сокрушаться, сохнуть, плакать... онъ сперва было и попридержался—да нѣтъ! Осилилъ лукавый. Худо пошли дѣла. Матушка ваша бывало, по цѣлымъ днямъ сидитъ одиношенька, молчитъ; а то̀ всплакнѐтъ, я, разумѣется, тутъ же сижу, сердце во мнѣ такъ и надрывается, а рта разинуть не смѣю, на что́ ей, думаю, мои глупыя̀ рѣчи! Другіе сосѣди, помѣщики, къ вашему батюшкѣ тоже неохотно ѣзжали, отбилъ онъ ихъ отъ дому своимъ, можно сказать, высокомѣріемъ, такъ вотъ вашей матушкѣ, бывало, не съ кѣмъ и словечка было перемолвить... сидитъ, бывало, сердечная, у окна, даже книжки не читаетъ, сидитъ, да поглядываетъ на дорогу, въ поле-съ. А у батюшки-то у вашего, между-тѣмъ, Богъ вѣсть отъ чего!

Кажется, никто еще не прекословилъ, нравъ еще болѣе попортился. Грозный сталъ такой, что бѣда! И вотъ, что опять удивительно. Вздумалъ онъ вашу матушку ревновать, а къ кому же было ревновать, Господи Боже мой! Самъ, бывало, уѣдетъ, а ее запретъ ей Богу! Ото всякой бездѣлицы въ гнѣвъ приходитъ. И чѣмъ ваша матушка, болѣе передъ нимъ смирялась, тѣмъ онъ пуще злился. Наконецъ, совсѣмъ пересталъ съ ней разговаривать, вовсе ее бросилъ. Ахъ Ольга Петровна! Ольга Петровна! Натерпѣлась она въ ту пору горя, ваша-то матушка! Вы ея не можете помнить, Ольга Петровна, млады вы были слишкомъ, голубушка вы моя, когда она скончалась. Такой души добрѣйшей, чай, теперь ужъ и нѣтъ на землѣ! Ужъ какъ же она и любила вашего батюшку! Онъ на нее и не глядитъ, бывало, а она-то безъ него со мной, все о немъ, да о немъ разговариваетъ, какъ-бы помочь? какъ-бы угодить? Вдругъ, въ одинъ день, собрался вашъ батюшка; куда? Въ Москву. Говоритъ: одинъ ѣду, по дѣламъ... а какое одинъ; на первой же подставѣ сосѣдка его ждала. Вотъ и уѣхали они вмѣстѣ, и цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ проподали, шесть мѣсяцевъ, Ольга Петровна! И письма ни одного домой не написалъ, во все время! Вдругъ, пріѣзжаетъ, да такой сумрачный, сердитый... Сосѣдка-то, его бросила, какъ мы потомъ узнали. Заперся у себя въ комнатѣ, да и не показывается. Даже люди всѣ въ удивленіе пришли. Не вытерпѣла наконецъ покойница... перекрестилась, бояться она его стала, бѣдняшка! Да и вошла къ нему. Начала его уговаривать, а онъ какъ закричитъ на нее, да взявши палку... *(Ольга останавливаетъ его движеніемъ руки... Кузовкинъ смущается).* Виноватъ, Ольга Петровна...

Ольга.—Правду вы говорите, Василій Семеновичъ!

Кузовкинъ.—Убей меня Богъ на самомъ этомъ мѣстѣ...

Ольга.—Я вамъ вѣрю... Продолжайте.

Кузовкинъ.—Вотъ онъ и... да-съ. Ахъ, Ольга Петровна, смертельно оскорбилъ онъ вашу матушку, и словами, и... и продчимъ-съ... Покойница, словно полуумная на свою половину прибѣжала, а онъ кликнулъ людей, да въ отъѣзжее поле... Тутъ вотъ.. тутъ... случилось... случилось дѣло... *(Голосъ его слабѣетъ).* Не могу, Ольга Петровна, ей Богу, не могу.

Ольга *(не глядя на него).*—Говорите. *(Послѣ небольшаго молчанія, съ нетерпѣніемъ).* Говорите.

Кузовкинъ.—Слушаю, Ольга Петровна. Должно полагать-съ, что у вашей матушки, у покойницы, отъ такой обиды кровной на ту пору умъ помѣшался... болѣзнь приключилась... Какъ теперь ее вижу... Вошла въ образную, постояла передъ иконами, подняла, было руку для крестнаго знаменія, да вдругъ отвернулась и вышла... даже засмѣялась потихоньку... осилилъ таки и ее лукавый. Жутко мнѣ стало, глядя на нее. За столомъ ничего изволила кушать, все изволила молчать и на меня смотрѣла пристально... а вечеромъ-съ... По вечерамъ, я Ольга Петровна, одинъ съ ней сиживалъ, вотъ именно въ этой комнатѣ, знаете, эдакъ въ карты иногда отъ скуки, а иногда такъ, разговоръ небольшой... Ну-съ... вотъ-съ, въ тотъ вечеръ... *(онъ начинаетъ задыхаться).* Ваша матушка, покойница; долго, долго помолчавши, эдакъ обратилась вдругъ ко мнѣ... А я, Ольга Петровна, на вашу матушку только, что не молился, и любилъ же я ее, вашу матушку, вотъ она и говоритъ мнѣ вдругъ: Василій Семеновичъ, ты, я узнаю, меня любишь, а онъ вотъ меня презираетъ, онъ меня бросилъ, онъ меня оскорбилъ... ну, такъ и я же... Знать, разсудокъ у ней отъ обиды помутился, Ольга Петровна, потерялась она вовсе... а я-то, а я, я ничего не понимаю-съ, голова тоже эдакъ кругомъ, вотъ, даже вспомнить жутко, она

вдругъ мнѣ... въ тотъ вечеръ... она... со мной... Матушка Ольга Петровна, пощадите старика... Не могу... Скорѣй языкъ отсохнетъ! *(Ольга молчитъ и отворачивается, Кузовкинъ глядитъ на нее и съ живостью продолжаетъ).* На другой же день, вообразите, Ольга Петровна, вообразите вы испугъ вашей матушки... меня дома не было, помнится, я на зорѣ въ лѣсъ убѣжалъ, на другой же день вдругъ скачетъ доѣзжачій на дворъ... Что такое? Что такое? Баринъ упалъ съ лошади, убился на смерть, лежитъ безъ памяти... На другой же день, Ольга Петровна, на другой день!.. Ваша матушка тотчасъ карету, да къ нему... А лежалъ онъ въ степной деревушкѣ, у священника, за сорокъ верстъ... Какъ ни спѣшила сердечная, а въ живыхъ уже не застала... Господи Боже мой! мы думали всѣ, что она съ ума сойдетъ... До самаго вашего рожденія все хворала, да и потомъ не справилась... Вы сами знаете... не долго пожила она на свѣтѣ... *(онъ опускаетъ голову).*

Ольга *(послѣ долгаго молчанія).*—Стало-быть... стало-быть, я ваша дочь... Но какія доказательства...

Кузовкинъ *(съ живостью).*—Доказательства? Помилуйте, Ольга Петровна, какія доказательства? У меня нѣтъ никакихъ доказательствъ! Да какъ-бы я смѣлъ? Да еслибъ не вчерашнее несчастіе, да я бы, кажется на смертномъ одрѣ бы не проговорился, скорѣй бы языкъ себѣ вырвалъ! И какъ это я не умеръ вчера! Помилуйте! Ни одна душа до вчерашняго дня, Ольга Петровна, помилуйте... Я самъ, наединѣ будучи, объ этомъ думать не смѣлъ. Послѣ смерти вашего... вашего батюшки, я было хотѣлъ бѣжать, куда глаза глядятъ... виноватъ, не хватило силы, бѣдности испугался, нужды кровной. Остался виноватъ. Но, при вашей матушкѣ, при покойницѣ, я не только говорить или, что, едва дышать могъ, Ольга Петровна. Доказательства! Въ первые-то мѣсяцы

я вашей матушки и не видалъ вовсе, онѣ къ себѣ в комнату запершись, и кромѣ Прасковьи Ивановны, гор ничной, никого до своей особы не допускали... а потомъ потомъ я ее точно видалъ, но, вотъ, какъ передъ Госпо домъ говорю, въ лицо ей глядѣть боялся, такъ, что под конецъ она сама, ласковая душа! Меня ободрять начи нала... Доказательства! Да помилуй-те, Ольга Петровна вѣдь я, я все-таки, не злодѣй какой-нибудь и не дуракъ свое мѣсто знаю. Да еслибъ не вы сами мнѣ приказали.. не смущайтесь, Ольга Петровна, помилуйте, о чемъ вы безпокоиться изволите? Какія тутъ доказательства! Д вы не вѣрьте мнѣ, старому дураку... Совралъ, вотъ и все.. не вѣрьте, и полно. Я вѣдь точно иногда не знаю самъ что говорю... Изъ ума выжилъ... не вѣрьте, Ольг Петровна, вотъ и все, какія доказательства!

Ольга.—Нѣтъ, Василій Семеновичъ, я съ вами лука вить не стану... Вы не могли... Вы не могли выдумать такую... клеветать на мертвыхъ, нѣтъ это слишком страшно... *(отворачивается).* Нѣтъ, я вамъ вѣрю...

Кузовкинъ *(слабымъ голосомъ).*—Вы мнѣ вѣрите.. вы мнѣ вѣрите...

Ольга.—Да... *(взглянувъ на него и содрогаясь).* Но эт ужасно, это ужасно... *(быстро отходитъ въ-сторону).*

Кузовкинъ *(протягивая ей вслѣдъ руки).* — Ольг Петровна, не безпокойтесь... я васъ понимаю... вамъ, с вашимъ образованіемъ... а я, а я... еслибъ опять так не для васъ, я бы сказалъ вамъ, что я такое... но я себя знаю, хорошо знаю... помилуйте, или вы думаете что я не чувствую всего... всего... вѣдь я васъ люблю какъ родную... вѣдь наконецъ, вы все-таки... *(быстро поднимается).* Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдетъ съ языка... позабудьте весь нашъ разговоръ Ольга Петровна, а я... я уѣду сегодня, я сейчасъ уѣду.. я слишкомъ хорошо чувствую, что мнѣ теперь уж

нельзя здѣсь оставаться, никакъ нельзя... чтожъ, я и тамъ за васъ, *(у него навертываются слезы)* и вездѣ за васъ и за вашего супруга... а я, конечно, самъ виноватъ, лишился, можно сказать, послѣдняго счастія... *(онъ плачетъ)*.

Ольга *(въ невыразимомъ волненіи)*.—Да что жь это такое? Вѣдь онъ... онъ все-таки мой отецъ... *(оборачивается и видя, что плачетъ)*. Онъ плачетъ... не плачьте же, полноте... *(Она подходитъ къ нему)*.

Кузовкинъ *(протягиваетъ ей руку)*. — Прощайте, Ольга Петровна... *(Ольга тоже нерѣшительно протягиваетъ ему руку, хочетъ принудить себя, броситься ему на шею, но тотчасъ же съ содроганіемъ отворачивается и убѣгаетъ въ кабинетъ. Кузовкинъ остается на томъ же мѣстѣ)*.

Кузовкинъ *(хватаясь за сердце)*.—Боже мой, Господи Боже мой, что дѣлается?

Голосъ Елецкаго *(за дверью)*: — Ты занерлась, Оля?.. Оля?.. Оля?..

Кузовкинъ (*приходя въ себя)*.—Кто это?.. Онъ... Да... что́ бишь?

Голосъ Елецкаго.—Къ намъ г. Тропачевъ пріѣхалъ. Je vous l'annonce. Оля, отвѣчай же мнѣ... Василій Семеновичъ, тутъ вы, что ли?

Кузовкинъ.—Точно такъ-съ.

Голосъ Елецкаго.—А Ольга Петровна гдѣ?

Кузовкинъ.—Изволили выдти-съ.

Голосъ Елецкаго.—А! Отоприте же мнѣ. *(Кузовкинъ идетъ шатаясь къ двери и отпираетъ ее. Входитъ Елецкій)*.

Елецкій *(оглядываясь, про себя)*.—Все это, очень-странно. *(Кузовкину холодно и строго)*. Вы уходите?

Кузовкинъ.—Точно такъ-съ.

Елецкій.—А! Ну, такъ чѣмъ же у васъ разговоръ кончился?

Кузовкинъ. — Разговоръ... разговора собственно не было-съ—а я у Ольги Петровны милостиваго прощенья попросилъ.

Елецкій.—Ну и она?

Кузовкинъ.—Онѣ изволили сказать, что болѣе не гнѣваются... а я вотъ теперь ѣхать собираюсь...

Елецкій. — Ольга Петровна — слѣдовательно—не перемѣнила моего рѣшенья?

Кузовкинъ.—Никакъ нѣтъ-съ.

Елецкій.—Гмъ. Мнѣ очень жаль... но вы понимаете сами, Василій Семеновичъ, что-о-о...

Кузовкинъ.—Какъ же-съ, Павелъ Николаевичъ, какъ же-съ. Совершенно съ вами согласенъ. Еще милостиво поступить со мной изволили.—Покорнѣйше васъ благодарю.

Елецкій.—Мнѣ пріятно видѣть, что вы, по-крайнѣй-мѣрѣ, чувствуете свою вину. Итакъ—прощайте... Если что нужно будетъ, пожалуйста не церемоньтесь... И хотя и отдалъ старостѣ приказъ—но вы можете во всякое время обратиться прямо ко мнѣ...

Кузовкинъ.—Покорно благодарю-съ *(кланяется)*.

Елецкій.—Прощайте, Василій Семеновичъ. А впрочемъ, погодите немного... Э, э, э, э, господинъ Тропачевъ къ намъ пріѣхалъ—какъ вотъ онъ сейчасъ сюда войдетъ... Я бы желалъ, чтобы вы, при немъ, знаете ли, тоже самое повторили—вотъ то, что вы мнѣ сегодня по утру сказали...

Кузовкинъ.—Слушаю-съ.

Елецкій. — Оно, положимъ, для васъ нѣсколько непріятно будетъ... Но вы все таки человѣкъ благоразумный—притомъ я вижу, вы чувствуете свою вину—вы поймете...

Кузовкинъ.—Слушаю-съ.

Елецкій.—Хорошо, хорошо *(къ входящему Тропачеву)*. Mais venez donc—vénez donc! *(Тропачевъ подходитъ, рисуясь по обыкновенью)*. Ну что́, кто выигралъ?

Тропачевъ. — Разумѣется, я. А вашъ бильярдъ удивительно хорошъ. Eh madame? Надѣюсь, она здорова?

Елецкій.—Слава Богу;—она сейчасъ придетъ.

Тропачевъ.—*(Съ любезной фамиліарностью)*. А вѣдь послушайте — вашъ пріѣздъ, ведь это совершенное счастье для нашего брата степняка, хе, хе—une bonne fortune... *(оглядывается и замѣчаетъ Кузовкина)*. А Боже мой—и вы тутъ? *(Кузовкинъ молча кланяется)*.

Елецкій.—*(Громко Тропачеву, указывая подбородкомъ на Кузовкина)*. Да... онъ сегодня ужасно сконфуженъ—вы понимаете, послѣ вчерашней глупости, съ самаго вотъ утра у насъ у всѣхъ прощенья проситъ.

Тропачевъ.—А! видно вино не свой братъ... А? Что́ скажете? То-то.

Кузовкинъ. — *(Не поднимая глазъ)*. Виноватъ-съ, совершенное безуміе, можно сказать, нашло-съ. Не въ своемъ умѣ былъ.

Тропачевъ.—Ага! То-то же, Вѣтровскій помѣщикъ... *(къ Елецкому)* И ведь придетъ же мысль въ голову... Послѣ этаго, наконецъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ какомъ-нибудь съумасшедшимъ, который себя—ну я знаю чѣмъ—Китайскимъ императоромъ считаетъ... А иной, говорятъ, воображаетъ что у него въ желудкѣ солнце и луна и все, что хотите... Хе, хе.—Такъ-то, такъ-то, Вѣтровскій помѣщикъ.

Елецкій.—*(Который желалъ бы перемѣнить предметъ разговора)*. Да... такъ о чемъ бишь я хотѣлъ васъ спросить, Флегонтъ Александровичъ—когда же мы на охоту?

Тропачевъ.—Когда хотите... Вы ведь видите... Я вѣдь вотъ безъ церемоніи съ вами... вчера былъ и

сегодня вотъ опять пріѣхалъ... Стало-быть, и вы со мною также должны... Когда хотите.

Елецкій.—Я готовъ хоть завтра.

Тропачевъ.—Извольте, съ удовольствіемъ—вотъ постойте я у Карпачева спрошу. Онъ это лучше знаетъ. Онъ намъ скажетъ, куда ѣхать *(подходитъ къ двери залы)*. Карпачевъ, поди сюда, братецъ *(къ Елецкому)*. Онъ стрѣляетъ славно—а на бильярдѣ я его обыгрываю *(подходитъ Карпачевъ)*. Кропачевъ—вотъ Павелъ Николаевичъ завтра на охоту желаетъ ѣхать—такъ куда бы—а?

Карпачевъ *(Послѣ минутнаго молчанья)*.—Поѣдемте въ Колобердово, къ Вохряку. Тамъ теперь, должно-быть, много тетеревовъ.

Тропачевъ.—Ну пожалуй въ Колобердово. *(къ Елецкому)*. Хотите?

Елецкій.—Куда угодно... А далеко это отсюда?

Карпачевъ.—Прямымъ трахтомъ тридцать верстъ—а проселкомъ, въ объѣздъ, меньше будетъ.

Елецкій.—Ну хорошо. *(Входитъ изъ кабинета Прасковья Ивановна)*. Чего тебѣ?

Прасковья Ивановна *(съ поклономъ къ Елецкому)*.—Барыня васъ къ себѣ просятъ-съ.

Елецкій.—Зачѣмъ?

Прасковья Ивановна.—Не могу знать-съ.

Елецкій.—Что́, она здорова?

Прасковья Ивановна.—Слава Богу-съ.

Елецкій.—Скажи, что сейчасъ приду. *(Тропачеву)*. Вы позволите? *(Прасковья Ивановна уходитъ)*.

Тропачевъ *(качая головой)*.—Э, эхъ, Павелъ Николаевичъ какъ вамъ не стыдно спрашивать... Ступайте, ради Бога...

Елецкій.—Мы васъ не долго заставимъ ждать. *(Уходитъ.—Кузовкинъ, все время стоявшій не далеко отъ двери залы, хочетъ воспользоваться этимъ мгновеньемъ и уйдти)*.

Тропачевъ *(Кузовкину)*.—Куда же вы, любезный, куда, куда? Останьтесь, поболтаемте.

Кузовкинъ.—Мнѣ нужно-съ...

Тропачевъ.—Э полноте—какая вамъ тамъ нужда? Вы, можетъ-быть, стыдитесь... Что́ за пустяки! Съ кѣмъ этого не случается, останьтесь. *(Беретъ его подъ-руку и ведетъ на авансцену)*. То́-есть, постойте—я хочу сказать—съ кѣмъ не случается выпить... а признаюсь, вы удивили насъ вчера! Какое родство сыскалъ—а? Экая фантазія, подумаешь!

Кузовкинъ.—Больше по глупости-съ.

Тропачевъ.—Оно та-акъ—а все таки удивительно. Почему именно дочь?—Чудеса!—А вѣдь признайтесь, вы бы отъ такой дочери не отказались? а? *(толкаетъ его подъ бокъ)*. Нѣтъ, говорите, а? *(Карпагову)*. У него губа не дура, а? какъ ты думаешь?—*(Карпаговъ смѣется)*.

Кузовкинъ *(хочетъ отнять свою руку у Тропачева)*.—Позвольте-съ... я-съ...

Тропачевъ.—Э, полноте!—А за что вы вчера такъ на насъ разсердились... А? нѣтъ, скажите.

Кузовкинъ *(отворачивая голову, въ помолоса)*. — Виноватъ-съ.

Тропачевъ.—То-то же. Ну Богъ васъ проститъ... Такъ дочь, а? *(Кузовкинъ молчитъ)*. Послушайте, голубчикъ мой—что́ вы ко мнѣ никогда не заѣдете? я бы васъ угостилъ.

Кузовкинъ.—Покорнѣйше благодарю-съ.

Тропачевъ.—А у меня хорошо, вотъ спросите хоть у этого *(указываетъ на Карпагова)*. Вы бы мнѣ опять про Вѣтрово разсказали... а?

Кузовкинъ *(глухо)*.—Слушаю-съ.

Тропачевъ.—А вы сегодня, кажется, съ Карпаговымъ не поздоровывались? *(Карпагову)*. Карпаче, ты съ Васильевичемъ по вчерашнему не здоровывался?

Карпачовъ.—Никакъ нѣтъ-съ.

Тропачевъ.—Э, братъ, это не хорошо.

Карпачовъ.—Да я, позвольте, вотъ сейчасъ... *(Идетъ съ распростертыми объятьями къ Кузовкину. Кузовкинъ пятится.—Дверь изъ кабинета растворяется—и входитъ Елецкій. Онъ блѣденъ и взволнованъ).*

Елецкій *(съ досадой).*—А я, кажется, васъ просилъ, Олегонтъ Александровичъ, оставить господина Кузовкина въ покоѣ... *(Тропачевъ съ изумленьемъ оборачивается и глядитъ на Елецкаго; Карпаговъ остается неподвижнымъ).*

Тропачевъ *(не безъ смущенья).*—Вы мнѣ-ѣ... Я не помню-ю...

Елецкій *(продолжаетъ сухо и рѣзко).*—Да-съ, Олегонтъ Александровичъ, я, признаюсь, удивляюсь, что вамъ за охота, съ вашимъ воспитаньемъ—съ вашимъ образованьемъ—заниматься такими, смѣю сказать—пустыми шутками—да еще два дня сряду...

Тропачевъ *(дѣлая рукой знакъ Карпачеву, который тотчасъ отскакиваетъ и вытягивается).* Однако позвольте, Павелъ Николаевичъ... Я конечно... впрочемъ я, точно, съ вами согласенъ... хотя съ другой стороны... А что̀, ваша супруга здорова?

Елецкій.—Да... она скоро придетъ... *(улыбаясь и пожимая руку Тропачеву).* Вы меня, пожалуйста, извините... Я сегодня что-то не въ духѣ... и... Пожалуйста, не сердитесь на меня.

Тропачевъ.—О, полноте, Павелъ Николаевичъ, что̀ за бѣда... притомъ вы правы... съ этимъ народомъ фамильярность никуда не годится... *(Елецкаго слегка передергиваетъ).*—Какая сегодня славная погода! *(Минутное молчанье).* А ведь точно вы правы... въ деревнѣ долго жить, бѣда! On se rouille à la campagne... Ужасно... Скучно, знаете... Гдѣ тутъ разбирать...

Елецкій.—Пожалуйста не вспоминайте объ этомъ больше, Өлегонтъ Александровичъ, сдѣлайте одолженье...

Тропачевъ.—Нѣтъ, нѣтъ, я такъ; я вообще; общее, знаете, замѣчанье. *(Опять маленькое молчанье).* Я вамъ, кажется, не сказывалъ... Я будущей зимой уѣзжаю заграницу.

Елецкій. — А! *(Кузовкину, который опять хочетъ уйдти).* Останьтесь, Василій Семеновичъ... мнѣ нужно съ вами поговорить.

Тропачевъ.—Я думаю, года этакъ два за границей остаться... А что жь Madame?. Будемъ ли мы имѣть удовольствіе ее видѣть сегодня?

Елецкій.—Какъ же, какъ же... да не хотите ли, пока, пройдтись по саду? Видите, какое время? Un petit tour?

Тропачевъ.—Извольте, извольте.

Елецкій *(оборачиваясь къ Кузовкину).*—Вы насъ здѣсь подождете, Василій Семеновичъ... *(уходитъ съ Тропачевымъ; Карпачевъ отправляется вслѣдъ за ними).*

Кузовкинъ *(одинъ).*—Боже мой, Боже мой, что со мною будетъ? Она ему все сказала... Боже, Боже, зачѣмъ я это... Ахъ языкъ мой—врагъ мой! Что теперь будетъ? И чѣмъ это кончится? *(Изъ кабинета выходитъ Ольга; у ней въ рукахъ бумага. Кузовкинъ вглядывается).* Господа...

Ольга *(нерѣшительно подходя къ Кузовкину).* Я желала видѣть васъ еще разъ, Василій Семеновичъ...

Кузовкинъ *(не глядя на нее).*—Ольга Петровна... позвольте васъ спросить... Вы вашему супругу... все изволили сообщить...

Ольга.—Я никогда ничего не скрывала отъ него, Василій Семеновичъ...

Кузовкинъ.—Такъ-съ...

Ольга *(поспѣшно).*—Онъ повѣрилъ мнѣ... *(понизивъ голосъ).* Онъ... тоже вамъ вѣритъ... и согласенъ на все.

Кузовкинъ.—Согласенъ-съ? На что согласенъ-съ?

Ольга.—Василій Семеновичъ, вы добрый, вы благородный человѣкъ... Вы меня поймете. Скажите сами, можете ли вы здѣсь остаться?

Кузовкинъ.—Не могу-съ.

Ольга.—Нѣтъ, послушайте—я хочу знать ваше мнѣнье... я хочу знать, какъ вы думаете—и увѣряю васъ, я во всякомъ случаѣ съ вами соглашусь... Я успѣла оцѣнить васъ, Василій Семеновичъ... я васъ знаю теперь... Говорите откровенно... какъ вы думаете?

Кузовкинъ.—Я чувствую вашу ласку, Ольга Петровна, я, повѣрьте, тоже умѣю цѣнить... *(онъ останавливается и продолжаетъ со вздохомъ).* Нѣтъ, Ольга Петровна, не могу я остаться, никакъ не могу. И мнѣ будетъ тяжело—и вамъ не будетъ легче, особенно вашему супругу. Притомъ что грѣха таить?—Теперь я, конечно, остепенился, ну и хозяина тоже давно въ домѣ не было... нѣкому было, эдакъ, знаете... А ведь старики-то живы; они, ведь, не забыли... ведь я, точно, у покойника въ шутахъ состоялъ... Изъ-подъ палки, бывало, паясничалъ—а иногда и самъ... *(Ольга отворачивается).* Не огорчайтесь, Ольга Петровна... Вѣдь наконецъ я... я вамъ все-таки чужой человѣкъ.—Какъ же мнѣ остаться въ вашемъ домѣ? Притомъ же люди вчера слышали... Имъ уже извѣстно, что меня въ видѣ наказанья сослать приказано... Что жъ они подумаютъ? Нѣтъ, Ольга Петровна, не могу я остаться—спасибо за ласку, доброту вашу ангельскую—а остаться я не могу...

Ольга.—Въ такомъ случаѣ... возьмите... это... *(протягиваетъ ему бумагу).*

Кузовкинъ *(принимая ее съ недоуменьемъ).* Что это-съ?

Ольга.—Это... мы вамъ назначаемъ... сумму... для выкупа вашего вѣтра... я надѣюсь, что вы намъ... что вы мнѣ не откажете...

Кузовкинъ *(роняетъ бумагу и закрываетъ лицо руками).*—Ольга Петровна, за что́ вы меня обижаете?

Ольга.—Ка́къ?..

Кузовкинъ.—Вы отъ меня откупиться хотите, Ольга Петровна... Да я жъ вамъ сказалъ, что доказательствъ у меня нѣтъ никакихъ... Почему вы знаете, что я это все не выдумалъ, что у меня не было наконецъ намѣренья...

Ольга *(съ живостью его перебивая).*—Еслибъ мы вамъ не вѣрили, еслибъ я вамъ не вѣрила, развѣ мы бы согласились...

Кузовкинъ.—Вы мнѣ вѣрите, чего же мнѣ больше, на что́ мнѣ эта бумага? Я съизмала себя не баловалъ... не начинать же мнѣ подъ старость... Что́ мнѣ нужно? хлѣба ломоть—вотъ и все. Коли вы мнѣ вѣрите *(останавливается)* коли вы мнѣ вѣрите...

Ольга.—Да... да... да... я вамъ вѣрю, я вамъ вѣрю, нѣтъ вы меня не обманываете, нѣтъ, нѣтъ... я вамъ вѣрю, вѣрю. *(вдругъ обнимаетъ его и прижимается къ его груди головой).*

Кузовкинъ.—Матушка, Ольга Петровна, пол... полноте... Ольга... *(шатаясь, опускается въ кресла на лѣво).*

Ольга *(держитъ его одной рукою, другою быстро поднимаетъ бумагу съ земли и жмется къ нему).*—Вы могли отказать чужой, богатой женщинѣ, вы имѣли право не принять ея подарка, но дочери, вашей дочери вы не можете, вы не должны отказать... *(суетъ ему бумагу въ руку).*

Кузовкинъ *(принимая бумагу, со слезами).*—Извините, Ольга Петровна, извольте, какъ хотите, что́ хотите, прикажите, я готовъ, я радъ, прикажите Ольга Петровна,

хоть на край свѣта уйду. Теперь я могу умереть, теперь мнѣ ничего не нужно... *(Ольга утираетъ ему слезы платкомъ).* Ахъ, Оля, Оля...

Ольга.—Не плачьте, не плачь... Мы будемъ видѣться... ты къ намъ будешь ѣздить... *(Она выговариваетъ слова: „ты“ и „не плачь“ въ полголоса, быстро и не ловко).*

Кузовкинъ.—Ахъ Ольга Петровна, Оля... я ли это, во снѣ ли это?

Ольга.—Полно же, полно...

Кузовкинъ *(вдругъ торопливо).*—Оля, Оля, встань, идутъ. *(Ольга которая почти сѣла ему на колѣни, быстро вскакиваетъ).* Дайте только руку, руку въ послѣдній разъ... *(Онъ поспѣшно цалуетъ руку. Она отходитъ въ сторону, Кузовкинъ хочетъ подняться и неможетъ. Изъ двери на право входятъ Елецкій и Тропачевъ; за ними Карпачовъ. Ольга идетъ къ нимъ на встрѣчу, мимо Кузовкина и останавливается между имъ и ими).*

Тропачевъ *(кланяясь и рисуясь)*—Enfin, мы имѣемъ щастье васъ видѣть, Ольга Петровна! какъ ваше здоровье?

Ольга.—Благодарствуйте, я здорова.

Тропачевъ.—У васъ лицо какъ-будто...

Елецкій *(подхватывая).*—Мы оба съ нею что-то сегодня не въ своей тарелкѣ...

Тропачевъ.—И тутъ симпатія, хе, хе. А садъ у васъ удивительно хорошъ. *(Кузовкинъ черезъ силу поднимается).*

Ольга.—Я очень рада, что онъ вамъ понравился.

Тропачевъ *(словно обиженный).*—Да вѣдь послушайте, я вамъ скажу—вѣдь онъ прелесть какъ хорошъ... mais c'est très beau, très beau... Аллеи, цвѣты, и все вообще... Да, да.

Елецкій *(выразительно глядя на жену, съ разстановкой).*—А что, скажи, все, какъ слѣдуетъ, устроено? *(Ольга киваетъ головой; Тропачевъ изъ приличья отворачи-*

вается). Гмъ. Хорошо. *(отводя ее немного въ сторону).* Повторяю тебѣ, что я всей этой исторіи не вѣрю—но ты поступила умно, благоразумно и я вполнѣ тебя одобряю...

Ольга *(возвращаясь къ Тропачеву, который, началъ-было разсматривать альбомы на столѣ).*—Чѣмъ вы тутъ занялись, Флегонтъ Александровичъ?

Тропачевъ.—Такъ-съ... ваши альбомы—вотъ-съ. Все это очень мило. Скажите, вы не знакомы съ Ковринскими?

Ольга.—Нѣтъ не знакомы.

Тропачевъ.—Какъ и прежде не были знакомы? Познакомьтесь—я вамъ совѣтую. У насъ это почти-что лучшій домъ въ уѣздѣ—или лучше сказать, *былъ* лучшій домъ до вчерашняго дня, ха-ха.

Елецкій *(между-тѣмъ подошелъ къ Кузовкину).*—Какъ вы себя чувствуете, Василій Семеновичъ?

Кузовкинъ *(встрепенувшись).*—Очень, очень хорошо. Покорно благодарю-съ.

Елецкій *(обращаясь къ Тропачеву, который разсыпается передъ Ольгой и волнообразно сгибаетъ свой станъ).*—А вотъ, Флегонтъ Александровичъ, мы вчера съ вами подсмѣивались надъ Васильемъ Семеновичемъ... а вѣдь онъ свое дѣло-то выигралъ... Извѣстіе сейчасъ получено. Вотъ пока мы въ саду гуляли.

Тропачевъ.—Что вы?

Елецкій.—Да, да. Ольга вотъ мнѣ сейчасъ сказала. Да спросите его самого.

Тропачевъ.—Не-уже-ли, Василій Семеновичъ?

Кузовкинъ *(который все время до конца сцены улыбается какъ дитя и говоритъ звенящимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ).* Да-съ, да-съ. Достанется-съ, достанется-съ.

Тропачевъ. Поздравляю васъ, Василій Семеновичъ поздравляю *(въ пол.олоса Елецкому).*—Я понимаю... вы

его вѣжливымъ образомъ удаляете, послѣ вчерашней... *(Елецкій хочетъ увѣрить что нѣтъ).* Ну да... да... и какъ благородно, великодушно, деликатно... Очень, очень хорошо. Я готовъ объ закладъ побиться, что эта мысль *(съ сладкимъ взглядомъ на Ольгу).*—Вашей женѣ въ голову пришло... хотя и вы конечно... *(Елецкій улыбается, Тропачевъ продолжаетъ громко).*—Хорошо, хорошо. Такъ теперь вамъ, Василій Семеновичъ, туда переѣзжать надо... хозяйствомъ попризаняться...

Кузовкинъ.—Конечно-съ, конечно.

Елецкій.—Василій Семеновичъ мнѣ сейчасъ сказалъ, что онъ даже сегодня туда съѣздить собирается.

Тропачевъ.—Еще бы. Я очень понимаю его нетерпѣнье. Хе, чортъ возьми, водили человѣка за носъ, водили, водили—ну, наконецъ досталось имѣніе... какъ тутъ не захотѣть посмотрѣть на свое добро? Не такъ ли, Василій Семеновичъ?

Кузовкинъ.—Именно-съ такъ-съ.

Тропачевъ.—А далеко отсюда это вѣтрово?

Кузовкинъ.—Отъ города верстъ семьдесятъ будетъ.

Тропачевъ.—Вѣдь вамъ, чай и въ городъ придется заѣхать?

Кузовкинъ.—Конечно-съ; все въ порядокъ привести слѣдуетъ.

Тропачевъ.—Такъ вамъ мѣшкать нечего *(подмигивая Елецкому).*—Каковъ Лыковъ, отставной стряпчій? Чай вѣдь это онъ все? *(Кузовкину).*—Ну рады вы?

Кузовкинъ.—Какъ же-съ, какъ же не радоваться?

Тропачевъ.—Вы мнѣ позволите васъ навѣстить на новоселье—а?

Кузовкинъ.—Много чести, Флегонтъ Александровичъ.

Тропачевъ *(обращаясь къ Елецкому).*—Павелъ Николаевичъ, какъ же это? Надо бы Вѣтрово-то вспрыснуть?

Елецкій *(нѣсколько нерѣшительно)*.—Да... пожалуй... *(подходитъ къ двери залы)*.—Позвать мнѣ Трембинскаго!

Трембинскій *(быстро выскакиваетъ изъ двери)*.—Чего прикажите?

Елецкій.—А? вы здѣсь... бутылку шампанскаго.

Трембинскій *(исчезая)*.—Слушаю-съ.

Елецкій—Да послушайте. *(Трембинскій опять появляется)*.—Я, кажется, въ залѣ г-на Иванова видѣлъ, такъ попросите его войти.

Трембинскій.—Слушаю-съ *(исчезаетъ)*.

Тропачевъ *(подходя къ Ольгѣ, которая все время стояла съ альбомами, то опускала глаза, то тихо поднимала ихъ на Кузовкина)*.—Madame Ковринская чрезвычайно будетъ рада съ вами познакомиться... Enchanté, enchanté. Я надѣюсь, что она вамъ понравится... Я у нея въ домѣ совершенно какъ свой... Умная женщина—и, знаете ли, этакъ... *(вертитъ рукой въ воздухѣ)*.

Ольга *(съ улыбкой)*.—А!

Тропачевъ.—Вы увидите. *(Трембинскій входитъ съ бутылкой и рюмками на подносѣ)*.—А! Ну, Василій Семеновичъ, позвольте васъ душевно поздравить... *(Ивановъ входитъ, останавливается у дверей и кланяется)*.

Ольга *(ласково Иванову)*. — Здравствуйте, здравствуйте. Я очень рада васъ видѣть... Вы слышали, вашему пріятелю Вѣтрово достается?.. *(Ивановъ снова кланяется и пробирается къ Кузовкину. Трембинскій подноситъ всѣмъ бокалы)*.

Ивановъ *(въ полголоса и скороговоркой Кузовкину)*.—Василій, что это они врутъ?

Кузовкинъ *(также въ полголоса)*.—Молчи, Ваня, молчи; я счастливъ, счастливъ...

Тропачевъ *(съ бокаломъ въ рукѣ)*.—За здоровье новаго владѣльца!

Всѣ *(исключая Иванова, который даже свой бокалъ не выпиваетъ).*—За его здоровье! за его здоровье!

Карпачевъ *(басомъ, еще разъ, одинъ).*—Многая лѣта! *(Тропачевъ сурово на него взглядываетъ. Онъ конфузится. Кузовкинъ благодаритъ, кланяется, улыбается; Елецкій держитъ себя строго; Ольга неловко; она готова заплакать; Ивановъ изумленъ и посматриваетъ изъ-подлобья).*

Кузовкинъ *(трепещущимъ голосомъ).* — Позвольте мнѣ теперь... въ такой для меня торжественный день изъявить мою благодарность за всѣ милости...

Елецкій *(перебивая его строго).*—Да за что же, за что, Василій Семеновичъ, вы насъ благодарите?..

Кузовкинъ.—Да-съ. Да вѣдь все-таки-съ вы мои благодѣтели. А что касается до вчерашняго моего... какъ бы сказать... поступка... то простите великодушно старика... Богъ знаетъ съ чего бы это и обижаться-то, вчера и говорилъ такое...

Елецкій *(опять перебивая его).*—Ну хорошо, хорошо...

Кузовкинъ.—Изъ чего было обижаться? Ну что за бѣда... господа пошутили... *(взглянувши на Ольгу).*—Впрочемъ, нѣтъ-съ, я не то-съ. Прощайте, благодѣтели мои, будьте здоровы, веселы, счастливы...

Тропачевъ.—Да что вы такъ прощаетесь, Василій Семеновичъ, вѣдь вы не на Астрахань уѣзжаете...

Кузовкинъ *(растроганный, продолжаетъ).*—Дай Богъ вамъ всякаго благополучія... а я... мнѣ ужь и Бога нечего просить, я такъ счастливъ, такъ... *(останавливается и усиливается не плакать).*

Елецкій *(въ сторону про себя).*—Что за сцена... когда онъ уѣдетъ?

Ольга *(Кузовкину).* — Прощайте, Василій Семеновичъ... Когда вы къ себѣ переѣдите незабывайте насъ. Я буду рада васъ видѣть *(понизивъ голосъ).*—Поговорить съ вами наединѣ...

Кузовкинъ *(цалуя у ней руку).*—Ольга Петровна... Господь васъ наградитъ...

Елецкій.—Ну хорошо, хорошо, прощайте...

Кузовкинъ.—Прощайте... *(кланяется и вмѣстѣ съ Ивановымъ идетъ къ дверямъ залы. Всѣ его провожаютъ).*

Тропачевъ *(у порога еще разъ восклицаетъ).*—Да здраствуетъ новый помѣщикъ! *(Ольга быстро уходитъ въ кабинетъ).*

Тропачевъ *(оборачивается къ Елецкому и треплетъ его по плечу).*—А знаете ли что̀ я вамъ скажу? Вы благороднѣйшій человѣкъ.

Елецкій.—О помилуйте! вы слишкомъ добры...

(Занавѣсъ опускается).

Ив. Тургеневъ.

ЗАВТРАКЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ.

(Запрещенный цензурою текстъ).

ЗАВТРАКЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ.

СЦЕНА ИЗЪ УѢЗДНОЙ ЖИЗНИ.

Николай Иванычъ Балагалаевъ, предводитель, холостякъ, 40 лѣтъ (400 душъ).

Петръ Петровичъ Пехтерьевъ, бывшій предводитель, 55 лѣтъ (600 душъ).

Евгеній Тихонычъ Суслевъ, судья, 40 лѣтъ (200 душъ).

Антонъ Семенычъ Алупкинъ, сосѣдъ, 40 лѣтъ (100 душъ).

Мирвошкинъ, бѣдный сосѣдъ, 35 л. (12 душъ).

Ѳерапонтъ Ильичъ Безпандинъ, сосѣдъ, 35 лѣтъ (80 душъ).

Анна Ильинишна Каурова, сестра его, вдова, 42 лѣтъ (70 душъ).

Вельвицкій, письмоводитель предводителя, 28 л.

Порфирій Игнатьичъ Нагплановичъ, становой, 35 лѣтъ.

Герасимъ, слуга и дворецкій Балагалаева, 60 л.

Карпъ, кучеръ Кауровой, 65 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Балагалаева.

(Театръ представляетъ столовую. Прямо двѣ двери: одна въ гостиную, другая въ переднюю. На-право два окна. Стулья, столы, два дивана.—Герасимъ молча накрываетъ столъ на право отъ зрителя, ставитъ приборы, закуску. Онъ нахмуренъ и не въ-духѣ.—Слышенъ стукъ подъѣзжающихъ дрожекъ.—Герасимъ подходитъ къ окну, глядитъ нѣкоторое время на дворъ, произноситъ: вишь!—и медленно возвращается къ столу.—Входитъ Мирвошкинъ.)

Мирвошкинъ *(снимаетъ картузъ и поправляетъ волосы)*. Здравствуй, Герасимъ; какъ поживаешь?—А что онъ *(показывая головой на дверь гостиной)* еще не выходилъ?

Гарасимъ. Здравствуйте. Гдѣ вы это себѣ лошадь достали?

Мирвошкинъ. А что, вѣдь не дурна лошаденька? Мнѣ за нее вчера двѣсти рублевъ предлагали.

Гарасимъ. Кто предлагалъ?

Мирвошкинъ *(помолчавъ немного)*. А купецъ изъ Карачева предлагалъ.

Гарасимъ *(тоже помолчавъ)*. Чтожъ вы не отдали?

Мирвошкинъ. Зачѣмъ отдавать: самому нужна *(увидя графинъ съ водкой)*. Ахъ, братецъ, дай-ка рюмочку... Смерть... что-то въ горлѣ, знаешь, того... да и жара притомъ *(выпиваетъ рюмку и закусываетъ)*. Это ты къ завтраку накрываешь?

Гарасимъ *(помолчавъ)*. Чтожъ, вамъ кто подарилъ, что-ли, лошадь-то?

Мирвошкинъ. Подарилъ?—Вона!—Экъ ты расходился. Станутъ нынче лошадьми дарить... какъ же!—Нѣтъ, я ее купилъ.

Гарасимъ. Купили? у кого купили?

Мирвошкинъ. На ярмаркѣ купилъ. Ты барышника Кулыгу знаешь?

Гарасимъ. Знаю я Кулыгу барышника. Чтожъ, у него?

Мирвошкинъ. Нѣтъ, признаться, не у него. Кулыга твой большія больно цѣны заламываетъ. А тамъ есть другой, знаешь, по-простѣй—зовутъ его Гаврилой—такъ вотъ у него.

Гарасимъ *(помолчавъ)*. Такъ попростѣй будетъ Гаврила?

Мирвошкинъ. Да *(достаетъ табакерку)*. А не хочешь ли табачку?

Гарасимъ. Отчегожь—пожалуйте *(нюхаетъ, крехтитъ и сквозь слезы шепчетъ)*: ахъ вы, шематонъ, шематонъ.

Мирвошкинъ *(взглянувъ на приготовленья къ завтраку)*. Сколько приборовъ... развѣ кого ждутъ?

Гарасимъ. Видно, ждутъ.

Мирвошкинъ. Не знаешь, кого?

Гарасимъ. Не знаю. Говорятъ, будто сегодня Безпандина съ сестрой мирить хотятъ: такъ вотъ развѣ по этому случаю.

Мирвошкинъ. Э-э? неужли?—*(помолчавъ)*. Чтожъ, и хорошо. Надожь имъ покончить, подѣлиться. Вѣдь это наконецъ срамъ. А правда ли, говорятъ, Николай Иванычъ у Безпандина хочетъ рощу купить?

Гарасимъ. А Господь ихъ знаетъ!

Мирвошкинъ *(въ-полголоса и словно въ раздумьи)*. Вотъ-бы кстати лѣску попросить....

(Голосъ Балагалаева за кулисами: Филька!—*Черезъ нѣсколько мгновеній раздается голосъ Фильки:* чего изволите-съ? *Голосъ Балагалаева:* Вельвицкаго мнѣ позвать).

Мирвошкинъ *(спустя нѣкоторое время, понизивъ голосъ)*. Знать, изъ кабинета въ гостиную дверь растворена.—Ну-ка другую рюмочку, Гарася?

Гарасимъ. А что, видно, горло все...

Мирвошкинъ. Да, братъ, что-то саднитъ *(выпиваетъ рюмку и запдаетъ)*. А все жена виновата. Вчера, представь, говорю ей: ты мнѣ бузины на ночь приготовь; а она—Богъ ее знаетъ, что такое съ ней происходитъ. Все съ индюшками возится. Вотъ ужь сведутъ ее эти индюшки съ-ума!—А ужь мнѣ какъ онѣ надоѣли *(передразнивая ихъ)*... клю, клю...

(Въ сосѣдней комнатѣ раздаются шаги.—Мирвошкинъ хватается за шапку и выпрямляется.—Изъ двери гостиной входятъ Балагалаевъ въ плафрокѣ и Вельвицкій. У Вельвицкаго въ рукахъ бумага. Мирвошкинъ кланяется. Гарасимъ выходитъ).

Балагалаевъ *(Вельвицкому)*. Такъ такъ-таааа... такъ-то. Ты ужь такъ и распорядись... слышишь?— *(увидя Мирвошкина)*. А, ты! здравствуй.

Мирвошкинъ. Нижайшее мое почтеніе, Николай Иванычъ...

Балагалаевъ *(продолжая обращаться къ Вельвицкому)*. Какъ я тебѣ сказалъ... ты понимаешь? ты вѣдь понялъ?

Вельвицкій *(съ нѣкоторымъ недоумѣньемъ)*. Какже-съ... какже-съ.

Балагалаевъ. Ну, да. Этакъ будетъ хорошо. Ну, теперь, ступай *(садится)*. Я тебѣ дамъ знать... я велю тебя позвать... Можешь итти.

Вельвицкій. Слушаю-съ *(скороговоркой, уходя)*. Такъ стало-быть-съ... бумаги по дѣлу вдовы Кауровой приготовить-съ...

Балагалаевъ. Конечно... конечно. Я удивляюсь. Ты долженъ былъ понять наконецъ, братецъ... не все же мнѣ тебѣ сказывать наконецъ...

Вельвицкій. Слушаю-съ *(кланяется и уходитъ)*.

Балагалаевъ *(глядя ему въ-слѣдъ)*. А не слишкомъ понятливъ этотъ молодой человѣкъ. *(обращаясь къ Мирвошкину, несмотря впрочемъ на него)*... Ну, какъ ты?

Мирвошкинъ. Слава-Богу-съ, Николай Иванычъ, слава-Богу-съ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

Балагалаевъ. Я ничего. Въ городѣ былъ?

Мирвошкинъ. Какже-съ, былъ. Новаго впрочемъ ничего-съ. Купца Селедкина третьяго дня параличъ хватилъ; да ему не въ-диво. Стряпчій, говорятъ, вчера свою супругу опять того-съ...

Балагалаевъ. Въ-самомъ-дѣлѣ? *(смѣется)*. Экой неугомонный!

Мирвошкинъ. Говорятъ-съ, знаки наложилъ сильные-съ.—Журавлева доктора видѣлъ-съ: вамъ кланяться

приказалъ.—Петра Петровича въ новой коляскѣ встрѣтилъ. Знать, куда-то въ гости собрались. Съ лакеемъ-съ. И на лакеѣ шляпа новая.

Балагалаевъ. Онъ сегодня у меня будетъ. А что у него коляска хороша?

Мирвошкинъ. Какъ вамъ сказать-съ... нѣтъ, по-настоящему нехороша. Фигуркой точно беретъ, а въ сущности... нѣтъ... Я не знаю, она мнѣ не нравится. Какъ можно сравнить съ вашей коляской!

Балагалаевъ. Ты думаешь?

Мирвошкинъ. Еще бы! ваша солидная коляска. Экипажъ видный, какъ слѣдуетъ, дворянскій экипажъ. А это что? дрянь, пустячки, просто, вздоръ и больше ничего. Долго ли въ ней они поѣздятъ.

Балагалаевъ. А что, она на лежачихъ рессорахъ?

Мирвошкинъ. На лежачихъ-то она на лежачихъ, да что въ томъ толку! помилуйте-съ! больше для важности. Это они любятъ поважничать-то *(помолчавъ)*. А они, говорятъ, опять намѣрены балотироваться.

Балагалаевъ. Въ предводители?

Мирвошкинъ. Точно-такъ-съ... Что-жъ, пожалуй опять на вороныхъ изволятъ прокатиться.

Балагалаевъ *(съ улыбкой)*. Ты думаешь? *(съ достоинствомъ)*. Впрочемъ, Петръ Петровичъ, я долженъ сказать, весьма почтенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, и совершенно заслуживаетъ... конечно, съ другой стороны, лестное вниманіе дворянства... *(останавливается и, помолчавъ немного)* Выпей-ка водки.

Мирвошкинъ. Покорнѣйше благодарю-съ.

Балагалаевъ. А что, развѣ уже пилъ?

Мирвошкинъ. Никакъ нѣтъ-съ, нето чтобы пилъ, а такъ что-то грудь... *(кладетъ руку на грудь и кашляетъ разъ)*.

Балагалаевъ. Э, вздоръ. Выпей.

Мирвошкинъ. За ваше здоровье *(выпиваетъ рюмку)*. А вѣдь знаете ли что̀, Николай Иванычъ: вѣдь Петра Петровича настоящая фамилія не Пехтерьевъ, а Пехтерёвъ,—Пехтерёвъ, а не Пехтерьевъ.

Балагалаевъ. Почему ты это думаешь?

Мирвошкинъ. Какъ же намъ этого не знать-съ, помилуй-те. Мы и батюшку ихъ знавали и дядьевъ то всѣхъ. Всѣ Пехтеревыми прозывались. Сыскону бѣ. Пехтеревы, а не Пехтерьевы... Пехтерьевы—этакой фамиліи у насъ никогда не бывало. Что̀ за Пехтерьевы!

Балагалаевъ. Это меня однако удивляетъ. Кажется, къ чему мѣнять свое имя? Правда, Пехтерёвъ! А впрочемъ, не все ли равно, было бы сердце доброе...

Мирвошкинъ. Совершенную истину изволили сказать-съ. Было бы доброе сердце... *(Раздается звонъ колокольчика и стукъ экипажа)*. Кто-то пріѣхалъ-съ.

Балагалаевъ *(поспѣшно вставая)*. А я еще въ шлафрокѣ... Это я съ тобою заболтался *(Идетъ въ гостиную и останавливается. Въ передней раздается голосъ Алупкина:* «А-лупкинъ доложи, А-а-лупкинъ дворянинъ». *Входитъ Гарасимъ)*.

Гарасимъ *(докладывая)*. Алупкинъ господинъ васъ спрашиваютъ-съ.

Балагалаевъ. Алупкинъ? кто-бишь это? проси. А ты *(обращаясь къ Мирвошкину)*. займи его пожалуйста... я сейчасъ... *(уходитъ въ гостиную)*.

(Гарасимъ выходитъ въ переднюю и говоритъ: пожалуйте-съ. *Мирвошкинъ поправляетъ волосы на головѣ. Входитъ Алупкинъ)*.

Алупкинъ *(подходитъ къ Мирвошкину, котораго онъ было принялъ за Балагалаева, вдругъ останавливается и кланяется)*.

Мирвошкинъ *(кланяясь)*. Николай Иванычъ сей часъ пожалуютъ-съ... *(молчаніе)*. Не угодно ли пока присѣсть.

Алупкинъ. Покорнѣйше благодарю: постоимъ-съ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь...

Мирвошкинъ. Мирвошкинъ, помѣщикъ, здѣшній житель-съ... можетъ, слыхали?

Алупкинъ. Никакъ нѣтъ-съ! не слыхалъ-съ *(помолчавъ)*. Впрочемъ очень радъ случаю *(опять помолчавъ)*. Позвольте узнать, вамъ Балдашева, Татьяна Семеновна, родственница?

Мирвошкинъ. Никакъ нѣтъ-съ... какая это Балдашева?

Алупкинъ. Тамбовская помѣщица, вдова-съ.

Мирвошкинъ *(съ недоумѣньемъ)*. А! тамбовская!

Алупкинъ. Да-съ, тамбовская; вдова-съ *(молчанье)*. А позвольте узнать, вамъ здѣшній становой приставъ знакомъ?

Мирвошкинъ. Порфирій Игнатьичъ? еще бы! старинный пріятель...

Алупкинъ. Величайшая бестія, какая только есть на семъ свѣтѣ. Вы меня извините, я человѣкъ откровенный, солдатъ. Я привыкъ выражаться прямо, безъ обиняковъ. Надо вамъ сказать...

Мирвошкинъ *(заботливо прерывая его)*. Не угодно ли вамъ чего-нибудь закусить съ дороги?

Алупкинъ. Покорнѣйше благодарю. Надо вамъ сказать, что я въ здѣшнихъ краяхъ поселился недавно; а до сихъ поръ я жилъ больше въ Тамбовской губерніи. Но, получивъ послѣ покойницы жены въ наслѣдство шестьдесятъ двѣ души въ здѣшнемъ уѣздѣ...

Мирвошкинъ. А гдѣ именно, позвольте узнать?

Алупкинъ. Сельцо Трюхино, въ пяти верстахъ отъ большой Воронежской дороги.

Мирвошкинъ. А знаю, знаю! хорошее имѣньице.

Алупкинъ. Дрянь совершенная—одинъ песокъ. Итакъ, получивъ наслѣдство послѣ покойницы жены, я

почелъ за благо переселиться сюда-съ, тѣмъ болѣе, что у меня въ Тамбовѣ домъ, съ позволенія сказать, просто, развалился... вотъ-съ я и переселился. И что же? вашъ становой уже успѣлъ повредить мнѣ самымъ неприличнымъ образомъ.

Мирвошкинъ. Скажите, какъ это непріятно!

Алупкинъ. Нѣтъ, позвольте, позвольте. Другому бы ничего, а у меня дочь Екатерина—вотъ что прошу разсудить. Однако я надѣюсь на Николая Иваныча. Хотя я всего два раза имѣлъ удовольствіе ихъ видѣть, однако я столько наслышался объ ихъ справедливости и истинно отеческомъ *(Изъ гостиной входитъ Балагалаевъ во фракѣ. Алупкинъ толкаетъ Мирвошкина, чтобы тотъ на него глядѣлъ)*... истинно отеческомъ... того-съ...

Мирвошкинъ. Да вотъ они сами-съ *(Алупкинъ быстро оборачивается и кланяется Балагалаеву. Балагалаевъ кланяется тоже)*.

Балагалаевъ. Мнѣ очень пріятно... прошу присѣсть. *(Всѣ садятся, Мирвошкинъ нѣсколько одалъ)*. Я, помнится, имѣлъ удовольствіе видѣть васъ у почтеннаго Аѳанасья Матвѣича.

Алупкинъ. Точно такъ-съ.

Балагалаевъ. Вѣдь вы, кажется, недавно стали нашимъ... *(Алупкинъ глядитъ на него во всѣ глаза)*. Недавно, то есть въ нашъ уѣздъ переѣхали...

Алупкинъ. Точно-такъ-съ.

Балагалаевъ. Вы, я надѣюсь, не будете раскаяваться... *(помолчавъ)*. Жаркій день сегодня.

Алупкинъ *(помолчавъ)*. Николай Иванычъ! позвольте старому солдату объясниться съ вами откровенно.

Балагалаевъ. Сдѣлайте одолженіе... что такое?

Алупкинъ. Николай Иванычъ! вы нашъ предводитель. Николай Иванычъ! вы, такъ сказать, нашъ второй отецъ. Я самъ отецъ, Николай Иванычъ.

Балагалаевъ *(съ достоинствомъ)*. Я, повѣрьте, слишкомъ хорошо знаю, слишкомъ чувствую... это мой долгъ... притомъ лестное вниманіе дворянства... *(Беретъ рукой за подбородокъ)*. Говорите, что̀ такое?

Алупкинъ. Николай Иванычъ! вашъ становой— первый плутъ.

Балагалаевъ. Гм... однако вы сильно выражаетесь.

Алупкинъ. Нѣтъ, позвольте, позвольте! благоволите выслушать *(съ разстановкой)*. У сосѣдняго мужика Филиппа мой мужикъ яко бы козла укралъ *(скороговоркой)*. А позвольте узнать, на что мужику козелъ? Нѣтъ, вы мнѣ скажите, на что мужику козелъ? да и наконецъ почемужь именно мой мужикъ этого козла укралъ? почему не другой? какія доказательства? Но позвольте— положимъ, точно мой мужикъ виноватъ; я-то что̀? я-то зачѣмъ отвѣчать долженъ? меня-то зачѣмъ безпокоить? что̀жь послѣ этого я за всякаго козла долженъ буду отвѣчать? И становой будетъ въ-правѣ мнѣ грубить? помилуйте! Онъ говоритъ: козелъ на вашемъ скотномъ дворѣ отыскался. Да провались онъ совсѣмъ съ своимъ козломъ! Тутъ дѣло не въ козлѣ, а въ приличіи.

Балагалаевъ *(который слушалъ его съ явнымъ нетерпѣніемъ)*. Позвольте.. я признаюсь, хорошенько не понимаю... вы говорите, вашъ мужикъ укралъ козла...

Алупкинъ. Нѣтъ, это я не говорю: это становой приставъ говоритъ.

Балагалаевъ *(съ нетерпѣніемъ)*. Да вѣдь, кажется, на то есть законный порядокъ. Я, право, не знаю, почему вамъ было угодно обратиться ко мнѣ...

Алупкинъ. Да къ кому же, Николай Ивановичъ! вы извольте разсудить: я старый солдатъ; я обиду получилъ—честь моя страждетъ. Становой мнѣ говоритъ—и самымъ, знаете, неприличнымъ образомъ—дескать я васъ...

Балагалаевъ. Все такъ... но позвольте вамъ замѣтить—козелъ, покража... это вовсе не мое дѣло, я тутъ сторона.

Гарасимъ *(входитъ и докладываетъ)*. Евгеній Тихонычъ пріѣхать изволили. *(Выходитъ)*.

Балагалаевъ *(поспѣшно вставая)*. Извините пожалуйста *(идетъ къ двери. Входитъ Суслевъ, Алупкинъ и Мирвошкинъ встаютъ)*. Евгеній Тихонычъ, милости просимъ. Какъ вы въ своемъ здоровьи?

Суслевъ. Хорошо, хорошо; спасибо *(кланяясь)*. Господа, честь имѣю...

Мирвошкинъ. Наше вамъ, Евгеній Тихонычъ...

Суслевъ. А, здравствуй!

Балагалаевъ. А что супруга ваша?

Суслевъ. Къ сожалѣнію, жива *(утираясь платкомъ)*. Экая жара! если бъ не къ вамъ, Николай Иванычъ, ей-Богу, съ мѣста бы не тронулся.

Балагалаевъ. Спасибо, спасибо *(указывая на закуску)* не угодно ли? *(съ улыбкой)*. Какъ говорится, отъ плодовъ земныхъ *(Суслевъ подходитъ къ столу съ Мирвошкинымъ. Балагалаевъ отводитъ Алупкина нѣсколько въ сторону)*. Вы... извините, какъ Васъ по имени и по отчеству?

Алупкинъ. Антонъ Семенычъ.

Балагалаевъ. Любезный мой Антонъ Семенычъ, вы мнѣ послѣ изложите ваше неудовольствіе, а теперь *(указывая на Суслева)*... вы видите сами... Я, съ своей стороны, повѣрьте, особое обращу вниманіе; я слишкомъ, такъ сказать, хорошо чувствую обязанность, такъ сказать, которую... которую... словомъ, будьте спокойны *(Алупкинъ кланяется)*. Вы съ Евгеніемъ Тихонычемъ знакомы?

Алупкинъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Балагалаевъ. Такъ позвольтежь васъ представить. Судья нашъ, благороднѣйшій человѣкъ во всѣхъ

отношеніяхъ, душа открытая... почтеннѣйшій человѣкъ *(громко Суслеву)*. Евгеній Тихонычъ!

Суслевъ *(обращаясь въ половину съ кускомъ хлѣба во рту)*. Чего?

Балагалаевъ. Позвольте познакомить васъ съ новымъ жителемъ нашего уѣзда *(представляя Алупкина)*. Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, новый помѣщикъ...

Суслевъ *(прожевавъ)*. Мнѣ чрезвычайно пріятно.

Алупкинъ. И мнѣ *(жмутъ другъ другу руки)*.

Суслевъ. Вы откуда къ намъ?

Алупкинъ. Изъ Тамбовской губерніи-съ.

Суслевъ. А!—У меня въ Тамбовѣ родственникъ живетъ, пустѣйшій человѣкъ. Впрочемъ Тамбовъ ничего, городъ хорошій.

Алупкинъ. Городъ, точно, ничего.

Суслевъ *(обращаясь къ Балагалаеву)*. А что́жъ наши голубчики? Они, пожалуй, и не пріѣдутъ вовсе.

Балагалаевъ *(съ достоинствомъ)*. Нѣтъ, этого я не думаю. Меня ужь и то удивляетъ, что ихъ до сихъ поръ нѣтъ. Они должны были первые пріѣхать.

Суслевъ. Э! да ужь это не вдову ли Каурову я обогналъ за оврагомъ?

Мирвошкинъ. А позвольте узнать, какого рода экипажъ?

Суслевъ. Брычка—да такая длинная; нарой.

Мирвошкинъ. Чалая къ корню, а на пристяжкѣ пѣгая? и кучеръ немолодыхъ лѣтъ?

Суслевъ. Точно, кажется, чалая въ корню... точно.

Мирвошкинъ. Ну, такъ она-съ, Каурова. Я и брычку-то эту знаю. Она ее на Коренной вымѣняла у Чубина Александра, можетъ изволите знать; три коровы за нее дала... и даже, помнится, Чубинъ потомъ надъ ней смѣялся. Женское дѣло, извѣстно-съ.

Суслевъ *(Балагалаеву)*. А что, вы какъ думаете, помиримъ мы ихъ?

Балагалаевъ *(съ важностью)*. Должно надѣяться. Ужъ если это на нихъ не подѣйствуетъ, тогда ужъ точно... *(растопыриваетъ руки)*. Я и Петра Петровича пригласилъ *(къ Алупкину)*. А кстати!.. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, Антонъ Семенычъ. Вы можете помочь намъ въ дѣлѣ, которое, такъ сказать, равно касается до всѣхъ дворянъ. Ибо, что можетъ быть пріятнѣе общаго согласія, мира, тишины?.. Я по-крайней-мѣрѣ съ своей стороны желалъ бы видѣть всѣхъ дворянъ членами, такъ сказать, одного и того же семейства.

Алупкинъ. Та...акъ-съ.

Балагалаевъ. Здѣсь есть у насъ одинъ помѣщикъ, Безпандинъ, и хорошій, кажется, человѣкъ, а сумазбродъ. То есть не то, чтобы сумазбродъ, а кто его знаетъ. У Безпандина сестра Каурова, вдова—женщина, по правдѣ сказать, до крайности безтолковая, упрямая... впрочемъ вы ее увидите.

Мирвошкинъ. Это у нихъ въ роду-съ, Николай Иванычъ. Ихняя матушка, покойница Пелагея Арсеньевна, еще того хуже была-съ. Говорятъ, въ младыхъ лѣтахъ будучи, кирпичъ имъ съ необыкновенной вышины на голову упалъ-съ; такъ можетъ отъ этого-съ.

Балагалаевъ. Можетъ быть *(опять обращаясь къ Алупкину)*. Вотъ между этимъ-то Безпандинымъ и его сестрой, вдовой Кауровой, третій годъ идетъ распря. По случаю дѣлежа. Тетка ихъ, родная имъ обоимъ, по духовному завѣщанью, имѣнье оставила. Имѣнье, замѣтьте, благопріобрѣтенное; ну, не могутъ подѣлиться, хоть ты тресни!— Особенно сестра, просто, ни на что не согласна. До суда дѣло доходило. И хоть бы только это, а то, вообразите, другъ друга въ злодѣйствахъ обвиняютъ, въ

звѣрскихъ умыслахъ противъ имущества и самой жизни. Даже высшимъ властямъ прошенья подаютъ. Долго ли тутъ до бѣды? Вотъ я и рѣшился наконецъ пресѣчь, такъ сказать, корень зла, остановить наконецъ, вразумить!—Я имъ сегодня у себя свиданье назначилъ. Но уже въ послѣдній разъ. А тамъ ужь я другія мѣры приму. Изъ чего, въ-самомъ-дѣлѣ, мучиться? Предводитель тоже не камень, такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Пусть судъ ихъ разбираетъ.—Въ миротворцы, такъ сказать, въ свидѣтели я пригласилъ почтеннаго нашего Евгенья Тихоныча, Пехтерьева Петра Петровича, бывшаго предводителя... г. Мирвошкинъ тоже вотъ будетъ присутствовать; такъ неугодно ли и вамъ? помочь то есть намъ въ этомъ дѣлѣ.

Алупкинъ. Я съ удовольствіемъ... но, не будучи знакомъ... кажется...

Балагалаевъ. Что́жь такое! Это ничего. Вы здѣшній помѣщикъ, человѣкъ разсудительный. Напротивъ, оно еще лучше. Имъ нельзя будетъ сомнѣваться въ вашемъ безпристрастіи...

Алупкинъ. Извольте-съ, я готовъ.

Балагалаевъ. Я очень вамъ обязанъ *(Суслеву, который во время разсказа Балагалаева, сидя, зѣвалъ)*. Да, оно невесело, Евгеній Тихонычъ, точно, невесело, но долгъ.

Суслевъ. Какое веселье! да еще въ такую жару... Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ бабъ!..

Гарасимъ *(входитъ и докладываетъ)*. Госпожа Каурова пріѣхали-съ *(выходитъ)*.

Балагалаевъ. Легка на-поминѣ... *(Встаетъ и идетъ къ дверямъ. Входитъ Каурова, въ шляпкѣ, съ ридикюлемъ)*. А наконецъ! Милости просимъ, Анна Ильинишна, милости просимъ. *(Каурова раскланивается и приседаетъ. Суслевъ, Алупкинъ и Мирвошкинъ встаютъ и кланяются)*. Сюда, не угодноли-съ? *(указываетъ ей на кресла)*.

Каурова *(садясь; робко)*. Ѳерапонтъ Ильичъ еще не пріѣзжали-съ?

Балагалаевъ. Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ. Я, признаюсь, удивляюсь... Впрочемъ онъ теперь, должно быть, скоро будетъ.—Не угодно ли закусить?..

Каурова. Покорно благодарю-съ. Я постное кушаю-съ.

Балагалаевъ. Чтожъ, вотъ рѣдька, огурцы... Чаю не прикажете-ли?

Каурова. Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я уже завтракала. Вы извините меня, Николай Иванычъ, коли я опоздала... *(Всѣ садятся)*. И то слава Богу, что въ цѣлости доѣхала... кучеръ мой чуть-чуть-было меня не вывалилъ.

Балагалаевъ. Скажите пожалуйста, а, кажется, дорога недурна.

Каурова. Не въ дорогѣ дѣло-съ, Николай Иванычъ, охъ, не въ дорогѣ! Я вотъ пріѣхала-съ, Николай Иванычъ, вотъ видите, я пріѣхала-съ, но только для васъ. Я же собственно никакой пользы отъ этого не ожидаю. Нравъ Ѳерапонта Ильича мнѣ слишкомъ извѣстенъ, охъ, слишкомъ!

Балагалаевъ. Ну, это мы увидимъ, Анна Ильинишна. Я такъ, напротивъ, надѣюсь сегодня покончить ваше дѣло. Пора.

Каурова. Дай Богъ, дай Богъ. Я, вы знаете, Николай Иванычъ, я на все согласна. Я человѣкъ смирный *(Суслевъ плюетъ сквозь зубы)*. Я не прекословлю, Николай Иванычъ. Гдѣ мнѣ? я вдова беззащитная, на васъ однихъ надѣюсь. А только Ѳерапонтъ Ильичъ извести меня хочетъ. Чтожъ, Богъ съ нимъ! лишь бы дѣтокъ малолѣтныхъ не погубилъ. А ужъ я что!

Балагалаевъ. Полноте, Анна Ильинишна, полноте. Вотъ я вамъ лучше представлю новаго нашего

помѣщика, Алупкина, Антона Семеныча *(Алупкинъ встаетъ, кланяется и садится).*

Каурова *(кланяясь).* Очень рада-съ, очень рада-съ.

Балагалаевъ. Онъ, если вы позволите, также будетъ... участникомъ въ нашемъ дѣлѣ.

Каурова. Согласна, Николай Иванычъ, я на все согласна. По-мнѣ хоть весь уѣздъ, всю губернію созовите. У меня совѣсть чиста, Николай Иванычъ *(указывая на Алупкина).* Они, я знаю, за меня заступятся. Они не дадутъ меня въ обиду *(вздыхаетъ).* А вы какъ въ своемъ здоровьи, Евгеній Тихонычъ?

Суслевъ. Хорошо. Что мнѣ дѣется! Покорно благодарю.

Мирвошкинъ *(Кауровой).* Что ваши дѣтки, Анна Ильинишна?

Каурова. Слава Богу, пока еще живы. Охъ надолго ли? *(на-распѣвъ).* Скоро, скоро они совсѣмъ осиротѣютъ, бѣдняжки.

Суслевъ *(нетерпѣливо).* Ну, зачѣмъ вы это говорите, Анна Ильинишна? позвольте вамъ замѣтить, вѣдь это наконецъ малодушіе. Вы еще насъ всѣхъ переживете, матушка.

Каурова. Какъ, зачѣмъ я это говорю, отецъ мой?— стало быть есть причины, коли ужь я не могу промолчать. То-то вотъ и есть, а еще, кажется, судья! стану я говорить безъ доказательствъ!

Суслевъ. Ну да, я судья; ну, какія же доказательства? Ну? ну, докажите, что васъ извести хотятъ.

Каурова. А, вамъ угодно доказательствъ? извольте, извольте, Николай Иванычъ, прикажите позвать моего кучера.

Балагалаевъ. Кого?

Каурова. Кучера, моего кучера, Карпушку... Его Карпушкой зовутъ.

Балагалаевъ. Для чего?

Каурова. Да ужъ прикажите. Евгеній Тихонычъ вотъ доказательствъ требуетъ.

Балагалаевъ. Да позвольте, Анна Ильинишна...

Каурова. Нѣтъ ужъ сдѣлайте одолженье...

Балагалаевъ. Ну, пожалуй *(Мирвошкину)*. Сбѣгай, братецъ, пожалуйста, прикажи.

Мирвошкинъ. Сейчасъ *(выходитъ)*.

Каурова. Вы мнѣ все не хотите вѣрить, Евгеній Тихонычъ. Ужъ это не въ первый разъ. Богъ съ вами! а только вамъ грѣшно притѣснять вдову.

Суслевъ. Что вы это, помилуйте. Кто васъ притѣснитъ! перекреститесь, матушка.

Каурова. Богъ съ вами, Евгеній Тихонычъ. Я незлопамятна. *(Суслевъ съ досадой махаетъ рукой)*.

Алушкинъ *(съ важностью Кауровой)*. Однако позвольте, я все таки не могу понять, зачѣмъ вамъ угодно было позвать вашего кучера? кажется, къ чему тутъ кучеръ... не понимаю.

Каурова. А вотъ увидите.

Алушкинъ *(помолчавъ)*. Не понимаю.

Мирвошкинъ *(входитъ. За нимъ кучеръ)*. Вотъ-съ кучеръ *(Карпъ останавливается въ дверяхъ)*.

Каурова. Карпушка, слушай, гляди на меня. Вотъ они *(указывая на Суслева)* не хотятъ вѣрить, что Ѳерапонтъ Ильичъ нѣсколько разъ тебя хотѣлъ подкупить. *(Карпъ глядитъ на Каурову и молчитъ)*. Слышишь ты, что я тебѣ говорю?

Суслевъ. Ну, что жъ ты молчишь, любезный? ихъ братецъ *(указывая на Каурову)* тебя подкупалъ?

Карпъ. Какъ подкупалъ?

Суслевъ. Я не знаю. Анна Ильинишна вотъ говоритъ.

Каурова. Карпушка, слушай, гляди на меня. Вѣдь ты помнишь, ты сегодня чуть меня не вывалилъ? помнишь?

Карпъ. Когда-съ?

Каурова. Когда? экой глупый! Разумѣется, на поворотѣ, не доѣзжая плотины. Еще одно колесо чуть не выскочило.

Карпъ. Слушаю-съ.

Каурова. Ну и помнишь ты, что я тебѣ сказала тогда? *(Карпъ молчитъ).* Я тебѣ сказала, признайся, сказала я тебѣ, Ѳерапонтъ Ильичъ тебя подкупилъ? дескать, Карпуша голубчикъ, ушиби моль твою барыню досмерти, а ужь я тебя не оставлю. Ну и помнишь ты, что ты мнѣ отвѣчалъ? *(Карпъ молчитъ).* Ты мнѣ отвѣчалъ: виноватъ, сударыня, точно, я передъ вами виноватъ.

Суслевъ. Да позвольте, Анна Ильинишна... виноватъ: это еще ничего не доказываетъ, что онъ этимъ хотѣлъ сказать. Сознаться ли онъ, что ли, хотѣлъ въ подкупѣ, въ намѣреньи зашибить васъ—вотъ что̀ нужно узнать *(Карпу).* Сознался ты? а? сознался?

Карпъ. Въ чемъ сознался?

Каурова. Карпушка, слушай, гляди на меня. Что̀ съ тобой? съ просонья ты, что ли? Вѣдь Ѳерапонтъ Ильичъ хотѣлъ тебя подкупить? Ну, конечно, ты не согласился но я вѣдь правду говорю?

Карпъ *(медленно).* Какъ вы изволите говорить-съ...

Каурова *(Суслеву).* Ну, вотъ видите?

Суслевъ. Да позвольте, позвольте *(вставая и подходя къ Карпу).* Ты мнѣ, братецъ, отвѣчай, да толковито, смотри...

Каурова *(тоже вставая).* Нѣтъ, *вы* позвольте Евгеній Тихонычъ, я на это не могу согласиться. Вы его запутать хотите, я вижу. Нѣтъ Евгеній Тихонычъ,

ужъ вы это слишкомъ... помилуйте. Ступай, Карпушка, ступай... да проспись, смотри, а то вѣдь ты совсѣмъ спишь... *(Карпъ медленно уходитъ. Суслевъ стоитъ нѣкоторое время неподвижно, махаетъ рукой и съ улыбкой возвращается на свое мѣсто)*. А отъ васъ Евгеній Тихонычъ, признаюсь, я этого не ждала... Чѣмъ, кажется, я это заслужила...

Суслевъ *(съ сердцемъ)*. Да что, вы кого морочите?

Балагалаевъ *(поспѣшно)*. Ну, полноте, полноте... Анна Ильинишна, присядьте, успокойтесь... *(Каурова садится)*. Мы это все разберемъ... Что это г. Безпандинъ не ѣдетъ?

Алупкинъ. Однако это чрезвычайно странно. Я все-таки ничего не понимаю *(обращаясь къ Мирвошкину)*; а вы?...

Мирвошкинъ *(плутовато)*. Какъ не понять-съ... Дѣло ясное-съ.

Алупкинъ. Вы находите? *(Суслеву)*. А вы?

Суслевъ. Ахъ, какъ бишь васъ по имени, по отчеству? извините, позабылъ... вы еще, я вижу, весьма неопытны *(помолчавъ)*. Впрочемъ и я хорошъ.

Алупкинъ. Странно, странно! Все это очень странно.—Странный здѣсь народъ живетъ.

Герасимъ *(входитъ и докладываетъ)*. Г. Безпандинъ изволили пріѣхать *(Каурова приходитъ въ большое волненье)*.

Балагалаевъ. А, наконецъ! Ну, проси, разумѣется.

Каурова *(съ замѣшательствомъ)*. Николай Иванычъ, я, право...

Балагалаевъ. Что съ вами? сидите.

Каурова. Право, Николай Иванычъ, я бы на минуточку въ другую комнату вышла... Я, право, боюсь...

Балагалаевъ. О полноте! *(къ входящему Безпандину)*. А, здравствуйте... Однако вы себя заставили подождать...

Безпандинъ *(онъ говоритъ очень скоро)*. Виноватъ, виноватъ, Николай Иванычъ, такая вышла задача. Вообразите... Здравствуйте, Евгеній Тихонычъ; какъ вы поживаете?

Суслевъ. Здравствуйте.

Безпандинъ *(продолжая)*. Вообразите *(увидѣвъ свою сестру, холодно съ ней раскланивается, Анна Ильинишна опускаетъ глаза и слегка отворачивается)*, что меня задержало... представьте себѣ, у меня сѣдло мое украли. И кто укралъ, неизвѣстно. Дѣлать нечего, взялъ сѣдло у стремяннаго *(наливая себѣ разомъ въ рюмку сладкой и горькой водки изъ двухъ графиновъ)*. Я, вы знаете, всюду верхомъ ѣзжу *(пьетъ)*. Сѣдло премерзкое, фалеторское *(запьдая рюмку, кладетъ куски въ ротъ обѣими руками)*. Рысью— просто, нѣтъ никакой возможности.

Балагалаевъ. Серапонтъ Ильичъ, позвольте васъ познакомить съ новымъ обитателемъ нашего уѣзда... *(представляя Алупкина)*. Алупкинъ, Антонъ Семенычъ...

Безпандинъ. Очень радъ *(Алупкину)*. Вы охотникъ?

Алупкинъ. То есть въ какомъ смыслѣ охотникъ?

Безпандинъ. Въ какомъ смыслѣ? Ну, разумѣется въ какомъ—до дичи, до собакъ.

Алупкинъ. Нѣтъ-съ, я собакъ не люблю, а изъ ружья въ сидячую птицу стрѣляю.

Безпандинъ *(смѣясь)*. Въ сидячую, въ сидячую...

Балагалаевъ. Однако, извините, господа... Позвольте прервать вашъ любопытный разговоръ. Мы о собакахъ и сидячихъ птицахъ въ другое время поговорить можемъ. А теперь я предлагаю, не теряя времени, приступить къ нашему дѣлу, для котораго мы, такъ сказать, собрались *(Суслеву)*. Мы и безъ Петра Петровича начать можемъ... какъ вы думаете?

Суслевъ. Пожалуй.

Балагалаевъ. И потому, Ѳерапонтъ Ильичъ, покорно прошу васъ присѣсть *(указывая ему на стулъ)*, и васъ также, Антонъ Семенычъ *(оба садятся. Всѣ сидятъ въ видѣ полукруга въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ лѣвой руки: Каурова, Балагалаевъ, Безпандинъ, Алупкинъ, Суслевъ возлѣ стола, Мирвошкинъ нѣсколько позади. Небольшое молчанье. Каурова слезливо сморкается)*. Гм... хотя...

Безпандинъ. Николай Иванычъ, одно маленькое замѣчанье.

Балагалаевъ. Говорите, что̀ такое?

Безпандинъ. Николай Иванычъ, я васъ душевно уважаю и всегда уважалъ и теперь вотъ по вашему желанью пріѣхалъ и за ваше доброе намѣренье чувствительно вамъ благодаренъ; только позвольте вамъ напередъ сказать, если вы надѣетесь какого-нибудь толку добиться отъ почтенной моей сестры—признаюсь!

Каурова *(быстро приподнимаясь)*. Вотъ видите, Николай Иванычъ, вотъ вы сами видите...

Балагалаевъ. Позвольте, позвольте... Ѳерапонтъ Ильичъ и вы, Анна Ильинишна, я долженъ васъ попросить сперва меня выслушать... *(съ нѣкоторой торжественностью)*. Хотя... хотя... то есть... я... *(оправляясь)*, я имѣлъ удовольствіе пригласить васъ обоихъ сегодня къ себѣ... для чего? для того, чтобы покончить наконецъ ваши распри. Помилуйте! какой примѣръ, посудите сами. Братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы...

Безпандинъ. Да Николай Иванычъ...

Алупкинъ. Г-нъ Безпандинъ, прошу не прерывать!

Безпандинъ. А вы что мнѣ за наставникъ?

Алупкинъ. Я вамъ не наставникъ, но, будучи приглашенъ Николаемъ Иванычемъ...

Балагалаевъ. Да, Ѳерапонтъ Ильичъ, я ихъ пригласилъ, я ихъ вмѣстѣ съ почтеннымъ нашимъ Евгеньемъ Тихонычемъ въ посредники пригласилъ. Ѳерапонтъ Ильичъ!

Анна Ильинишна! я обращаюсь къ вамъ. Какъ? братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы рожденные, не могутъ жить въ ладу, въ мирѣ, въ согласіи? Гдѣ жъ послѣ этого, искать на землѣ... того... ну, словомъ, тѣхъ—то есть узъ, такъ сказать... Ѳерапонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна! образумтесь! я вамъ говорю. Вѣдь для чего я все это говорю? я это для вашего же блага говорю. Еслибъ я вашего блага не желалъ, я бы не сталъ это говорить. Вы сами посудите, что̀ мнѣ? Но я это для вашего блага говорю.

Безпандинъ. Да вѣдь, Николай Иванычъ, вы не знаете, что̀ это за женщина. Вѣдь вы послушайте-ка ее. Бросьте на нее, какъ говорится, одинъ любопытный взглядъ. Вѣдь это богъ знаетъ что̀ такое, помилуйте!

Каурова. Богъ знаетъ что̀ такое... А вы-то что̀? Вы кучера моего подкупаете, дѣвокъ ко мнѣ съ отравой подсылаете. Вы моей смерти добиваетесь. Я даже удивляюсь, какъ я еще до сихъ поръ уцѣлѣла...

Безпандинъ. Какого я кучера подкупалъ? Что̀ за дѣвки такія?

Каурова. Извѣстно какія: такія же развращенныя, какъ и вы сами. А что̀ до кучера моего касается, онъ подъ присягой готовъ все показать. Вотъ эти господа свидѣтели.

Безпандинъ *(обращаясь къ остальнымъ)*. Что̀ это она за дичь поретъ?

Алупкинъ *(Кауровой)*. Позвольте, позвольте, вы напрасно на меня ссылаетесь. Я рѣшительно ничего не понялъ, что̀ тутъ вашъ кучеръ говорилъ. Это опять что-то въ родѣ моего козла.

Каурова. Вашего козла... А чѣмъ мой кучеръ похожъ на козла? Сами вы скорѣй...

Балагалаевъ. Оставьте это, господа, оставьте, ради самого Создателя. Анна Ильинишна! Ѳерапонтъ

Ильичъ! что за охота упрекать другъ друга? Не лучше ли позабыть прошедшее? Право, послушайтесь меня. Братъ и сестра, помилуйте! Отъ одного отца и одной матери— вы вотъ что подумайте. Послушайтесь меня: помиритесь. Вы не отвѣчаете?

Безпандинъ. Да, что, помилуйте, какъ это можно. Еслибъ я зналъ.... да я бы ни за что не пріѣхалъ.

Каурова. И я тоже бы не пріѣхала.

Балагалаевъ *(Кауровой)*. Какъ же вы сейчасъ мнѣ говорили, что вы на все согласны?

Каурова. На все, только не на это.

Суслевъ. Эхъ, Николай Иванычъ, позвольте вамъ сказать, не такъ вы дѣло повели. Вы имъ толкуете о мирѣ тамъ, о согласіи... развѣ вы не видите, что это за люди?

Балагалаевъ. А какъ же по вашему, Евгеній Тихонычъ?

Суслевъ. Да вы для чего ихъ пригласили? Для дѣлежа. Вѣдь отъ этого у нихъ и ссора идетъ. Пока они не подѣлятся, ни вамъ, ни мнѣ, никому не будетъ покоя. Такъ приступимте же къ дѣлежу, коли вы ихъ надѣетесь уговорить. Гдѣ планы?

Балагалаевъ. Ну, приступимте. Герасимъ!

Безпандинъ *(Суслеву)*. А вы очень рѣзко о насъ отзываетесь, Евгеній Тихонычъ. Послушать васъ, такъ мы просто изверги, нѣчто въ родѣ древнихъ скиѳовъ.

(Суловъ молча взглядываетъ на него).

Герасимъ *(входя къ Балагалаеву)*. Чего изволите?

Балагалаевъ. Вельвицкаго мнѣ позвать *(Герасимъ выходитъ)*.

Безпандинъ *(продолжая къ Суслеву)*. А я вотъ, напротивъ, объявляю заранѣе, что я на все согласенъ. Что Николай Иванычъ скажетъ, тому и быть.

Каурова. И я тоже.

Суслевъ. Посмотримъ, что̀жь!

Мирвошкинъ. Вотъ что̀ похвально, то похвально.

Балагалаевъ. А все-таки съ моей стороны... я... увѣщанья—это, такъ сказать, долгъ предводителя... *(Входитъ Вельвицкій съ планами).* А! подойди сюда *(Развертываетъ планы).* Принеси-ка, вонъ, столикъ *(Вельвицкій приноситъ столикъ).* Вотъ-съ, извольте посмотрѣть *(Алупкинъ встаетъ, подходитъ сзади и наклоняется Балагалаеву черезъ плечо; Мирвошкинъ также, но осторожнѣе. Суслевъ не двигается съ мѣста. Безпандинъ и Каурова издали вперяютъ глаза въ планъ).* Вотъ-съ *(Читаетъ).* Сельцо Кокушкино, Раково тожь, душъ по восьмой ревизіи мужеска пола 94 *(къ Алупкину).* Посмотрите-ка, каково карандашемъ все исчерчено. Не въ первый разъ мы надъ этимъ планомъ бьемся! Всей земли 712 десятинъ, неудобной 81, подъ усадьбой съ выгономъ 9; черезполосица есть, но немного. Вотъ это-то имѣнье намъ приходится поровну раздѣлить между отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Ѳерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовой подпоручика, Анной Кауровой. Поровну, замѣтьте. Такъ въ завѣщаніи покойницы ихъ тетушки, архитекторской вдовы Филокалосовой сказано.

Безпандинъ. А знать передъ смертью изъ ума старуха выжила: что̀ бы мнѣ все оставить? И не было бы никакой непріятности.

Каурова. Вишь вы какіе!

Безпандинъ. Ну, такъ законную часть бы вамъ опредѣлила... Да что̀ отъ бабы ожидать путнаго! Правда, вы, говорятъ, каждое утро ея болонокъ чесали да мыли...

Каурова. А вотъ вы и солгали! Стану я пса чесать! Какже! Такая я женщина. Вотъ вы—другое дѣло: вы собачаръ извѣстный; вы, говорятъ, вашего пса, прости Господи мое прегрѣшеніе, въ самую морду цалуете...

Безпандинъ. Не только чесать, Анна Ильинишна, не только чесать...

Балагалаевъ. Я долженъ васъ обоихъ попросить нѣсколько помолчать *(Алупкину)*. Такъ вотъ какъ-съ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ ихъ тетушка скончалась. И съ тѣхъ поръ, представьте, никакого рѣшенія! Наконецъ г. Безпандинъ, а также ихъ сестрица, оба рѣшились ко мнѣ прибѣгнуть, изъявляя полную, такъ сказать, довѣренность, въ чемъ свидѣтельствуютъ ихъ собственноручныя письма... *(Вельвицкому)*. При тебѣ они?

Вельвицкій. Къ дѣлу подшиты-съ.

Балагалаевъ. Я согласился быть между ними посредникомъ; потому-что это, вы понимаете, долгъ, но, къ сожалѣнію, не успѣлъ до сихъ поръ склонить ни г. Безпандина, ни ихъ сестрицу. Всѣ мои старанія остались, такъ сказать, тщетны. Вотъ г. Мирвошкинъ свидѣтель.

Мирвошкинъ *(со вздохомъ)*. Да-съ, да-съ, да-съ.

Балагалаевъ. Но теперь это я въ послѣдній разъ. Рѣшительно. Итакъ, извольте посмотрѣть, вотъ въ чемъ состоитъ мое предложеніе. Это предложеніе окончательное; я принялъ въ соображеніе всѣ бывшіе споры, всѣ возраженія... Евгеній Тихонычъ, не угодно ли вамъ придвинуться?

Суслевъ *(лѣниво)*. Да я и такъ знаю...

Балагалаевъ *(Алупкину)*. Вотъ видите ли-съ: вотъ въ чемъ главное затрудненіе: г. Безпандинъ и сестрица ихъ не желаютъ жить въ одномъ домѣ: стало быть усадьбу слѣдуетъ раздѣлить. А раздѣлить ее нѣтъ возможности...

Алупкинъ. Да позвольте спросить, гдѣ же теперь они живутъ?

Балагалаевъ. Г. Безпандинъ живетъ въ своемъ помѣстьи, а г-жа Каурова въ городѣ.

Безпандинъ. У дьячихи.

Каурова. И совсѣмъ не у дьячихи, а у жены дьякона.

Безпандинъ. И дьячиха ее грибы заставляетъ солить.

Балагалаевъ. Ну, объ этомъ можно и послѣ поговорить. Но дѣло въ томъ, что какъ г. Безпандинъ съ одной стороны, такъ г-жа Каурова съ другой оба желаютъ переѣхать на жительство въ новоприобрѣтенное имѣніе.

Безпандинъ *(вдругъ)*. Ну... я отказываюсь отъ теткинаго дома. Богъ съ нимъ совсѣмъ!

Балагалаевъ. Вы отказываетесь?

Безпандинъ. Да; но я надѣюсь на вознагражденіе.

Балагалаевъ. Конечно, это требованіе справедливое.

Каурова. Николай Иванычъ, это хитрость. Это съ его стороны уловка, Николай Иванычъ. Онъ черезъ это надѣется получить самую лучшую землю, конопляники и прочее. На что ему домъ? У него свой есть. А теткинъ домъ и безъ того куда плохъ.

Безпандинъ. Коли онъ такъ плохъ...

Каурова. Течи вездѣ, углы подгнили, сквозь крышу такъ и капитъ, такъ и капитъ. Полы всѣ вотъ какъ, вотъ какъ... *(дѣлаетъ волнообразныя движенія руками)*.

Безпандинъ. Коли онъ такъ плохъ...

Каурова. А конопляниковъ я не уступлю. Помилуйте, я вдова, у меня дѣти. Что жь я буду дѣлать безъ конопляниковъ, посудите сами!

Безпандинъ. Коли онъ...

Каурова. Воля ваша...

Алупкинъ *(строго и рѣзко)*. Да дайтежь ему договорить!

(Каурова съ робостью на него взглядываетъ).

Безпандинъ. Коли онъ такъ плохъ, уступите его мнѣ, и пусть васъ вознаградятъ.

Каурова. Да! знаю ваши вознагражденія! какую-нибудь десятинишку негодную, камень на камнѣ, или, еще того хуже, болото какое-нибудь, одинъ тростникъ, который даже крестьянскія коровы и тѣ съ голодухи не ѣдятъ, и косить нѣтъ никакой возможности, въ цѣлое лѣто не высохнетъ...

Алупкинъ. Это однако удивительно! Коноплянники... болото... Да погодите сперва, выслушайте...

Балагалаевъ. Такого болота въ вашемъ имѣніи и нѣту вовсе.

Каурова. Ну, не болото, такъ другое что-нибудь въ этомъ родѣ... Нѣтъ, вознагражденія, покорно благодарю; знаю я, что это за вознагражденіе.

Алупкинъ *(съ недоумѣніемъ Мирвошкину)*. Что у васъ въ уѣздѣ всѣ женщины таковы?

Мирвошкинъ *(съ усмѣшкой)*. Бываютъ и хуже-съ.

Суслевъ *(Алупкину)*. Да что, какъ бишь васъ, сколько вамъ лѣтъ?

Балагалаевъ. Господа, господа, позвольте, позвольте. Я долженъ васъ опять попросить нѣсколько помолчать. Вы, Анна Ильинишна, напрасно заранѣе безпокоитесь, еще ничего не рѣшено *(къ Алупкину)*. Я вотъ что предлагаю. Мы теперь вотъ, сообща, раздѣлимъ всю дачу на два участка: въ одномъ будетъ заключаться домъ съ усадьбой, а къ другому мы нѣсколько лишней земли прибавимъ; и пусть они потомъ выбираютъ.

Безпандинъ. Я согласенъ.

Каурова. А я не согласна.

Балагалаевъ. Почему же вы не согласны?

Каурова. А кто начнетъ?

Балагалаевъ. Какъ кто начнетъ?

Каурова. Кому, то есть, первому прійдется выбирать?

Балагалаевъ. Мы жеребій кинемъ.

Каурова. Сохрани Господь и помилуй! Что вы это? Ни за что на свѣтѣ!

Безпандинъ *(Кауровой)*. Ну, вы выберете.

Каурова *(помолчавъ)*. Я все-таки не согласна.

Алупкинъ. Да отчего же?

Каурова. Какже это я стану выбирать? Ну, я ошибусь! *(Алупкинъ звѣрски глядитъ на нее)*.

Балагалаевъ. Позвольте, однако... Отчего вы ошибетесь? Участки будутъ ровные, а если какой получше выдетъ, Ѳерапонтъ Ильичъ вамъ предоставляетъ право выбора.

Каурова. А кто мнѣ скажетъ, какой лучше будетъ? Нѣтъ, Николай Ильичъ, это уже ваше дѣло; ужъ вы, батюшка, потрудитесь, назначьте сами; какой вы участокъ мнѣ назначите, я тотъ и возьму. И довольна буду.

Суслевъ. Ой ли?

Каурова. Вотъ те Христосъ.

Балагалаевъ. Ну, пожалуй. Итакъ, домъ со службами и съ усадьбой предоставляется г-жѣ Кауровой?

Безпандинъ. И съ садомъ?

Каурова. Разумѣется, съ садомъ. Какже дому быть безъ саду? Да и садъ-то дрянной. Всего пять, шесть яблонь, яблоки на нихъ кислыя; прекислыя, просто, вся усадьба гроша не стоитъ.

Безпандинъ. Такъ предоставьте ее мнѣ, Боже мой!

Каурова. Да на что вамъ домъ?

Безпандинъ. Вотъ те на! на что. Я кружевницъ своихъ въ него посажу.

Каурова. Ну, такъ и есть! опять дѣвки! Стыдитесь, стыдитесь.

Безпандинъ. Чего тутъ стыдиться?

Каурова. Какъ чего стыдиться? вѣдь ваши дѣвки, извѣстно, что это за дѣвки, первыя отравительницы!

Безпандинъ. Э! перестаньте вздоръ молоть-то. Вотъ про вашихъ дворовыхъ людей досконально извѣстно, что они мнѣ не разъ подъ домъ огню подкладывали...

Каурова. Кружевницы! хороши кружевницы!

Балагалаевъ. Не о кружевницахъ теперь рѣчь... Итакъ, домъ съ садомъ и со службами,—словомъ, вся господская усадьба предоставляется г-жѣ Кауровой... Хорошо. Въ такомъ случаѣ, Антонъ Семенычъ, не угодно ли вамъ посмотрѣть... Вельвицкій, прочти, братецъ, какъ-было я раздѣлилъ...

Вельницкій *(отыскиваетъ листъ бумаги и читаетъ конторскимъ носовымъ голосомъ)*. Проэктъ раздѣла между помѣщикомъ Ѳерапонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовой дворянкою Кауровой, сельца Кокушкина, Ракова тожъ.

Балагалаевъ. Въ этомъ проэктѣ усадьба находилась пока въ общемъ владѣніи... Мы это перемѣнимъ. Читай далѣе.

Вельвицкій. Пунктъ первый. Сельцо Кокушкино...

Балагалаевъ. Начни съ направленія линіи *(къ Алупкину)*. Линіи раздѣленія, вы понимаете.

Вельвицкій. Направленіе линіи: отъ точки А...

Балагалаевъ. Имѣніе, какъ видите, состоитъ изъ одной дачи и двухъ отдѣльныхъ пустошей. Читай.

Вельвицкій. Направленіе линіи: отъ точки А.

Балагалаевъ *(указывая пальцемъ на планъ)*. Извольте глядѣть: отъ точки А.

(Алупкинъ наклоняется справа, Мирвошкинъ слѣва, Безпандинъ и Каурова пододвигаются съ обѣихъ сторонъ).

Вельвицкій. Отъ точки А на границѣ дачи Волухиной до точки Бе, на углѣ плотины.

Балагалаевъ *(указывая пальцемъ)*. До точки Бе на углѣ плотины. Евгеній Тихонычъ, что́жь вы?

Суслевъ *(который только-что положилъ себѣ кусокъ сыру въ ротъ)*. Я вижу...

Вельвицкій. Отъ точки Бе...

Каурова. А позвольте узнать, чей будетъ прудъ?

Балагалаевъ. Разумѣется, общій. То есть правый берегъ будетъ принадлежать одному, лѣвый другому.

Каурова. А! въ такомъ случаѣ я спокойна.

Безпандинъ. Это вы для чего изволили спросить, Анна Ильинишна?

Каурова. А для того.

Безпандинъ. То есть, что́жь это значитъ—для того?

Каурова. А для того, что мнѣ вашъ образъ мыслей слишкомъ извѣстенъ, Ферапонтъ Ильичъ. Вы въ состояніи запретить моимъ мужикамъ...

Балагалаевъ *(возвышая голосъ, къ Вельвицкому)*. Далѣе, далѣе.

Вельвицкій. Отъ точки Бе на углѣ плотины черезъ рощу до точки Це.

Балагалаевъ *(показывая)*. Отъ точки Бе до точки Це.

Каурова. Роща поровну раздѣлена?

Балагалаевъ. Поровну, поровну.

Каурова. Гм... та-акъ-съ.

Вельвицкій. Отъ точки Це, линія идетъ вдоль ручья, по оврагу до точки Де, на границѣ дачи.

Балагалаевъ. До точки Де на границѣ дачи. Вотъ-съ.

Вельвицкій. Пунктъ второй. Пустоши же раздѣлить поровну. Въ первой сорокъ восемь, во второй семьдесятъ семь десятинъ.

Балагалаевъ. Вотъ пустоши: первая и вторая.

Вельвицкій. Пунктъ третій и послѣдній Владѣтель перваго участка обязывается переселить на свой счетъ два двора во второй участокъ, а выселеннымъ крестьянамъ старыми конопляниками пользоваться два года.

Каурова *(вполголоса)*. Ни крестьянъ переселять, ни конопляники уступать я не намѣрена.

Балагалаевъ. Да позвольте...

Каурова. Ни за что, Николай Иванычъ, ни за что!

Алупкинъ *(грозно)*. Не извольте перебивать, сударыня... *(Каурова взглядываетъ на него и умолкаетъ)*.

Балагалаевъ. Раздѣлъ мною сдѣланъ совершенно добросовѣстно; но такъ-какъ... *(утираетъ лицо платкомъ)* такъ-какъ... Что̀ бишь я хотѣлъ сказать? Да; такъ-какъ теперь усадьба цѣликомъ приписывается къ одному изъ участковъ, а подъ ней пять десятинъ безъ выгона, то я предлагаю первую пустошь, въ которой сорокъ восемь десятинъ, всю присоединить къ другому участку; то есть я предлагаю ко второму участку, вы понимаете, ко второму участку двадцать четыре десятины... вѣдь половина сорока восьми двадцать четыре?..

Мирвошкинъ *(поспѣшно)*. Двадцать четыре-съ.

Балагалаевъ. Ну да... присоединить двадцать четыре десятины въ видѣ вознагражденія: ко второму участку. Какъ вы полагаете, Антонъ Семенычъ? кажется, этакъ будетъ хорошо?..

Алупкинъ *(съ важностью)*. Я съ вами согласенъ. Если остальныя земли вѣрно раздѣлены...

Балагалаевъ. Ужъ такъ вѣрно, что вѣрнѣе нельзя. А вы какъ думаете, Евгеній Тихонычъ?

Суслевъ *(лѣниво)*. Я думаю, что этакъ хорошо будетъ.

Каурова. Да что̀ вы ихъ спрашиваете, Николай Иванычъ? Развѣ они обращаютъ вниманіе на то, что̀ мы дѣлаемъ?

Суслевъ *(Кауровой)*. Да къ чему обращать вниманіе на то, что̀ вы дѣлаете? Вы все-таки не согласитесь.

Балагалаевъ. Зачѣмъ вы это говорите, Евгеній Тихонычъ? *(Мирвошкину)*. А ты какого мнѣнія?

Мирвошкинъ. Я нахожу...

Балагалаевъ *(не дожидаясь отвѣта Мирвошкина, къ Безпандину)*. Ну, а вы что̀ скажете?

Безпандинъ *(помолчавъ)*. Двадцать четыре десятины... что̀ такое двадцать четыре десятины, особенно въ той пустоши.

Балагалаевъ. Двадцать четыре десятины и два двора. Первый участокъ два двора переселить долженъ.

Безпандинъ. Да позвольте: ему и такъ, и безъ усадьбы, приходится переселить два двора.

Балагалаевъ. Ну, что̀жъ, можно усадьбу, пожалуй, ко второму участку приписать, вмѣсто перваго.

Безпандинъ. А пустошь?

Балагалаевъ. Пустошь, разумѣется, къ первому участку тогда присоединится.

Безпандинъ. Такъ-съ. Впрочемъ позвольте посмотрѣть... *(Беретъ планы)*.

Каурова *(медленно крестясь)*. Господи Владыко живота моего... Что̀ это? что̀ это? во снѣ я, что̀ ли? да послѣ этого... я, право, и не знаю, что̀ сказать. Какъ за избу, за простую избу, потому что теткинъ домъ таже изба, двадцать четыре десятины, два двора переселить, конопляники на пять лѣтъ, общій прудъ и я не знаю, что̀ еще? *(Опять крестится)*. Господи Іисусе Христе! Ну, Николай Ильичъ, спасибо, одолжили вы меня! да этакъ я лучше вовсе отъ моего дома откажусь...

Балагалаевъ. Да позвольте однако вамъ замѣтить, Анна Ильинишна... Во-первыхъ, конопляники не на пять лѣтъ.

Каурова *(перебивая его)*. Нѣтъ, батюшка, не извольте безпокоиться. Знать, я васъ чѣмъ-нибудь обидѣла, батюшка вы мой...

Балагалаевъ. Да выслушайте меня, Анна Ильинишна... Вы толкуете о дворахъ, о конопляникахъ, а я вотъ сейчасъ вашему братцу сказалъ, что усадьбу можно къ другому участку присоединить... *(Съ досады умолкаетъ)*.

Каурова *(не слушая его, въ тоже время)*. Не говорите, и не говорите, Николай Ильичъ; помилуйте, что я за дура буду за такая, что конопляники даромъ отдамъ, какъ говорится, псу подъ хвостъ... *(Видя, что Балагалаевъ перестаетъ говорить)*. Вы бы одно вспомнили, Николай Иванычъ, я вдова, за меня заступиться нѣкому; дѣти у меня малолѣтніе; вы бы хоть ихъ пожалѣли...

Алупкинъ. Это слишкомъ! слишкомъ! нѣтъ это слишкомъ!

Суслевъ *(Алупкину)*. Да полноте, ребенокъ вы этакой...

Балагалаевъ *(съ достоинствомъ)*. Анна Ильинишна, вы, вѣроятно, не сообразили всей, такъ сказать, силы вашихъ выраженій... Вы наконецъ честь мою затрогиваете.

Каурова. Напрасно вы это говорите, Николай Иванычъ. Ваша честь сама по себѣ: кто ее трогаетъ! а только я не могу скрыть истину, никакъ не могу, Николай Иванычъ. Ужъ такой мой нравъ.

Безпандинъ *(который все разсматривалъ планъ, вдругъ поднимаетъ голову и обращается къ Кауровой)*. Стало быть, вы находите, что мой участокъ лучше вашего?

Каурова. Двадцать четыре десятины!

Безпандинъ. Нѣтъ, скажите, лучше?

Каурова. Помилуйте, двадцать четыре десятины!

Алупкинъ *(Кауровой)*. Да вы отвѣчайте—лучше? а? лучше? лучше?

Каурова. Да что̀ ты это, батюшка, на меня все вскидываешься? или у васъ въ Тамбовѣ такой обычай? откуда вдругъ появился, ни знамо, ни вѣдомо, и что̀ за человѣкъ, Господь его знаетъ, а посмотри ты, какъ пѣтушится!

Алупкинъ. Однако прошу не забываться, сударыня. Я даромъ, что вы, сколько мнѣ извѣстно, женщина, я не посмотрю... я... старый солдатъ, чортъ возьми!

Балагалаевъ. Полноте, полноте, господа... Антонъ Семенычъ, успокойтесь, прошу васъ... Вѣдь это ни къ чему не поведетъ наконецъ...

Алупкинъ. Да вѣдь помилуйте...

Каурова. Онъ сумасшедшій, онъ сумасшедшій.

Суслевъ *(Алупкину, который съ досады отворачивается)*. Ну, что̀ взяли? экой неугомонный человѣкъ! видно, что женатъ не былъ.

Алупкинъ. Нѣтъ, извините, былъ.

Суслевъ. Были? и жена ваша жива?

Алупкинъ. Нѣтъ, умерла.

Суслевъ *(помолчавъ)*. Вѣдь бываютъ же такіе счастливчики!

Безпандинъ *(Кауровой)*. А я васъ опять-таки спрашиваю, Анна Ильинишна: по вашему, мой участокъ лучше?

Каурова *(помолчавъ)*. Ну, да, лучше, то есть земли больше. Что̀жъ изъ этого?

Безпандинъ. Помѣняемтесь.

Каурова *(молчитъ и передергиваетъ снурки ридикюля)*.

Балагалаевъ. Ну-съ? что̀жъ вы не отвѣчаете?

Каурова. Что̀жъ, это мнѣ безъ дома быть? На что̀жъ послѣ этого мнѣ и деревня?

Безпандинъ. Да коли мой участокъ лучше? *(Каурова молчитъ)*. Вы вотъ недавно божились и крестились;

дескать, какъ? двадцать четыре десятины за избу! Ну, отдайте мнѣ эту избу. Возьмите себѣ эти двадцать четыре десятины.

(Каурова молчитъ).

Балагалаевъ. Однако позвольте, Анна Ильинишна, будьте же наконецъ, такъ сказать, благоразумны. Послѣдуйте примѣру вашего почтеннаго братца. Я сегодня, признаюсь, не нарадуюсь, глядя на него. Вы видите сами, вамъ всевозможныя дѣлаютъ уступки; вамъ остается только объявить ваше желаніе, насчетъ, то есть, выбора.

Каурова. Я уже сказала, что я не намѣрена выбирать.

Балагалаевъ. Вы не намѣрены выбирать и не соглашаетесь ни на что. Помилуйте. Я вамъ долженъ замѣтить, Анна Ильинишна, что это уже не въ первый разъ я съ вами бьюсь какъ рыба объ ледъ... Моихъ силъ наконецъ недостаетъ. Если сегодня мы опять ничѣмъ не покончимъ, то уже я не намѣренъ болѣе служить посредникомъ между вами: пусть судъ васъ дѣлитъ *(Молчаніе)*. Скажите намъ по-крайней-мѣрѣ, что вы желаете?

Каурова. Я ничего не желаю, Николай Иванычъ. Я на васъ полагаюсь, Николай Иванычъ.

Балагалаевъ. Однако вотъ вы мнѣ не довѣряете... Вѣдь надобножь это покончить, Анна Ильинишна, помилуйте. Вѣдь третій годъ. Ну, скажите, на что вы рѣшаетесь?

Каурова. Что мнѣ вамъ сказать, Николай Иванычъ?.. я вижу, вы всѣ противъ меня; васъ вотъ пятеро, а я одна; я женщина. Конечно, вамъ легко меня запугать... а у меня, кромѣ Бога, нѣтъ защитника. Я въ вашей власти. Дѣлайте со мной, что хотите.

Балагалаевъ. Однако это непростительно наконецъ... Вы, Богъ знаетъ, что говорите, Анна Ильинишна. Насъ пятеро, а вы одне... Да развѣ мы къ чему-нибудь принуждаемъ?

Каурова. А какже-съ?

Балагалаевъ *(про себя)*. Это ужасно.

Алупкинъ. Да бросьте ее.

Балагалаевъ. Постойте, Антонъ Семенычъ *(Къ Кауровой)*. Анна Ильинишна, матушка! выслушайте меня хоть разъ. Скажите намъ, что вамъ угодно: оставить при васъ домъ, что ли, и уменьшить долю, вознагражденіе то есть вашего братца? и на сколько уменьшить? вообще какія ваши условія?

Каурова *(почти плача)*. Что мнѣ вамъ сказать, Николай Иванычъ? конечно, мнѣ съ вами не сладить. Но Господь насъ разсудитъ, Николай Иванычъ.

Балагалаевъ *(взглянувъ съ отчаяньемъ на небо)*. Ну, послушайте: вы, я вижу, недовольны моимъ предложеніемъ?

(Каурова молчитъ).

Алупкинъ. Да отвѣчайте же...

Суслевъ. Оставьте... экой вы! вы видите, женщина съ поровомъ.

Каурова *(Балагалаеву)*. Ну, да-съ, недовольна.

Балагалаевъ. Прекрасно. Такъ скажите же намъ, въ чемъ ваше неудовольствіе состоитъ?

Каурова. Этого я не могу сказать.

Балагалаевъ. Отчего же вы не можете?

Каурова. Не могу-съ.

Балагалаевъ. Да вы меня можетъ быть не понимаете? впрочемъ я, кажется, по-русски говорю.

Каурова. Я васъ слишкомъ понимаю, Николай Иванычъ, слишкомъ.

Балагалаевъ *(утирая себѣ лобъ)*. Ну, послушайте, Анна Ильинишна, скажите намъ наконецъ, въ послѣдній разъ, чѣмъ васъ можно удовлетворить? на какія, то есть, предложенія вы бы изъявили свое согласіе?

Каурова. Нѣ-ѣтъ-съ, извините. Силой вы что хотите можете со мною сдѣлать... я женщина; а съ моего согласія, извините. Я умру, а моего согласія не дамъ.

Алупкинъ *(вскакивая какъ изступленный)*. Вы женщина?.. Нѣтъ вы чортъ, вотъ вы кто, вы сама сатана, и хуже всякой сатаны!

Балагалаевъ. Антонъ Семенычъ!

Алупкинъ. Оставьте меня... я остервенѣлъ! *(Подходитъ къ Кауровой)*.

Каурова *(заробѣвъ)*. Батюшки, батюшки...
Суслевъ и Мирвошкинъ. Полноте, полноте.
Безпандинъ. Однако позвольте...
Балагалаевъ. Антонъ Семенычъ...
} Вмѣстѣ.

(Вельвицкій, который все время стоялъ въ сторонѣ, проворно удаляется въ уголъ).

Алупкинъ *(не обращая ни на кого вниманія, къ Кауровой)*. Слушай, баба! я старый солдатъ; я даромъ грозить не стану. Эй не дурачься! опомнись! А то худо будетъ. Я не шучу; слышишь? Еслибъ ты возражала путемъ, я бы ничего, а ты упираешься какъ волъ! *(съ удвоенной свирѣпостью)*. Баба, берегись! берегись, говорятъ тебѣ *(Каурова сидитъ какъ пораженная громомъ. Всѣ встаютъ)*.

Балагалаевъ. Антонъ Семенычъ, я признаюсь...

Безпандинъ. Николай Иванычъ, это мое дѣло *(Алупкину)*. Милостивый государь, а позвольте узнать, съ какого права...

Алупкинъ *(обращаясь къ нему)*. Вы заступаетесь за вашу сестру?

Безпандинъ. Вовсе не за сестру: мнѣ моя сестра вотъ что—пфукъ! *(плюетъ себѣ на ладонь)*, а за честь фамиліи.

Алупкинъ. За честь фамиліи... а чѣмъ я вашу фамилію оскорбилъ?

Безпандинъ *(возвышая голосъ)*. Какъ чѣмъ оскорбили? Вотъ это мнѣ нравится. Стало быть, по вашему, всякій заѣзжій чудакъ...

Алупкинъ *(вспыхнувъ)*. Мюлевый сдарь!

Безпандинъ. Что, мюлевый сдарь!

Алупкинъ. А вотъ что-съ. Въ чужомъ домѣ ругаться неприлично. Вы дворянинъ и я дворянинъ, такъ неугодно ли, завтра...

Безпандинъ. На чемъ хотите, хотя на пожахъ.

Балагалаевъ *(страшно оробѣвъ и заикаясь)*. Господа, господа, что вы это, какъ вамъ нестыдно? помилуйте, въ моемъ домѣ.

Безпандинъ *(кричитъ Алупкину)*. Вы меня не запугаете, милостивый государь!

Алупкинъ *(также)*. Я васъ не боюсь, а ваша сестра, неприлично сказать, что она такое.

Каурова *(трепетнымъ голосомъ)*. Согласна, отцы мои, на все согласна, дайте подписать, все, что угодно, подпишу...

Суслевъ *(Мирошкину)*. Гдѣ моя шапка, не видалъ, братецъ?

Балагалаевъ. Господа, господа...

(Всеобщее смятеніе Алупкинъ и Безпандинъ стоятъ другъ противъ друга, подобно двумъ пѣтухамъ. Герасимъ входитъ, остается нѣсколько времени неподвижнымъ отъ изумленія и вдругъ громко восклицаетъ: Нехтерьевъ Петръ Петровичъ! Всѣ немножко расходятся и утихаютъ. Герасимъ выходитъ).

Пехтерьевъ *(входитъ съ улыбкой на лицѣ и притворяясь, будто ничего не слыхалъ. Балагаевъ, сильно взволнованный, идетъ къ нему на-встрѣчу).* Здравствуйте, мой любезный, Николай Иванычъ...

Балагалаевъ *(прерывающимся голосомъ).* Мое почтенье, Петръ Петровичъ... Что ваша супруга?

Пехтерьевъ *(кланяясь всѣмъ остальнымъ).* Господа... *(Ему кланяются. Онъ обращается къ Балагалаеву).* Моя жена здорова, слава Богу... Cher Balagalaièff, я виноватъ: опоздалъ... *(Вторично кланяясь).* Ѳеранонтъ Ильичъ! Анна Ильинишна! *(Мирвошкину).* А, и ты тутъ? *(Балагалаеву).* Ну, что, подвигается дѣло?

Балагалаевъ. Ну, этого нельзя сказать.

Пехтерьевъ *(оглядываясь).* Неужели? а я такъ думалъ... *(съ улыбкой).* Эхъ, господа, господа, это нехорошо. Позвольте старику побранить васъ *(Потирая руки).* Надо кончить, надо кончить.

Балагалаевъ. Не хотите ли закусить?

Пехтерьевъ. Нѣтъ, благодарствуйте. *(Въ сторону Балагалаеву, указывая на Алупкина, который стоитъ неподвижно и нахмуривъ брови).* Кто это?

Балагалаевъ. Новый помѣщикъ, нѣкто Алупкинъ. Я вамъ его представлю *(Алупкину громко).* Антонъ Семенычъ, позвольте познакомить васъ съ почтеннѣйшимъ нашимъ Петромъ Петровичемъ *(Представляетъ Алупкина).* Алупкинъ, Антонъ Семенычъ, изъ Тамбова.

Алупкинъ *(кланяясь).* Очень радъ...

Пехтерьевъ *(кланяется тоже).* Добро пожаловать въ наши края... Да позвольте, позвольте... Алупкинъ... Алупкинъ... Я зналъ одного Алупкина въ Петербургѣ. Высокій такой былъ мужчина, видный, съ бельмомъ на глазу, въ карты игралъ сильно и дома все строилъ... Не родня вамъ?

Алупкинъ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня нѣтъ родственниковъ.

Пехтерьевъ. Нѣтъ родственниковъ? вовсе? скажите! Впрочемъ я теперь вспомнилъ: его Семендяевымъ звали, а не Алупкинымъ *(Обращаясь къ Кауровой)*. А вы какъ въ своемъ здоровьи, Анна Ильинишна?

Каурова *(которая только-что оправилась отъ своего страху)*. Покорно васъ благодарю, Петръ Петровичъ. Слава Богу-съ.

Пехтерьевъ. Ахъ, какъ это мнѣ пріятно слышать! *(Обращаясь къ Безпандину)*. А васъ и спрашивать нѣчего. Стоитъ только взглянуть... какой цвѣтъ лица! Георгина, настоящая георгина!

Безпандинъ *(довольно громко)*. Больше отъ жары.

Пехтерьевъ. Да, сегодня жаркій день. Однако, господа, что̀жъ, давайте. Царь Алексій Михайловичъ премудро сказалъ: дѣлу время, а потѣхѣ часъ. Мы поболтаемъ послѣ *(Садится къ столику на-лѣво)*. На чемъ я васъ перервалъ?

Балагалаевъ. Вы нисколько насъ не перервали, Петръ Петровичъ... Вы даже очень кстати пріѣхали. Дѣло вотъ въ чемъ-съ *(Садится подлѣ Пехтерьева)*. Господа, и вы, Анна Ильинишна, присядьте, сдѣлайте одолженье *(Всѣ садятся)*. Дѣло вотъ въ чемъ-съ.

Пехтерьевъ *(перебивая его)*. Что̀ это, планы? *(Разсматриваетъ ихъ)*.

Балагалаевъ. Да, планы. Вотъ видите ли, Петръ Петровичъ, мы никакъ не можемъ добиться толку: не можемъ, то есть, согласить г. Безпандина съ ихъ сестрицей. Я, признаюсь, даже начинаю сомнѣваться въ успѣхѣ и готовъ отказаться.

Пехтерьевъ. Напрасно, напрасно, Николай Иванычъ. Нужно немножко терпѣнья.

Балагалаевъ. Терпѣнья! въ чемъ другомъ, а, кажется, въ терпѣньи у меня нѣтъ недостатка. Впрочемъ я объявилъ г. Безпандину и ихъ сестрицѣ, что это я въ послѣдній разъ на себя подобную, такъ сказать, обузу беру. Вотъ видите ли, Петръ Петровичъ... впрочемъ это имѣнье должно быть вамъ извѣстно: оно отъ васъ въ двухъ верстахъ.

Пехтерьевъ. Да, да, извѣстно.

Балагалаевъ. Такъ вотъ извольте посмотрѣть... Вельвицкій... куда ты, братецъ, запропастился?.. дай-ка проэктъ... вотъ-съ потрудитесь прочесть и съ планомъ сравнить...

Пехтерьевъ *(глядитъ то на планъ, то на проэктъ)*. Гм... Да, да, да...

Балагалаевъ. Да! еще одно слѣдуетъ замѣтить; съ общаго согласія гг. владѣльцевъ, усадьба не раздѣляется, къ одному участку приписывается; теперь вотъ въ чемъ затрудненіе: какое вознагражденіе назначить за усадьбу? Я предлагаю *(указывая пальцемъ)* всю эту пустошь отдать.

Пехтерьевъ. Эту пустошь? Да. Позвольте... Да, да. *(Продолжаетъ разсматривать планы)*.

Балагалаевъ. Вотъ надъ этимъ-то мы теперь и бьемся. Они вотъ *(указывая на Безпандина)* согласны, а сестрица ихъ, не только не согласна ни на что, но даже вообще не хочетъ объявить своего желанія...

Алупкинъ. Какъ говорится, ни тпру, ни ну.

Пехтерьевъ *(продолжая глядѣть на планъ)*. Такъ, такъ, такъ... А знаете ли что, Николай Иванычъ, конечно... это вамъ лучше извѣстно... а я бы на вашемъ мѣстѣ не такъ бы эту дачу раздѣлилъ *(Каурова поднимаетъ голову и вперяетъ взоры въ Пехтерьева)*.

Балагалаевъ. А какже-съ?

Пехтерьевъ *(съ пріятной улыбкой)*. Я можетъ и вздоръ скажу, но вы извините старика. Мнѣ кажется, я бы вотъ какъ раздѣлилъ... Позвольте карандашикъ?

Мирвошкинъ *(быстро достаетъ изъ кармана портфель, а изъ портфеля карандашъ)*. Вотъ-съ карандашъ.

Пехтерьевъ. Спасибо. Я бы, Николай Иванычъ, вотъ какъ... посмотрите... *(Чертитъ)*. Отсюда—вотъ сюда... а отсюда—сюда *(про себя)* 20 десятинъ, 20... 40... да; такъ; *(громко)* а отсюда вотъ куда... *(Всѣ, кромѣ Суслева, глядятъ на планъ)*. А отсюда наконецъ сюда.

Балагалаевъ. Да помилуйте, Петръ Петровичъ, во-первыхъ этакъ участки выдутъ неровные...

Пехтерьевъ. Что за бѣда!

Балагалаевъ. А во-вторыхъ *(показывая пальцемъ)*, въ этомъ участкѣ совсѣмъ сѣнокосовъ не будетъ...

Пехтерьевъ. Это ничего не значитъ. Трава вездѣ расти можетъ.

Балагалаевъ. Да сверхъ того рощу вы стало быть всю предоставляете одному владѣльцу?

Каурова. Ахъ, вотъ этотъ бы участокъ я взяла съ удовольствіемъ.

Балагалаевъ. И каково, напримѣръ, будетъ мужикамъ отсюда *(указывая пальцемъ)* вонъ куда ѣздить?

Пехтерьевъ *(нѣсколько обиженный)*. На всѣ ваши возраженія отвѣчать было бы весьма легко... но впрочемъ... Конечно, вы должны лучше знать. Мнѣ пришла было въ голову мысль, но я вижу... Вы меня извините.

Балагалаевъ. Помилуйте, Петръ Петровичъ, что вы это говорите?.. Напротивъ!

Каурова. Мнѣ такъ больше этакъ нравится.

Алупкинъ. Какъ, то есть?

Каурова. А вотъ какъ Петръ Петровичъ раздѣлилъ.

Безпандинъ *(беретъ планъ)*. Позвольте взглянуть.

Каурова. Воля ваша, а только я съ Петромъ Петровичемъ согласна.

Алупкинъ. Это однако ужасно... Вѣдь не видѣла ничего, а тутъ же толкуетъ.

Каурова. А ты почему знаешь, батюшка, видѣла ли я что, или нѣтъ?

Алупкинъ. Ну коли видѣли, какой вы участокъ себѣ берете?

Каурова. Какой? А вотъ что съ рощей, да съ сѣнокосами, да гдѣ земли побольше.

Алупкинъ *(съ горькой усмѣшкой)*. Да!

Суслевъ *(въ-полголоса Алупкину)*. Оставь!

Пехтерьевъ *(вкрадчивымъ голосомъ Безпандину, который все разсматривалъ планъ)*. По вашему какъ?

Безпандинъ. По моему—коли правду говорить—этакъ неудобно будетъ. Впрочемъ я готовъ согласиться, если мнѣ вотъ этотъ участокъ дадутъ.

Каурова. И я тоже готова согласиться, если мнѣ этотъ участокъ дадутъ.

Алупкинъ. Какой?

Каурова. А вотъ тотъ, что братецъ мой для себя спрашиваетъ.

Суслевъ. Вотъ и говорите послѣ этого, что она ни на что не согласна!

Пехтерьевъ. Однако позвольте, позвольте: двоимъ нельзя одинъ и тотъ же участокъ опредѣлить: надо, чтобы одинъ изъ васъ пожертвовалъ собой, оказалъ великодушіе, взялъ похуже.

Безпандинъ. А смѣю спросить, для какого дьявола я буду оказывать великодушіе?

Пехтерьевъ. Для какого... Какія вы однако странныя слова употребляете... для вашей сестры.

Безпандинъ. Вотъ тебѣ на!

Пехтерьевъ. Ваша сестра, не забудьте, принадлежитъ къ слабому полу. Она женщина, а вы мужчина. Она суть женщина, Ферапонтъ Ильичъ.

Безпандинъ. Она-съ? *(помолчавъ)*. Нѣтъ-съ, это уже, я вижу, философія пошла.

Пехтерьевъ. Я не понимаю, какую вы тутъ философію находите?

Безпандинъ *(хладнокровно)*. Это философія.

Пехтерьевъ. Однако это меня удивляетъ *(къ Алупкину и Суслеву)*. Васъ это не удивляетъ, господа?

Алупкинъ *(энергически)*. Меня-съ?—меня сегодня ничего удивить не въ состояніи-съ. Вы мнѣ можете сказать, что вы родного отца съѣли: я не удивлюсь! Я повѣрю.

Балагалаевъ. Господа, господа, позвольте мнѣ сказать слово *(Пехтерьеву)*. Самое уже упорство господъ владѣльцевъ должно доказать вамъ, любезнѣйшій Петръ Петровичъ, что ваше раздѣленіе, такъ сказать, неудачно: оба желаютъ одинъ и тотъ же участокъ. При моемъ раздѣленіи, господинъ Безпандинъ предлагалъ своей сестрицѣ выборъ.

Пехтерьевъ. Неудачно! Позвольте, почему же неудачно? это слѣдуетъ доказать. Я не спорю, можетъ быть ваше предложеніе прекрасно; но и о моемъ предложеніи тоже нельзя судить съ перваго взгляда: я провелъ черту, такъ сказать, ангро; конечно, я могъ ошибиться въ мелочахъ; конечно, нужно уровнять оба участка, сообразить, разсмотрѣть, подробно разсмотрѣть... Но почему же неудачно? Вотъ извольте взглянуть... *(опять беретъ планъ)*.

Алупкинъ *(въ-полголоса Суслеву)*. Какую онъ это черту провелъ?

Суслевъ. Ангро.

Алупкинъ. А что значитъ ангро?

Суслевъ. А Господь его знаетъ. Должно быть нѣмецкое слово.

Мирвошкинъ. Англо-съ? Позвольте, да это... нѣтъ то антресоль.

Балагалаевъ *(Пехтерьеву)*. Да что смотрѣть, Петръ Петровичъ? Положимъ, что ваше предложеніе...

Пехтерьевъ. Почему же неудачно! Неудачно! это легко сказать.

Балагалаевъ. Положимъ, что ваше предложеніе отлично, превосходно; но вѣдь ужь кажется чего лучше, коли одинъ владѣлецъ предоставляетъ другому право выбора? стало быть, доли ровныя.

Пехтерьевъ. А развѣ кто предоставлялъ...

Балагалаевъ. Какже, они вотъ-съ *(указываетъ на Безпандина)* своей сестрицѣ.

Каурова. А я не соглашалась, Петръ Петровичъ, я не соглашалась.

Пехтерьевъ *(Балагалаеву)*. Ну, вотъ видите? а вы говорите: неудачно. На мое предложеніе вотъ онѣ *(указывая на Каурову)* соглашаются.

Балагалаевъ. Да помилуйте, Петръ Петровичъ, какъ вы это... право, я удивляюсь. Разумѣется, коли одинъ участокъ вдвое лучше, ктожъ отъ него откажется? Главное дѣло поровну раздѣлить. Вотъ въ чемъ задача.

Пехтерьевъ *(обиженный)*. Та-акъ-съ. Впрочемъ конечно, вамъ лучше знать. Конечно я въ этомъ случаѣ не могу съ вами тягаться.

Балагалаевъ *(стараясь его задобрить)*. Помилуйте, Петръ Петровичъ, зачѣмъ вы это говорите? Давайте, разсмотрите ваше предложеніе... Можетъ быть оно и точно удобнѣе моего. Вы вотъ еще что изволили позабыть, Петръ Петровичъ: усадьбу всю должно включить въ одинъ участокъ.

Пехтерьевъ. Нѣтъ ужь къ чему, Николай Ильичъ. Мое неудачно... Что о немъ толковать. Лучше возвратимьтесь къ вашему. Такъ какъ бишь?

Балагалаевъ. Я вижу, вы на меня въ претензіи, Петръ Петровичъ.

Пехтерьевъ *(принужденно смѣясь)*. Я? я на васъ въ претензіи? помилуйте! Я только говорю, что коли мое предложеніе неудачно, коли оно неудачно... стало быть лучше снова обратиться къ вашему—вотъ и все.

Каурова. А я, Петръ Петровичъ, благодѣтель вы мой, не согласна.

Балагалаевъ. Да позвольте...

Каурова. А что касается до Николая Иваныча, то я понимаю, почему онъ такъ на своемъ настаиваетъ.

Балагалаевъ. Что вы хотите сказать сударыня... объяснитесь!

Каурова. Да ужь я знаю!

Балагалаевъ. Я прошу васъ объясниться.

Каурова *(Пехтерьеву)*. Николай Иванычъ, говорятъ, намѣрены у Ѳерапонта Ильича рощу за безцѣнокъ скупить... такъ вотъ отъ этого они такъ и стараются, чтобъ она ему досталась.

Балагалаевъ *(краснѣя)*. Вы, позвольте вамъ замѣтить, Анна Ильинишна, вы забываетесь, вы совершенно забываетесь. Ѳерапонтъ Ильичъ развѣ дитя? Развѣ они не умѣютъ свои выгоды соблюдать? И притомъ, развѣ эта роща въ моемъ проэктѣ не поровну раздѣлена? Развѣ вы не получаете вашей половины?—Да и кто вамъ сказалъ, что я намѣренъ купить эту рощу?

Каурова. А что́жь, не бось, ненамѣрены?

Балагалаевъ. Да помилуйте, развѣ вы можете вашему братцу запретить продавать свою собственность?

Каурова. Этого я не могу ему запретить, Николай Ильичъ... да дѣло не въ томъ: дѣло въ томъ, что вы

насъ не по чистой совѣсти дѣлите, не по справедливости, то есть, а какъ для васъ выгоднѣе.

Балагалаевъ. Однако это слишкомъ!

Алупкинъ. А! вотъ и вы теперь тоже говорите!

Пехтерьевъ *(съ важностью покачивая головой)*. Все это запутано; признаюсь, очень темно и запутано.

Балагалаевъ *(съ сердцемъ)*. Это однако наконецъ всякаго выведетъ изъ терпѣнія! Что̀ тутъ запутаннаго? что̀ тутъ темнаго? Ну да, я намѣренъ купить у Ѳерапонта Ильича его долю; я можетъ быть весь его участокъ намѣренъ пріобрѣсти. Что̀жъ изъ этого слѣдуетъ? позвольте спросить? *(Кауровой)* я не по чистой совѣсти дѣлю! не по справедливости! и повернулся у васъ языкъ это сказать! *(къ Пехтереву)* Анна Ильинишна женщина, я ее извиняю; но вы, Петръ Петровичъ! запутано!—вы бы сперва посмотрѣли, вѣрно ли раздѣлено имѣнье; а стало быть вѣрно, коли имъ *(указывая на Каурову)* представляется выборъ участка!

Пехтерьевъ. Напрасно вы такъ горячитесь, Николай Иванычъ...

Балагалаевъ. Помилуйте, еще бы не горячиться, когда меня Богъ знаетъ въ чемъ подозрѣваютъ,—меня, предводителя! стало быть я не заслуживаю довѣрія, лестнаго, такъ сказать, вниманія дворянства? стало быть я недостоинъ?.. Меня оскорбляютъ въ лицо, а я долженъ оставаться хладнокровнымъ... помилуйте!

Пехтерьевъ. Позвольте, Николай Иванычъ, къ чему такъ преувеличивать?

Балагалаевъ. Моя честь...

Пехтерьевъ. Вашей чести никто не задѣваетъ. Да и притомъ, почему, если можно, безобидно, какъ говорится, согласить собственную выгоду съ выгодой другого, почему же и нѣтъ? А что̀ касается до предводительства, то повѣрьте, Николай Иванычъ, не всегда

выбираютъ самыхъ достойныхъ, и если кого отставили, это еще не значитъ, что онъ недостойный... Впрочемъ я это, конечно, говорю не для васъ.

Балагалаевъ. Понимаю, Петръ Петровичъ, я понимаю. Это вы на свой счетъ изволите говорить, да и на мой кстати. Что жъ! извольте попытаться. Выборъ близко. Можетъ быть на сей разъ дворянство откроетъ наконецъ глаза. Можетъ быть оно наконецъ оцѣнитъ настоящія ваши достоинства.

Пехтерьевъ. Если господа дворяне почтутъ меня своею довѣренностью, я не откажусь. Не безпокойтесь.

Каурова *(съ умиленьемъ)*. И тогда то у насъ настоящій будетъ предводитель!

Балагалаевъ. О, я не сомнѣваюсь! *(къ Кауровой и Безпандину)*. Но вы поймете, что теперь послѣ всѣхъ этихъ оскорбительныхъ намековъ мнѣ было бы совершенно неприлично вмѣшиваться болѣе въ ваши дѣла, и потому...

Безпандинъ. Да зачѣмъ же, Николай Иванычъ...

Пехтерьевъ. Николай Иванычъ, я, право...

Балагалаевъ. Нѣтъ ужъ, извините... И потому, Вельвицкій, подай сюда всѣ ихъ бумаги *(беретъ ихъ у него)*; вотъ вамъ ваши письма, ваши планы, дѣлитесь какъ знаете, обратитесь, если хотите, къ Петру Петровичу, какъ хотите! *(Суетъ бумаги Безпандину, который ихъ не беретъ)*.

Каурова. Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Пехтерьевъ. А я отказываюсь. Рѣшительно. Я вовсе не намѣренъ... Помилуйте! ни за что.

Безпандинъ *(Балагалаеву)*. Николай Иванычъ, пожалуйста... сдѣлайте одолженіе... Извините насъ, то есть глупую эту бабу... Вѣдь она всему причиной...

Каурова. Прошу не ругаться.

Балагалаевъ. И слышать ничего не хочу. Повторяю вамъ, дѣлитесь какъ хотите; мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я изъ силъ выбился... Я, сколько могъ, старался для васъ и вмѣсто благодарности получилъ одни оскорбленья и непріятности... *(Насильно возвращаетъ Безпандину бумаги).* Вотъ-съ. Извольте, извольте; по-крайней-мѣрѣ теперь не будутъ мнѣ говорить въ глаза, что я хочу васъ обмануть...

Безпандинъ *(съ досадой Кауровой).* А все ты, безмозглая! Ну, чего залотошила, чего? Какже! уступлю я тебѣ рощу со всѣми лугами да съ усадьбой—сейчасъ. Да погоди...

Алупкинъ *(съ восторгомъ потирая руки)* Хорошо, хорошо, хорошо! вотъ такъ ее, вотъ такъ, вотъ такъ...

Каурова *(Пехтерьеву).* Петръ Петровичъ, заступитесь за меня, батюшка... вы его не знаете: онъ меня зарѣзать готовъ... это извергъ, батюшка, убійца, рода человѣческаго! онъ меня нѣсколько разъ уже отравилъ, батюшка вы мой *(хватается за него).*

Безпандинъ. Молчи, сумасшедшая! *(къ Балагалаеву)* Николай Иванычъ, сдѣлайте одолженіе...

Каурова *(болѣе и болѣе хватаясь за Пехтерьева, нараспѣвъ).* Ба-тюш-ка, ба-тюш-ка...

Пехтерьевъ *(Кауровой).* Позвольте, позвольте... да что-жъ это наконецъ... *(Онъ въ необыкновенномъ смущеньи; Балагалаевъ утираетъ лицо, Суслевъ и Мирвошкинъ посмѣиваются, Алупкинъ внѣ себя отъ удовольствія, Безпандинъ сердитъ и красенъ. Никто не сидитъ. Входитъ Нагловичъ).*

Нагловичъ *(не безъ изумленья подходя къ Балагалаеву).* Николай Иванычъ, я къ вамъ. Его превосходительство изволилъ...

Алупкинъ *(увидѣвъ Нагловича, вздрагиваетъ и стремительно преступаетъ къ нему).* А! вы? опять? вы опять за мной? Опять на-счетъ козла? опять?..

Нагдановичъ *(пятясь)*. Что̀ съ вами? что̀ за человѣкъ?

Алупкинъ. А вы не узнаете меня, небось? Алупкинъ, Алупкинъ, Алупкинъ, помѣщикъ...

Нагдановичъ. Отстаньте! вашъ козелъ судебнымъ порядкомъ пошелъ. Я совсѣмъ не къ вамъ: я къ Николаю Иванычу...

Пехтерьевъ *(Каауровой)*. Однако пустите меня, сударыня...

Каурова *(все на-распѣвъ)*. Батюшка, защити и раздѣли!

Алупкинъ *(Нагдановичу)*. Я, милостивый государь, ни на что не посмотрю... Вы меня оскорбили, милостивый государь! я, чортъ возьми, я вамъ не козелъ дался, въ-самомъ-дѣлѣ...

Мирвошкинъ *(Алупкину)*. Успокойтесь, успокойтесь, ради Бога...

Нагдановичъ. Да это сумасшедшій какой-то...

Безпандинъ. Николай Иванычъ, возьмите бумаги обратно...

Балагалаевъ *(который все время стоялъ какъ остолбенѣлый)*. Стойте, господа, стойте... Позвольте... у меня, кажется, того, голова какъ-будто кругомъ, кругомъ... того... Дѣлежъ, козелъ, упрямая баба, помѣщикъ изъ Тамбова, вдругъ неожиданный становой, завтра дуэль, у меня нечистая совѣсть, усадьба, роща за безцѣнокъ, роща, какая роща... Нѣтъ, это слишкомъ! извините меня, господа, я не въ состояніи... я ничего не понимаю, что̀ вы мнѣ говорите, я ничего не слышу... вы оставайтесь здѣсь, дѣлайте что̀ хотите, а я... я не могу, не могу *(Быстро уходитъ и захлопываетъ за собой дверь гостиной. Всеобщее изумленіе)*.

Пехтерьевъ *(ему въ слѣдъ)*. Николай Иванычъ, Николай Иванычъ... *(помолчавъ)*. Однако это прекрасно. Хозяинъ ушелъ... Что̀жъ намъ остается дѣлать?

Нагдановичъ. Да что̀ за пустяки! *(Вельвицкому)* скажите ему, что мнѣ нужно съ нимъ по дѣламъ службы переговорить. *(Вельвицкій уходитъ).*

Пехтерьевъ. Это однако... признаюсь, это... Вотъ ужь точно...

Каурова *(Пехтерьеву).* Да и Богъ съ нимъ! ты-то когда насъ, батюшка, дѣлить насъ будешь?

Пехтерьевъ. Я? покорный слуга. Что̀ вы это? вы меня, должно быть за другого принимаете... *(съ достоинствомъ отворачивается).*

Безпандинъ *(бросаетъ бумаги на столъ).* Вотъ-те и дѣлежъ! Э! *(Беретъ свою шапку).*

Каурова. По-крайней-мѣрѣ нельзя сказать, что я тутъ чѣмъ виновата...

Вельвицкій *(входя изъ гостиной, Нагдановичу).* Они приказали сказать, что никого принять не могутъ. Въ постель ложатся.

Нагдановичъ. Ну, знать, угостили его. Нечего дѣлать... оставлю записку. Мое почтенье всей компаніи *(Кланяется и уходитъ).*

Алупкинъ *(ему въ-слѣдъ).* Мы съ вами еще увидимся, милостивый... государь слышите вы?.. Господа, честь имѣю вамъ кланяться *(Быстро уходитъ).*

Пехтерьевъ *(въ-слѣдъ Алупкину).* Да постойте... куда же вы?.. и мы всѣ съ вами... Признаюсь, я еще ничего подобнаго не видалъ *(Уходитъ).*

Каурова. Да, Петръ Петровичъ, батюшка... *(Бѣжитъ за нимъ Безпандинъ уходитъ свистя, за нимъ Вельвицкій).*

Мирвошкинъ *(Суслеву).* Евгеній Тихонычъ, что̀жь вы? Не оставаться же намъ однимъ... Поѣдемте.

Суслевъ. Постой. Вотъ, погоди, онъ отправится, мы засядемъ въ преферансъ.

Мирвошкинъ. И то дѣло!

Суслевъ *(утирая лицо).* Ну, денекъ!

Мирвошкинъ. Да! Въ такихъ случаяхъ не худо выпить *(Наливаетъ себѣ рюмку)*.

Суслевъ. Что́жъ, выпьемъ, Мирвошкинъ *(Наливаетъ себѣ рюмку)*. А какова баба? Эта и мою Глафиру Андревну за-поясъ заткнетъ. Вотъ тутъ и дѣли этихъ господъ.

(Въ то время, какъ они оба подносятъ рюмки къ губамъ, занавѣсъ опускается).

И. Тургеневъ.

Всеподданнѣйшія представленія о „Запискахъ Охотника“.

---

1. Секретное представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія объ увольненіи отъ службы цензора кн. В. В. Львова за пропускъ «Записокъ Охотника».

2. Особая записка министра народнаго просвѣщенія «О содержаніи книги *Записки Охотника* съ выписками изъ нея».

О Цензорѣ Князѣ Львовѣ.

Секретно.

I.

Отставить за небрежное исполненіе своей должности.

Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано карандашемъ:

«Отставить за небрежное исполненіе своей должности».

Въ Петергофѣ 15 Августа 1852.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

Отъ 19 Мая сего года я всеподданнѣйше доносилъ Вашему Императорскому Величеству о предосудительномъ содержаніи вышедшаго въ свѣтъ въ текущемъ году перваго тома Московскаго Сборника, съ присовокупленіемъ, что Цензору Статскому Совѣтнику Князю Львову, за необращеніе подробнаго и отчетливаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ, при чемъ я внушилъ ему лично, что за подобную впредь неосмотрительность онъ будетъ подвергнутъ строжайшему по законамъ взысканію.

Отъ 14 протекшаго мѣсяца Генералъ-Лейтенантъ Дубельтъ сообщилъ мнѣ, что съ нѣкотораго времени образовалось въ Москвѣ Общество Славянофиловъ, имѣющее цѣлію сдѣлать переворотъ въ Русской Литературѣ, не подражать иностраннымъ писателямъ, искать для сочиненій своихъ предметовъ самобытныхъ и народныхъ; что хотя секретное наблюденіе за членами сего Общества не обнаружило до сего времени ничего положи-

тельно вреднаго, но подъ руководствомъ людей неблагонамѣренныхъ оно легко можетъ получить вредное политическое направленіе, тѣмъ болѣе что члены онаго большею частію Литераторы.

Въ слѣдствіе сего Ваше Величество Высочайше повелѣть соизволили, дабы на представляемыя какъ отъ поименованныхъ въ особомъ спискѣ лицъ, такъ и отъ другихъ писателей, сочиненія въ духѣ Славянофиловъ, было обращаемо со стороны Цензуры особенное и строжайшее вниманіе.

Въ доставленномъ мнѣ тогда же спискѣ извѣстныхъ Славянофиловъ показанъ былъ и Цензоръ Князь Львовъ.

Въ тоже время Генералъ-Лейтенантъ Дубельтъ, по Высочайшему повелѣнію, обратился ко мнѣ съ словеснымъ вопросомъ: не признаю ли я нужнымъ уволить Князя Львова отъ должности Цензора?—Я осмѣлился выразить мысль свою, что какъ дѣло о Московскомъ Сборникѣ уже кончено; то увольненіе, безъ объявленія причины, могло бы подать поводъ Князю Львову жаловаться на мнимую несправедливость такого въ отношеніи къ нему распоряженія и вообще послужить къ распространенію превратныхъ объ этомъ толковъ. Посему я съ своей стороны полагалъ оставить его на нѣкоторое время въ Цензорской должности подъ строгимъ съ моей стороны наблюденіемъ, съ тѣмъ, чтобы я немедленно донесъ Вашему Императорскому Величеству, какъ скоро только замѣчу, что онъ не воспользовался сдѣланными ему внушеніями и строгимъ выговоромъ. Такое мнѣніе мое я просилъ Генералъ-Лейтенанта Дубельта всеподданнѣйше повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Между тѣмъ въ текущемъ году напечатана въ Москвѣ книга Записки Охотника, сочиненіе Ивана Тургенева, въ двухъ частяхъ. Разрѣшеніе на печатаніе ея

дано Цензоромъ Княземъ Львовымъ. Значительная часть помѣщенныхъ въ ней статей имѣетъ рѣшительное направленіе къ униженію помѣщиковъ, которые представляются вообще или въ смѣшномъ и карикатурномъ, или еще чаще въ предосудительномъ для ихъ чести видѣ, какъ Ваше Величество усмотрѣть изволите изъ подносимой при семъ особой записки. Распространеніе столь невыгодныхъ мнѣній на счетъ помѣщиковъ, безъ сомнѣнія, послужитъ можетъ къ уменьшенію уваженія къ Дворянскому сословію со стороны читателей другихъ состояній.

Пропускомъ этой книги прежняя вина Цензора, Статскаго Совѣтника Князя Львова, усугубляется, и послѣ этого я не могу по крайней мѣрѣ не признать его неспособнымъ къ цензорской должности.

Въ Высочайше утвержденномъ Уставѣ о Цензурѣ (о предупр. и пресѣч. преступ. прил. къ ст. 147) въ ст. 67 сказано:

Цензоръ, оказавшійся неспособнымъ къ отправленію сей должности, не по злоупотребленіямъ или упущеніямъ умышленнымъ, а по какимъ либо другимъ причинамъ, увольняется отъ оной по представленію Попечителя и по опредѣленію Главнаго Управленія Цензуры, съ Высочайшаго утвержденія; но сіе не имѣетъ никакого вліянія на свидѣтельство о безпорочной его службѣ и на продолженіе оной по другимъ частямъ.

На этомъ основаніи осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества на увольненіе отъ службы Цензора, Статскаго Совѣтника Князя Львова.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

№ 67.
12 Августа 1852.

II.

О содержаніи книги Записки Охотника съ выписками изъ нея.

Разсмотрѣна Государемъ Императоромъ 15 Августа 1852.

Иванъ Тургеневъ напечаталъ въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ Записки Охотника, въ двухъ частяхъ. Содержаніе ея слѣдующее:

Сочинителю, занимающемуся охотою, представляются часто случаи сближаться съ помѣщиками, посѣщать ихъ въ домахъ, говорить съ крестьянами и подслушивать ихъ рѣчи между собою. Онъ пользовался всѣми этими средствами, чтобъ описывать быть тѣхъ и другихъ въ разсказахъ, которыхъ число простирается до 22 и которые по большей части не имѣютъ никакой между собою связи. Дѣйствіе происходитъ въ Орловской и Калужской Губерніяхъ.

Прочитавъ Записки Охотника съ особеннымъ вниманіемъ, я нашелъ, что помѣщики вообще представлены здѣсь съ самой невыгодной стороны, нерѣдко въ смѣшномъ и карикатурномъ, а чаще в. предосудительномъ видѣ. Пріемлю смѣлость изложить характеристику ихъ, въ краткихъ чертахъ, только въ послѣднемъ отношеніи.

Такъ герой перваго разсказа Полутыкинъ, пристращенный къ охотѣ, ежедневно беретъ съ собою вѣрнаго слугу своего, крестьянина Калиныча, отвлекая его отъ домашнихъ работъ и хозяйства, и подарилъ ему за то на лапти въ прошломъ году гривенникъ.

Во второмъ разсказѣ сочинитель знакомитъ читателей съ крестьяниномъ Ермолаемъ, также охотникомъ, хотораго онъ выбралъ себѣ въ товарищи и который принадлежалъ одному изъ его сосѣдей. «Ермолаю, говоритъ онъ, было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка ни на какую работу негоднаго, лядащаго, какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки». Затѣмъ, по случаю ночлега у мельника, сочинитель разсказываетъ, что жена его была нѣкогда горничной у жены помѣщика Звѣркова, влюбилась въ лакея Петра и неоднократно просила своего барина дозволить ей выдти замужъ, но въ этомъ ей было отказано съ угрозою, потому что барыня не могла терпѣть подлѣ себя замужнихъ. Послѣдствіемъ отказа была беременность горничной, за что Звѣрковъ приказалъ ее остричь, одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Тамъ она понравилась мельнику, который ее выкупилъ на волю и на ней обвѣнчался. На вопросъ сочинителя, гдѣ теперь лакей Петръ,—Ермолай отвѣчалъ: «въ солдаты поступилъ».

Здѣсь сочинитель вспомнилъ, что будучи въ Петербургѣ, онъ случайнымъ образомъ познакомился съ Звѣрковымъ, занимавшимъ тогда довольно важное мѣсто, и что разъ какъ-то пришлось ему ѣхать съ нимъ вдвоемъ въ каретѣ за-городъ. Въ эту поѣздку Звѣрковъ разсказалъ происшествіе съ горничною, призрѣнною и обласканною его женою съ малолѣтства, какъ доказательство черной неблагодарности дворовыхъ людей, и въ заключеніе примолвилъ: «сердца, чувства—нѣтъ, въ этихъ людяхъ не ищите».

Въ третьемъ разсказѣ сочинитель говоритъ между прочимъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его деревни большое село Шумихино, гдѣ противъ церкви красовались нѣкогда обширные господскіе хоромы, и когда они сдѣлались жертвою пламени, господа перебрались въ другое гнѣздо, а обширное пепелище обратилось въ огородъ. Здѣсь поселили садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семью дѣтьми. «Митрофану приказали поставлять на господскій столъ за полтораста верстъ зелень и овощи; Аксиньѣ поручили надзоръ за Тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но, къ сожалѣнію, лишенной всякой способности воспроизведенія и потому со времени пріобрѣтенія не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатаго дымчатаго селезня, единственную господскую птицу». У этого садовника случалось сочинителю раза два переночевывать, и здѣсь то онъ увидѣлъ впервые Стёпушку, который не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. «Дѣдушка Трофимычъ только разъ сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей Турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти».

Недалеко отъ хижины садовника, сочинитель нашелъ Степушку въ обществѣ старика, удившаго рыбу, который служилъ нѣкогда дворецкимъ у Графа Петра Ильича *** и получилъ отъ него отпускную. Этотъ дворецкій, по прозванію Туманъ, пустился въ розсказни о пышности и великолѣпіи бывшаго своего господина; но имѣнья его, къ несчастью, не хватило на цѣлую жизнь; разорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста, и умеръ въ номерѣ гостинницы, не дождавшись никакого рѣшенія.—«Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ

баринъ, продолжалъ старикъ, и душа была тоже добрая. Побьетъ, бывало, тебя; смотришь, ужъ и позабылъ. Одно: матресокъ держалъ. Охъ ужъ эти матрески, прости Господи! Онѣ-то его и разорили. И вѣдь все больше изъ низкаго сословія выбиралъ. Кажись, чего бы имъ еще. Такъ нѣтъ—подавай имъ что ни на есть самаго дорогаго въ цѣлой Европіи. И то сказать: почему не пожить въ удовольствіе, дѣло господское... да разоряться-то не слѣдъ. Особенно одна: Акулиной ее называли; теперь она покойница, Царство ей небесное! Дѣвка была простая, Ситовскаго десятскаго дочь, да такая злущая. По щекамъ бывало Графа бьетъ. Околдовала его совсѣмъ. Племяннику моему лобъ забрила.... на новое платье щеколать ей обронилъ,—и не одному ему забрила лобъ».

Между тѣмъ какъ Туманъ припоминалъ старинное житье-бытье, приблизился къ нимъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, Власъ, запыленный, въ рубашкѣ, въ лаптяхъ, съ плетеной котомкой и армякомъ за плечами. Туманъ поздоровался съ нимъ и спросилъ, гдѣ онъ пропадалъ?— Изъ послѣдовавшаго затѣмъ разговора видно, что Власъ, у котораго умеръ сынъ, ходилъ въ Москву къ барину просить чтобъ оброку сбавилъ, аль на барщину посадилъ или переселилъ. Покойникъ извозничалъ въ Москвѣ и за отца взносилъ оброкъ, но передъ смертію съ годъ хворалъ и за себя оброку не взнесъ. Баринъ прогналъ Власа, сказавъ ему: какъ смѣешь прямо ко мнѣ итти? на то есть прикащикъ, которому ты и обязанъ напередъ донести; да и куда я тебя переселю? ты сперва недоимку за себя взнеси. Власъ съ горемъ поспѣшилъ назадъ домой, гдѣ, по словамъ его, жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свиститъ. Графъ *** Валеріанъ Петровичъ, владѣтель Власовой деревни, посадилъ ее на оброкъ, не смотря на малость земли, да и лѣсъ изъ нея

продалъ, а оброку назначилъ до 95 рублей съ тягла.

Въ пятомъ разсказѣ, авторъ, скитаясь съ Ермолаемъ по полямъ за куропатками, зашелъ въ заброшенный садъ, принадлежавшій сосѣду его, помѣщику Радилову, гдѣ приглашенъ былъ къ нему обѣдать. Радиловъ былъ вдовецъ, жившій съ старушкою матерью и сестрой покойной жены своей, Ольгой. Послѣ описанія этого семейства, сочинитель намекаетъ, что Радиловъ влюбленъ въ свояченицу и что она вполнѣ раздѣляетъ его любовь. Черезъ нѣсколько времени онъ вторично заѣхалъ къ Радилову, но не засталъ уже ни его, ни его свояченицы: онъ уѣхалъ куда-то съ нею и бросилъ мать. Вся Губернія взволновалась отъ такой вѣсти, и я, прибавляетъ сочинитель, только тогда окончательно понялъ выраженіе Ольгина лица во время разговора Радилова о покойной женѣ своей. «Не однимъ состраданіемъ дышало оно тогда—оно пылало также ревностію».

Въ шестомъ разсказѣ однодворецъ Овсяниковъ разсуждаетъ такъ: «молодые господа прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю; пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ, какъ съ куклой, поступаютъ: повертятъ, повертятъ, поломаютъ да и бросятъ. И прикащикъ, крѣпостной человѣкъ, или управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ, опять крестьянина въ лапы заберетъ». Далѣе Овсяниковъ разсказываетъ, какъ Василій Николаичъ Любозвоновъ, получивъ наслѣдство послѣ матери, пріѣхалъ и что дѣлалъ въ своей вотчинѣ. Поздоровавшись съ крестьянами, сталъ онъ имъ рѣчь держать: «я де Русскій и вы Русскіе; я Русское все люблю; Русская, дескать, у меня душа, и кровь тоже Русская». Да вдругъ какъ скомандуетъ: — «а ну, дѣтки, спойте-ка Русскую, народственную пѣсню!» — Василій Николаичъ позвалъ къ себѣ прикащика и говоритъ, а самъ крас-

нѣетъ и дышетъ скоро: «будь справедливъ у меня! не притѣсняй никого! слышишь?»—да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ: въ собственной вотчинѣ живетъ словно чужой. Ну, прикащикъ и отдохнулъ, а мужики къ Василью Николаичу подступиться не смѣютъ—боятся.

Въ этомъ же разсказѣ упоминается о чиновникѣ, пріѣхавшемъ для осмотра запасныхъ магазиновъ. Крестьяне собрались и рѣшили: чиновника, какъ слѣдуетъ, отблагодарить, да старикъ Прохорычъ помѣшалъ. Крестьяне послушались послѣдняго, а чиновникъ осерчалъ и донесеніе написалъ.

Въ седьмомъ разсказѣ босоногій, оборванный, и взъерошенный дворовый, по прозванію Сучокъ, разсказываетъ, какія онъ проходилъ разнородныя должности и какъ наконецъ сдѣлался рыболовомъ, а на вопросъ: женатъ ли—отвѣчаетъ: «нѣтъ, батюшка. Татьяна Васильевна покойница—царство ей небесное—никому не позволяла жениться. Сохрани Богъ! Бывало говоритъ: вѣдь живу же я такъ, въ дѣвкахъ; что за баловство! чего имъ надо?»

Въ десятомъ разсказѣ главное дѣйствующее лицо отставной гвардейскій офицеръ Пѣночкинъ. Какъ помѣщикъ, представленъ онъ самовластнымъ, а какъ человѣкъ, либераломъ и трусомъ. У него Бурмистромъ Софронъ, отъявленный мошенникъ, который обкрадываетъ господина и притѣсняетъ крестьянъ. Не смотря на это, Пѣночкинъ называетъ его человѣкомъ Государственнымъ. Помѣщикъ этотъ, какъ онъ говоритъ самъ о себѣ, «строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага». Здѣсь должно замѣтить, что хотя въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ слово подданные и употребляется въ простомъ народѣ для изъявленія своей за-

висимости отъ помѣщиковъ, но никогда не должно оно появляться въ этомъ смыслѣ въ печати и въ устахъ самого помѣщика. «Вѣдь вы можетъ быть не знаете, продолжаетъ Пѣночкинъ, мои мужики тамъ на оброкѣ». «Конституція, что будешь дѣлать.»—Хотя слово конституція и употреблено въ насмѣшливомъ тонѣ, но Цензурѣ не слѣдовало бы пропускать его.

Далѣе Бурмистръ докладываетъ своему барину, что онъ, по случаю размежеванія, далъ какому-то Миколаю Миколаевичу взятку, а также задобрилъ благодарностію Становаго Пристава по дѣлу о найденномъ на землѣ Пѣночкина мертвомъ тѣлѣ, которое однакожъ велѣлъ стащить на землю сосѣда. «Вѣдь что батюшка думаете? Вѣдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а вѣдь мертвое тѣло, что двѣсти рублевъ—какъ калачь». Г. Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ, указывая на него головой: Quel gaillard,a?

Два мужика, одинъ старикъ лѣтъ шестидесяти, а другой малый лѣтъ двадцати, оба въ домашнихъ заплатанныхъ рубахахъ, на босу ногу и подпоясанные веревками, принесли жалобу на бурмистра, что онъ ихъ разоряетъ въ конецъ, двухъ сыновъ старика безъ очереди отдалъ въ рекруты, а теперь и третьяго отнимаетъ. Пѣночкинъ нахмурился, закусилъ губу и подошелъ къ просителямъ. Началъ спрашивать ихъ грозно и бранить. Судъ кончился тѣмъ, что баринъ, не глядя на мужиковъ, сказалъ имъ наконецъ: «Ну хорошо, я прикажу, хорошо, ступайте,» и обернулся къ нимъ спиною.

Въ разсказѣ одиннадцатомъ—описаніе Главной Господской въ деревнѣ Конторы. Послѣ характерическаго изображенія дѣйствующихъ въ ней лицъ, сочинитель подслушиваетъ черезъ перегородку разговоръ между главнымъ конторщикомъ и пріѣзжимъ купцомъ, которому первый предлагаетъ такого рода сдѣлку, по ко-

торой, если купецъ дастъ ему столько то денегъ, онъ берется обмануть госпожу свою и продать ему хлѣбъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Послѣ нѣкотораго спора и торга купецъ соглашается на условія конторщика и отсчитываетъ ему деньги.

Тутъ же сочинитель разсказываетъ, что онъ подошелъ къ шалашу, заглянулъ подъ соломенный наметъ и увидѣлъ старика до того дряхлаго, что ему тотчасъ же вспомнился тотъ умирающій козелъ, котораго Робинсонъ нашелъ въ одной изъ пещеръ своего острова. Изъ разговора съ этимъ старикомъ, лишеннымъ и слуха и зрѣнія, авторъ узнаетъ, что онъ сторожитъ горохъ. «Такъ гдѣжъ тебѣ сторожемъ-то быть, помилуй..?» сказалъ ему сочинитель.—«А про то старшіе знаютъ»—отвѣчалъ старикъ. «Старшіе, подумалъ я,» говоритъ сочинитель; и не безъ сожалѣнія поглядѣлъ на бѣднаго старика.»

Собравшаяся въ контору дворня надсмѣхается надъ однимъ дворовымъ, котораго произвели изъ портныхъ въ истопники. На это бывшій портной отвѣчаетъ, что такъ приказала барыня, а вы погодите, васъ еще въ свинопасы произведутъ. Ироническое употребленіе слова производить ни подъ какимъ видомъ не должно было показываться въ печати, потому что оно употребляется у насъ при повышеніи чинами въ Государственной службѣ.

Въ тринадцатомъ разсказѣ, сочинитель такъ описываетъ отставнаго Генералъ-Маіора Хвалынскаго: «Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой; взялъ къ себѣ въ управители отставнаго Вахмистра, Малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ въ дѣлѣ хозяйничества никто у насъ еще не перещеголялъ одного Петербугскаго важнаго сановника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что овины у него въ имѣніи часто подвергаются пожарамъ, отдалъ

строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ же самый сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля макомъ.» — Продолжая, за этою выходкою, рѣчь о Хвалынскомъ? сочинитель говоритъ, что «состоялъ онъ въ молодые годы адъютантомъ у какого то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ, какъ по имени и отечеству; говорятъ, будто онъ принималъ на себя не однѣ адъютантскія обязанности: да не всякому слуху можно вѣрить.»

«А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? говоритъ въ этомъ же разсказѣ помѣщикъ Стегуновъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ (указывая на свой затылокъ). И никакой пользы я отъ этого размежеванія не предвижу.»

Въ разсказѣ восемьнадцатомъ, описавъ наружность и характеръ Каратаева, сочинитель передаетъ читателю, разсказанный ему этимъ помѣщикомъ эпизодъ изъ своей жизни. Влюбившись въ крѣпостную дѣвку одной помѣщицы, онъ хотѣлъ было ее выкупить на волю; но такъ какъ ея барыня на то не согласилась, то онъ увезъ свою возлюбленную. Барыня, какъ водится, подала объявленіе о побѣгѣ своей дѣвки, не подозрѣвая, что она живетъ у Каратаева. Въ послѣдствіи удостовѣрившись въ этомъ, помѣщица подала въ судъ жалобу, да тутъ же, какъ выразился Каратаевъ, и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила. Къ Каратаеву явился Исправникъ съ требованіемъ отъ него бѣглянки; но похититель, угостивъ его хорошимъ завтракомъ и предложивъ ему свою лошадь въ подарокъ, на что тотъ и согласился, выпроводилъ Уѣзднаго блюстителя порядка изъ своего дома. Въ послѣдствіи дѣвка сама вздумала явиться къ госпожѣ своей и это повергло Каратаева въ отчаяніе.

Кн. Ширинскій-Шихматовъ.

ДВА ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА
(КЪ Ѳ. И. САЛАЕВУ и Е. БЕРЕ).

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 7.
Вторникъ $\frac{5}{17}$-го Дек. 67.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ,

Считаю долгомъ извѣстить Васъ о слѣдующемъ. До меня дошло свѣдѣніе что книгопродавецъ Берлинскій Штуръ печатаетъ въ Берлинѣ Русское изданіе «Дыма», которое будетъ продаваться по $22^1/_2$ зильбергроша— т: е: по 70 коп. сер. Я обратился къ нему съ запросомъ—и получилъ подтвержденіе этаго факта, при чемъ онъ упомянулъ о «многочисленныхъ» заказахъ изъ Петербурга.—Я знаю, что за границей печаталось и печатается много Русскихъ книгъ—какъ-то сочиненія Пушкина, Лермонтова, Некрасова; но до сихъ поръ я былъ убѣжденъ—и продолжаю быть убѣжденнымъ—что не смотря на несуществованіе конвенціи между Россіей и Германіей—въ Россію подобныя контрофактныя изданія проникать не могутъ—и заказы изъ Петербурга, о которыхъ говоритъ Штуръ, не значатъ—заказы на поставку въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ принять мѣры для охраненія нашей общей собственности. Если подобныя изданія могутъ проникать въ Россію, то книжная торговля становится затруднительной—и потери какъ писателей такъ и издателей становятся слишкомъ значительны.

Отвѣтьте мнѣ, пожалуйста, двумя словами и примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи.

Преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S.—А что изданіе «Дыма»—и много ли осталось отъ моего Карлсруйскаго изданія?

Baden-Baden
Schillerstrasse 7.

d $\frac{11 \text{ December}}{29 \text{ November}}$ 1867.

Mein Herr

In Antwort auf Ihr letztes Schreiben vom $\frac{26 \text{ Nov.}}{8 \text{ Dec.}}$ beeile ich mich Sie zu benachritigen dass ich gern meine Autorisation zu einer Separat Ausgabe der Deutschen Uebersetzung meines Romans: „Rauch" der Lucas'schen Verlagshandlung gebe. Nur möchte ich folgende Bedingungen stellen: 1) Aus der ebenerschienenen (bei Th. Salaïeff in Moskau) Ausgabe des „Rauchs" — einige hinzugefügte Passagen — der Uebersetzung einzuverleihen—diese Passagen sind nicht zahlreich und werden kaum 3 oder 4 Seiten ausmachen—aber sie sind höchst wichtig—zu finden sind sie—S. 40 u. 41, 108 u. 109 und besonders S. 97 wo die Biographie des Generals Ratmiroff vollständig wiedergegeben worden ist. 2) Einige wenige sinnstörende Fehler aus der Uebersetzung zu entfernen—wie z: B: im letzten Feuilleton—wo man von dem „ehrfurchtsvollen Beben der robusten Hände" spricht—мышцы—heisst nehmlich nicht Hände. „Die Muskeln" von denen hier die Rede ist—stecken in den Waden.

Sonst bin ich, wie gesagt, geneigt und willig—meine Autorisation zu geben.

Achtungsvoll und ergebenst
I. Turgeneff.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Документы дѣла о «Современникѣ»

(къ стр. 5—12).

Журналъ «Современникъ», основанный Пушкинымъ въ 1836 году, послѣ смерти поэта въ теченіе года издавался, какъ извѣстно, его друзьями—Жуковскимъ, Плетневымъ, кн. Вяземскимъ и кн. Одоевскимъ, затѣмъ перешелъ въ собственность Плетнева, который въ 1846 году продалъ его Панаеву и Некрасову. Цензурное дѣло о «Современникѣ» («Дѣло СПБ. Цензурнаго Комитета по предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о Высочайшемъ соизволеніи на изданіе Г. Камеръ-Юнкеру Пушину (sic) журнала подъ названіемъ «Современникъ» и о Высочайшемъ соизволеніи на полное изданіе всѣхъ сочиненій Пушкина». Началось 17 января 1836 г., кончилось 28 мая 1865 г., на 121 листѣ) считалось утерянным и обнаружено было лишь въ 1917 году, при разборкѣ Архива СПБ. Цензурнаго Комитета послѣ присоединенія его къ архиву Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дѣло это охватываетъ цензурную исторію «Современника» съ основанія журнала до 1865 г., когда онъ сталъ выходить безъ предварительной цензуры [1]). Помимо документовъ, непосредственно связанныхъ съ журналомъ, въ этомъ же дѣлѣ находится (на листахъ 17—26) оффиціальная переписка по поводу Высочайшаго соизволенія «на полное изданіе въ пользу дѣтей Г. Пушкина всѣхъ донынѣ извѣстныхъ его сочиненій въ стихахъ и прозѣ».

Что касается части дѣла (листы 1—13), захватывающей цензурную исторію «Современника» при жизни Пушкина, то, не сообщая намъ особенно интересныхъ фактическихъ свѣдѣній, она какъ бы замыкаетъ длинный рядъ ранѣе опубликованныхъ о журналѣ матеріаловъ.

Печатаемая выше съ автографа Пушкина программа «Современника» была представлена имъ въ концѣ февраля—началѣ марта цензору Крылову и разсматривалась 10 марта въ засѣданіи СПБ. Цензурнаго Комитета, который опредѣлилъ «пріобщить ее къ дѣлу».

Въ подлинникѣ слово «подобное» («и тому подобное») переправлено изъ «подобныя» (см. приложенный снимокъ); слогъ «бург» внизу снимка составляетъ часть завѣрки по листамъ. «Се-кре-тарь—Санкт-пе-тер-б у р г-ска-го—Цен-зур-на-го—Коми-те-та»...

Когда въ 1846 г. издатель и редакторъ «Современника» Плетневъ рѣшился продать его Панаеву и Некрасову (редакторомъ его становился А. В. Никитенко), то «опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми и имѣніемъ умершаго Камеръ-Юнкера

---

[1]) Ср. «Дѣло СПБ. Цензурнаго Комитета по изданію журнала Современникъ по выходѣ онаго безъ цензуры», 1865 г., № 65. Началось 21 сентября 1865 г., кончилось 29 декабря 1867 г., на 50 листахъ».

А. С. Пушкина,» попыталасъ не допустить этой сдѣлки и вернуть наслѣдникамъ поэта права собственности на журналъ [1]).

Въ перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ и въ статьѣ С. А. Переселенкова «Матеріалы для исторіи отношеній цензуры къ Пушкину» («Пушкинъ и его современники,» вып. VI, стр. 1—45) опубликованы нѣкоторыя данныя объ этомъ эпизодѣ, но не исчерпывающія. Напечатанные выше документы дополняютъ ихъ, и такимъ образомъ вся исторія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

10 октября 1846 г. опекуны П. П. Ланской (мужъ вдовы Пушкина) и гр. М. Ю. Вьельгорскій обратились къ Плетневу съ письмомъ, благодаря его за восьмилѣтніе труды по изданію «Современника» и прося нынѣ, въ виду предполагающейся продажи журнала, вернуть право собственности на него по принадлежности, т. е. наслѣдникамъ Пушкина. Плетневъ въ своемъ отвѣтѣ подробно разъяснилъ свои права. Отвѣтъ этотъ, напечатанный вмѣстѣ съ письмомъ опекуновъ въ примѣчаніяхъ къ перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ (т. II, стр. 937—938), лишь нѣкоторыми варіантами отличается отъ печатаемой выше (стр. 10 и 11) «Записки о Современникѣ». Однако опекуны не удовлетворились этимъ и, желая провѣрить приводимые Плетневымъ факты, обратились 15 октября въ Главное Управленіе Цензуры съ просьбой разъяснить, «на какомъ основаніи разрѣшено было Пушкину издавать журналъ Современникъ» и «не было ли въ послѣдствіи съ 1837 года передано право на изданіе... кому-либо другому». (С. А. Переселенковъ, op. cit., стр. 21—22). Черезъ недѣлю, очевидно не получая отвѣта, сама Н. Н. Пушкина-Ланская написала письмо Предсѣдателю С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета М. Н. Мусину-Пушкину [2]). На слѣ-

[1]) Мотивомъ здѣсь были, надо думать, не столько матеріальныя соображенія, сколько нежеланіе, чтобы журналъ, основанный Пушкинымъ, попалъ въ руки кружка Бѣлинскаго съ его опредѣленнымъ направленіемъ. Подобное же отношеніе мы видимъ, напр. въ письмѣ Я. К. Грота къ Плетневу отъ 29 октября 1846 года (Переписка Грота съ Плетневымъ. СПБ., 1896, т. II, стр. 845): «Итакъ, рѣшена участь Современника! Тѣнь Пушкина! не содрагаешься ли ты? Твое созданіе...»; то же въ письмѣ Д. Коптева къ Плетневу 21 сентября 1846 г. (ib., стр. 954): «говорятъ, будто Вы передали Современника какимъ-то новымъ редакторамъ—пожалуйста увѣдомьте поскорѣй,—говорятъ: что Бѣлинскому и Некрасову—я увѣряю, что это неправда и что этого никогда не можетъ быть».

[2]) См. выше, стр. 9; здѣсь даемъ его переводъ: «Простите мнѣ, Милостивый Государь, что я беру на себя смѣлость обратиться къ Вамъ по дѣлу, въ которомъ затронуты интересы моихъ дѣтей. Рѣчь идетъ о «Современникѣ», журналѣ, который былъ основанъ моимъ покойнымъ мужемъ Пушкинымъ. Послѣ его смерти, друзья его, князья Вяземскій и Одоевскій, г.г. Жуковскій и Плетневъ въ теченіе года издавали его въ пользу моихъ дѣтей; позже опека по небрежности не закрѣпила за собой право собственности, и г. Плетневъ получилъ позволеніе издавать его, а нынѣ продалъ его обществу литераторовъ. Я бы хотѣла, Милостивый Государь, узнать Ваше мнѣніе о спорѣ, который теперь возникъ между опекой, требующей возстановленія правъ, которыя она считала принадлежащими моимъ дѣтямъ, и г. Плетневымъ, отстаивающимъ свои права. Мой мужъ Ланской, который теперь назначенъ опекуномъ, считая себя обязаннымъ охранять интересы дѣтей, намѣренъ употребить всѣ законныя средства, чтобы вновь вступить во владѣніе этимъ журналомъ; я же со своей стороны умоляю Васъ обратить на это дѣло Ваше любезное вниманіе и помочь намъ Вашими совѣтами, если Вы найдете, что наше требованіе справедливо и можетъ быть удовлетворено по примѣру многихъ другихъ журналовъ, которые были оставлены за семьями

дующій день, 23 октября, Мусинъ-Пушкинъ «докладывалъ лично» объ этой «претензіи» Министру графу С. С. Уварову и «получилъ приказаніе привести это обстоятельство въ извѣстность» (С. А. Переселенковъ, op. cit., стр. 22). Въ этотъ же день Плетневъ представилъ въ Цензурный Комитетъ свою «Записку о Современникѣ» (см. стр. 11), слегка видоизмѣнивъ въ ней, какъ сказано выше, тѣ объясненія, которыя онъ уже давалъ непосредственно опекѣ. Изъ подлиннаго дѣла о Современникѣ вмѣстѣ съ объясненіями Плетнева была составлена для министра записка, указывающая въ заключеніе, что «изъ всего изложеннаго... не видно, чтобы наслѣдники А. С. Пушкина имѣли бы какое право на собственность журнала Современникъ». Записка эта 24 октября была препровождена графу Уварову, который, очевидно, согласился съ ея доводами, ибо въ тотъ же день Мусинъ-Пушкинъ написалъ Н. Н. Ланской напечатанное выше письмо [1], а 17 декабря Главное Управленіе Цензуры оффиціально увѣдомило опеку, что «право на изданіе журнала или газеты дается только лично издателямъ и не составляетъ литературной собственности неотъемлемой, а переходящей наслѣдственно.»

Въ среду 30 октября Плетневъ обѣдалъ у графа Уварова. «Онъ разсказывалъ мнѣ, пишетъ Плетневъ Гроту 2 ноября [2]), что Пушкина-Ланская, Вяземскій и опека дѣтей Пушкинскихъ интригуютъ у него противъ меня, желая получаемые мною 3 тысячи р. (за уступку права изданія Современника) доставить дѣтямъ Пушкина, ибо-де журналъ наравнѣ съ прочими его сочиненіями составляетъ ихъ неотъемлемое наслѣдство. Министръ много смѣялся надъ этими штуками»—и далѣе: «Одинъ Жуковскій ничего не знаетъ»...

Интересно, что ровно черезъ двадцать лѣтъ, когда «Современникъ» былъ закрытъ, возникло дѣло совершенно аналогичнаго содержанія, причемъ претендентами на журналъ явились уже наслѣдники Плетнева.

Въ маѣ 1866 года состоялось Высочайшее распоряженіе о прекращеніи Современника «по доказанному постоянно съ давняго времени вредному направленію», а 30 октября вдова Плетнева Александра Васильевна подала на Высочайшее имя

ихъ основателей. Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и преданности.

Наталія Ланская.

[1]) Стр. 12; даемъ его переводъ: «Милостивая Государыня. Въ отвѣтъ на письмо отъ 22 октября, съ которымъ Вы благоволили обратиться ко мнѣ, честь имѣю увѣдомить Васъ, что, какъ явствуетъ изъ дѣла о Современникѣ, которое я самъ просмотрѣлъ, покойный супругъ Вашъ получилъ позволеніе издавать этотъ журналъ на одинъ лишь годъ; послѣ его смерти позволеніе это было продлено еще на одинъ годъ для г.г. Вяземскаго, Жуковскаго, Одоевскаго и Плетнева, и наконецъ въ ноябрѣ 1837 г. право собственности на этотъ журналъ было передано по Высочайшему повелѣнію Его Величества Государя Императора г. Плетневу. Изъ этого Вы легко убѣдитесь, Милостивая Государыня, что права г. Плетнева на этотъ журналъ неоспоримы. Журналъ поизмѣнно остается его собственностью, хотя въ настоящее время онъ и уступилъ на неопредѣленный срокъ редактированіе и изданіе его профессору Никитенко.

Спѣшу воспользоваться случаемъ просить Васъ принять выраженіе чувства моего глубокаго почтенія и особеннаго уваженія съ которыми я имѣю честь, Милостивая Государыня, пребыть Вашимъ покорнѣйшимъ слугой.

[2]) Переписка Грота съ Плетневымъ, т. II, стр. 853.

прошеніе слѣдующаго содержанія: «Августѣйшій Монархъ! По смерти моего мужа, Тайнаго Совѣтника Петра Александровича Плетнева, постигшей его въ Парижѣ 29 декабря 1865 года, малолѣтніе его дѣти, Александръ и Алексѣй, наслѣдовали отъ отца право по имуществу, а я приняла на себя всѣ обязанности, сопряженныя съ званіемъ матери. Какъ мать, прибѣгаю теперь къ Вашему Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшею просьбою всемилостивѣйше возвратить моимъ дѣтямъ одно изъ лучшихъ наслѣдственныхъ правъ, утраченное ими уже по смерти отца, не по ихъ винѣ.

Изъ всѣхъ пріобрѣтеній, какія сдѣлалъ мой покойный мужъ, онъ всегда дорожилъ тѣмъ лестнымъ для него даромъ, который былъ ему врученъ нашимъ поэтомъ Пушкинымъ, передавшимъ ему въ собственность основанный имъ журналъ «Современникъ». Бывъ призванъ управлять Императорскимъ СПетербургскимъ Университетомъ, въ званіи Ректора, Плетневъ довѣрилъ завѣдываніе журналомъ литератору Некрасову, скоро 20 лѣтъ тому назадъ. Первые годы «Современникъ» подъ редакціей Некрасова послужилъ моему мужу доказательствомъ способности новаго редактора, а правительственная цензура обезпечивала собственника журнала противъ всякихъ литературныхъ проступковъ редакціи. Въ своихъ заботахъ о сохраненіи чистоты журнала, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить всякое покушеніе редактора нарушить цензурныя постановленія, Плетневъ заключилъ съ нимъ контрактъ, въ силу котораго Некрасовъ терялъ редакцію журнала и платилъ собственнику значительный штрафъ—если бы журналъ по его винѣ подвергся преслѣдованію правительства.

Въ прошедшемъ году Вашему Императорскому Величеству было благоугодно сдѣлать преобразованія по дѣламъ печати, и предоставить редакторамъ право просить высшее начальство о разрѣшеніи издавать журналъ съ карательной цензурою вмѣсто предупредительной. Некрасовъ получилъ таковое право и вступилъ тѣмъ въ новыя обязательства относительно Главнаго Управленія по дѣламъ печати, поставившія его, какъ издателя и отвѣтственнаго редактора въ независимое отношеніе къ собственнику журнала, ибо онъ внесъ отъ себя залогъ, служившій обезпеченіемъ противъ злоупотребленій путемъ печати. Плетневъ не могъ предвидѣть въ своемъ контрактѣ послѣдняго цензурнаго преобразованія, и съ 6 апрѣля 1865 г. вся его власть надъ журналомъ обратилась въ простое право собственности безъ всякой возможности преслѣдовать редактора за его направленіе, такъ какъ отвѣтственность на журналъ возложена была на него высшимъ начальствомъ, довѣрившимъ ему изданіе журнала безъ цензуры. Въ виду такого довѣрія со стороны правительственныхъ лицъ, Плетневъ не могъ болѣе нести никакой отвѣтственности по журналу, а сосредоточеніе такой отвѣтственности на лицѣ редактора служила ему полнымъ обезпечиваніемъ правъ собственности, такъ какъ съ одной стороны редактору было сдѣлано довѣріе самимъ правительствомъ, а съ другой, правительство взяло на себя обязанность слѣдить за направленіемъ журнала, предостерегать его за увлеченія и лишать права изданія.

«Современникъ», обязанный своимъ существованіемъ Пушкину, продолженный Плетневымъ, веденный въ первое время Некрасовымъ подъ надзоромъ цензуры и ограниченіемъ контракта между редакторомъ и собственникомъ, въ послѣднее время, какъ замѣтило высшее начальство, измѣнилъ своему чисто литературному призванію. Тяжкая болѣзнь моего мужа, потребовавшая продолжительной отлучки изъ Россіи, новое положеніе редактора, начавшаго дѣйствовать по довѣрію къ нему правитель-

ства, лишило его возможности личнаго вліянія на журналъ. Дорога, которою слѣдовала отвѣтственная редакція въ послѣднее время, привела къ безусловному закрытію «Современника».

Хотя, какъ имѣла я счастье доложить, мой мужъ не несъ отвѣтственности по журналу, но при этомъ тѣнь не могла не пасть и на то лицо, которому принадлежалъ журналъ, основанный одною изъ литературныхъ знаменитостей нашего вѣка. Смерть моего мужа налагаетъ на меня обязанность исполнить то, что не преминулъ бы онъ сдѣлать, если бы Богу угодно было продолжить его жизнь, а именно искать Высочайшей милости тѣмъ, которые не могли быть виновны въ заблужденіи послѣдней редакціи, и сохранить за семействомъ Плетневыхъ — даръ, врученный ему Пушкинымъ.

Такъ были пощажены права собственности тѣхъ вѣдомствъ, газеты которыхъ подверглись запрещенію по винѣ ихъ редакцій. По примѣру этого, я осмѣливаюсь именемъ моего покойнаго мужа и малолѣтнихъ его дѣтей прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшею просьбою дозволить наслѣдникамъ Плетнева пользоваться правомъ собственности на литературный журналъ «Современникъ» и дѣйствовать впредь на основаніи Высочайшаго Указа отъ 6 апрѣля 1865 года.

Съ глубочайшею преданностью имѣю счастье пребывать

Вашего Императорскаго Величества Государя Всемилостивѣйшаго вѣрноподданнѣйшая А. Плетнева.

г. Парижъ.
Октября 30
Ноября 11 1866

Жительство имѣю: Rond-Point des Champs-Elysées 6.

Это прошеніе было послано на разсмотрѣніе въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, и начальникъ его Похвисневъ 31 марта 1867 г. докладывалъ о немъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, «представляя на благоусмотрѣніе Его Высокопревосходительства» съ замѣчаніемъ, что «дозволеніе наслѣдникамъ Тайнаго Совѣтника Плетнева пользоваться правомъ собственности на этотъ журналъ можетъ послѣдовать лишь съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія».

Этимъ кончается дѣло Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати «по письму Директора Департамента общихъ Дѣлъ съ препровожденіемъ прошенія вдовы Тайнаго Совѣтника Петра Плетнева о дозволеніи дѣтямъ ея, по наслѣдству послѣ отца, пользоваться правомъ собственности на Литературный журналъ Современникъ» (1866 г., № 496а, началось 22 декабря 1866, кончилось 1 апрѣля 1867 г.).

Письмо П. П. Ланской (стр. 9) написано на листѣ почтовой бумаги; имѣетъ слѣдующія поправки: на строкѣ 8: «les droits» передѣлано изъ «ses droits» и на строкѣ 24: «la haute» передѣлано изъ «ma haute»; помѣтки на письмѣ рукой Мусина-Пушкина: «П[олучено] 22 Окт. 1846“, «Répondu le 24 Oct.»

Записка о «Современникѣ» написана собственноручно Плетневымъ. Поправки: на стран. 10, стр. 7: «иностранной» передѣлано изъ «иностранныхъ»; на стран. 10, стр. 8: вм. «Предсѣдателю» начато было «Прези [денту]»; на стран. 11, стр. 14: «Высочайше» передѣлано изъ «Высочайшее».

Письмо М. П. Мусина-Пушкина (стр. 12) написано на 2 листахъ почтовой бумаги съ вытисненнымъ въ углу гербомъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ; это письмо представляетъ собою черновикъ, оставленный въ дѣлѣ («отпускъ»); поправки въ немъ слѣдующія: на стр. 11 «encore» написано вмѣсто зачеркнутаго «de nouveau»; на строкѣ 13 «cesi» зачеркнуто и сверху написано неразборчивое слово («cet ex...»); на строкѣ 19 въ словѣ «indeterminé» зачеркнуто лишнее «r» передъ «t».

С. Бонди.

Стихотворенія Евгенія Баратынскаго въ цензурѣ

(къ стр. 15—17).

Приведенная выписка изъ журнала засѣданій С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета составляетъ «дѣло» 1833 года за № 61 «по словесному представленію г. цензора Статскаго Совѣтника Бутырскаго о нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ стихотвореній Евгенія Баратынскаго. Началось и кончилось 14 марта 1833 года».

Послѣдовательно отмѣчая отраженіе резолюціи Комитета на страницахъ первой части «Стихотвореній Евгенія Баратынскаго. Москва. Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1835», подписанной цензоромъ П. Бутырскимъ 7 марта 1833 года, мы существенно пополнимъ не только сохранившіяся свѣдѣнія объ извращенномъ цензурой изданіи, но и впервые возстановимъ здѣсь подлинный текстъ нѣкоторыхъ твореній Баратынскаго.

1. Въ текстѣ «Бури» (на стр. 10—11), вмѣсто «подлежащихъ запрещенію» 11—20 стиховъ, поставлено 10 строкъ точекъ. Любопытно, что еще 9 марта 1825 года П. В. Путята сообщалъ А. А. Муханову о Баратынскомъ: «Буря его имѣла ту же участь, что Эпилогъ; цензура не пропустила ее за слѣдующіе стихи:

Не тотъ ли злобный духъ, геены властелинъ,
Что по вселенной розлилъ горе

и проч.» [1], а самъ поэтъ объ этомъ же писалъ П. В. Путятѣ 29 марта: «Московская цензура либо невинна какъ пятилѣтняя дѣвочка, либо весела какъ пьяная сводня: можно ли позволить напечатать такую непристойную поэму какъ Леда!... Пиши послѣ этого! Леда моя публично цѣлуется съ своимъ Лебедемъ, а бурѣ шумѣть не позволено! Неисповѣдимы судьбы твои, о Цензура русская!...» [2] Появившаяся тѣмъ не менѣе въ Мнемозинѣ (ч. IV, 1825 г., стр. 214—215), «Буря» напечатана была затѣмъ съ нѣсколькими новыми варіантами въ Стихотвореніяхъ Евгенія Баратынскаго. Москва. 1827, причемъ эта редакція ея не совпадала съ автографомъ, сохранившимся въ альбомѣ П. Л. Баратынской, лишь

---

[1]) «Рус. Арх.», 1905, III, 524.

[2]) Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго. т. I. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Изд. Разр. изящн. слов. Имп. Акад. Наукъ, 1914, стр. 254.

въ двухъ стихахъ—21 и 32-мъ. Сопоставляя данныя рукописи съ свѣдѣніями Н. В. Путяты и стихами, выписанными въ рапортѣ Бутырскаго, мы должны рѣшительно отвергнуть соображеніе М. Л. Гофмана о какой то недошедшей до насъ редакціи «Бури» «въ томъ ея первоначальномъ и полномъ видѣ, котораго не пропустила цензура [1])»: вниманіе послѣдней какъ и въ 1825, такъ и въ 1833 году привлекли общеизвѣстныя строки.

2. Стихотвореніе «Къ Дельвигу» (Такъ любезный мой Горацій), въ которомъ Комитетъ постановилъ изъ 34 строкъ исключить 22, вовсе не увидѣло свѣта въ изданіи 1835 года, хотя до того напечатано было дважды—въ «Сынѣ Отечества», 1819 г., ч. 55, стр. 228 и въ «Стихотвореніяхъ Е. А. Баратынскаго. 1827», стр. 150—152. М. Л. Гофманъ, помѣщая въ основномъ текстѣ «академическаго» Баратынскаго первую печатную редакцію произведенія, (гдѣ 19-й стихъ читался «Пробужденный грознымъ боемъ» а 21 «Твой поэтъ летитъ Героемъ»), ошибочно, между прочимъ, полагаетъ [2]), что посланіе это исключено было изъ сборника 1835 года самимъ авторомъ.

Выписанный въ рапортѣ Н. Бутырскаго 21 стихъ «Твой поэтъ летитъ геройски» возстанавливаетъ для произведенія вторую печатную редакцію, когда вся запрещенная строфа читалась такъ:

Кличетъ ратниковъ по свойски..
(О, судьбы переворотъ!),—
Твой поэтъ летитъ геройски,
Вмѣсто Пинда на разводъ.

3. Въ XI [3]) стихотвореніи сборника 1835 года—«Къ чему невольнику мечтанія свободы?»—строки 14—18 на стр. 24-ой искажены цензурой слѣдующимъ образомъ:

Безумецъ! не она ль, не вышняя ли воля
Даруетъ страсти намъ?...
О тягостна для насъ...
Жизнь, въ сердцѣ бьющая могучею волною
И въ грани узкія втѣсненная судьбою.

Возстанавливаемое нынѣ, благодаря цензурной выпискѣ, полностью, произведеніе это, несмотря на отсутствіе двухъ полустишій и обезсмыслившую всю строфу перестановку конца второго стиха, до сихъ поръ точно перепечатывалось всѣми съ изданія 1835 года, не возбуждая по существу никакихъ сомнѣній у изслѣдователей и редакторовъ Баратынскаго.

4. Отмѣченное въ рапортѣ Н. Бутырскаго, но въ Комитетѣ признанное позволительнымъ «мѣсто, начинающееся стихами «Взгляни! ты видишь ли: покинувъ ложе сна» относится къ XIX стихотворенію сборника—«Гдѣ ты, безпечный другъ? гдѣ ты, о Дельвигъ мой» (стр. 36—38).

---

[1]) Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго, I, 254. Ср. П. П. Филиповичъ. Объ академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Баратынскаго («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1915, III, 199).

[2]) Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго, II, 1915, стр. 310.

[3]) Въ виду исключенія изъ сборника посланія «Къ Дельвигу» первоначальную нумерацію всѣхъ вошедшихъ въ него произведеній соотвѣтственно пришлось измѣнить.

5. Въ XXIV произведеніи сборника 1835 года (по рукописи въ XXV)—«Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ»—стихъ седьмой, дѣйствительно, пришлось измѣнить согласно пожеланію Комитета, причемъ этотъ цензорскій варіантъ—«и сладострастныхъ лобызаній» до настоящаго времени сохранился во всѣхъ изданіяхъ Баратынскаго. М. Л. Гофманъ отмѣтилъ, правда, въ своихъ комментаріяхъ къ академическому тексту цитату изъ дневника пріятеля Баратынскаго—А. Н. Вульфа

«И сладострастныхъ осязаній
Живой языкъ употребилъ»

но, не зная цензурной исторіи этихъ строкъ, разъяснилъ: «въ печати Баратынскій замѣнилъ осязанія—лобызаніями» [1]).

6) «Сомнительное» мѣсто «изъ XI-го стихотворенія: И вотъ нетлѣнными лучами» и пр. относится къ XXXIX произведенію сборника (стр. 71—72)—«Когда печалью вдохновенный»,—озаглавленному при первомъ появленіи своемъ въ печати «Подражателямъ» («Моск. Вѣстникъ», 1830, I, 7).

7. Въ XLIII стихотвореніи сборника 1835 года—«Какъ много ты, въ немного дней»—согласно запрещенному Комитетомъ «сравненію развратной женщины съ святою Магдалиною» стихъ восьмой—Какъ Магдалина плачешь ты замѣненъ многоточіемъ (стр. 78). Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ изданіи 1827 года послѣдніе два стиха—по цензурнымъ, очевидно, соображеніямъ—читались:

Какъ покаянье плачешь ты,
И какъ безумье ты хохочешь!

Въ дѣлѣ Главнаго Цензурнаго Комитета за № 15 «о различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, въ пропускѣ которыхъ г.г. цензоры находили затрудненіе», на л. 17 сохранилось любопытное упоминаніе о томъ, что въ засѣданіи 14 декабря 1826 года цензоръ П. Гаевскій, докладывая о содержаніи нѣкоторыхъ произведеній, предназначенныхъ для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1827 годъ», отмѣтилъ какъ сомнительныя «Изъ стихотворенія Е. Баратынскаго: Богдановичу на стр. 3 послѣдніе 5 стиховъ и на стр. 4-й первые три стиха», а «изъ стихотворенія Телема и Макаръ на стр. 2 отъ стиха 8 до 19-го включительно... Опредѣлено: Изъ статьи: Богдановичу читанные г. Цензоромъ стихи исключить, а Стихотвореніе Телема и Макаръ дозволить напечатать» [2]).

Какъ свидѣтельствуетъ сравнительное изслѣдованіе текстовъ посланія Богдановичу, восемь глухо отмѣченныхъ въ протоколѣ стиховъ могутъ соотвѣтствовать лишь стихамъ 37—44 второй печатной редакціи произведенія; [3]) образно выраженное здѣсь противопоставленіе двухъ эпохъ (вѣка нынѣшняго—«благодатному»

---

[1]) Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго, I, 280. Ср. «Пушкинъ и его современники», Вып. XXI—XXII, Петроградъ, 1915, стр. 88 и 260.

[2]) «Дѣло по журналамъ Комитета о различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ въ пропускѣ которыхъ г. г. Цензоры находили затрудненія. Начато 11 октября 1826 г., кончено 21 декабря 1826 г.,» № 15. Ср. Сѣверные Цвѣты на 1827 годъ. Изданы Барономъ Дельвигомъ. Санктпетербургъ, въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія, стр. 297—302 и 336—337.

[3]) Стихотворенія Евгенія Баратынскаго. Москва, 1827, стр. 159—160.

вѣку Екатерины), съ цензурной точки зрѣнія являлось безусловно сомнительнымъ и, какъ таковое, 14 декабря 1826 г. было изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» устранено.

Въ виду того, что устанавливаемый въ альманахѣ несомнѣнно цензурный пропускъ отмѣчается въ академическомъ изданіи Боратынскаго лишь какъ одна изъ особенностей перваго текста посланія, приводимъ эти восемь строкъ изъ изданія 1827 года полностью:

Ты въ лучшемъ вѣкѣ жилъ. Не столько просвѣщенный,
Являлъ онъ бодрый умъ и вкусъ неразвращенный,
Вѣнцы свои дарилъ, безъ вычуръ толковитъ,
Онъ только истиннымъ любимцамъ Аонидъ.
Но нѣтъ явленія безъ творческой причины:
Сей благодатный вѣкъ былъ вѣкъ Екатерины;
Она любила Музъ и ты-ли позабылъ
Кто Душеньку твою всѣхъ прежде оцѣнилъ? [1]

Въ дѣлѣ Главнаго Цензурнаго Комитета за № 26 «по отношеніямъ и донесеніямъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ съ представленіемъ вѣдомостей о разсмотрѣнныхъ книгахъ и сочиненіяхъ за Февраль, Мартъ, Апрѣль и Маій мѣсяцы» 1827 года, на л. 48 (об.) помимо регистраціонной московской записи—«Стихотворенія Евгенія Баратынскаго, на 75 страницахъ въ листъ, поступили въ Цензурный Комитетъ 17 марта, день обратной выдачи 21 марта, цензоръ Снѣгиревъ»—сохранилась любопытнѣйшая отмѣтка: «изключена піэса Леда» [2].

Появившаяся безъ подписи въ «Мнемозинѣ» (ч. IV, 1825, стр. 221—223), Леда (Въ странѣ роскошной, благодатной) при жизни поэта не перепечатывалась и до изданія академическаго ни въ одно изъ собраній сочиненій Баратынскаго поэтому не вошла. «Забытая» благодаря лишь цензурному запрещенію, Л е д а ошибочно отнесена М. Л. Гофманомъ въ рубрику произведеній, устраненныхъ изъ «Стихотвореній» 1827 года самимъ авторомъ [3].

Въ засѣданіи С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета отъ 4 декабря 1828 года, какъ видно изъ «дѣла объ Анфологическомъ стихотвореніи Баратынскаго», [4] слушалось «представленное на разсужденіе г.г. членовъ отъ сторонняго цензора Коллежскаго Ассесора Сербиновича стихотвореніе, въ которомъ г. Цензоръ находилъ сомнительными два стиха.—

Съ Израилемъ певцу одинъ законъ:
Да не творитъ себѣ кумира онъ».

Строки эти, относящіяся къ извѣстному посланію «Не подражай: своеобразенъ геній», увидѣли свѣтъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ», стр. 170, такъ

---

[1]) Ср. «Сѣверные Цвѣты на 1827 годъ», стр. 336—337; Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго, I, С.-Пб. 1914, стр. 246—247.

[2]) «Дѣло по отношеніямъ и донесеніямъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ съ представленіемъ вѣдомостей о разсмотрѣнныхъ книгахъ и сочиненіяхъ за Февраль, Мартъ, Апрѣль и Маій мѣсяцы. Начато 4-го Марта 1827 года, кончено 13-го Іюля 1827 года,» № 26.

[3]) Пол. собр. соч. Е. А. Боратынскаго, т. II, Петрогр., 1915 г., стр. 308.

[4]) «Дѣло объ Анфологическомъ стихотвореніи Баратынскаго. Начато и кончено 4 декабря 1828 года,» № 8.

какъ Комитетъ «по разсмотрѣніи и соображеніи смысла всего стихотворенія нашелъ, что можно позволить напечатать и сіи два стиха на основаніи устава о цензурѣ §§ 7 и 13-го» [1].

Ю. Оксманъ.

Цензурные матеріалы о Д. В. Веневитиновѣ.

(къ стр. 21—23).

Представленный министру народнаго просвѣщенія и сохранившійся въ дѣлѣ Главнаго Цензурнаго Комитета «о различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, въ пропускѣ которыхъ Господа Цензоры находили затрудненіе и о коихъ было представляемо Г. Министру и дѣлаемы были сношенія по опымъ съ различными лицами и присутственными мѣстами. Начато 1 Сентября 1827 г., кончено 17 Апрѣля 1828 г.» списокъ Новгорода (л. 91 и 92) является наиболѣе полнымъ и авторитетнымъ текстомъ произведенія, автографъ котораго до насъ не дошелъ [2].

Сравнивая его съ текстомъ первопечатнымъ—въ посмертныхъ «Сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова. Часть первая. Стихотворенія. Москва. Въ Типографіи Семена Селивановскаго. 1829»,—мы въ послѣднемъ, помимо нѣкоторыхъ существенныхъ особенностей пунктуаціи, должны будемъ отмѣтить, во первыхъ, появленіе подзаголовка—(«Посвящено К. А. И. Т.»), во вторыхъ, разночтенія и варіанты стиховъ 9, 11, 19 отъ начала и 24, 10, 7, 5 отъ конца и, наконецъ, въ третьихъ, обозначенное пробѣломъ отсутствіе интереснѣйшихъ строкъ—

Молчи, мой другъ, здѣсь мѣсто свято,
Здѣсь воздухъ чище и вольнѣй!
Потише!... Нѣтъ, ступай скорѣй:
Чего ищу я здѣсь безумной? [3].

---

[1]) Въ § 7 «устава о цензурѣ», высочайше утвержденнаго 22 апрѣля 1828 года какъ «общее правило» отмѣчалось, что «цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ», а § 13 гласилъ, что «Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ».

[2]) 30 декабря 1826 года М. П. Погодинъ по просьбѣ самого Веневитинова вручилъ послѣдній княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой (И. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. II, СПБ., 1889, стр. 57 и 410).

Цензурный списокъ «Новгородъ» занимаетъ два листа почтовой бумаги большого формата, причемъ въ стихѣ одиннадцатомъ отъ конца слово цвѣтущей написано надъ зачеркнутымъ минувшей. Мѣсто, отсутствующее въ печати, самимъ, очевидно, Шишковымъ отчеркнуто слѣва карандашомъ. Отмѣчаемъ, на всякій случай, вкравшуюся въ нѣкоторые экземпляры настоящаго сборника досадную опечатку—отсутствіе въ стихѣ восьмомъ отъ конца предлога къ послѣ или.

Произведеніе подверглось дѣйствію § 168 «Устава о цензурѣ» 10 іюня 1826 года, въ силу котораго «всякое сочиненіе или переводъ, въ которомъ прямо или косвенно порицается монархическій образъ правленія, подвергается запрещенію».

[3]) Ср. стр. 43—45. Рѣчь ямщика въ печати выдѣлена въ кавычки. Разночтенія отмѣченныхъ стиховъ обозначаемъ курсивомъ: 9. Довольства, славы и торговли. 11. Холмы разсѣянныхъ обломковъ; 19. хоть самъ собою; 24. Онъ передъ тобой;

Этотъ текстъ «Новгорода» воспроизведенъ былъ съ незначительными опечатками въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Изданіе Александра Смирдина. 1855», стр. 40—42, причемъ строки, между которыми находились запрещенные 4 стиха, оказались здѣсь уже сдвинутыми. Тѣмъ не менѣе, ни очевидный дефектъ текста, благодаря которому стихи 31 и 36 остались безъ рифмъ, ни неестественный пробѣлъ послѣ 33 стиха въ первомъ изданіи, не обратили на себя вниманія послѣдующихъ издателей и комментаторовъ Веневитинова. Въ третьемъ, до сихъ поръ остающемся каноническимъ «Полномъ собраніи сочиненій Д. В. Веневитинова, изд. подъ редакціею А. И. Пятковскаго. С. Петербургъ, 1862», въ основу текста «Новгорода» положена первопечатная редакція произведенія, но характерный пробѣлъ ея не сохраненъ, посвященіе неточно расшифровано, въ концѣ обозначена дата, наконецъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, дано новое чтеніе 9 стиха—«Свободы, славы и торговли» [1]). Интересно отмѣтить, что въ экземплярѣ этого изданія Веневитинова, хранящемся въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, текстъ «Новгорода» испещренъ многочисленными поправками племянника поэта—М. А. Веневитинова, указавшимъ, между прочимъ, и запрещенныя цензурой строки. Обычная шаткость устной традиціи до сихъ поръ, однако, мѣшала воспользоваться этой случайной припиской для возстановленія окончательнаго текста произведенія, а единственный изслѣдователь, на нее сославшійся, могъ поэтому свободно предположить, что, «заботясь о цѣльности впечатлѣнія, Дмитрій Владиміровичъ выпустилъ это четверостишіе, чтобы ничѣмъ не нарушать спокойнаго эпическаго характера всего стихотворенія» [2]).

Неразрывно связавъ поэтику Веневитинова съ основами его философскаго міровоззрѣнія, московскіе любомудры двадцатыхъ годовъ «въ разнородныхъ отрывкахъ» его твореній искали «слѣдовъ общаго имъ происхожденія», чуяли въ нихъ «откровеніе своего вѣка» [3]).

Оправданная впечатлѣніями современниковъ, эта восторженная формула скоро стала традиціонной и, хотя отвѣтственное содержаніе ея казалось не вполнѣ раскрытымъ, сразу усвоена была нашей литературной исторіографіей. Какъ бы предуказанное преданіемъ, отношеніе послѣдней къ наслѣдію Веневитинова не совсѣмъ, однако, обычно: такъ, охотно опредѣляя поэтическую индивидуальность Веневитинова, какъ «явленіе исключительное» [4]), обезпечивая за нимъ «въ исторіи разви-

---

10. Бичь Князей; 7. Сзывалъ послушныхъ сыновей; 5. Каралъ Ливонію и Шведа.

[1]) Прежнее чтеніе—«Довольства, славы и торговли» приводится подъ строкою какъ «варіантъ». Нельзя здѣсь же не отмѣтить, что посвященъ «Новгородъ» не княгинѣ, какъ обозначается вслѣдъ за А. П. Пятковскимъ всѣми издателями Веневитинова, а княжнѣ А. И. Трубецкой.

[2]) Н. Фатовъ. «Любовь и смерть Д. В. Веневитинова», («Рус. Фил. Вѣст.», 1914, № 3—4, стр. 237).

[3]) И. В. Кирѣевскій. «Обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ». («Денница». Альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ. Москва. Въ Университетской типографіи, 1830 г., XLV—XLVI).

[4]) Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго, СПб., 1888, ч. II, 352.

тія нашей лирики совершенно самобытную страницу» [1]), она не только ничего почти не сдѣлала для объективнаго изученія и оцѣнки его творческаго пути, для филологической интерпретаціи его текстовъ, но и до сихъ поръ не привела даже въ извѣстность тотъ незыблемый художественный фондъ, который образуетъ «полное собраніе» дошедшихъ до насъ твореній корифея русскаго любомудрія.

Признаваемое пока лучшимъ «Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова, изданное подъ редакціею А. П. Пятковскаго. С.-Петербургъ. Въ типографіи О. И. Бакста, 1862» внесло, правда, кой-какія измѣненія въ непровѣренный текстъ Смирдинской перепечатки выпущенныхъ друзьями покойнаго «Сочиненій Д. В. Веневитинова» [2]), но редакціонныя новеллы Пятковскаго, располагавшаго громаднымъ матеріаломъ для всесторонняго комментарія къ твореніямъ Веневитинова, [3]) обращены были главнымъ образомъ на «порядокъ размѣщенія стихотвореній» и въ остальной части изданія сказались лишь въ полной произвольности основного текста, отсутствіи самыхъ необходимыхъ къ нему разъясненій, случайности и необоснованности рѣдкихъ поправокъ и варіантовъ изъ оставшихся неназванными источниковъ.

Не авторитетное уже по самымъ своимъ пріемамъ, изданіе А. П. Пятковскаго легло тѣмъ не менѣе въ основаніе позднѣйшихъ популярныхъ изданій Веневитинова, особенности которыхъ въ текстовомъ отношеніи сводились къ отказу отъ Веневитиновской прозы и къ крайне небрежной передачѣ его стиховъ [4]).

Систематическихъ разысканій въ области текстовъ и рукописей Веневитинова, какъ уже указали мы, никогда не производилось, но даже случайныя, мало кому извѣстныя, публикаціи его твореній могли бы весьма существенно пополнить давнишнее «полное собраніе». Такъ, во второмъ томѣ «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» (стр. 77), въ письмѣ къ послѣднему Веневитинова приведена интереснѣйшая эпиграмма на И. И. Дмитріева [5]), разновременно опубликованы найденныя среди

[1]) Н. А. Котляревскій. «Старинные портреты», СПб., 1907, 101.

[2]) Часть первая. Стихотворенія. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго, 1829. Печатать позволяется. С.-Петербургъ, Февраля 7 дня, 1828 года. Цензоръ Василій Семеновъ).

Часть вторая. Проза. Москва. Въ типографіи Семена Селивановскаго. 1831. (Печатать позволяется. Москва, Января 19 дня, 1831 года. Цензоръ Сергѣй Аксаковъ).

[3]) А. П. Пятковскій ссылается на «немногосложныя, но драгоцѣнныя указанія» А. В. Веневитинова, кн. В. Ѳ. Одоевскаго и А. П. Кернъ-Виноградской.

[4]) Ср. выдержавшій три изданія (1884, 1886 и 1901 года) выпускъ «Дешевой библіотеки, № 12. Полное собраніе стихотвореній Веневитинова», СПб. Изданіе А. С. Суворина; «Полное собраніе стихотвореній Веневитинова» въ изданіи книгопродавца Ф. Іогансона, Кіевъ, 1892 и «Собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго и Д. В. Веневитинова съ вступительными статьями. Изд. «Жизнь для всѣхъ», СПб. 1913.

[5]) «Дмитріевъ завистливъ и ему бы хотѣлось уронить хоть сколько нибудь Пушкина. Молодыхъ же людей онъ никого не похвалитъ, всегда видя въ нихъ соперниковъ. Впрочемъ голоса онъ почти не имѣетъ. Напечатайте слѣдующіе стихи:

Я слышалъ, камены тебя воспитали
Дитя, засыпалъ ты подъ басенки ихъ.
Безсмертныя даръ свой тебѣ передали
И мы засыпаемъ на баснях твоихъ».

бумагъ А. П. Пятковскаго — «Освобожденіе Скальда» (Скандинавская повѣсть въ 238 стихахъ [1]), «Кинжалъ», «Она мила, о томъ ни слова», новыя строфы «Къ любителю музыки» [2]), замѣтка объ «Абидосской Невѣстѣ», набросокъ «Нежданнаго праздника» [3]), «Изъ русскаго водевиля», экспромтъ «Ты будешь славный полицейской» [4]) и пр.

Неравноцѣнныя по художественному своему содержанію, всѣ отмѣченныя здѣсь произведенія Веневитинова очень многое, однако, уясняютъ въ особенностяхъ облюбованныхъ имъ лирическихъ жанровъ, въ опредѣляющихъ моментахъ поэтическаго его развитія, въ самомъ характерѣ послѣднихъ его творческихъ замысловъ, концепцій и интересовъ. Поразительная скудость современныхъ свидѣтельствъ и замѣчаній о Веневитиновскихъ твореніяхъ невольно повышаетъ значеніе всякого рода документальныхъ данныхъ о нихъ, и нѣкоторые новые матеріалы о поэтѣ, извлеченные нами изъ петербургскихъ цензурныхъ архивовъ, быть можетъ, окажутся въ состояніи вскрыть одну изъ ближайшихъ причинъ неожиданнаго затемнѣнія его достиженій.

Первое упоминаніе о Веневитиновѣ въ цензурныхъ дѣлахъ относится къ 21 генваря 1827 года, когда, въ числѣ прочихъ предосудительныхъ твореній, «г. цензоръ надворный совѣтникъ Гаевскій читалъ Главному Цензурному Комитету предназначаемое для альманаха Сѣверные Цвѣты стихотвореніе подъ заглавіемъ Кинжалъ, соч. Д. Веневитинова», причемъ Комитетъ нашелъ, что произведеніе это «не можетъ быть дозволено къ напечатанію потому, что авторъ, представляя въ оной человѣка, преднамѣревающагося совершить самоубійство, заставляетъ его произносить совершенно ложныя мысли объ адѣ» [5]).

Запрещенный и остававшійся поэтому до послѣдняго времени неизвѣстнымъ,—

Кинжалъ

Оставь меня, забудь меня!
Тебя одну любилъ я въ мірѣ,
Но я любилъ тебя какъ другъ,
Какъ любятъ звѣздочку въ эоирѣ,
Какъ любятъ свѣтлый идеалъ
Иль ясный сонъ воображенья.
Я много въ жизни распозналъ,
Въ одной любви не зналъ мученья.

Вызванная свѣдѣніями о недоброжелательномъ отношеніи И. И. Дмитріева къ затѣянному тогда любомудрами «Московскому Вѣстнику», преимущественное участіе въ которомъ обѣщалъ Пушкинъ, эпиграмма эта можетъ быть датирована началомъ января 1827 года, такъ какъ, присылая ее, Веневитиновъ говоритъ о двухъ первыхъ книжкахъ журнала и не знаетъ еще о третьей.

[1]) «Рус. Стар.», 1914, апрѣль, 120—127.

[2]) Безплатное приложеніе къ № 219 газеты «День», 16 августа 1913 г.

[3]) «Голосъ Минувшаго», 1914, № 1, 276—279.

[4]) «Солнце Россіи», 1913, іюнь, № 26/177.

[5]) «Дѣло по журналамъ Комитета о различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, въ пропускѣ которыхъ Г. Г. Цензоры находили затрудненіе и с коихъ было представляемо Господину Министру. Начато 21 генваря 1827. Кончено 10 генваря 1828 года», № 94, листъ 1.

И я хочу сойти во гробъ
Какъ очарованный невѣжда.
Оставь меня, забудь меня!
Взгляни—вотъ гдѣ моя надежда;
Взгляни... но что вздрогнула ты?
Ахъ, не дрожи: смерть не ужасна;
Ахъ, не шепчи ты мнѣ про адъ:
Вѣрь, адъ на свѣтѣ, другъ прекрасный!
Гдѣ жизни нѣтъ, тамъ муки нѣтъ.—
Дай поцѣлуй въ залогъ прощанья...
Зачѣмъ дрожатъ твои лобзанья?
Зачѣмъ въ слезахъ горитъ твой взоръ?
Оставь меня, люби другого.
Забудь меня! Я скоро самъ
Забуду скорбь житья земного.

—является однимъ изъ послѣднихъ произведеній Веневитинова и предназначенъ былъ для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ на 1827 годъ», гдѣ увидѣли свѣтъ его «Три розы» (стр. 229) и «Пѣснь грека» (стр. 294).

Второе обращеніе цензуры къ Веневитинову произошло 31 генваря 1828 года, когда «г. цензоръ титулярный совѣтникъ Семеновъ внесъ на общее сужденіе Главнаго Цензурнаго Комитета три стихотворенія изъ собранія сочиненій покойнаго Веневитинова. Изъ нихъ въ первомъ подъ заглавіемъ: Завѣщаніе г. цензоръ затруднялся въ разсужденіи двухъ послѣднихъ стиховъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

Теперь могу тебя лобзать,
Какъ съ первой радостью привѣта,
Въ раю Ликъ Ангеловъ Святыхъ
Устами бъ чистыми лобзали
Когда бы мы въ восторгѣ ихъ
За гробомъ сумрачнымъ встрѣчали.

Другое стихотвореніе подъ заглавіемъ Новгородъ, по мнѣнію цензора, по духу и содержанію своему несогласно съ § 168 Высочайше утвержденнаго Устава о Цензурѣ.

Въ третьемъ стихотвореніи, подъ названіемъ Къ моей богинѣ замѣчены г. цензоромъ слѣдующіе стихи:

И дани раболѣпной службы
Носить кумиру суеты.

Опредѣлено: Такъ какъ сочинитель вышеупомянутыхъ стихотвореній уже умеръ, и потому невозможно сдѣлать въ оныхъ перемѣну или замѣнить стихи сомнительные другими, то представить о семъ на разрѣшеніе Его Высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, можетъ ли Главный Цензурный Комитетъ вышеозначенныя первыя два стихотворенія Завѣщаніе и Новгородъ дозволить напечатать въ цѣлости; изъ коихъ впрочемъ въ первомъ мѣсто, о которомъ сомнѣвается г. цензоръ Семеновъ, могло бы быть допущено потому, что въ послѣдующихъ стихахъ содержится самимъ авторомъ произносимое опроверженіе и порицаніе онаго.

Что касается до стихотворенія К ъ м о е й б о г и н ѣ, то оное дозволить къ напечатанію, поелику выраженіе въ оном ъ р а б о л ѣ п н а я с л у ж б а не можетъ относиться къ службѣ государственной» [1]).

Къ соотвѣтственному представленію объ этомъ предсѣдателя Главнаго Цензурнаго Комитета инженеръ-генералъ-лейтенанта Карбоніера приложены были полные списки обоихъ сомнительныхъ произведеній [2]), ознакомившись съ которыми, Шишковъ 2 февраля 1828 года приказалъ «не пропускать оныхъ къ печатанію». 7 февраля о министерской резолюціи доведено было до свѣдѣнія Комитета, изданіе Веневитинова пришлось задержать, но съ отставкой Шишкова и по устраненіи нѣкоторыхъ «возмутительныхъ» деталей оба произведенія все же увидѣли свѣтъ въ тщательно процензированныхъ самими издателями «Стихотвореніяхъ» 1829 года.

Чрезвычайно показательно и интересно, что, несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было измѣненій въ текстѣ, простая перепечатка перваго изданія Веневитинова встрѣтила черезъ двадцать пять лѣтъ рѣшительныя возраженія со стороны вновь разсматривавшихъ его цензурныхъ властей. Такъ, 14 іюля 1853 года цензоръ Н. И. Пейкеръ довелъ до свѣдѣнія предсѣдателя С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета, что «при разсмотрѣніи сочиненій Веневитинова въ двухъ частяхъ, которыя книгопродавецъ Смирдинъ предполагаетъ напечатать для издаваемаго имъ полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», онъ «нашелъ, что какъ въ той, такъ и въ другой части находится много мѣстъ, не соотвѣтствующихъ цензурнымъ правиламъ». Къ этимъ соображеніямъ присоединился 4 декабря цензоръ Ю. Е. Шидловскій, которому поручено было съ своей стороны дать заключеніе о возможности переизданія Веневитиновскихъ твореній: «я согласенъ—писалъ онъ—съ мнѣніемъ разсматривавшаго ихъ г. цензора Пейкера, исключая только немногихъ означенныхъ имъ въ книгахъ мѣстъ на страницахъ 18, 56, 57, 63, 71 первой части, которыя, по моему мнѣнію могутъ быть напечатаны. Стихотвореніе «Новгородъ» на стр. 43—45 первой части я полагалъ бы неудобнымъ къ напечатанію а равно и «Сцены изъ Эгмонта», находящіяся на стр. 95—120 второй части, такъ какъ вся эта трагедія Гете, согласно предложенію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 12 декабря 1832 г. № 405, не можетъ быть одобрена къ напечатанію». По предложенію Предсѣдателя Комитета, оба цензора произвели совмѣстное обслѣдованіе текста Веневитинова, «отмѣтивъ въ книгѣ красными чернилами тѣ мѣста, которыя подлежатъ исключенію», но освѣдомленный о цензурныхъ новеллахъ А. Смирдинъ предпочелъ на время отъ плана своего отказаться и, какъ видно изъ резолюціи на его прошеніи, 21 декабря получилъ сочиненія Веневитинова назадъ «безъ одобренія къ напечатанію» [3]).

---

[1]) «Дѣло по журналамъ Комитета о различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ, въ пропускѣ которыхъ Господа Цензоры находили затрудненіе и о коихъ было представляемо Г. Министру и дѣлаемы были сношенія по онымъ съ разными лицами и присутственными мѣстами. Начато 1 Сентября 1827 г., кончено 17 Апрѣля 1828 г.», № 94, листъ 88.

[2]) О текстѣ «Новгорода» см. выше; что же касается «Завѣщанія», то, кромѣ нѣкоторыхъ деталей пунктуаціи, въ спискѣ заслуживаетъ вниманія варіантъ 38 стиха—«И будетъ жить, какъ в о л ь н ы й духъ», стихъ 26—«Устами бъ чистыми лобзали» и стихъ 20—«И все позволено теперь». Стихи 17—19 и 25—28 самимъ, очевидно, Шишковымъ отчеркнуты слѣва карандашомъ.

[3]) «Дѣло СПб. Цензурнаго Комитета о разсмотрѣніи для новаго изданія сочиненій Веневитинова и о возвращеніи ихъ книгопродавцу Смирдину безъ одобренія. Началось 17 іюля 1853 года,» № 70.

Прошло около года, и 14 декабря цензоръ Пейкеръ, въ виду представленія ему «другимъ лицомъ» сочиненій Веневитинова «съ цѣлію новаго изданія» обратился къ предсѣдателю С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета за разъясненіемъ «слѣдуетъ ли допустить нынѣ къ печатанію сочиненія умершаго, извѣстнаго въ свое время, автора, если въ нихъ признается нужнымъ сдѣлать значительныя измѣненія»—въ первой части, на страницахъ: IV, 1, 11, 19, 22, 26, 27, 37, 41, 43, 44, 45, 50, 52, 54, 60, 64, 70, 77, 78, 82, 83, 88, 89, 90, 96, 97, 109, 115, 116, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 128 и 129; и во второй части, на страницахъ: XI, XII, XIII, 14, 18, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 64, 65, 80, 81, 83, 85, 90 и 95—120.

Вмѣсто отвѣта по существу, гр. Мусинъ-Пушкинъ предложилъ тому же Пейкеру подвергнуть сочиненія Веневитинова «новому разсмотрѣнію», по окончаніи какового СПб. Цензурный Комитетъ вошелъ въ Главное Управленіе Цензуры съ слѣдующимъ представленіемъ:

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
Санктпетербургскій
Цензурный Комитетъ.
С-тъ Петербургъ.
7 Апрѣля 1855-го года.
№ 257.

Въ Главное Управленіе Цензуры.

На разсмотрѣніе С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета поступила, предназначенная къ новому изданію, книга покойнаго автора, Веневитинова, подъ заглавіемъ: «Сочиненія Д. В. Веневитинова. Часть первая. Стихотворенія и Часть вторая: Проза».

Разсматривавшій эту книгу Г. Цензоръ Пейкеръ донесъ, что онъ полагалъ бы: 1) исключить зачеркнутыя въ книгѣ красными чернилами (двумя чертами) мысли и слова въ первой части, на страницахъ: IV, 11, 37, 41, 50, 64, 88, 90, 96, 97, 109, 115, 116, 120, 122, 123, 127 и 129; второй части на страницахъ: IX, XII, 14, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 41, 43, 44, 65, 80 и 90-й; и 2) статьи, подъ заглавіемъ: «Новгородъ» (1-ой части, стр. 43—45), и «Сцены изъ Эгмонта» (2-ой части, стр. 95—120) подвергнуть запрещенію.

Комитетъ, находя, что за исключеніемъ упомянутыхъ мѣстъ, сочиненія покойнаго Веневитинова могли бы быть дозволены къ новому изданію, имѣетъ честь представить о томъ на благоусмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, съ приложеніемъ при семъ поименованной книги, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16-го Февраля 1852 года за № 232 [1]).

Предсѣдатель *М. Мусинъ-Пушкинъ.*

Секретарь *А. Ярославцовъ.*

---

[1]) Въ приведенномъ С. Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ предложеніи бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія за № 232 объявлено было С. Петербургскому Цензурному Комитету слѣдующее Высочайшее повелѣніе: 1) предоставить Главному Управленію Цензуры, при разсмотрѣніи донесеній Цензурныхъ Комитетовъ о сомнительномъ со-

Конецъ этой затянувшейся тяжбѣ положенъ былъ отношеніемъ А. С. Норова на имя попечителя СПб. учебнаго округа отъ 13 мая 1855 года за № 835, въ которомъ предлагалось объявить СПб. Цензурному Комитету, что Главное Управленіе Цензуры, разсмотрѣвъ «всѣ мѣста изъ сочиненій Веневитинова, найденныя сомнительными, не признало въ сихъ мѣстахъ ничего предосудительнаго, почему и опредѣлило: Сочиненія Д. В. Веневитинова дозволить къ новому изданію вполнѣ, не дѣлая никакихъ измѣненій противъ печатнаго экземпляра оныхъ [1]).

Этимъ «опредѣленіемъ» исчерпываются сохранившіяся въ дѣлопроизводствѣ центральныхъ цензурныхъ учрежденій отрывочныя свѣдѣнія о произведеніяхъ Д. В. Веневитинова.

Ю. Оксманъ.

Кровавый Бандуристъ
(запрещенныя страницы Гоголя)

(къ стр. 29—39).

Проблема большого романа изъ героическаго прошлаго Запорожья, изъ «лѣтописей страны, терпѣвшей кровавыя жатвы»; занимала Н. В. Гоголя съ первыхъ лѣтъ его творчества.

Какъ бы приготовляясь къ будущей эпопеѣ, онъ грезами своими объ украинской старинѣ одухотворяетъ пестрый узоръ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», невольно осложняетъ ими спеціальныя изысканія о Малороссіи, а въ родномъ эпосѣ—

держаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время, и наконецъ тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большому числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаютъ только люди, посвятившіе себя подробному изученію нашей литературы.

2) Заключеніе Главнаго Управленія Цензуры о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, съ изъясненіемъ причинъ предполагаемаго снисхожденія, представлять чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Къ сему Кн. Ширинскій-Шихматовъ присовокупилъ, чтобы Цензурный Комитетъ, каждый разъ при поступленіи въ оный полныхъ собраній сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей для одобренія къ новому изданію, представлялъ о томъ, прежде разрѣшенія къ печати, на усмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, съ своимъ заключеніемъ и съ присовокупленіемъ выписокъ сомнительныхъ мѣстъ, если они встрѣтятся.

[1]) «Дѣло СПб. Цензурнаго Комитета о разсмотрѣніи сочиненій Д. В. Веневитинова для дозволенія къ новому изданію началось 10 декабря 1854 года», № 10; ср. Дѣло Канц. Министра Нар. Просв. «по представленію СПб. Цензурнаго Комитета о книгѣ подъ заглавіемъ Сочиненія Д. В. Веневитинова. Часть I-я. Стихотворенія и часть 2. Проза. Начато Апрѣля 8 дня 1855 года», № 97 (Арх. Мин. Нар. Просв., № 150880).

вѣковой сокровищницѣ повѣрій, преданій и пѣсенъ—все болѣе постигаетъ исторію, «живую, яркую, исполненную красокъ, истины, обнажающую всю жизнь народа». Однако, творческая реализація почерпнутыхъ отсюда образовъ, жестовъ, свѣдѣній и оцѣнокъ въ періодъ, предшествующій «Тарасу Бульбѣ», остается совершенно неосвѣщенной и, характеризуя одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ исторической интуиціи Гоголя, мы ссылаемся обыкновенно лишь на то, что въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ на 1831 годъ» онъ помѣщаетъ «главу изъ историческаго романа», черезъ четыре года связываетъ ее въ «Арабескахъ» съ дотолѣ неизвѣстнымъ «Плѣнникомъ» и комментируетъ оба отрывка здѣсь какъ «главы» своего недовершеннаго произведенія «Гетьманъ».

«Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи»,—разъяснялъ читателямъ Гоголь, не касаясь съ тѣхъ поръ ни въ печати, ни въ перепискѣ столь странно оборваннаго имъ плана.

Генезисъ романа оставался такимъ образомъ совершенно необъяснимъ, композиція представлялась на рѣдкость сложной, самый сюжетъ, поскольку опредѣлялся онъ даннымъ Гоголемъ заголовкомъ, былъ споренъ, никакой связи между напечатанными «главами» не замѣчалось, о «Гетьманѣ» ни въ одной изъ нихъ не было и рѣчи, наконецъ, ссылка Гоголя на прежнее появленіе отрывковъ въ печати къ «Плѣннику» ни въ какомъ случаѣ не могла относиться: до «Арабесокъ» онъ, какъ извѣстно, нигдѣ помѣщенъ не былъ.

Кое-что для иллюстраціи замысла, казалось, могли дать опубликованные по смерти Гоголя его племянникомъ Н. П. Трушковскимъ фрагменты шести главъ изъ «неоконченной повѣсти» [1]), героемъ которой былъ одинъ изъ популярныхъ казацкихъ вождей первой половины XVII столѣтія—Остраница. И дѣйствительно, послѣдніе изслѣдователи и комментаторы Гоголевскихъ твореній—Н. А. Котляревскій, И. Н. Каманинъ, И. И. Коробка, В. В. Каллашъ—съ большей или меньшей категоричностью стали пріурочивать эту «неоконченную повѣсть» къ «Гетьману».

Твердыхъ основаній для отожествленія этихъ произведеній привести, однако, было нельзя, тѣмъ болѣе, что и при этой гипотезѣ всѣ недоумѣнія относительно «главъ» *Гетьмана* въ «Арабескахъ» по прежнему оставались въ силѣ.

Сопоставляя двѣ напечатанныя Гоголемъ «главы» съ черновиками «неоконченной повѣсти», приходилось считать «Плѣнника» или остаткомъ какого то иного произведенія, ничего общаго съ «Гетьманомъ» не имѣвшимъ [2]), или, признавъ здѣсь

---

[1]) Сочиненія Гоголя, т. V, Москва, 1856, стр. 369—411. «Отрывокъ этотъ,—говорилось въ примѣчаніи издателя,—принадлежитъ къ самымъ молодымъ произведеніямъ нашего автора и писанъ можетъ быть еще до появленія *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*, но въ немъ уже отчасти проглядываетъ то художественное представленіе страны и характеровъ, которое потомъ съ такою полнотою развилось въ Тарасѣ Бульбѣ и другихъ его произведеніяхъ. Этотъ черновой отрывокъ сохранился въ числѣ бумагъ, оставленныхъ Гоголемъ у В. А. Жуковскаго, и доставленъ намъ его супругою».

[2]) «Что касается отрывка романа «Плѣнникъ»,—говоритъ И. Н. Каманинъ,—то онъ, вопреки утвержденію біографовъ Гоголя, долженъ быть признанъ остаткомъ несохранившагося романа съ совершенно отдѣльнымъ сюжетомъ. *Плѣнникъ* ничего общаго въ своемъ содержаніи не имѣетъ съ отрывкомъ романа «*Гетьманъ*» («Научн. и литер. произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи», Кіевъ, 1902, стр. 25). Вслѣдъ за И. Н. Каманинымъ и

«одну изъ заключительныхъ сценъ романа», видѣть въ Плѣнникѣ схваченнаго поляками Остраницу [1]).

Оба соображенія одинаково оказались невѣрными, но, связавъ реконструкцію «Гетьмана» съ тѣмъ или инымъ истолкованіемъ «Плѣнника», изслѣдователи въ самой постановкѣ вопроса не ошиблись: благодаря именно этой главѣ, нынѣ возстановлены могутъ быть контуры сожженнаго романа, ключъ къ исторіи котораго даетъ найденное нами при разборѣ архива С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета запрещенное произведеніе Гоголя «Кровавый Бандуристъ», совпадающее въ начальной части своей съ доселѣ необъяснимымъ «Плѣнникомъ» [2]).

Текстъ этотъ, задержанный цензоромъ въ корректурѣ (вотъ источникъ ошибочнаго утвержденія Гоголя о *перепечаткѣ* Плѣнника въ Арабескахъ), представлялъ собою вполнѣ законченный эпизодъ «Гетьмана» и какъ таковой—«Глава изъ романа»—долженъ былъ появиться въ февральской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» за 1834 годъ одновременно съ Пушкинской «Пиковой Дамой».

Въ виду того, что какъ разъ въ запрещенныхъ сценахъ «Кроваваго Бандуриста» дѣйствуютъ и поминаются виднѣйшіе персонажи «нѣсколькихъ главъ изъ неоконченной повѣсти»—Остраница, «Галюночка», «Усатый предводитель»—мы получаемъ документальное подтвержденіе связи ранѣе извѣстныхъ «главъ» романа съ позднѣйшими фрагментами и полной адэкватности послѣднихъ началу «Гетьмана». Его героемъ, итакъ, былъ Остраница, тотъ «молодой, но сильный духомъ гетманъ Остраница», который въ послѣдней главѣ *Тараса Бульбы* «предводилъ всею несмѣтною казацкою силою». Нѣтъ нужды обращаться здѣсь къ даннымъ актовъ и лѣтописей, повѣрять противорѣчивыя даты, ссылаться на монографическій матеріалъ, ибо отнюдь не опредѣленная историческая личность занимала Гоголя въ *Гетьманѣ*: намѣчавшіяся перипетіи романа долженъ былъ сковать типическій обликъ вождя народныхъ движеній, и именемъ Остраницы «взыскательный художникъ» согласно поэтикѣ оттѣнялъ лишь «garantie de possibilité» своего героическаго сюжета. Въ связи съ этимъ еще ясно не обозначились для Гоголя хронологическія перспективы романа и, какъ позднѣе въ *Тарасѣ Бульбѣ*, гдѣ дѣйствіе колеблется въ предѣлахъ трехъ столѣтій, онъ начало *Гетьмана* пріурочиваетъ къ серединѣ XVII вѣка, а въ «Кровавомъ Бандуристѣ» неожиданно поминаетъ 1543 годъ.

Опредѣленно локализуется во времени и работа Гоголя надъ его первымъ романомъ, ибо положеніе «Нѣсколькихъ главъ» въ черновикахъ писателя позволяетъ ихъ отнести, какъ свидѣтельствуетъ Н. С. Тихонравовъ [3]), къ 1831—1832 году.

В. В. Каллашъ, касаясь «Плѣнника», отмѣчаетъ: «обыкновенно считается главою романа Гетьманъ, безъ особыхъ, впрочемъ, основаній» (Соч. Н. В. Гоголя. Подъ ред. В. В. Каллашъ. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ, т. III, 335).

[1]) Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя, подъ ред. Н. И. Коробки, изд. «Дѣятель», III, 564.

[2]) Послѣднія страницы *Кроваваго Бандуриста* опубликованы были—съ нашего согласія—въ номерѣ первомъ «Нивы» за 1917 годъ, откуда запрещенный текстъ заимствовали затѣмъ нѣкоторые органы столичной и провинціальной прессы.

[3]) Соч. Н. В. Гоголя, изд. десятое, V, 549. Въ виду того, что оригиналъ «нѣсколькихъ главъ» до насъ не дошелъ, Н. С. Тихонравовъ въ своихъ заключеніяхъ о немъ исходилъ изъ анализа одной изъ гоголевскихъ черновыхъ книгъ съ явными слѣдами какихъ то вырѣзанныхъ листовъ. «На этихъ то листахъ—какъ доказываетъ имѣвшій въ своихъ рукахъ подлинную рукопись «нѣсколькихъ главъ» *П. А. Кулишъ*—написано, въ видѣ эскиза, начало историческаго романа, найденное въ чемоданѣ Гоголя, оставшемся съ

Матеріалъ для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса все же должна, какъ намъ кажется, дать самая композиція романа, и прежде чѣмъ принять Тихонравовскую датировку произведенія, слѣдуетъ уяснить, какъ начало «Гетьмана», каковымъ безспорно признаются отнынѣ «Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти», могло явиться позже явнаго своего «продолженія»—главъ, датированныхъ въ Арабескахъ 1830-мъ годомъ.

Несоотвѣтствіе, однако, это лишь кажущееся и устраняется очень легко. Прежде всего, «Глава изъ историческаго романа», несомнѣнно написанная въ 1830-мъ году [1]), совершенно не примыкаетъ къ основному стержню романа «Гетьманъ». Ея содержаніе схематически сводится къ тому, что шляхтичъ Лапчинскій, отправленный королемъ съ важнымъ порученіемъ къ миргородскому полковнику Глечику, неожиданно узнаетъ того въ возвращающемся съ ярмарки «дюжемъ пожиломъ селянинѣ», къ которому заѣхалъ переночевать послѣ случайной встрѣчи въ степи.

Главу эту, самое большее, слѣдуетъ разсматривать лишь какъ одинъ изъ подготовительныхъ этюдовъ къ «Гетьману», впослѣдствіи, возможно, и получившій бы въ романѣ нѣкоторое эпизодическое значеніе, подобное, напримѣръ, мало извѣстному наброску, изображающему ставку козацкаго полковника («Мнѣ нужно видѣть полковника, я къ нему имѣю дѣло», говоритъ почти отрокъ 17 лѣтъ»... [2]).

Что же касается второго отрывка «Гетьмана»—*Плѣнникъ*,—то его дата обусловлена могла быть, во-первыхъ, вполнѣ понятнымъ стремленіемъ автора связать хотя бы общей датировкой сомнительныя «главы» сожженнаго романа и, во-вторыхъ, очень замѣтной въ «Арабескахъ» тенденціей оттѣнить въ печатаемыхъ этюдахъ, посредствомъ ложной ссылки на давнее ихъ написаніе, нѣчто несовершенное,—«дѣтское», «молодое» [3]). Такимъ образомъ искусственной датѣ «Плѣнника»—*1830 годъ*—

давнихъ поръ въ квартирѣ Жуковскаго за границею. Въ этомъ убѣждаютъ сходство почерка и бумаги, а всего больше соотвѣтственность краевъ рукописи съ остатками полулистовъ, въ корню книги. Судя по неоконченнымъ главамъ этого сочиненія и по нѣкоторой безпорядочности повѣствованія, видно, что Гоголь поспѣшилъ набросать только главные мысли и образы, занявшіе его фантазію, оставляя развитіе и связь ихъ до другого времени. Потомъ, видя, вѣроятно, что безъ хорошо обдуманнаго плана ему не совладать съ предметомъ, прекратилъ трудъ свой. Однакожъ, въ надеждѣ обработать сюжетъ впослѣдствіи, взялъ съ собою брульонъ за границу, вырѣзавъ его изъ книги для удобнѣйшей перевозки съ мѣста на мѣсто» (Записки о жизни Н. В. Гоголя, I, 170).

[1]) «Сѣверные цвѣты на 1831 годъ» разрѣшены цензурой 18 декабря 1830 года.

[2]) Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10., Москва, 1889, т. V, 554—555. Ср. И. Н. Каманинъ, op. cit., 26.

[3]) Такъ, сообщая М. П. Погодину 14 декабря 1834 г. объ «Арабескахъ», Гоголь проситъ «глядѣть на нихъ поснисходительнѣе. Въ нихъ много есть молодого», а 22 генваря пишетъ ему же: «Посылаю тебѣ всякую всячину мою. Поглядь ее и потрепли. Въ ней очень много есть дѣтскаго, и я поскорѣе ее старался выбросить въ свѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выбросить изъ моей конторки все старое и, стряхнувшись, начать новую жизнь» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока, I, 327, 332). Ср. соображенія П. С. Тихонравова о хронологіи статей «Скульптура, живопись, музыка», «О преподаваніи всеобщей исторіи», «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», «Объ архитектурѣ нынѣшняго времени», «Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ» Соч. Н. В. Гоголя, изд. десятое, т. V, 569, 582, 586, 589, 595).

мы можемъ не только противопоставить хронологію «Кроваваго Бандуриста»—*1852 годъ*,—но и рѣшительно остановиться на послѣдней, какъ признанной самимъ Гоголемъ до «Арабесокъ» и не вызывающей никакихъ возраженій по существу. Въ самомъ дѣлѣ, если какая то, еще не опредѣлившаяся въ концѣ 1830 года, историческая фабула сводится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ черновому абрису «Гетьмана» и послѣдній изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ произведенія свидѣтельствуетъ о 1832 годѣ, то основные моменты работы Гоголя надъ этимъ романомъ можно считать окончательно установленными: въ слѣдующемъ году широко задуманная эпопея начинаетъ, какъ извѣстно, принимать новыя очертанія, заданія ея упрощаются, сюжетъ замыкается въ опредѣленныя рамки и художественный матеріалъ набросанныхъ раньше «главъ» *Гетьмана* (особенности національной его орнаментаціи, бытовые контуры, нѣкоторыя пѣсенныя реминисценціи, коллизія любви и долга, судьба женщины матери въ эту пору и т. д. [1]), уже широко эксплоатируется для первой редакціи «Тараса Бульбы».

Назначенный «по особенной просьбѣ редакціи» цензоромъ только что возникшей «Библіотеки для чтенія» и предчувствуя въ связи съ этимъ «много заботъ», А. В. Никитенко пессимистически сослался въ своемъ дневникѣ на необходимость «соединить три несоединимыя вещи: удовлетворить требованію правительства, требованіямъ писателей и требованіямъ своего собственнаго внутренняго чувства» [2]).

Запись эта, относящаяся къ 8 января 1834 года, пріобрѣтаетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что репутація редактора «Библіотеки»—О. И. Сенковскаго, обвиненнаго сейчасъ же по выходѣ перваго номера въ тайномъ «полонизмѣ», публицистической «опрометчивости» и «площадныхъ остротахъ», опредѣлила совершенно исключительное вниманіе къ журналу высшихъ правительственныхъ круговъ. Неоднократно выражая желаніе устранить Сенковскаго отъ руководства изданіемъ, вдохновитель Главнаго Управленія Цензуры министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ 16 января отдалъ приказъ «смотрѣть какъ можно строже за духомъ и направленіемъ Библіотеки для чтенія» [3]). Однимъ изъ лучшихъ средствъ давленія на журналъ, не освобожденный отъ подозрѣній и послѣ формальнаго отказа Сенковскаго отъ редакціи, было искусное примѣненіе къ предназначаемымъ для него статьямъ многочисленныхъ запретительныхъ разъясненій и циркуляровъ по цензурному вѣдомству. Произведеніе, по существу, быть можетъ, не возбуждавшее никакихъ сомнѣній, какъ представленное опальнымъ изданіемъ, встрѣчало сразу серьезныя препятствія къ напечатанію, и неожиданный провалъ въ цензурѣ «Кроваваго Бан-

---

[1]) Строки «Кроваваго Бандуриста» о «черномъ голосѣ, который слышитъ человѣкъ передъ смертью», въ нѣсколько иной варіаціи обусловили позднѣе одну изъ заключительныхъ страницъ «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ».

[2]) Записки и дневникъ, изд. 2, т. I, СПБ., 1906, стр. 234.

[3]) «Приказаніе это такого рода,—замѣчалъ А. В. Никитенко,—что если исполнять его въ точности, то Сенковскому лучше идти куда-нибудь въ писаря, чѣмъ оставаться въ литературѣ» (Op. cit., 235); 21 января: «министръ сказалъ, что наложитъ тяжелую руку на Сенковскаго. Кажется, ему хочется, чтобы тотъ отказался отъ редакціи» (стр. 236); 26 января: «Сенковскій, наконецъ, принужденъ былъ отказаться отъ редакціи Библіотеки. Впрочемъ, это только для виду. По крайней мѣрѣ, онъ по прежнему завѣдуетъ всѣми дѣлами журнала, хотя и напечаталъ въ *Пчелѣ* свое отреченіе» (стр. 236).

дуриста» обусловленъ былъ не столько особенностями его содержанія, сколько практическимъ осуществленіемъ въ 1834 году общей инструкціи о «Библіотекѣ».

Въ засѣданіи С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета 27 февраля было оглашено слѣдующее «мнѣніе цензора экстраординарнаго профессора Никитенко о статьѣ подъ названіемъ: Кровавый Бандуристъ.

Прочитавъ статью, назначенную для напечатанія въ Библіотекѣ для чтенія подъ названіемъ: *Кровавый Бандуристъ глава изъ романа*, я нашелъ въ ней какъ многія выраженія, такъ и самый предметъ, въ нравственномъ смыслѣ, неприличными. Это картина страданій и уничиженія человѣческаго, написанная совершенно въ духѣ новѣйшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не состраданіе и даже не ужасъ эстетическій, а просто омерзеніе. Посему, имѣя въ виду распоряженіе Высшаго Начальства о воспрещеніи новѣйшихъ французскихъ романовъ и повѣстей, я тѣмъ менѣе могу согласиться на пропускъ русскаго сочиненія, написаннаго въ ихъ тонѣ.

27 Февраля 1834. Цензоръ профессоръ *Никитенко.*

Подчеркивая въ своемъ представленіи связь Кроваваго Бандуриста съ произведеніями новѣйшей французской школы, А. В. Никитенко опредѣленно апеллировалъ къ суровому Уваровскому циркуляру 27 іюня 1832 года о борьбѣ съ романтической литературой. „Поспѣшность, съ какою стараются издавать на русскомъ языкѣ эти произведенія—отмѣчалось въ циркулярѣ—служитъ признакомъ пробуждающейся наклонности къ чтенію этого рода сочиненій, которыя по господствующему въ нихъ духу и по ложнымъ нравственнымъ понятіямъ большей части новѣйшихъ французскихъ романистовъ, не могутъ доставлять полезнаго общенароднаго чтенія. Содержа въ себѣ предпочтительно изображенія слабой стороны человѣческой натуры, нравственнаго безобразія, необузданности страстей, сильныхъ пороковъ и преступленій, эти романы не иначе должны дѣйствовать на читателей, какъ ко вреду моральнаго чувства и религіозныхъ понятій".

Никакихъ возраженій въ виду этого представленіе о Кровавомъ Бандуристѣ встрѣтить не могло и, какъ свидѣтельствуетъ выписка изъ протокола, въ тотъ же день попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго округа кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ подписано было опредѣленіе—«удержать статью сію при дѣлахъ и о запрещеніи оной увѣдомить прочіе цензурные комитеты» [1]).

На десятки лѣтъ погребенный въ вѣдомственномъ дѣлопроизводствѣ, Кровавый Бандуристъ не только не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ современной литературѣ—какъ живой, такъ и мемуарной, но даже наиболѣе близкія къ произведенію лица,

---

[1]) Опредѣленное сожалѣніе, что иной оказалась судьба «Ревизора», нашло себѣ выраженіе въ конфиденціальномъ письмѣ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора гр. А. Г. Строганова къ А. С. Норову отъ 23 мая 1856 года: «Не знаю, каково мнѣніе Вашего Превосходительства о комедіи «Ревизоръ», я, въ глубинѣ моего убѣжденія полагаю, что она по своему началу, содержанію и духу, есть копія au petit pied Сватьбы Фигаро, Бомарше. Не знаю. сдѣлала ли она какое нибудь полезное вліяніе, исправила ли она хотя одного взяточника или обманщика. Но я увѣренъ, что если «Ревизоръ» и сотни ея послѣдователей, не произвели еще, благодаря Богу, такихъ печальныхъ послѣдствій для Россіи, какъ твореніе Бомарше для Франціи,—но уже, въ переводѣ, навлекли на Россію много нареканій и лживыхъ сужденій за границей». (Дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры, № 151225, листъ 1 об.).

его авторъ, во-первыхъ, и цензоръ, во-вторыхъ, предпочли самое существованіе этой «главы изъ романа» обойти молчаніемъ. Послѣднее не представляется, однако, особенно страннымъ: выступавшій много разъ какъ цензоръ Гоголевскихъ твореній [1]), А. В. Никитенко подчасъ бывалъ очень скупъ на признанія [2]) и нѣкоторыхъ

[1]) Пользуемся случаемъ пополнить публикуемый въ этомъ же сборникѣ матеріалъ доселѣ неизвѣстными выписками изъ журнала засѣданій С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета: а) отъ 13 августа 1846 года, когда слушалось «представленное на разрѣшеніе Комитета г. цензоромъ экстраординарнымъ профессоромъ Никитенкой изъ сочиненія Гоголя, подъ названіемъ Отрывки изъ писемъ мѣсто, заключающее въ себѣ духовное завѣщаніе автора, которое только по необыкновенности своего содержанія обратило на себя вниманіе цензора. Комитетъ, находя, что это не есть какой-либо оффиціальный актъ, составленный по предписаннымъ формамъ, а просто литературное произведеніе въ родѣ мемуара, опредѣлилъ: упомянутое мѣсто дозволить къ напечатанію»; в) отъ 29 октября 1846 года, когда заслушаны были «представленные на разрѣшеніе Комитета г. цензоромъ ст. сов. Никитенкой отрывки изъ писемъ къ друзьямъ Гоголя: 1) Нужно любить Россію. 2) Нужно проѣздиться по Россіи. 3) Что такое Губернаторша.

Въ этихъ отрывкахъ съ одной стороны авторъ обращается къ такимъ частностямъ характера и обстоятельствамъ лицъ, къ коимъ пишетъ, что можно усумниться, пріятно ли имъ будетъ обнародованіе подобныхъ указаній на ихъ бытъ, отношенія и дѣйствія; а съ другой стороны—помянутые отрывки заключаютъ въ себѣ многія мысли, хотя съ добрымъ намѣреніемъ излагаемыя, но касающіяся такихъ общественныхъ предметовъ, о которыхъ частному лицу едва ли прилично говорить тономъ столь догматическимъ. Авторъ какъ будто считаетъ себя уполномоченнымъ, обращая вниманіе на разныя оффиціальныя и общественные безпорядки, предлагать свои мѣры то къ ихъ измѣненію, то къ улучшенію. Сочиненіе его уже не есть общая картина вещей, дозволенная нравописателю и сатирику, а какое то почти оффиціальное изображеніе разныхъ опредѣленныхъ сторонъ и случаевъ въ нашемъ гражданскомъ быту и по службѣ. Конечно не вся статья отъ начала до конца содержитъ въ себѣ подобныя замѣтки; но отдѣлить ихъ отъ другихъ мѣстъ, не подающихъ повода ни къ какимъ цензурнымъ сомнѣніямъ, часто бываетъ совершенно невозможнымъ по связи однихъ съ другими и по самой принятой авторомъ формѣ писемъ, въ которой онъ не держится строгаго порядка въ распредѣленіи и переходахъ своихъ мыслей.

Цензурный Комитетъ, выслушавъ нѣкоторыя мѣста изъ статей Гоголя и убѣдясь въ справедливости замѣчаній, разсматривающаго ихъ цензора, опредѣлилъ статьи подъ названіемъ: 1-е. Нужно любить Россію, 2-е. Нужно проѣздиться по Россіи и 3-е. Что такое губернаторша не дозволять къ напечатанію».

[2]) Крайне любопытно, что въ день запрещенія Кроваваго Бандуриста А. В. Никитенко обѣдаетъ у О. И. Сенковскаго, подробно повѣствуетъ объ этомъ въ дневникѣ, но о Гоголѣ вспоминаетъ лишь въ связи съ своимъ посѣщеніемъ 14 апрѣля Плетнева «Видѣлъ тамъ Гоголя: онъ сердитъ на меня за нѣкоторыя непропущенныя мѣста въ его повѣсти, печатаемой въ Новоселье» (Записки и дневникъ 1, 239, 242). Къ этому свидѣтельству о «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» («Новоселье», кн. 2, стр. 475—569) можно добавить, что въ томъ же году у Гоголя «вышла довольно непріятная зацѣпа по цензурѣ» по поводу Записокъ Сумасшедшаго, въ которыхъ — какъ доказываетъ его декабрьская записка къ Пушкину—онъ долженъ былъ согласиться на исключеніе «лучшихъ мѣстъ» (Письма Н. В. Гоголя, 1, 329).

сторонъ своей дѣятельности даже въ дневникѣ никогда не касался; что же касается Гоголя, то его сдержанность обусловлена была, съ одной стороны—вполнѣ понятнымъ въ эту суровую пору стремленіемъ скрыть самый фактъ своей литературной неблагонадежности, съ другой—столь же естественнымъ желаніемъ затушевать неудачный дебютъ въ изданіи, рѣзко отрицательное отношеніе къ которому не разъ громко заявлено было имъ и въ тогдашнихъ салонахъ, и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ дружеской перепискѣ [1]).

Корректурный оттискъ Кроваваго Бандуриста, вшитый въ дѣло «о запрещенныхъ цензурою С.-Петербургскаго Комитета рукописяхъ съ увѣдомленіемъ объ этомъ и другіе цензурные комитеты. Нач. 24 генв., конч. 4 декабря 1834 г.», воспроизводитъ единственный до насъ дошедшій текстъ произведенія, предназначенный для второго тома, отдѣленіе первое, «Библіотеки для чтенія» за 1834 годъ [2]). Оттискъ заключаетъ въ себѣ 12 страницъ (послѣдняя пустая), соотвѣтствующихъ страницамъ 221—232 номера журнала, пагинація котораго (стр. 222—228), равно какъ и названіе отдѣла—«Русская Словесность»,—сохранилась въ началѣ запрещеннаго текста. Въ правомъ верхнемъ углу начальной страницы рукою редактора «Библіотеки»—О. И. Сенковскаго—сдѣлана отмѣтка слѣдующаго содержанія: «Поставивъ пробѣлы и абзацы, перейдетъ строкъ десятокъ на 12-ю страницу. Нельзя ли, чтобы авторъ прибавилъ въ концѣ еще строкъ десятокъ или пятнадцать, а то никакъ не выходятъ листы въ наборѣ». Въ лѣвомъ верхнемъ углу той же страницы сохранилась помѣтка, очевидно, метранпажа—(Г. Автору). Широкія поля оттиска, отражая стилистическіе и корректурные недочеты печатнаго текста, использованы для всякаго рода исправленій, причемъ характерный почеркъ Гоголя позволяетъ легко отдѣлить здѣсь поправки авторскія отъ техническихъ ремарокъ редактора. Принадлежащія послѣднему 28 указаній на «пробѣлъ въ строку», «абзацъ и пробѣлъ», «абзацъ», «тоже» и т. п. нами не отмѣчаются, такъ какъ ни одно изъ нихъ, какъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, текстъ Плѣнника въ Арабескахъ, принято Гоголемъ не было. Всѣ же авторскія измѣненія корректурной редакціи «Кроваваго Бандуриста»—отъ новеллъ фразеологическихъ и словарныхъ до буквенныхъ исправленій—условно оттѣнены нами на страницахъ 29—39 разрядкой, поясняя которую здѣсь, мы какъ бы возстановимъ типографскій оригиналъ произведенія:

Стран. 29, строка 8. Вставкой слова прежде и вычеркнутымъ уже отмѣненъ печатный варіантъ—котораго одно уже появленіе

Стран. 31, строка 11. Кромѣшники. «ѣ» вмѣсто зачеркнутаго *е*

« « строка 13. Изыди. «и» вмѣсто зачеркнутаго *е*

---

[1]) Ср. Записки и дневникъ А. В. Никитенко, 1, 235; Письма Н. В. Гоголя, 1, 273, 312, 324; «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» (Современникъ, 1836, 1, 192—225).

[2]) Предшествовали здѣсь «Кровавому Бандуристу» слѣдующія произведенія: Пиковая дама (стр. 109—140), Любовь и смерть, ночное мечтаніе—Барона Брамбеуса (стр. 141—191), Отрывокъ изъ записокъ Иринея Модестовича Гомозейки,—В. Безгласнаго (кн. В. Ѳ. Одоевскаго) (стр. 192—211), Потомки и современники Ломоносова—П. Свиньина (стр. 212—220).

Стран. 32, строка 12. Трехипостасною. «Т» вмѣсто зачеркнутаго *т*
« « строка 21. бросалъ. «а» вмѣсто зачеркнутаго *и*
Стран. 33, строка 32. Между словами «была» и «четырехъ угольная» вычеркнуто почти
Стран. 35, строка 33. Въ словѣ «попался» послѣднія двѣ буквы вмѣсто зачеркнутаго *а*
Стран. 36, строка 16. Морду вмѣсто зачеркнутаго роту
« « строка 17. верхнюю эпанчу вмѣсто зачеркнутаго верхній кобенякъ
« « строка 18. Въ словѣ «которою» послѣднія двѣ буквы вмѣсто зачеркнутыхъ «ымъ»
« « строка 19. Три точки вмѣсто зачеркнутой запятой.
« « строка 29. быть между словами «могла» и «баба» вставлено рукою, возможно, Сенковскаго.
« « строка 31—32. глупая баба—Дьяволъ бы тебя!.. вмѣсто зачеркнутаго терем-те-те басама зенята!
« « строка 32. Знакъ вопроса и многоточіе послѣ «смѣла» вмѣсто зачеркнутаго обмануть?
Стран. 37, строки 16—30. Текстъ, воспроизводимый здѣсь разрядкой [1]), отмѣняетъ печатный варіантъ О, не говори! не говори! простоналъ неизъяснимо ужасный голосъ изъ одного угла пещеры.
Стран. 38, строка 4. «На этотъ разъ»—вставка.
« « строка 8. Воеводы. «В» вмѣсто зачеркнутаго *в*
« « строка 13. адскія вмѣсто зачеркнутаго страшныя
« « строки 18—19. Текстъ, воспроизводимый разрядкой, отмѣняетъ печатный варіантъ: Для сердца, въ которомъ бы даже закалились чувства
« « строка 20. внимать вмѣсто зачеркнутаго видѣть
« « « « Въ словѣ хрипѣнію послѣдняя буква вмѣсто зачеркнутаго *е*
« « строка 21. оно вмѣсто зачеркнутаго сердце
« « « « вынести вмѣсто зачеркнутаго перенесть
« « строка 22—23. же врывается въ слухъ вмѣсто зачеркнутаго слышится
« « строка 24—25. даже сквозь самую ярость мести неужалила вмѣсто зачеркнутаго не уязвила хотя нѣсколько
« « строка 30. я тебя!.. вмѣсто зачеркнутаго Терем-те-те. Многоточія послѣ слова лайдачка! въ печатномъ текстѣ не было.
Стран. 39, строка 1. также вмѣсто зачеркнутаго довольно
« « « 2—3. и также невыносимо жалобно произнесъ: Неговори Ганулечка! вмѣсто зачеркнутаго произнесъ снова медленно:—Не говори!

[1]) Всѣ особенности этой торопливой записи Гоголя запечатлѣны на прилагаемомъ снимкѣ.

Стран. 39, строка 7. Вопросительный знакъ и многоточіе взамѣнъ зачеркнутаго вопросительнаго знака.

« « строка 8. У ж а с ъ. «У» вмѣсто зачеркнутаго *у*. При передачѣ этого мѣста нами принята во вниманіе ремарка Гоголя: П р о б ѣ л ъ в ъ с т р о к у и с н а ч а л а: у

« « строка 9. Восклицательный знакъ взамѣнъ одной изъ точекъ.

« « строка 16. н а к о ж а н о й р ж а в о й п е р е в я з и—вставка.

« « строка 25. Многоточіе взамѣнъ точки.

Дата—1 8 3 2 г о д ъ—приписана сбоку; въ подписи—Г о г е л ь—исправлена опечатка—«е» вмѣсто «о».

Какъ уже было упомянуто выше, начальныя страницы «Кроваваго Бандуриста» появились подъ заглавіемъ «П л ѣ н н и к ъ» (Отрывокъ изъ историческаго романа)» и съ датой въ концѣ—1830—во второй части «Арабесокъ». Всѣ особенности этого текста (стр. 161—172), отдѣленнаго отъ корректурнаго промежуткомъ лишь въ нѣсколько мѣсяцевъ [1]), сводятся, помимо выдѣленія въ кавычки рѣчей дѣйствующихъ лицъ, къ слѣдующимъ: с т р а н. 29 [2]): г р а б и т е л ь с т в ъ; с т р а н. 30: п р о д р а г и в а я; в и з а н т і й с к а я; п о ч е р н ѣ л ы м и; п о д ч и н е н а; слово к а р н и з ъ по недосмотру, очевидно, опущено; п о з а м а ш к а м ъ и д е р з к о м у п о в е л и т е л ь н о м у в з г л я д у въ запятыхъ; с т р а н. 31: д і а в о л ъ!; п о г а н ы й вмѣсто п о г а н ы й с о б а к а!; л а й д а к ъ; слова п р о и з н е с ъ н а с т о я т е л ь опущены; выраженіе н е х ъ т е б ѣ о т в ѣ ч а е т ъ и з ъ п о д ъ.... опущено; а н т и х р и с т а м ъ въ запятыхъ; х о т я т ъ; с т р а н. 31—32: «е с л и т ы, г л у п ы й п о п ъ, с ѣ н а, с т о й л а и п ш е н и ц ы н е д а ш ь л о ш а д я м ъ, т о я и х ъ в ъ к о с т е л ъ в а ш ъ п о с т а в л ю; с т р а н. 32: і е з у и т ъ; О н ъ о т в о р о т и л с я о т ъ н е г о и; в е н г е р с к и х ъ; с т р а н. 33: в е с я м и и г о р о д а м и; с т р а н. 34: б ы л и б ы з д ѣ с ь к р а с а в и ц а м и; А ч ѣ м ъ; выраженіе Т е р е м - т е - т е! Л ы с ы й б ѣ с ъ н а ч х а й т е б ѣ в ъ к а ш у—опущено; в о з ь м и; е е опущено; с т р а ш н о—б е з з в у ч н о; с т о л к н у т ъ н а с е р е д и н у; з а х р и п ѣ л а вмѣсто «з а с к р ы п ѣ л а»; з а х л о п н у л а; н о вмѣсто т о г о с т р а н. 35: в ъ м и к р о с к о п ѣ; с л ы ш и л ъ!; с л и з к о м у; р а д у я с ь вмѣсто «отъ радости»; б ы л ъ и м ъ вмѣсто и м ъ б ы л ъ.

Ю. Оксманъ.

Офиціальная переписка о «Мертвыхъ душахъ»

(къ стр. 43—45).

М. И. Сухомлиновъ воспользовался нѣсколькими строками изъ дѣла Гл. Упр. Ценз. «по представленію Попечителя Московскаго Учебнаго Округа—о поэмѣ Г о г о л я П о х о ж д е н і я Ч и ч и к о в а и л и м е р т в ы я д у ш и» (Арх. Мин. Нар. Просв. № 148663) въ статьѣ «Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Появленіе въ печати

---

[1]) «Кровавый Бандуристъ» запрещенъ 27 февраля, а цензурная дата «Арабесокъ»—10 ноября 1834 года.

[2]) Страницы эти указываютъ мѣстонахожденіе въ настоящемъ сборникѣ словъ и выраженій, варіанты которыхъ здѣсь выписываются по «Арабескамъ».

сочиненій Гоголя» [1]), безъ указанія на источникъ и авторство графа С. Г. Строганова [2]), письмо котораго считаетъ показательнымъ, въ смыслѣ того впечатлѣнія, какое произвело появленіе «Мертвыхъ Душъ»: «не хотѣли вѣрить, что книга Гоголя появилась въ печати, подобно всякой другой книгѣ, безъ какихъ-либо затаенныхъ цѣлей не только со стороны автора, но даже со стороны власти».

Цензурное разсмотрѣніе перваго полнаго собранія сочиненій Гоголя

(къ стр. 49—66).

Въ названной выше статьѣ «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя» Сухомлиновъ использовалъ лишь литературную часть дѣла Гл. Упр. Ценз. «по представленію Исправляющаго должность Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа—о поступившемъ на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета полномъ собраніи сочиненій Гоголя» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 148697).

Повѣсть «Гувернантка» помѣщена въ «Сынѣ Отечества», 1842 г., августъ, съ подписью: П. Еф—скій.

Сухомлиновъ говоритъ, что дѣло о ней возникло по жалобѣ гр. Клейнмихеля, обратившаго вниманіе на сатирическое изображеніе фельдъегеря въ повѣсти: «Я васъ спрашиваю, чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъегеря, огромнаго, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ аксельбантомъ. Считая себя военнымъ, и что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъегерь имѣетъ полное право думать, что онъ очень интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ пріятно обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму» (стр. 56). Но въ донесеніи кн. Волконскаго говорится о двухъ мѣстахъ, обратившихъ на себя вниманіе. Можно догадываться, что это было мѣсто, гдѣ въ юмористическомъ тонѣ употребляется слово придворный: «Къ почтеннѣйшимъ обитателямъ Песковъ принадлежатъ придворные истопники, фурьеры, лакеи, полотеры, изъ которыхъ многіе успѣли завестись здѣсь самыми приличными домиками. Этихъ господъ называютъ на Пескахъ просто придворными. Спросите, напримѣръ, журналиста какого-нибудь департамента, на комъ онъ женатъ, онъ отвѣтитъ: на дочери придворнаго,—разумѣй, истопника,—или какого-нибудь песковаго франта: «Гдѣ служитъ вашъ батюшка?» и получите въ отвѣтъ: Онъ придворный—разумѣй, фурьеръ, и такъ далѣе» (47—48). Въ такомъ же тонѣ слово придворный употреблено еще въ одномъ мѣстѣ (стр. 50). Кромѣ того, авторъ повѣсти въ неуважительномъ освѣщеніи изображаетъ военныхъ и чиновниковъ: повытчикъ—«маленькій человѣкъ, съ рысьими глазами, кошачьими ухватками и въ мундирномъ фракѣ»; собравшіеся у него гости: оберъ-секретарь, поручикъ, фельдъегерь названы «звѣринцемъ».

О цензурномъ разсмотрѣніи перваго собранія соч. Гоголя сохранились любопытнѣйшія свѣдѣнія въ дневникѣ А. В. Никитенко. (Записки и Дневникъ, I, СПБ., 1905, 332—333).

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1881 г., февр. 340—341; также въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ по рус. лит. и просвѣщенію», т. II, 301—342.

[2]) Сухомлиновъ пользовался для этого архивомъ III Отдѣленія, доступъ къ которому былъ разрѣшенъ ему подъ условіемъ сохраненія тайны источника.

Дѣло о пособіи Гоголю въ 1845 г.

(къ стр. 69—75 [1]).

4 (16) янв. 1845 г. Жуковскій писалъ о Гоголѣ А. О. Смирновой изъ Саксенгаузена: «Вамъ бы надобно о немъ позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надобно имѣть что-нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. Подумайте объ этомъ; вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ его настоящей, лучшей стороны. По его комическимъ твореніямъ могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть» [2]. Это письмо побудило Смирнову составить совмѣстно съ П. А. Плетневымъ 22 февраля записку на имя вел. кн. Маріи Николаевны Лейхтенбергской [3]. Великая Княгиня представила записку Смирновой Императору Николаю I, по распоряженію котораго записка эта, черезъ Министра Двора кн. Волконскаго, была передана 15 марта на разсмотрѣніе С. С. Уварова. Между тѣмъ, 16 марта Смирнова писала [4] Жуковскому и просила его похлопотать о Гоголѣ передъ гр. А. Ѳ. Орловымъ, къ которому Жуковскій и обратился значительно позже—7 (19) апр. [5]. Но уже 17 марта Уваровъ доложилъ имп. Николаю I о дѣлѣ Гоголя, и 18-го появилась резолюція: «Пусть самъ министръ опредѣлитъ мѣру пособія, котораго заслуживаетъ». Смирнова, узнавъ объ успѣхѣ дѣла, записала 21 марта въ своихъ запискахъ: «Мое дѣло пошло въ ладъ. Государь приказалъ Уварову узнать, что нужно Гоголю. Уваровъ тутъ поступилъ благородно; сказалъ, что Гоголь заслуживаетъ всякую помощь» [6]. Въ тотъ же день Уваровъ, на университетскомъ концертѣ, просилъ Плетнева узнать отъ Смирновой, сколько слѣдуетъ просить «на вспоможенье» Гоголю. Въ обсужденіи этого вопроса участвовалъ также князь П. А. Вяземскій, «по совѣту котораго, сообщаетъ Плетневъ Гроту, рѣшились мы просить для Гоголя по 1 тысячѣ рублей сер. на каждое изъ пяти лѣтъ» [7]. На слѣдующій день послѣ этого совѣщанія, 23 марта, Плетневъ сообщилъ Уварову, что Гоголь «вполнѣ будетъ счастливъ», если получитъ субсидію въ указанномъ размѣрѣ. 24 марта Уваровъ сдѣлалъ докладъ имп. Николаю I, уменьшивъ сумму пособія до трехъ тысячъ, и 25-го предложеніе его было одобрено. Съ своей стороны, за Гоголя просилъ гр. А. Ѳ. Орловъ, но опоздалъ съ ходатайствомъ, о чемъ и сообщилъ Жуковскому [8]. 26 марта о назначеніи пособія былъ извѣщенъ министръ финансовъ,

---

[1]) Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв., «о единовременномъ вспомоществованіи Литератору Гоголю; тутъ же о поднесеніи соч. Г. Гоголя членамъ высочайшей фамиліи. Нач. Марта 16 дня, 1845 года. Возобновлено Мая 2 дня, 1845 года. Конч. Января 21 дня 1847 года» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 129164). Въ нѣкоторые экземпляры настоящаго сборника на стр. 74 вкралась досадная опечатка—25 Марта 1847 вмѣсто 25 Марта 1845.

[2]) Соч. Жуковскаго, I, 564, ред. А. Д. Алферова.

[3]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», II, письмо Плетнева отъ 26 февр. 1845 г.

[4]) «Русскій Архивъ», 1882 г., т. I, 218.

[5]) Лемке «Николаевскіе жандармы, и литература 1826—1855 г.г.», изд. 2, СПБ. 1909, 170.

[6]) «Русскій Архивъ», 1882, т. I, 219.

[7]) «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», II, 428—429.

[8]) Лемке, «Николаевскіе жандармы», 171.

27 марта—Плетневъ и Гоголь самимъ Уваровымъ, письмо котораго къ Гоголю шло черезъ Плетнева, Смирнову и Жуковскаго [1]).

Такъ какъ Гоголь жилъ за границей, то полученіе пособія должно было происходить подъ расписку Плетнева, о чемъ онъ былъ увѣдомленъ канцеляріею министра нар. просв. 4 апрѣля.

Изъ дѣла о пособіи Гоголю видно, что характеръ участія въ немъ Плетнева неточно освѣщенъ Шенрокомъ въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», гдѣ сказано, что дѣятельность Жуковскаго и Смирновой «должна быть рѣзко отдѣлена отъ хлопотъ болѣе внѣшняго характера, доставшихся на долю Плетнева, довольно косо относившагося тогда и раньше къ Гоголю» [2]). На самомъ дѣлѣ Плетневъ поддерживалъ ходатайство передъ главнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ—Уваровымъ, отъ котораго больше всего зависѣлъ его исходъ.

Офиціальная переписка о поднесеніи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Высочайшимъ Особамъ

(къ стр. 79—80).

По полученіи письма Плетнева (стр. 79) гр. Уваровъ сдѣлалъ представленіе о «Выбранныхъ мѣстахъ» на имя императора (9—I), императрицы, черезъ начальника ея канцеляріи И. П. Шамбо, (10—I) и вел. кн. Михаила Павловича, черезъ гофмейстера его двора барона К. А. Криденера (10—I). Послѣдній сообщилъ (13—I) Уварову: «Экземпляръ изданнаго сочиненія Н. Гоголя подъ названіемъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» я имѣлъ счастіе представить Государю Великому Князю Михаилу Павловичу и получилъ приказаніе благодарить Васъ, Милостивый Государь, за это доставленіе». О благодарности автору нѣтъ рѣчи. Поэтому Уваровъ сообщилъ (21—I) Плетневу только о выраженной Гоголю благодарности императрицы».

Дѣло о посмертномъ изданіи сочиненій Гоголя

(къ стр. 83—138 [3]).

Свѣдѣнія о цензурной исторіи посмертнаго изданія сочиненій Гоголя и участіи въ немъ вел. кн. Константина Николаевича, А. С. Норова и Л. В. Дубельта были сообщены въ статьяхъ:

---

[1]) Соч. Жуковскаго, ред. Алферова, I, 564. Письмо Уварова къ Гоголю напечатано Шенрокомъ въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», IV, 324. Въ дѣлѣ «о единовременномъ вспомоществованіи» имѣется канцелярскій черновикъ этого письма съ датою: № 499 С.-Пбургъ, 27 марта 1845. Его высокородію Н. В. Гоголю. Въ верху листа карандашная приписка: «Отправлено къ Г. Гоголю черезъ Г. Плетнева».

[2]) Т. IV, 323.

[3]) Дѣло Гл. Упр. Ценз. «о новомъ изданіи Сочиненій Гоголя» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 150488).

1) «О первомъ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя, 1855 г. Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго». «Русская Старина», 1873 г., т. VIII, стр. 940 и сл.

2) «Л. В. Дубельтъ о сочиненіяхъ Н. В. Гоголя. Записка генералъ-лейтенанта Дубельта, читанная въ засѣданіи Главнаго Управленія Цензуры, по поводу изданія въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя, 1855». «Русская Старина», 1880 декабрь. (Здѣсь также напечатаны письма в. к. Константина Николаевича отъ 29—I 1855 г. къ гр. А. Ѳ. Орлову и А. С. Норову объ изданіи сочиненій Гоголя.

3) М. И. Сухомлиновъ: «Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ». «Историческій Вѣстникъ», 1881, № 2. (Напечатана та же записка Дубельта).

4) М. Н. Похвисневъ: «Владиміръ Ивановичъ Назимовъ». «Русская Старина» 1882, февраль.

Записка Дубельта, подписанная имъ, и оригиналъ письма къ А. С. Норову вел. кн. Константина Николаевича, съ собственноручною его подписью, сохранились въ дѣлѣ Главнаго Управленія Цензуры о новомъ изданіи сочиненій Гоголя. (Листы 32—41, 29—30).

Цензоръ Ржевскій отмѣтилъ въ своемъ донесеніи о сочиненіяхъ Гоголя, что «замѣчанія, сдѣланныя Главнымъ Цензурнымъ начальствомъ по поводу повѣстей „Мечтатель“ и „Записки почтмейстера“, могутъ вполнѣ относиться къ повѣсти „Шинель“ (стр 96).

Въ первой изъ нихъ министръ народнаго просвѣщенія усмотрѣлъ „весьма многія двусмысленныя, часто ложныя и даже вредныя сужденія о государственной службѣ объ образованіи, о неравенствѣ состоянія и о брачной жизни“.

„Мечтатель. Разсказъ доктора. (Повѣсть)“ Вячеслава Лихачева былъ напечатанъ въ „Московитянинѣ“, 1854 г., т. III, 185—234 и т. IV, 21—115. Повѣсти предпосланъ эпиграфъ изъ Лермонтова: „Къ добру и злу постыдно равнодушны“... и проч. Цензоромъ III-го тома былъ М. Похвисневъ, IV-го—Д. Ржевскій, оба участники цензурнаго дѣла о сочиненіяхъ Гоголя.

Къ „двусмысленнымъ“, „ложнымъ“ и „вреднымъ“ должны были быть отнесены такія сужденія, заключающіяся въ повѣсти.

Мѣсто, касающееся государственной службы:

„Долговременная служба, разумѣется, не осталась безъ награжденія: чинъ коллежскаго ассесора, съ своимъ неотъемлемымъ правомъ на дворянство (разумѣется, не въ наше время), и небольшой значекъ съ цыфрами: XXX, носимый всегда Александромъ Семеновичемъ на отворотѣ своего парадnаго фрака, или мундира, да еще тривіальное названіе „доки“ или „юса“, данное ему большинствомъ уѣздной аристократіи и присвоенное только старинnымъ чиновникамъ, особенно когда-нибудь отличившимся на поприщѣ юриспруденціи,—вотъ и все, что только осталось Александру Семеновичу отъ его долговременной службы, и что составляло всѣ его трофеи, принесенные имъ съ поля, на которомъ онъ, съ такимъ постоянствомъ и терпѣніемъ, столько лѣтъ сражался. Но исполняя съ такимъ усердіемъ всѣ ввѣряемыя ему должности и стараясь болѣе всего о пользѣ государственной, Александръ Семеновичъ и не думалъ никогда о собственныхъ своихъ выгодахъ. Какъ вообще

люди добрые, тихіе и несмѣлые отъ природы, онъ не имѣлъ тѣхъ рѣдкихъ способностей, которыя очень часто случается встрѣчать у старыхъ, испытанныхъ крючкотворцевъ прежняго времени, и съ помощію которыхъ эти люди очень искусно умѣютъ изо всего извлекать собственныя свои выгоды и пользоваться разными обстоятельствами, такъ чтобы, какъ говорится: и овцы цѣлы и волки не голодны!..“

„Двусмысленнымъ“ сужденіемъ объ образованіи могло быть признано слѣдующее мѣсто:

„Не даромъ штатская служба манила къ себѣ Александра Семеновича... Принадлежа къ числу тѣхъ людей, которыхъ, по неимѣнію дарованія и по причинѣ дурныхъ успѣховъ въ наукахъ, называютъ всегда тупоумными, Александръ Семеновичъ считался, разумѣется, самымъ несчастнымъ человѣкомъ; но, по вступленіи его въ штатскую службу, когда онъ нѣсколько разъ окунулся въ ея чернильномъ омутѣ, когда онъ, хотя немного, ознакомился съ порядкомъ приказнической жизни,— о! тогда понялъ онъ, что не совсѣмъ еще обидѣла его природа, что вотъ, наконецъ, когда попалъ онъ на настоящую стезю своей жизни, и что вотъ именно какая сфера была ему назначена!“

О „неравенствѣ состояній“:

„Мысль: умереть, ничего не видавши, не вынесши изъ жизни никакого отраднаго воспоминанія, никакого свѣтлаго чувства—гнететъ постоянно мое воображеніе. Мысль эта не даетъ мнѣ покоя. Какъ! неужели и я долженъ буду, подобно прочимъ людямъ, дожить до сѣдыхъ волосъ въ своемъ городѣ? Неужели, все постороннее, не касающееся до уѣздной категоріи, должно существовать только въ одномъ воображеніи? Неужели одни только богатые люди должны быть счастливы, потому, что имъ доступно каждое желаніе; потому, что они имѣютъ средства осуществить каждую мысль, которая кажется бѣдному человѣку невозможною? Отчего они могутъ все видѣть, все знать, во всемъ участвовать?—Отчего? За что они такъ счастливы? Вѣдь они такіе же люди! Зачѣмъ на свѣтѣ не уравнены всѣ состоянія? Зачѣмъ богатый имѣетъ преимущество надъ бѣднымъ? Зачѣмъ такое неравенство въ природѣ? Зачѣмъ природа такъ несправедлива?.. Одинъ пиршествуетъ, сыплетъ деньгами, видитъ всѣ замѣчательные города въ свѣтѣ, видитъ всѣ вещи, достойныя вниманія, а другой сидитъ себѣ гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ, ѣстъ черный хлѣбъ свой и обливаетъ его горькими слезами!..»

Къ этимъ словамъ героя повѣсти авторъ сдѣлалъ такую смягчающую выноску: „Мысли романическаго безумца, а не автора. Не считаю излишнимъ сдѣлать это замѣчаніе“.

Въ другомъ мѣстѣ повѣсти говорится:

„Кому неизвѣстна столичная жизнь—жизнь безпокойная, суетливая, озабоченная... жизнь веселая и пріятная для богатыхъ, но скучная и однообразная для бѣднаго человѣка? Бѣднякъ, заброшенный куда-нибудь въ уѣздный, уединенный, провинціальный городокъ, не видитъ и не слышитъ, что дѣлается въ столицѣ; онъ довольствуется съ избыткомъ всѣми удовольствіями, какія только существуютъ въ городѣ, и пользуется ими наравнѣ съ прочими жителями; потому что въ уѣздномъ городѣ каждое лицо на счету, и каждое лицо имѣетъ свое собственное значеніе. Но въ столицѣ—совсѣмъ другое. Здѣсь каждый классъ рѣзко отличается одинъ отъ другого, и все разъединяется... Здѣсь бѣдный человѣкъ испытываетъ мученія не хуже Тан-

тала: видѣть передъ собою все, и не имѣть ни силъ, ни средствъ пользоваться тѣмъ, что видишь—это истинное искушеніе!"

Сужденіе о брачной жизни:

„Нынѣшнія женщины ищутъ не чувства, а выгоднаго покупщика, который бы могъ дорого купить ихъ".

Въ „Запискахъ почтмейстера" министръ „обратилъ вниманіе на сатирическія выходки противъ чиновъ гражданской службы".

„Отрывокъ изъ Записокъ почтмейстера. Разсказъ" былъ помѣщенъ, безъ подписи автора, въ „Московитянинѣ", 1854, т. V, 141—186.

Здѣсь встрѣчается такое разсужденіе о чиновникахъ:

„По моему скромному сужденію, можно, кромѣ главнаго раздѣла на чиновниковъ провинціальныхъ и губернскихъ, и столичныхъ департаментскихъ, составить еще слѣдующіе раздѣлы:

„Чиновники съ протекціею, чиновники просто счастливые, и чиновники безъ протекціи и счастія.

„Первымъ все улыбается, начиная съ жизни и директора департамента, до столоначальниковъ включительно; они поддерживаются могущественною силою—протекціею.—Это люди, иногда хорошо воспитанные, принадлежащіе къ лучшему обществу; сослуживцы ихъ имъ не завидуютъ—они глубоко понимаютъ разницу, ихъ раздѣляющую.—Это сливки чиновническаго міра, бюрократическая аристократія,—не помню, назвалъ ихъ кто-то такъ. Вторые такъ себѣ, по пословицѣ „не родись хорошъ и уменъ, а счастливъ".—Начальники обходятся съ ними привѣтливо и ласково, называя ихъ примѣрными чиновниками; начальники отдѣленія треплятъ по плечу, или милостиво держатъ за пуговицу форменнаго фрака, давая идеи, какъ написать отношеніе по какому нибудь щекотливому предмету, полагаясь вполнѣ на ихъ способность къ важному дѣлу.—Даже физически они разнятся отъ своихъ собратьевъ.—Если вы увидите въ департаментѣ чиновника съ цвѣтущею физіономіею, какъ оазисъ въ степяхъ пустынной Африки, если вы проситель, и ваше тревожное чувство успокаивается на лицѣ, полномъ здоровья и силы, и вы, оглушенные канцелярскою дѣятельностью, съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ подойдете къ этому лицу—знайте, это чиновникъ второго раздѣла.

„Что же сказать про третій раздѣлъ?—Грустно, тысячу разъ грустно! Это, какъ бы вамъ сказать, молоски, вѣчно прикованные къ своему столу, это паріи чиновническаго міра, вѣчно—голодные труженики, отвергнутые міромъ, жители Песковъ, Колтовской и разныхъ захолустьевъ, закованные въ форменный фракъ, какъ улитка въ раковину. Вы ихъ увидите зимою, въ пальто сомнительной теплоты, съ поднятымъ воротникомъ, засунутыми въ карманѣ руками, инстинктивно спѣшащихъ къ мѣсту своего служенія. Это вѣчные копіисты и журналисты до сѣдыхъ волосъ, которымъ чинъ ассесора представляется въ отдаленіи".

Извлеченіе изъ отзыва кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова (стр. 98—102) о статьѣ И. С. Аксакова «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» въ «Московскомъ Сборникѣ» было сдѣлано въ называемой выше статьѣ М. И. Сухомлинова, безъ указанія на принадлежность отзыва кн. Ширинскому-Шихматову.

Въ оригиналѣ «Изложенія дѣла» (стр. 103) на поляхъ сдѣланъ одною и тою же рукою, карандашомъ, рядъ приписокъ, выражающихъ мнѣнія о сужденіяхъ по поводу сочиненій Гоголя. Подъ первою изъ нихъ помѣчено въ скобкахъ: (Ген. Лейт.

Дубельтъ)—но приписка и подпись сдѣланы не его рукою. Поэтому подпись надо понимать въ томъ смыслѣ, что данное мнѣніе принадлежитъ Дубельту. Подъ другими приписками такихъ указаній нѣтъ. Вѣроятно, эти приписки содержатъ мнѣнія такихъ вліятельныхъ участниковъ засѣданія въ Главномъ Управленіи Цензуры, на которомъ читалось «Изложеніе дѣла», какъ Дубельтъ и Норовъ.

Противъ словъ: «Ген.-Адъют. Назимовъ полагаетъ неудобнымъ . . . »—сдѣлана приписка:

«Я нахожу не только неудобнымъ, но даже вреднымъ».

(Ген. Лейт. *Дубельтъ*).

Противъ словъ (на стр. 106): «которое придастъ имъ такое толкованіе, какого они никогда не имѣли»—сдѣлана приписка:

«Совершенно справедливо».

Противъ словъ: «отличаются чисто-нравственнымъ и благонамѣреннымъ направленіемъ» (стр. 108)—приписано: «Справедливо».

Противъ словъ: «нѣсколько частныхъ мѣстъ, которыя не вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящимъ цензурнымъ требованіямъ» (стр. 108)—стоитъ приписка: «Слишкомъ строгое сужденіе!».

Противъ словъ: «*Четвертая* глава, кромѣ нѣкоторыхъ частностей въ разговорѣ Хлобуева съ Чичиковымъ и Платоновымъ, не заключаетъ въ себѣ особенно сомнительныхъ мѣстъ»—приписано (стр. 109):

«Все это очень благонамѣренно и я полагаю, что должно пропустить».

Дѣло о второмъ изданіи «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя

(къ стр. 141—146).

Въ представленіи Московскаго Цензурнаго Комитета, подъ № 479, взятомъ изъ дѣла Гл. Упр. Ценз. «о предст. Московск. Ценз. Ком., о книгѣ: Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, соч. Н. Гоголя» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 151079), послѣднія четыре числа, подчеркнуты карандашомъ (стр. 141), и подъ чертою приписано: «NB О Князѣ Вяземскомъ». Поэтому министръ народнаго просвѣщенія обратился къ послѣднему съ просьбою разсмотрѣть представленіе Комитета и книгу Гоголя. Послѣ отзыва кн. П. А. Вяземскаго, на основаніи котораго Главное Управленіе Цензуры сдѣлало постановленіе о дозволеніи «Выбранныхъ мѣстъ», министръ А. С. Норовъ увѣдомилъ объ этомъ помощника попечителя Московскаго Учебнаго Округа отношеніемъ за № 134, 9—II, 1856 г.

Печатно свое мнѣніе о «Выбранныхъ мѣстахъ» кн. П. А. Вяземскій высказалъ въ статьѣ «Языковъ и Гоголь» [1]).

Представленіе Московскаго Цензурнаго Комитета о «Дополненіяхъ къ перепискѣ съ друзьями» (стр. 146) было передано канцеляріею министра народнаго просвѣщенія, вмѣстѣ съ рукописью, на разсмотрѣніе тов. мин. кн. П. А. Вяземскаго [2]). На

---

[1]) Полн. собр. соч. т. II.

[2]) Дѣло Гл. Упр. Ценз. «по предст. Московск. Ценз. Ком. о рукописи Дополненія къ перепискѣ съ друзьями, соч. Гоголя» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 151138).

представленіи канцеляріи (№ 257, 14—II, 1856 г.) сдѣлано двѣ надписи—вверху перомъ: «Рукопись осталась въ Москвѣ для исправленія и будетъ представлена въ цензуру»; внизу карандашомъ: «Сообщить Моск. Ценз. Комитету, что рукопись отдана Шевыреву для испр. оной вмѣстѣ съ издателемъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ». О послѣднемъ канцелярія министра увѣдомила Московскій Цензурный Комитетъ отношеніемъ за № 1650, 3—XI, 1856 г., гдѣ сказано, что, по приказанію управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія товарища министра, рукопись Гоголя «отдана д. ст. сов. Шевыреву, для исправленія вмѣстѣ съ издателемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ оной, по сдѣланнымъ Г. Товарищемъ Министра замѣчаніямъ».

Дѣло о напечатаніи «Учебной книги словесности» Гоголя

(къ стр. 149—152) [1]).

О запрещеніи упомянать думу Рылѣева «Острогожскъ» въ «Учебной книгѣ словесности» Гоголя говорится въ называемой выше статьѣ М. И. Сухомлинова.

Дѣло о представленіи посмертнаго собранія сочиненій Гоголя высочайшимъ особамъ [2])

(къ стр. 155—157) [2]).

Просьба матери Гоголя о поднесеніи экземпляровъ его сочиненій высочайшимъ особамъ А. С. Норовымъ была исполнена. 23—IV онъ обратился съ представленіемъ на имя вел. кн. Константина Николаевича, начинающимся съ напоминанія о представленіи 19—V, 1855 г., и сообщалъ о просьбѣ матери Гоголя. 25—VII А. С. Норовъ доставилъ книги министру двора для поднесенія государю, при отношеніи, оканчивающемся словами: „Имѣю честь препроводить эти книги къ Вашему Сіятельству для внесенія въ Эрмитажную Библіотеку". Но затѣмъ послѣднія слова: „для внесенія" и проч. были зачеркнуты, очевидно, какъ лишнія, указывающія на обычную практику. Такимъ образомъ, фактическаго поднесенія сочиненій императору не было. 19—V, черезъ В. Д. Олсуфьева, Норовъ представилъ книги императрицѣ Маріи Александровнѣ и, черезъ К. А. Криденера, вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. 30—VIII В. Д. Олсуфьевъ сообщилъ Норову: „Ея Императорское Величество, принявъ подношеніе это благосклонно, Всемилостивѣйше соизволила повелѣть мнѣ: благодарить издателя отъ Высочайшаго Имени Ея Величества". Противъ этихъ словъ въ документѣ имѣется карандашная приписка: „Исполнить скорѣе". Вслѣдствіе

---

[1]) Дѣло Гл. Упр. Ценз. «по представ. Моск. Ценз. Ком. о рукописи Учебная книга словесности для Русскаго юношества, начертаніе Н. Гоголя» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 151152).

[2]) Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв. «по письму кандидата С.-Петербургскаго университета Трушковскаго о поднесеніи Государю Императору и другимъ Высочайшимъ Особамъ сочиненій Гоголя». Нач. Августа 18 дня, 1865 г.» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 130192).

этого, 7—IX тов. мин. кн. П. А. Вяземскій просилъ московскаго оберъ-полиціймейстера сдѣлать распоряженіе объ объявленіи благодарности Трушковскому, проживавшему въ Москвѣ. Но Трушковскій уѣхалъ въ Миргородъ, и московскій оберъ-полиціймейстеръ передалъ порученіе кн. Вяземскаго полтавскому губернатору. 7—IX К. А. Криденеръ передалъ благодарность вел. кн. Елены Павловны Норову „за поднесеніе". Но Вяземскій дополнительно увѣдомилъ московскаго оберъ-полиціймейстера о томъ, что вел. княгиня благодаритъ Трушковскаго.

Когда вышелъ I т. 3-яго изд. „Мертвыхъ душъ", Норовъ представилъ его тѣмъ же порядкомъ для поднесенія названнымъ выше лицамъ императорской фамиліи. На это поднесеніе отозвался простымъ увѣдомленіемъ о полученіи книги только В. Д. Олсуфьевъ.

8—VI 1856 г. Трушковскій, издавъ еще два тома сочиненій Гоголя, обратился къ Норову съ новою просьбою „такъ же, какъ и въ прошломъ году, всеподданнически поднести" ихъ тѣмъ же четыремъ лицамъ. Норовъ опять началъ переписку о поднесеніи, и снова на это отвѣтилъ одинъ В. Д. Олсуфьевъ, передавшій 23—VI повелѣніе императрицы благодарить издателя. 31—VI Норовъ сообщилъ это московскому оберъ-полиціймейстеру, чѣмъ и заканчивается дѣло „о представленіи посмертнаго собранія" сочиненій Гоголя высочайшимъ особамъ.

Изданіе П. А. Кулишомъ сочиненій Гоголя

(къ стр. 161—165).

Документы, относящіеся къ изданію П. А. Кулишомъ сочиненій Гоголя, содержатся въ дѣлѣ Гл. Упр. Ценз. «о новомъ изданіи Сочиненій Гоголя (Арх. Мин. Нар. Просв., № 130488, листы 61—65).

Прошеніе, напечатанное на стр. 161, не имѣетъ подписи П. А. Кулиша, но написано его рукою.

На письмѣ П. А. Кулиша къ кн. П. А. Вяземскому отъ 1857 г. 4—IV, рукою послѣдняго написано: „Не вижу, какое можетъ встрѣтиться затрудненіе въ допущеніи общаго заглавія, о которомъ проситъ издатель. Пок. пр. прислать мнѣ на это объясненіе". На объясненіи же кн. Вяземскій надписалъ: „Изъ цензурнаго Москов. Комитета будетъ представленіе, которое прошу при полученіи мнѣ передать".

Лейпцигское изданіе сочиненій Гоголя

(къ стр. 169—171).

„Полное Собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Лейпцигъ. Францъ Вагнеръ. 1864", въ 4-хъ томахъ, in16°, тип. Бера и Германа.

Циркулярное предложеніе П. А. Валуева о недопущеніи этого изданія ко ввозу въ Россію (стр. 170) было разослано также въ цензурные комитеты Кіева, Вильны, Риги, Одессы и отдѣльнымъ цензорамъ: въ Казани—Готвальду и Дерптѣ—Де-Лакроа (Дѣло Центральнаго Управленія по Цензурному Вѣдомству № 51).

Переписка по поводу сообщенія Ѳ. В. Булгарина о службѣ Гоголя въ III Отдѣленіи

(къ стр. 175—180) [1].

Въ аттестатѣ о службѣ и формулярѣ Гоголя [2]) слѣдовъ службы его въ III Отдѣленіи не имѣется, что, по основательному соображенію А. И. Кирпичникова, еще не является доказательствомъ противнаго, такъ какъ въ полнотѣ формулярныхъ свѣдѣній заинтересованы не учрежденія, вѣдающія формулярные списки, а сами чиновники [3]). Поэтому Гоголь съ успѣхомъ могъ избѣжать при составленіи формуляра упоминанія о своей службѣ въ III Отдѣленіи. Такимъ образомъ, единственнымъ пока свидѣтельствомъ объ этомъ является разсказъ Ѳ. В. Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ» 1854 г., № 175, въ отдѣлѣ «Пчелка», въ статьѣ «Журнальная всякая всячина». Поводомъ къ нему послужилъ изданный П. А. Кулишомъ «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя со включеніемъ до сорока его писемъ» 1854. Вотъ, что сообщаетъ Булгаринъ.

«Не знаю, по какому случаю господинъ біографъ Гоголя, описывая величайшія мелочи, позабылъ одно великое обстоятельство, которое я ему напомню.

«Въ концѣ 1829 или въ началѣ 1830 года, хорошо не помню, одинъ изъ нашихъ журналистовъ, жившій тогда въ Почтамтской, въ домѣ господъ Яковлевыхъ (нынѣ А. М. Княжевича) сидѣлъ утромъ за литературною работою, какъ вдругъ зазвенѣлъ въ передней колокольчикъ, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, низкаго роста, расшаркался и подалъ журналисту бумагу. Журналистъ, попросивъ посѣтителя присѣсть, сталъ читать поданную ему бумагу — это были похвальные стихи, въ которыхъ журналиста сравнивали съ Вальтеръ-Скоттомъ, Адиссономъ и такъ далѣе. Разумѣется, что журналистъ поблагодарилъ посѣтителя, автора стиховъ за лестное объ немъ мнѣніе, и спросилъ, чѣмъ онъ можетъ ему служить. Тутъ посѣтитель разсказалъ, что онъ прибылъ въ столицу изъ учебнаго заведенія искать мѣста, и не знаетъ, къ кому обратиться съ просьбою. Журналистъ просилъ посѣтителя прійти черезъ два дня, обѣщая въ это время похлопотать у людей, которые могутъ опредѣлять на мѣста. Журналистъ въ тотъ же день пошелъ къ покойному Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, управляющему III Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества, разсказалъ о несчастномъ положеніи молодого человѣка, и усердно просилъ спасти его и пристроить къ мѣсту, потому что молодой человѣкъ казался близкимъ къ отчаянію. Кто только зналъ покойнаго Максима Яковлевича фонъ-Фока, тотъ умѣлъ цѣнить его добрую, благородную, нѣжную душу. Журналиста зналъ М. Я. фонъ-Фокъ еще въ дѣтствѣ,

---

[1]) Дѣло Гл. Упр. Ценз. «по рапорту секретаря Канц. М-ра Нар. Пр. Г. Добровольскаго о помѣщеніи въ „Сѣв. Пчелѣ“ статьи Булгарина объ опредѣленіи Гоголя на службу въ III Отд. Собст. Его Императорскаго Величества Канцеляріи» (Арх. Мин. Нар. Просв. № 150686).

[2]) Первый напечатанъ въ «Сборникѣ, изд. студентами и преподавателями СПБ.» 1857 г., I, 345; второй—Бѣлозерскою въ «Рус. Старинѣ», 1887 г., IV.

[3]) «Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя». «Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и слов. Ак. Наукъ», 1900 г., V т., 2 книга.

въ родительскомъ домѣ, бывъ самъ молодымъ человѣкомъ и офицеромъ въ Легкоконномъ Харьковскомъ полку, и потому охотно согласился помочь пріѣзжему изъ провинціи и далъ мѣсто Гоголю въ канцеляріи III-го Отдѣленія. Не помню, сколько времени прослужилъ Гоголь въ этой канцеляріи, въ которую онъ являлся только за полученіемъ жалованья; но знаю, что какой-то пріятель Гоголя принесъ въ Канцелярію просьбу объ отставкѣ, и взялъ обратно его бумаги. Самъ же Гоголь исчезъ, куда неизвѣстно! У журналиста до сихъ поръ хранятся похвальные стихи Гоголя и два его письма (о содержаніи которыхъ почитаю излишнимъ извѣщать); но болѣе Гоголь журналиста не навѣщалъ. Вотъ истина, которую можно подтвердить стихами и двумя письмами».

Признаніе сообщенія Булгарина «неумѣстнымъ» и «двусмысленнымъ» объясняется общимъ отношеніемъ его къ «Опыту» Кулиша. Булгаринъ называетъ «Опытъ» «болѣе чѣмъ удивительнымъ», и говоритъ, что «это сочиненіе произвело (въ немъ) удивленіе, потомъ веселость и, наконецъ, грусть». Вообще, онъ старается высмѣять біографа и унизить Гоголя. На такомъ фонѣ разсказъ о службѣ Гоголя въ III Отдѣленіи получалъ смыслъ, нежелательный для авторитета этого учрежденія.

Это намѣреніе умалить память Гоголя, ясно сказывающееся въ статьѣ Булгарина, противорѣчитъ мысли Н. А. Энгельгардта въ очеркѣ «Гоголь и Булгаринъ» [1]), будто послѣдній «хочетъ только подчеркнуть свое участливое отношеніе къ Гоголю, а не то обстоятельство, что онъ пошелъ на службу въ III-е Отдѣленіе».

Рапортъ графа Комаровскаго о «непозволительныхъ строкахъ» въ статьѣ Чернышевскаго о Гоголѣ

(къ стр. 183—184).

Статья, возбудившая донесеніе чиновника особыхъ порученій графа Комаровскаго [2]) принадлежитъ Н. Г. Чернышевскому и написана по поводу появленія «Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя», изданія П. А. Кулиша [3]).

Рукою кн. П. А. Вяземскаго на рапортѣ отмѣчено:

«Конечно неприлично сравненіе легенды о святомъ съ разсказомъ о матери, которая зарѣзала дѣтей своихъ,—и неприлично заключеніе, что Гоголь подверженъ былъ такому же слѣпому экстазу. Можно замѣтить это цензору». Вслѣдствіе этого на имя и. д. попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа было составлено отношеніе, оканчивающееся слѣдующими словами: «Признавая весьма неприличнымъ

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1904, VII, 154—173.

[2]) Дѣло Гл. Упр. Ценз. «по рапорту Чин. Ос. Пор. Графа Комаровскаго о неприличныхъ выраженіяхъ и сравненіяхъ въ разборкѣ Сочиненій и писемъ Н. В. Гоголя, помѣщенномъ въ VIII Книжкѣ Современника на 1857 годъ» (Арх. Мин. Нар. Просв., № 151554).

[3]) Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, изд. 1918 г. подъ ред. Мих. Чернышевскаго, т. III, 337—373.

сближеніе въ печати, жизни Святаго Угодника съ изувѣрскимъ злодѣйствомъ матери зарѣзавшей своихъ дѣтей, и заключеніе, что Гоголь подверженъ былъ такому же слѣпому экстазу, я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить вниманіе Цензоровъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета на вышеизложенное, для отстраненія подобныхъ упущеній на будущее время». Но затѣмъ князь Вяземскій отмѣнилъ свое распоряженіе, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на отношеніи: «По докладу о семъ Г. Товарищу Министра, Его Сіятельство призналъ ненужнымъ дѣлать это замѣчаніе. 4 Октября 1857». Поэтому бумага не помѣчена числомъ и номеромъ.

Вл. Даниловъ.

«Нахлѣбникъ»

(первая редакція комедіи)

(къ стр. 187—257).

Посвященный М. С. Щепкину и пріуроченный къ его январьскому бенефису. «Нахлѣбникъ» въ концѣ 1848 года былъ препровожденъ Тургеневымъ въ Москву [1]), гдѣ произведенія этого ждали съ интересомъ совершенно необычайнымъ [2]). Востор-

---

[1]) Самымъ раннимъ свидѣтельствомъ о «Нахлѣбникѣ» является глухое упоминаніе въ письмѣ къ П. Віардо отъ 17/5 января 1848 года о работѣ «надъ комедіей, которая предназначена для одного московскаго актера» (И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ. М. 1900 стр. 39). Завершеніе произведенія относится къ первымъ числамъ ноября того же года ибо въ письмѣ отъ 20 октября Тургеневъ еще говоритъ о «комедіи, которую я хочу окончить до отъѣзда изъ Гіера», т. е. до 5 ноября, а въ концѣ мѣсяца уже отправляетъ «Нахлѣбника» въ Москву (op. cit., 55 и письмо къ М. С. Щепкину отъ 3/15 декабря 1848 г. въ «Трудахъ Оренбург. Учен. Арх. Ком.», IV, 1898, стр. 118).

[2]) Въ письмѣ Герцена къ Т. Н. Грановскому, Е. Ѳ. и М. Ѳ. Коршъ, Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину 8 ноября сдѣлана была приписка: «Скажите Мих. Семен., сверхъ поклона, что драма, которую пишетъ Тургеневъ, просто объѣденье» (А. И. Герценъ, Полсобр. соч. и писемъ подъ ред. М. К. Лемке, V, Петроградъ, 1915, стр. 249—250) 6 декабря 1848 г. Н. А. Герценъ писала П. В. Анненкову—«Если вы будете въ Москвѣ во время представленія его комедіи Нахлѣбникъ (которая мнѣ ужасно нравится), напишите мнѣ эффектъ, слѣдствіе и проч., какъ на своихъ, такъ и на чужихъ» (П. В. Анненковъ и его друзья, СПБ., 1892 г., стр. 631). Въ письмѣ къ М. С. Щепкину отъ 3/15 декабря Тургеневъ упоминалъ, между прочимъ, о слѣд. «Пріятель нашъ Герценъ, которому я читалъ мою комедію сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ меня сообщить вамъ и съ которыми я (совершенно согласенъ). Во первыхъ онъ находитъ, что Кузовкину не слѣдъ носить дворянскій сюртукъ, а частный, а во вторыхъ онъ въ сценѣ, гдѣ Елецкій выходитъ отъ жены, уже все узнавши, и видитъ, что Тропачевъ забавляется надъ Кузовкинымъ—въ словахъ: «Да-съ, Өлегонтъ Александровичъ, я признаюсь удивляюсь: что вамъ за охота съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованіемъ заниматься такими — смѣю сказать пустыми шутками» предлагаетъ: «смѣю сказать» замѣнить фразой «извините за выраженіе», потому что по его мнѣнію, смѣю сказать, не идетъ въ устахъ петер-

женный отзывъ о комедіи А. И. Герцена, обращеніе въ связи съ ней къ П. В. Анненкову, надежды В. П. Боткина, наконецъ, самое увлеченіе Нахлѣбникомъ М. С. Щепкина, огласившаго присланную рукопись въ Московскихъ салонахъ, позволяли не сомнѣваться въ шумномъ успѣхѣ новаго произведенія, которое Тургеневъ предложилъ опубликовать сейчасъ же по представленіи въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«31-го числа января (т. е. черезъ 24 дня) будетъ дана въ Москвѣ для бенефиса Щепкина моя комедія въ 2-хъ актахъ подъ названьемъ: Нахлѣбникъ. Хотите вы ее напечатать въ О. З., если она не шлепнется, разумѣется. Я сегодня же пишу объ этомъ Щепкину, который тотчасъ, по полученіи отъ васъ письма, вамъ ее вышлетъ. Только, ради Бога, чтобы не было опечатокъ!»—писалъ 7/19 января Тургеневъ А. А. Краевскому [1], не подозрѣвая, что піеса его безнадежно «завязла въ извѣстномъ болотѣ» и что на постановку ея разсчитывать уже не приходится. Къ самомъ дѣлѣ, совершенно терроризированная III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, въ вѣдѣніи которой она тогда находилась, драматическая цензура не только отказалась пропустить «Нахлѣбника», но, сурово вмѣняя въ вину автору «оскорбленіе нравственности и дворянскаго сословія», предопредѣлила резолюціо генерала Дубельта о безусловномъ запрещеніи комедіи [2]. Пораженный этой квалификаціей «Нахлѣбника», Тургеневъ все же не терялъ надеждъ на возможность самаго опубликованія пьесы и 1/13 марта еще замѣчалъ А. А. Краевскому: «я, ей же ей, не понимаю, что могла найти цензура въ Нахлѣбникѣ, и съ нетерпѣньемъ ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедія, какъ вы увидите, написана болѣе для одной роли, и вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно неисполненіе Нахлѣбника въ его бенефисъ. Ну, однако, дѣло сдѣлано, и я желаю только, чтобы въ вашемъ журналѣ ее бы не исказили» [3]. Въ то время какъ писалось это письмо, участь Нахлѣбника, набраннаго для третьей книжки «Отечественныхъ Записокъ», была, однако, уже рѣшена, и неожиданное veto театральной цензуры успѣло совершенно опредѣленно преломиться въ представленныхъ въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ донесеніяхъ двухъ его членовъ — Фрейганга и Шидловскаго. Какъ свидѣтельствуетъ выписка изъ журнала засѣданій отъ 22 февраля 1849 года, ихъ впечатлѣнія отъ комедіи Тургенева послужили матеріаломъ для слѣдующаго резюме: «Петербургскій чиновникъ Елецкій, женившись на дѣ-

---

бургскаго чиновника. Я съ нимъ вполнѣ согласенъ—притомъ же это такая мелочь, что я бы устыдился писать вамъ о ней, если бы онъ этого не потребовалъ».

«Нахлѣбникъ Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни—писалъ 10 марта 1849 года В. П. Боткинъ П. В. Анненкову. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ и Щепкинъ былъ бы превосходенъ. Она завязла, какъ вы уже, конечно, знаете, въ извѣстномъ болотѣ и дана не была». Здѣсь же В. П. Боткинъ сообщаетъ, что «у Щепкина будетъ сыграно Нахлѣбникъ въ домѣ. Теперь репетиціи идутъ» (П. В. Анненковъ и его друзья, СПБ., 1892, стр. 556—7). Какъ свидѣтельствуютъ Воспоминанія А. В. Щепкиной (Сергіевъ Посадъ, 1915, стр. 213), спектакль этотъ, однако, не состоялся.

[1]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1890 годъ, СПБ., 1893, Приложеніе, стр. 2.

[2]) Бар. Н. В. Дризенъ, «Драматическая цензура двухъ эпохъ», стр. 77 (первоначально въ «Русскомъ Богатствѣ», 1914, № 7, стр. 120—121).

[3]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1890 г., стр. 3.

вицѣ Ольгѣ, отправляется къ ней въ деревню, которая досталась ей отъ покойныхъ ея родителей. Въ Барскомъ домѣ этой деревни находятъ они дворянина Кузовкина, который съ давнихъ поръ проживаетъ на хлѣбахъ въ семействѣ Ольги, и при жизни ея отца разыгрывалъ роль Шута. Сосѣдъ Елецкихъ, отставной поручикъ Тропачевъ, пріѣхавши навѣстить молодыхъ супруговъ, трунитъ за завтракомъ надъ Кузовкинымъ, подпаиваетъ его, принуждаетъ пѣть и заставляетъ разсказывать исторію процесса, вслѣдствіе котораго Кузовкинъ давнымъ давно лишился небольшого приходившагося ему имѣнія. Когда Кузовкинъ совершенно опьянѣлъ, то ему надѣваютъ на голову огромный колпакъ изъ сахарной бумаги. Это такъ огорчило Кузовкина, что онъ начинаетъ плакать, потомъ горячится, упрекаетъ Елецкаго, что тотъ позволяетъ такъ дурно съ нимъ обращаться, и наконецъ объявляетъ ему, что онъ Кузовкинъ, отецъ его жены—Ольги Петровны. Послѣдняя, входившая въ эту минуту въ комнату, услыхала эти слова и на другой день, когда Кузовкинъ собирается оставить ихъ домъ, отъ котораго отказалъ ему Елецкій, требуетъ у Кузовкина объясненія вчерашнихъ словъ его. Кузовкинъ послѣ долгаго колебанія, наконецъ признается, что онъ дѣйствительно отецъ Ольги. Онъ разсказываетъ ей при этомъ длинную исторію о жизни покойной ея матери, описываетъ какъ она была несчастлива въ супружествѣ, какъ много терпѣла отъ мужа и какъ наконецъ дурное обращеніе съ нею послѣдняго и любовная связь его съ какою то сосѣдкою побудили несчастную женщину прибѣгнуть къ мести орудіемъ которой былъ онъ, Кузовкинъ, а плодомъ—она Ольга Петровна, нынѣ Г-жа Елецкая. Комедія кончается тѣмъ, что Ольга и мужъ ея, удостовѣрившіеся въ справедливости словъ Кузовкина, надѣляютъ его деньгами для продолженія вышеупомянутаго процесса и для выкупа деревеньки, въ которой Кузовкинъ и хочетъ поселиться. Заключеніе. Разсказъ Кузовкина, на которомъ основанъ главный интересъ Комедіи, дѣлаетъ ее произведеніемъ безнравственнымъ, которое кромѣ того бросаетъ тѣнь на дворянское сословіе. Въ Комедіи кромѣ шута Кузовкина выставлены въ жалкомъ и презрительномъ видѣ еще два другіе подобные ему бѣняки: Кирпичевъ и Ивановъ сосѣди Елецкихъ.—По этимъ причинамъ Г.г. Цензора Фрейгангъ и Шидловскій находятъ, что Комедія «Нахлѣбникъ» къ напечатанію дозволена быть не можетъ, и представили о томъ на благоусмотрѣніе Цензурнаго Комитета». Обличительный комментарій офиціальныхъ рецензентовъ «Нахлѣбника», какъ и слѣдовало ожидать, не вызвалъ возраженій, въ виду чего СПб. Цензурный Комитетъ сейчасъ же «призналъ эту комедію совершенно безнравственною и наполненною выходками противъ Русскихъ дворянъ, представляемыхъ въ презрительномъ видѣ, и потому положилъ: запретить оную и корректурные листы оставить при дѣлѣ».

«Нахлѣбникъ вашъ не пошелъ—этого бы не случилось, еслибъ онъ попалъ къ намъ, а теперь онъ погибъ невозвратно»—замѣчалъ 27 марта Тургеневу Некрасовъ [1]), обиженный тѣмъ, что вмѣсто «Современника» пьеса отдана была въ «Отечественныя Записки», а самъ авторъ запрещеннаго произведенія, сознаваясь, что онъ никакъ «не ожидалъ пораженія на голову Нахлѣбника», писалъ 14/2 апрѣля въ Петербургъ: «Съ недѣлю тому назадъ, любезный Краевскій, получилъ я ваше письмо съ извѣстіемъ объ окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго Нахлѣбника. Миръ его праху! Трудно, говоритъ священное писаніе, переть про-

[1]) А. Н. Пыпинъ. «Н. А. Некрасовъ», СПб., 1905, стр. 87.

тивъ рожна» [1]). Тѣмъ не менѣе, надежды на пропускъ «Нахлѣбника» еще долго не оставляли Ивана Сергѣевича, и 1/13 декабря онъ «напередъ» проситъ Краевскаго, «чтобы никакихъ важныхъ измѣненій въ этой комедіи не было. Лучше ея вовсе не печатать, чѣмъ напечатать изуродованную» [2]), а 24 марта (4 апр.) 1850 года, подъ впечатлѣніемъ какихъ то непровѣренныхъ московскихъ слуховъ, спѣшитъ сообщить, что «Нахлѣбникъ наконецъ позволенъ» [3]), вновь уславливается съ Краевскимъ объ его опубликованіи, но, разумѣется, преждевременно.

Хлопоты о разрѣшеніи «Нахлѣбника» продолжались еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Тургеневъ за это время не только не охладѣлъ къ пьесѣ, но даже «кое что въ ней передѣлалъ и сократилъ» [4]) и 12/27 января 1857 года получилъ, наконецъ, возможность предложить злополучное произведеніе редакціи Современника: «Попробуйте напечатать «Нахлѣбника»—писалъ Тургеневъ И. И. Панаеву [5],—мнѣ Анненковъ пишетъ, что теперь его, пожалуй, позволятъ. Если его пропустятъ (списки достать, я думаю, легко), то поручаю Толстому держать корректуру, а въ случаѣ надобности,—сдѣлать поправки и сокращенія».

Выполнено ли было послѣднее порученіе — неизвѣстно, но, освѣдомленный 5/17 марта 1857 года о снятіи запрета съ комедіи, Тургеневъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать третьей книжки журнала [6]), гдѣ пьеса въ самомъ дѣлѣ скоро

---

[1]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1890 г., стр. 4.

[2]) «На дняхъ я прочелъ въ одномъ письмѣ гр. Віельгорскаго весьма большія похвалы моему Нахлѣбнику, котораго въ одномъ обществѣ прочелъ Щепкинъ. Графъ прибавилъ: Cette pièce n'a pas encore été jouée. Стало быть, есть надежда, что ее дадутъ и въ такомъ случаѣ позволятъ печатать. Вотъ вамъ и поживa. Но я напередъ прошу, чтобы никакихъ важныхъ измѣненій въ этой комедіи не было. Лучше ея вовсе не печатать, чѣмъ напечатать изуродованную». (Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1890 г., стр. 9).

[3]) Op. cit., стр. 15.

[4]) «Я нисколько не прочь отъ печатанія Нахлѣбника—и кое что даже передѣлалъ и сократилъ—писалъ Тургеневъ П. В. Анненкову 6/18 января 1857 г.—Поправки эти я немедленно вышлю Панаеву—они еще ко 2-му номеру поспѣютъ» («Наша Старина», 1914, № 11).

[5]) И. И. Панаевъ, Литературныя воспоминанія, съ приложеніемъ писемъ, изд. III, СПБ., 1888, стр. 406.

[6]) «Прошу тебя съ полученіемъ сего письма приказать послать мнѣ «Чужой хлѣбъ» по почтѣ—отдѣльными листами, на мой счетъ; прошу тебя не забыть этого. Мартовская книжка Совр-а меня уже здѣсь не застанетъ—я распоряжусь здѣсь, чтобы мнѣ ее переслали въ Лондонъ, но комедія моя меня еще застанетъ, особенно если ее пошлютъ по почтѣ»—писалъ Тургеневъ 6/18 марта 1857 г. Панаеву (op. cit., 407), а черезъ два дня о томъ же замѣчалъ Е. А. Колбасину: «Я узналъ, что мою комедію «Нахлѣбникъ» пропустили подъ заглавіемъ «Чужой хлѣбъ». Я просилъ Панаева, чтобы онъ, не дожидаясь отправленія мартовскаго нумера, послалъ бы по почтѣ листы этой комедіи. Такъ какъ я не очень вѣрю его дѣятельности, то сдѣлайте одолженіе, напомните ему объ этомъ или возьмите эти листы и пришлите сами» (Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. СПБ., 1884, стр. 50). Любопытнѣйшее свидѣтельство объ авторскомъ гонорарѣ Тургенева за пьесу сохранилось въ его письмѣ отъ 7 апр./26 марта 1857 г. къ Панаеву (Лит. восп. etc., стр. 407): «Сдѣлай одолженіе, выдай немедленно Д. Колбасину слѣдующіе 240 р. сер. за «Чужой хлѣбъ» (считая по 75 р. за листъ, какъ сказано въ условіи)».

увидѣла свѣтъ [1]), переименованная, однако, по требованію цензуры въ «Чужой хлѣбъ».

Появленіе «Нахлѣбника» въ печати нисколько тѣмъ не менѣе не могло обезпечить одобрительный штампъ цензуры драматической и, несмотря на то, что со времени написанія комедія стала постояннымъ «предметомъ думъ, тайныхъ желаній и явныхъ домогательствъ» такого большого артиста и вліятельнаго человѣка какъ Щепкинъ, провести ее на сцену до 1862 года, какъ извѣстно, не удалось. Послѣднее стало возможнымъ—по указанію П. В. Анненкова—лишь «вслѣдствіе перемѣны администраціи въ высшемъ вліятельномъ вѣдомствѣ театральной цензуры» [2]), въ связи съ чѣмъ стоитъ обращеніе Тургенева къ Павлу Васильевичу отъ 11/23 декабря 1861 года: «Слышалъ, что разрѣшили представить «Нахлѣбника»; въ такомъ случаѣ передаю вамъ всѣ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы «Нахлѣбника» не давали безъ прибавочной сцены во 2 актѣ, которую я давнымъ давно выслалъ Щепкину и которую могу выслать вамъ теперь» [3]). Это измѣненіе первоначальнаго построенія пьесы, мотивированное прежде всего новымъ діалогомъ между Елецкимъ и Кузовкинымъ, до свѣдѣнія цензуры доведено, однако, не было. Привлекать вновь ея вниманіе къ «Нахлѣбнику» представлялось нѣсколько рискованнымъ, ибо какъ разъ въ это время, несмотря на утвержденіе пьесы въ репертуарѣ, въ охранительныхъ кругахъ высказываться стали опасенія, что «комедія раздражитъ еще и безъ того тревожно настроенную публику

---

[1]) «Современникъ», 1857, III, 81—133 (Печать позволяется, СПБ., февраля 28 дня Цензоръ И. Лажечниковъ).

[2]) «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», 1912, III, 481. Ѳ. А. Бурдинъ приписываетъ разрѣшеніе «Нахлѣбника» счастливой случайности—временному исполненію обязанностей начальника III Отдѣленія братомъ П. В. Анненкова («Вѣсти Европы», 1886, XII, 671).

[3]) П. В. Анненковъ, Литературныя воспоминанія, СПБ., 1909, 554. Несомнѣнно къ болѣе позднему времени должно относиться письмо Ивана Сергѣевича, на которое ссылается Анненковъ въ одномъ изъ своихъ черновыхъ набросковъ воспоминаній: «Осенью 1861 года, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я получилъ изъ Парижа слѣд. письмо: Милѣйшій Пав. Вас.—писалъ Тургеневъ: 1) Я получилъ отъ Бурдина письмо, въ которомъ онъ заявляетъ желаніе играть главную роль въ «Нахлѣбникѣ» или «Чужомъ хлѣбѣ», якобы допущенномъ на сцену. Мнѣ кажется—Бурдинъ чортъ знаетъ что сдѣлаетъ изъ этой роли но такъ какъ я предоставилъ и предоставляю Вамъ всю эту вещь, то Вы и рѣшите, какъ знаете. Не помню, спрашивалъ ли я Васъ—имѣете ли Вы сцену, которую я прибавилъ во второмъ актѣ и послалъ Щепкину. Эта сцена необходима. На всякій случай, я ее перешлю и вмѣстѣ съ другими поправками и измѣненіями пошлю ее Вамъ дня черезъ два или три». Получивъ наконецъ отъ Щербаня пьесу и поправки къ «Нахлѣбнику» я переслалъ ихъ М. С. Щепкину, который и самъ пріѣхалъ въ Петербургъ для перваго представленія. Подаренный ему авторомъ «Нахлѣбникъ» сдѣлался съ тѣхъ поръ предметомъ его думъ, тайныхъ его желаній и явныхъ домогательствъ, которыя не прекращались все время, когда онъ находился подъ запрещеніемъ. Неожиданное осуществленіе его задушевной мысли возвратило ему молодость»... («М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ», СПБ., 1912, III, 481). Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить нѣкоторую неточность свидѣтельства Анненкова о времени и мѣстѣ перваго представленія «Нахлѣбника», состоявшагося, какъ извѣстно, на сценѣ Московскаго Большого театра въ бенефисъ М. С. Щепкина 30 января 1862 г. (Ср. замѣчанія объ этомъ спектаклѣ А. Н. Баженова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1862, № 33).

и послужитъ предлогомъ къ переносамъ политическихъ страстей съ арены публичныхъ преній въ театральный партеръ; опасались и враждебныхъ и симпатическихъ заявленій» [1]).

Предположенія эти, о возможныхъ послѣдствіяхъ которыхъ обстоятельно повѣствуетъ П. В. Анненковъ, оказались совершенно безпочвенны. Публицистическія тенденціи двѣнадцать лѣтъ находившагося подъ запретомъ произведенія не могли въ эмансипаціонный періодъ оказать того дѣйствія, какого съ такимъ волненіемъ и тревогой были всѣ основанія ожидать въ пору созданія пьесы—въ 1848 году.

Элементы, опредѣлившіе тогда воспріятіе «Нахлѣбника» съ офиціозно-классовой точки зрѣнія—«выходки противъ русскаго дворянства, представляемаго въ презрительномъ видѣ»—утратили уже свое боевое значеніе, филантропическія настроенія и въ обществѣ и въ литературѣ были изжиты, и, въ то время какъ театральные рецензенты отмѣчали появленіе на петербургской и московской сценѣ «давно ожидаемой пьесы г. Тургенева» [2]), послѣдняя могла, разумѣется, подлежать лишь формально художественной интерпретаціи.

Ю. Оксманъ.

Комедія [3]) Тургенева „Нахлѣбникъ“ извѣстна намъ по двумъ текстамъ. Одинъ изъ нихъ—автографъ, хранящійся въ Пушкинскомъ Домѣ, другой—корректурные листы, представленные 16 февраля 1849 года редакціей „Отечественныхъ Записокъ“ въ СПб. Цензурный Комитетъ, задержанные послѣднимъ и только недавно обнаруженные при разборѣ архива Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Опубликованный впервые лишь въ 1857 году подъ заглавіемъ „Чужой хлѣбъ“ въ третьемъ номерѣ Современника, въ собраніи сочиненій Тургенева „Нахлѣбникъ“ сталъ включаться съ 1869 года, когда онъ былъ напечатанъ въ сильно измѣненномъ видѣ среди „Сценъ и комедій“ шестого тома Салаевскаго изданія; собранія 1874, 1880 и 1883 годовъ воспроизводятъ послѣдній текстъ комедіи безъ существенныхъ исправленій.

Тетрадь Пушкинскаго Дома состоитъ изъ семнадцати мелко исписанныхъ листовъ, форматомъ нѣсколько больше четверки (л. 14 недостаетъ).

Рукопись пестритъ многочисленными поправками—отдѣльныя слова и цѣлыя фразы зачеркнуты или передѣланы, тамъ и сямъ замѣчаются вставки—однако внимательное наблюденіе и сличеніе этой рукописи съ другими автографами Тургенева убѣждаетъ насъ, что это не черновикъ, хотя бы и перебѣленный.

Въ рукописи можно съ достаточной ясностью различить два наслоенія, двѣ различныхъ редакціи. По первоначальному, чистовому тексту черезъ довольно долгій, какъ мы увидимъ дальше, промежутокъ времени, нанесенъ рядъ измѣненій.

---

[1]) «М. М. Стасюлевичъ и его современники», III, 483.

[2]) «Санктпетербургскія Вѣдомости», 1862 г., № 33. Ср. А. Н. Вольфъ, «Хроника Петербургскихъ театровъ», СПБ., 1877, III, 23. «Сѣверная Почта», 7 февраля 1862 г., № 30: Сегодня, 7 февраля «въ пользу г-жи Снѣтковой 3.—«Нахлѣбникъ», ком. въ 2-хъ д.; «Страшная ночь», ком. въ 1 д.; «Сельскія школы», сцены въ 1 д.; «Нимфы и сатиръ, анакр. дивертиссементъ въ 1 д.; дивертиссементъ изъ танцовъ».

[3]) Тургеневъ упорно называетъ въ печати и въ письмахъ свои пьесы комедіями, употребляя, очевидно, это слово въ Дантевскомъ смыслѣ.

Датировать обѣ редакціи, руководствуясь изученіемъ одной рукописи, было бы невозможно—тутъ нужно прибѣгнуть къ сличенію ея съ корректурными гранками и текстомъ Современника, только такое сличеніе поможетъ намъ выяснить ихъ взаимоотношенія, зависимость одного текста отъ другого и дастъ возможность точно опредѣлить время ихъ написанія.

Рядъ мелкихъ указаній убѣдительно доказываетъ, что корректурныя гранки набирались по первому тексту тетради Пушкинскаго Дома, редакція же Современника совпадаетъ со вторымъ, исправленнымъ текстомъ рукописи.

На поляхъ автографа сдѣланы карандашныя помѣты наборщикамъ: „разрядкой, курсивомъ“ и т. д.—соотвѣтствующія мѣста корректурныхъ гранокъ набраны именно этимъ шрифтомъ.

Въ корректурѣ, при перечисленіи дѣйствующихъ лицъ, въ характеристику Кузовкина ошибочно внесена не предназначенная для печати ремарка: „Эта роль назначена Михаилу Семенычу; *слѣд.* мнѣ прибавлять нечего: онъ изъ нея сдѣлаетъ, что захочетъ“—ремарка имѣется и въ рукописи, причемъ слово „слѣд“ напечатанное курсивомъ, подчеркнуто.

Если корректурные листы набирались съ тетради Пушкинскаго Дома, то послѣдняя отождествляется съ первой, чистовой рукописью комедіи, конченной Тургеневымъ въ ноябрѣ 1848 года, тогда же отосланной имъ М. С. Щепкину и переданной послѣднимъ въ январѣ 1849 года Краевскому.

Въ письмѣ отъ 7-го января 1849 года изъ Парижа Тургеневъ пишетъ между прочимъ Краевскому: „Если вы напечатаете „Нахлѣбника“, то велите поставить „Посвящена М. С. Щепкину“. Если можно, напечатайте 10 отдѣльныхъ экземпляровъ: 8 доставьте брату, а два перешлите мнѣ“. Въ соотвѣтствіи съ этой просьбой мы находимъ въ лѣвомъ верхнемъ углу перваго листа рукописи „Нахлѣбника“ помѣту Краевскаго: „Въ I отд. цензуры. Отпечатать особо 15 экз. М. Кр.“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ корректурныхъ гранкахъ не только первую печатную, но вообще самую раннюю редакцію комедіи. Возстановить эту редакцію по рукописи Пушкинскаго Дома было бы невозможно—этому помѣшало бы и отсутствіе л. 14 и фактическая невозможность въ большинствѣ случаевъ прочитать зачеркнутое Тургеневымъ.

Передѣлки и сокращенія, сдѣланныя Тургеневымъ при печатаніи комедіи въ Современникѣ, диктовались исключительно художественными соображеніями, а вліяніе цензуры сказалось лишь въ переименованіи „Нахлѣбника“ въ „Чужой хлѣбъ“.

Правда, въ докладѣ о „Нахлѣбникѣ“ между прочимъ отмѣчалось, что въ немъ „выставлены въ жалкомъ и презрительномъ видѣ“ дворяне Ивановъ и Тропачевъ и при печатаніи корректурнаго текста исчезли части репликъ Кузовкина (стр. 194—„Сосѣдъ здѣшній-съ... Помѣщикъ то-же съ... Въ гости ко мнѣ пришелъ“—выпущены слова „Помѣщикъ то же-съ“ и на стр. 196—„Знаю, Ваня, знаю. Ты, братъ, что ни говори, все таки помѣщикъ, ты баринъ. А на меня и платье то не изъ цѣльнаго кроятъ...“—слова „ты баринъ“); но измѣненія эти такъ несущественны, обликъ Иванова такъ мало, благодаря имъ, измѣнился, что гораздо вѣроятнѣе отнести ихъ къ поправкамъ чисто стилистическимъ.

Поправки и сокращенія коснулись, главнымъ образомъ, языка и обрисовки дѣйствующихъ лицъ. Въ первоначальной редакціи наблюдается большое количество повтореній, напр.:

На стр. 200. Ольга (тоже въ полголоса). ...Бѣдный дворянинъ у насъ въ домѣ проживаетъ (Громко). Ну, пойдемъ, пойдемъ, я тебѣ хочу весь домъ показать... Я здѣсь родилась, Paul, я здѣсь выросла...

Елецкій. Пойдемъ, съ удовольствіемъ... (обращаясь къ Трембинскому) А вы, пожалуйста, прикажите камердинеру... вещи тамъ мои...

Трембинскій (торопливо) Слушаю, слушаю-съ.

Ольга. Пойдемъ же, Paul.

Елецкій. Пойдемъ, пойдемъ.

Повторенія эти, не характеризующія языка дѣйствующихъ лицъ (они встрѣчаются одинаково часто въ рѣчи всѣхъ ихъ), большей частью вычеркнуты.

Изъ рѣчи Елецкаго, напримѣръ, Тургеневъ выбросилъ:

стр. 199. „Покажи, покажи“ — „Покажи“; стр. 202. „Съ нашимъ, съ нашимъ (Цалуетъ у ней руку)—„съ нашимъ“; стр. 204. „Странно какъ то. А хорошо, Ей Богу хорошо“ — „Ей Богу хорошо“; стр. 205. „Ахъ точно, точно... милости просимъ“ — „точно“; стр. 209. „Вы правы... Ѳаддей... Флегонтъ Александровичъ, вы правы“ — второе „вы правы“.

Изъ рѣчи Кузовкина: стр. 194. „Какъ же съ, какъ же съ“ — „какъ же съ“; стр. 195. „Войди, Ваня, войди, ничего, можно“ — второе „войди“.

стр. 196. „Ну, посмотримъ, Ваня, посмотримъ“ — „Ваня, посмотримъ“ стр. 210. „А ласкова-то какъ, Ваня, какъ ласкова“ — „какъ ласкова“.

Изъ рѣчи Трембинскаго. стр. 196. „Эхъ не время, теперь, не время... не мѣсто здѣсь господа, не мѣсто“—вторыя „не время“ и „не мѣсто“; стр. 200. „Ну, друзья мои, ступайте теперь по мѣстамъ, друзья мои“ — второе „друзья мои“.

Ольги: стр. 199. „Ну, вотъ, мы дома, наконецъ дома, Paul.“ — второе „дома“; стр. 231. „Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста“; — „пожалуйста“.

Егора: стр. 192. „Распорядился, распорядился, Нарцысъ Константинычъ“ — „распорядился“; стр. 193. „Будьте спокойны, Нарцысъ Константинычъ (убѣдительнымъ голосомъ). Совершенно, то есть, будьте спокойны“ — „совершенно, то есть, будьте спокойны“.

Тропачева: стр. 213. „Карпаче, налей ему... да полнѣй, полнѣй“ — „полнѣй“; стр. 247. „Куда же, вы, любезный, куда, куда“ — „куда“.

Иванова: стр. 208. „И я, и я-съ“ — „и я“ [1]).

Цѣликомъ выкинуто было въ „Современникѣ“ нѣсколько явно замедляющихъ ходъ дѣйствія репликъ:

стр. 195. Петръ. Вы изволили меня спрашивать?

Трембинскій. А зачѣмъ ты въ передней не сидишь?

Петръ. Я ходилъ...

Трембинскій (перебивая его). Ты ходилъ... Зачѣмъ ты отъ своего мѣста отлучаешься?

---

[1]) Подобнымъ же образомъ сокращены были повторенія на стр: 191_{7-6}; 191_4; 192_8; 192_1; 193_{13-12}; 194_{17}; 194_{3-2}; 195^{13}; 195_8; 196_6; 199^{11}; 200^{12}; 200_{15-14}; 200_{12}; 204_3; 205^{11}; 208_{12}; 209^{13}; 209^{17}; 210^5; 210^{13}; 210_{10}; 210_5; 210_4; 211^6; 211^9; 212^{12}; 213^7; 213^{17}; 214^1; 215_7; 217^{16}; 218^7; 218^{11}; 219_5; 220^{12}; 221^{10}; 222^6; 223^5; 225^{16}; 225_1; 226^{10}; 226_{12}; 227^6; 228^{17}; 228_{10}; 229^{16}; 229_{11}; 229_2; 231_{16}; 232^{10}; 235^5; 236_4; 237^{2-3}; 237^9; 237^{15}; 420^7; 241^8; 241_{16}; 242^{13}; 242^{17}; 242_{14}; 242_9; 242_7; 242_6; 242_2; 243^7; 243_{17}; 244^{13}; 247^2; 249^{16}; 249_{14}; 254^{10}; 255_3.

стр. 197. Кузовкинъ. Говорятъ, какъ выросла, Иванъ, какъ похорошѣла.

стр. 208. Ольга (отводя немного Елецкаго въ сторону). Ты пойдешь со мною въ садъ, передъ обѣдомъ, Paul?

Елецкій. Съ удовольствіемъ, Оля.

стр. 212. Елецкій. Этого слѣдуетъ желать для пользы общей.

Тропачевъ. Именно! (Выпивая рюмку вина).

стр. 229. Не смѣйся, пожалуйста, надо мной... Я объ этомъ всю дорогу думала.

стр. 231. Елецкій. Какъ хочешь, Оля, какъ хочешь... Но, право.

стр. 246. Тропачевъ. Ну, пожалуй въ Колобердово (къ Елецкому) Хотите?

стр. 254. Тропачевъ. А далеко отсюда это Вѣтрово.

Кузовкинъ. Отъ города верстъ семьдесятъ будетъ [1]).

Комедію «Нахлѣбникъ» Тургеневъ писалъ спеціально къ бенефису М. С. Щепкина и особенно тщательно обработалъ роль ему предназначенную—роль Кузовкина; въ обрисовкѣ прочихъ дѣйствующихъ лицъ замѣчается какая-то недоконченность и небрежность. Въ 1857 году онъ оставилъ главную роль безъ измѣненій (если не считать указанныхъ выше исправленій въ языкѣ), но устранилъ нѣкоторыя противорѣчія изъ роли Елецкаго и далъ добавочные штришки къ ней.

Если Елецкій ни разу, съ одной стороны, не бывавшій до того въ деревнѣ долженъ былъ себя чувствовать тамъ нѣсколько стѣсненнымъ, то, съ другой стороны, онъ, какъ «Петербургскій молодецъ», (— «А что, Иванъ Кузьмичъ, развѣ они... того.»—«Просто говорятъ бѣда»), — не могъ откровенно выказывать своего невѣдѣнія и безпомощности Тропачеву. Тургеневъ передѣлалъ, конечно изъ этихъ соображеній, слѣдующія мѣста:

Въ корректурѣ на стр. 209:

Елецкій. ...Знаете ли что? Я намѣренъ даже къ вамъ прибѣгнуть. Я въ хозяйствѣ, признаться, ничего не смыслю, а вы помѣщикъ опытный, вы хозяинъ. Вамъ какъ хозяину, это не будетъ непріятно...

Тропачевъ (надвигаясь на Павла Николаевича и прижимая его руку къ своему желудку). Располагайте мною, Павелъ Николаевичъ, прошу васъ.

Елецкій. Хотите, мы передъ завтракомъ сходимъ на гумно? Отсюда два шага—подлѣ сада. Я, признаюсь вамъ откровенно, сроду на гумнѣ не бывалъ.

Тропачевъ. Не-уже-ли?

---

[1]) См. также сокращенія на стр.: $190_{6\ 5}$; 191^{10}; 191_{15}; 191_1; $195^{1\ 6}$; 195_1—196^2; $196^{6\ 10}$; $196_{16\ 15}$; 201_{13}; 202^5; 204^{15}; 208^{5-7}; 209^7; 210^{11}; $212_{11\ 9}$; 213_6; 215^7; 217_{16}; 218_{13}; 218_8; 219^{8-9}; 221^{15}; 221_{17}; 223^{8-9}; 224^{16}; 226_{14}; $229^{1\ 3}$; 229^8; 229_{13}; 229_4; 230^6; 230^9; 230^{14}; 230_2; $230_{2\ 1}$; 231^7; 231^5; 231_{15-14}; $232^{15\ 16}$; 232_1; $233_{17\ 16}$; 233_4; 235^9; 236^{13}; 236_8; 237^{16}; 238^{5-6}; $239_{5\ 4}$; 240^1; 242^{5-7}; 242_2; 243_7; 245_{15-14}; 246^{14-16}; $246_{10\ 9}$; $247^{17\ 16}$; $250^{15\ 16}$; 250_6; 251^8; 251_{16}; $254_{17\ 16}$.

Незначительныя распространенія въ „Современникѣ“ противъ корректуры на стр.: 192_{4-3}; 194_{10-9}; 196_1; 197_7; 218_{11}; 235^{15-16}; 248^5; 255^1.

Незначительныя стилистическія исправленія на стр.: 190_8; 191^4; 191^{5-6}; 195^{17}; 196_{15}; 197_6; 198_{16}; 199^3; 199_{13}; 204_{10}; 205^{13}; 205_5; 207^2; 208^{12-15}; 211_{13}; 212_{13}; 213^7; 213_{13}; 213_6; 214_5; 214_1; 215^2; 215^{10}; 215^{12}; 216^{15}; 216_7; 217_{16}; 219^4; 219^7; 219_8; 222_1; 224^4; 224^{16}; 226^{13}; 229^{17}; 229_{16}; 230^{15}; 230^{16}; 231_{13}; 231_6; 232_9; 233^{16}; 233_2; 234_{17}; 234_{13}; 234_{10}; 234_{4-3}; 235^{11}; 237_2; 238_{10}; 239^1; 239^4; 239_{15}; 239_{12}; 239_6; 240_{16}; 242^2; 245^{16}; 246^{8-9}; 247_{11}; 247_1; 254_9.

Елецкій. Ей-Богу. Я родился и выросъ въ городѣ. Берите вашу шляпу...

Въ Современникѣ:

Елецкій. ...Знаете ли что... Вамъ, какъ хозяину, это не будетъ непріятно.

Тропачевъ (надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку къ своему желудку). Располагайте мною, Павелъ Николаевичъ, прошу васъ.

Елецкій. Хотите, мы передъ завтракомъ сходимъ на гумно? Отсюда два шага—подлѣ сада.

Тропачевъ. Enchanté—помилуйте.

По первоначальному замыслу Елецкій принимаетъ участіе въ разыгрываніи шута изъ Кузовкина. Тутъ чувствуется противорѣчіе—такія шутки могли забавлять только первобытно-грубыхъ Тропачевыхъ. Тургеневъ подвергъ соотвѣтствующія мѣста комедіи измѣненіямъ:

Въ корректурѣ на стр. 220:

Тропачевъ. «...(Кузовкину). Что же вы? Ну-ка: «По улицѣ»... (Начинаетъ напѣвать: «По улицѣ») Ну?

Кузовкинъ. Увольте-съ, сдѣлайте милость.

Тропачевъ. Экой не сговорчивый... Елецкій, прикажите ему вы...

Елецкій (не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ). Да отчего же вы, Василій Семеновичъ, не хотите теперь пѣть и плясать, какъ вы при покойникѣ...

Въ Современникѣ:

Елецкій. Да отчего же вы, Василій Семеновичъ, не хотите пѣть...

Въ корректурѣ на стр. 222.

Кузовкинъ (разгорячась). Вы извольте себѣ другого шута сыскать.

Елецкій (презрительно). А какъ же мнѣ говорили, будто вы именно эту должность—должность шута у моего покойнаго тестя исправляли — а? Онъ отъ васъ вѣроятно еще не этого требовалъ.

Кузовкинъ. То дѣло прошлое-съ.

Въ Современникѣ:

Кузовкинъ (разгорячаясь). Вы извольте себѣ другого шута сыскать.

Елецкій. Въ самомъ дѣлѣ, оставьте его.

Тропачевъ. Да помилуйте, вѣдь онъ при вашемъ тестѣ игралъ же роль шута.

Кузовкинъ. То дѣло прошлое-съ [1]).

Съ гораздо большими измѣненіями былъ напечатанъ «Нахлѣбникъ» въ 1869 году—во второмъ актѣ введена цѣлая добавочная сцена. Исправленія эти дѣлались во всякомъ случаѣ не позже 1861 года—въ этомъ году въ письмѣ отъ 11/23 декабря 1861 года Тургеневъ писалъ изъ Парижа П. В. Анненкову «Слышалъ, что разрѣшено представить «Нахлѣбника»; въ такомъ случаѣ передаю вамъ всѣ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы «Нахлѣбника» не давали безъ прибавочной сцены во 2 актѣ, которую я давнымъ давно выслалъ Щепкину, и которую могу выслать вамъ теперь». Исправленія эти гораздо значительнѣй исправленій 1857 года, идутъ въ разрѣзъ съ ними и измѣнили въ основѣ всю пьесу, знаменуя собой поворотъ въ литературныхъ взглядахъ Тургенева. Въ началѣ пьесы, вплоть до сцены объясненія Кузовкина съ Ольгой, измѣненій немного и всѣ они незначительны. Въ первой

---

[1]) Измѣненія въ репликахъ Елецкаго коснулись, кромѣ того, стр.: 204^{8}; $209_{11\ 10}$; 212_{11-9}; 221_{3}; 222_{7-4}; 225_{10}; 226_{13}; 248_{9-8}.

части этой сцены исправленій уже больше, но они не представляютъ ничего характернаго, сводясь къ сокращеніямъ, имѣющимъ цѣлью выигрышъ мѣста (вставленная сцена слишкомъ удлиняла пьесу). Приводить эти сокращенія мы не будемъ—ихъ легко найти, сличивъ принятый въ современныхъ изданіяхъ текстъ съ печатаемой корректурой. Отмѣтимъ только одно: пріятель Кузовкина Ивановъ остается по ходу пьесы въ тѣни—дѣйствуя въ началѣ, онъ вскорѣ исчезаетъ, чтобы вновь появиться только въ заключительной сценѣ. Въ 1869 году Тургеневъ рѣзче обрисовалъ роль Иванова, распространивъ на стр. 245 реплику Тропачева [1]):

Въ корректурѣ и въ Современникѣ:

Тропачевъ. А вашъ бильярдъ удивительно хорошъ. Et madame? Надѣюсь она здорова?

Въ изданіи 1869 г.:

А вашъ бильярдъ удивительно хорошъ. Только представьте, г. Ивановъ отказался играть со мной! говоритъ у меня голова болитъ. Господинъ Ивановъ... и болитъ голова! а? Et madame? Надѣюсь она здорова?

Въ исправленіяхъ 1857 года замѣтна тенденція оттѣнить болѣе чѣмъ прежде внѣшнюю деликатность Елецкаго, выгодно отличающую его отъ Тропачева. Это, какъ мы указывали, вполнѣ соотвѣтствовало всему извѣстному о немъ по самому ходу пьесы. Другимъ оказывается Елецкій въ окончательной редакціи. Въ текстахъ корректуры и Современника Елецкій, возвратившись послѣ разговора съ Ольгой (разговоръ происходитъ гдѣ то за сценой), и узнавши отъ нея о признаніи Кузовкина, рѣзко обрываетъ Тропачева, возобновившаго свои шутки. Елецкаго «передергиваетъ», когда Тропачевъ замѣчаетъ, что «съ этимъ народомъ фамильярность никуда не годится», онъ проситъ Тропачева больше объ этомъ не вспоминать и уводитъ его, чтобы оставить Кузовкина наединѣ съ Ольгой.

Стр. 249. Елецкій.... Да не хотите ли пока пройтись по саду? Видите какое время? Un petit tour?

Тропачевъ. Извольте.

Елецкій (обращаясь къ Кузовкину). Вы насъ здѣсь подождете, Василій Семеновичъ (выходитъ съ Тропачевымъ. Карпачевъ отправляется вслѣдъ за ними).

Непосредственно за этимъ слѣдуетъ разговоръ Ольги съ Кузовкинымъ, въ которомъ она убѣждаетъ его принять деньги для выкупа Вѣтрова, скрывъ, что Елецкій не вѣритъ утвержденіямъ Кузовкина (объ его недовѣріи мы узнаемъ только изъ брошенной вскользь фразы: «Повторяю тебѣ, что я всей этой исторіи не вѣрю»). Ольга предоставляетъ даже Кузовкину самому рѣшать, уѣзжать ли ему или оставаться: — « ... послушайте... Я хочу узнать ваше мнѣніе. Я хочу знать, какъ вы думаете, и увѣряю васъ, я во всякомъ случаѣ съ вами соглашусь. Я успѣла оцѣнить васъ, Василій Семеновичъ, я васъ знаю теперь. Говорите же, говорите откровенно, какъ вы думаете».

Въ изданіи 1869 года вставлена тутъ цѣлая сцена. Тропачевъ съ Карпачевымъ уходятъ, а Елецкій, оставшись наединѣ съ Кузовкинымъ, рѣзко и грубо убѣждаетъ его отказаться отъ своей «нелѣпой басни» и обвиняетъ его въ вымогательствѣ.

---

[1]) Ивановъ, незамѣтный въ чтеніи, замѣчательно выдвинулся въ сценическомъ воспроизведеніи, что и заставило, по всей вѣроятности, внимательно отнестись къ нему при передѣлкѣ пьесы. (Ср. А. Н. Баженовъ, «Развлеченіе», 1862 г., № 33).

Такая передѣлка въ основѣ мѣняетъ характеръ пьесы—въ новомъ видѣ она реалистичнѣе, Клецкій и Кузовкинъ становятся жизненнѣй, но отъ характерной для молодого Тургенева трогательной непосредственности и нѣкоторой наивности письма въ послѣдней редакціи «Нахлѣбника» не остается уже и слѣда.

М. Клеманъ.

Шесть корректурныхъ листовъ съ текстомъ «Нахлѣбника» были найдены при разборкѣ архива Главнаго Управленія по дѣламъ печати въ 1917 году и представляютъ слѣдующія особенности: передъ росписью дѣйствующихъ лицъ на первомъ листѣ набрано:

Отечественныя Записки 1849 г. № 3.
«Нахлѣбникъ»,
Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ.
(Посвящена М. С. Щепкину).

Всѣ листы перенумерованы въ лѣвомъ верхнемъ углу чернилами; въ правомъ верхнемъ углу на каждомъ листѣ надписано «16 февраля»; наверху посерединѣ, начиная со второго листа,—«Нахлѣбникъ»; на оборотѣ второго листа карандашомъ—«къ дѣлу 1849 г. подъ № 8»; на оборотѣ пятаго листа чернилами—«Г-ну Цензору Фрейгангу. Отечеств. Зап. Изъ тип. Глазунова».

Корректура въ рукахъ И. С. Тургенева не была и ни имъ, ни кѣмъ либо другимъ не правилась.

Текстъ корректуры точно воспроизведенъ въ настоящемъ сборникѣ; соблюдена по возможности разница шрифтовъ; сохранены не только характерныя для Тургенева написанія (вродѣ «ведь» черезъ «е»), но и тѣ опечатки, въ которыхъ можно предположить описки самого Тургенева. Исправлены только слишкомъ явные дефекты набора (перевернутыя литеры, неправильно раздѣленныя слова, «Петръ» вм. «Петръ» и т. п.).

Въ корректурѣ карандашомъ цензора зачеркнуты многія фразы, отдѣльныя слова и цѣлыя сцены; нѣкоторыя выраженія замѣнены другими. Приводимъ списокъ этихъ исправленій.

Въ росписи дѣйствующихъ лицъ *(стр. 189—190)* зачеркнуто: «коллежскій совѣтникъ»; «дюжинный»; «дворянинъ» [о Кузовкинѣ]; «400-хъ душъ»; «и собирается за границу. По природѣ грубоватъ и даже подловатъ»; «Встриженъ коротко, à la malcontent»; «Смирное и»; «существо» [Сбоку карандашомъ приписано «человѣкъ»]; «Очень глупый человѣкъ съ усами, нѣчто въ родѣ адъютанта Тропачева»; «Въ сущности большая бестія»; надписано «плутъ»; «Гдѣ можно, крадетъ»; «Свѣжая дѣвка»; «Сильно заѣзженный и сѣвшій на ноги дворовый».

Въ текстѣ пьесы зачеркнуто: Въ первомъ актѣ—190_3 «(Схватываетъ за ухо и держитъ). Даромъ хлѣбъ ѣсть?»; 190_2 «даромъ хлѣбъ ѣсть!»; 192^{1-2} «Съ деревни безтягольныхъ нагнали» [карандашомъ приписано «нарядили»]; 196^{11-12} «новый то баринъ» [надписано «супругъ-то ея»]; 196^{12} «выгналъ» [приписано «отказалъ отъ дому»]; 196^{13} «ему насъ выгнать»; 196^{16} «ты баринъ»; 196^{17-18} «новый баринъ меня не выгонитъ» [приписано «я здѣсь останусь»]; 196^{19} «выгонять» [приписано «удалять»]; 196^{20} «баринъ меня не выгналъ»; 197^{14} «Дворецкій позволитъ

баринъ меня не выгонитъ» [приписано «я здѣсь останусь»]; 196[19] «выгонять» [приписано «удалять»]; 196[20] «баринъ меня не выгналъ»; 197[14] «Дворецкій позволитъ тебѣ, какъ же»; 197[16] «господа» [надписано «вѣдь»]; 197[17] «Господа» [1]); 200[11] «дворянинъ»; 203[4] «Голосомъ начальника отдѣленія». [Сбоку поставленъ какой то значокъ]; 204[10] «Острастку любитъ-съ»; 204[11] «Гм» и «раззорены». [Вмѣсто послѣдняго надписано «нуждаются»]; 204[17] «дворянинъ»; 204$_{16-15}$ «Онѣ ихъ, можно сказать, для потѣхи при себѣ держали» [вмѣсто этого приписано (на верху листа) «Они съ ними дѣлили скуку»]; 205$_9$ «порядочныхъ людей»; 206$_{2-3}$ «Ведь это, кажется нѣчто въ родѣ шута, а впрочемъ человѣкъ онъ смирный»; 206$_{3-4}$ «дворянинъ»; [надписано «такой же бѣднякъ»]; 206[4] «Онъ тамъ въ передней»; 206$_{5-6}$ «Какъ же въ передней...»; 206$_{7-8}$ «Это такъ; это... это ничего»; 210$_{3-1}$ «Гдѣ, послѣ этого, позвольте спросить, справедливость на свѣтѣ»; 212[11] «Постоимъ-съ»; 214$_{16-15}$ «Многія въ бѣгахъ состоятъ-съ»; 216[11 12] «я отроду не говаривалъ передъ сановникомъ»; 217$_{9-8}$ «мужики, словно куропатки, бѣгутъ, бѣгутъ»; 217$_{5-4}$ «въ самый Правительствующій Сенатъ»; 219[16] «передъ господами»; 219$_{9-8}$ «накажите,»; 221[3] «плясать»; 221[10-12] «Тропачевъ.—А вотъ видите, видите... Трембинскій.—Присядкой черезъ всю комнату изволили пройдти»; 222[8—34] Начиная со словъ «Тропачевъ.—Тѣмъ лучше...» и кончая словами «Елецкій (строго).—Какъ угодно-съ»; 223[7] «Погорячился, господа, что дѣлать»; 223[8—9] «Ну, и отвыкъ то же. Ей-Богу теперь не могу-съ»; 224[3] «А я дворянинъ» [приписано «А я....»]; 224$_{13-10}$ Начиная со словъ «Карпачевъ входитъ»... и кончая словами «глядитъ изъ-подлобья»; 224$_7$ «Карпачевъ осторожно надѣваетъ колпакъ на Кузовкина»; 224$_{5-1}$ Начиная со словъ «Всѣ хохочутъ»... и кончая словами «изъ тебя шута дѣлаютъ»; 224$_1$—225[1] «ощупываетъ колпакъ»; 225[2]—226$_{10}$ Начиная со словъ «бормоча сквозь слезы»... и кончая словами «на комъ вы женились»...; 226$_7$ «ступайте»; [приписано «отдохните»]; 226$_4$ «Не дергай меня, ты! (Въ слѣдъ)» [надписано «и обращаясь вдругъ къ»]; 226$_{3-2}$ «Вы баринъ, знатный человѣкъ, не правда-ли»; 226$_1$ «Корины—фамилія вѣдь тоже старинная, столбовая...»; *Во второмъ актѣ* зачеркнуто: 227$_1$—228[1] «да и поведенья тоже нехорошаго»; 229$_{12}$ «шумѣть». [Между словами «послѣ» и «началъ» вставлено «расплакался и»]; 230[13] «его» и «наказываешь» [надписано «съ нимъ поступаешь»]; 234$_{10}$ «буянить»; 235[14-21] Начиная со словъ «Ольга (схватываетъ его за руку)» кончая словами «закрываетъ лицо руками»; 235$_{12-11}$ «Онъ сперва не замѣчаетъ Кузовкина, который все на колѣняхъ, и подходитъ къ женѣ»; 235$_9$ «Увидавъ Кузовкина»; 235$_6$—243$_{11}$ Сцена Ольги съ Кузовкинымъ, весь его разсказъ и начало сцены Кузовкина съ Елецкимъ. Начиная со словъ «Ольга.—Поль, оставь насъ однихъ»... кончая словами «Кузовкинъ.—Точно такъ-съ». [Вмѣсто всего этого приписана ремарка: «Ольга уходитъ»]; 243$_2$ «А!»; 249$_6$—250[4] Начиная со словъ «Кузовкинъ (не глядя на нее)» кончая словами «Ольга. Василій Семеновичъ»; 250[18—24] Начиная со словъ «Притомъ что грѣха таить» кончая словами «Не огорчайтесь, Ольга Петровна»; 250$_{8-7}$ «Имъ уже извѣстно, что меня въ видѣ наказанья сослать приказано...»; 251[4]—252[14] Сцена Кузовкина съ Ольгой, начиная со словъ «Кузовкинъ (роняетъ бумагу и закрываетъ лицо руками)» кончая ремаркой «Кузовкинъ хочетъ подняться и не можетъ».

Кромѣ того, на стр. 192[17] «нагнали» передѣлано въ «нарядили»; 196[12] «насъ» переправлено въ «намъ»; 200[11] «бѣдный» передѣлано въ «бѣднякъ»; 206[7] къ словамъ «Oh ne faites pas attention» приписано «à lui»; 206$_6$ «Ивану» исправлено «Иванову»; 241[1] слова «въ тотъ вечеръ... она... со мной» подчеркнуты.

---

[1]) Кромѣ того, «пріѣдутъ» передѣлано въ «Пріѣдутъ» и приписано «такъ» (т. е. «Пріѣдутъ такъ мы бросимъ»).

«Завтракъ у Предводителя».

(къ стр. 261—311).

Въ то время какъ Нахлѣбникъ лежалъ безъ движенія въ портфелѣ «Отечественныхъ Записокъ», Тургеневъ интенсивно продолжалъ работать въ одной изъ своеобразнѣйшихъ областей опредѣленнаго имъ какъ «самое непосредственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта» театра, и къ серединѣ іюля 1849 года уже относилось его упоминаніе въ письмѣ изъ Буживаля къ Віардо о вновь только что «написанной, переписанной и отправленной одноактной комедіи въ пятьдесятъ страницъ» [1]). Этимъ брошеннымъ вскользь замѣчаніемъ о Завтракѣ у Предводителя Тургеневъ, совершенно быть можетъ безсознательно, оттѣнялъ не столько неожиданность и легкость самаго построенія пьесы, сколько завѣдомую несерьезность своего къ ней отношенія.

Предназначавшаяся для «Современника», новая комедія привезена была въ Петербургъ М. С. Щепкинымъ и, какъ видно изъ письма Н. А. Некрасова къ Тургеневу отъ 14 сентября, немедленно сдана была въ наборъ для десятаго номера журнала [2]).

Параллельное разсмотрѣніе «Завтрака у Предводителя» въ двухъ цензурныхъ инстанціяхъ, одна изъ которыхъ должна была разрѣшить его напечатаніе, другая — постановку, очевидно, не внушало въ началѣ никакихъ опасеній; по крайней мѣрѣ весьма серьезныя сомнѣнія одного изъ спеціальныхъ цензоровъ журнала И. И. Срезневскаго, задержавшаго представленное ему 12 сентября произведеніе на два мѣсяца, объяснялись Некрасовымъ еще 8 ноября какъ какое то недоразумѣніе: «Вашъ Завтракъ у предводителя» — писалъ онъ Тургеневу — подвергался сомнѣнію (ибо въ немъ дѣйствуютъ помѣщики), но теперь его позволили для сцены, и стало быть онъ попадетъ и въ печать» [3]).

Предположенія эти, однако, не оправдались: «рѣшительныя мѣры», которыя высочайше предложено было 24 октября 1849 г. принять противъ «замѣченнаго неоднократно въ журналѣ неблагонамѣреннаго направленія», не могли не сказаться въ исключительно суровой оцѣнкѣ цензорами «Современника» матеріала очередныхъ номеровъ; тенденціи Тургеневскихъ сценъ изъ уѣздной жизни должны были внушить въ это время тѣмъ большее опасеніе, что лишь недавно ихъ автору инкриминировалось въ «Нахлѣбникѣ» подобное же стремленіе «бросить тѣнь на дворянское сословіе» — обвиненіе, не снятое даже послѣ безпрепятственнаго появленія «Завтрака у предводителя» (безъ имени автора) 9 декабря на Александринской сценѣ» [4]).

---

[1]) И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ. М., 1900, стр. 80.

[2]) А. Н. Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», СПБ., 1905, стр. 101.

[3]) ibid., стр. 106. Письмо это ошибочно отнесено А. Н. Пыпинымъ къ 1856 году.

[4]) «Сѣв. Пчела», 1849 г., № 274, пятница, 9 декабря — «На Александринскомъ театрѣ: въ пользу г. Каратыгина 2-го: Завтракъ у предводителя, или полюбовный дѣлежъ, оригинальная комедія; Гооолія, соч. Расина; Разбитая чашка, комедія-водевиль; Да или нѣтъ? или Роковое письмо, комедія; дивертиссементъ». Подробнѣйшій отчетъ о спектаклѣ появился въ «Сѣв. Пчелѣ» 22 декабря (№ 285, четвертокъ). Отмѣтивъ, что «театръ былъ далеко не полонъ, ибо публика не поняла въ театръ, видя бѣдность афиши, рецензентъ характеризовалъ премьеру въ слѣдующихъ словахъ: «Третьею піесою (и какъ она была

Толкуя, тѣмъ не менѣе, неодобреніе пьесы, какъ «личный капризъ», какъ «упрямство», обусловленное произвольнымъ толкованіемъ Тургеневскаго сюжета, Некрасовъ увѣренъ былъ въ разрѣшеніи «Завтрака у предводителя» цензорами другого изданія, напримѣръ «Отечественныхъ Записокъ», куда, по его совѣту [1]), и обратился Тургеневъ 24 марта 1850 года: «Я болѣе, чѣмъ когда нибудь желаю теперь вернуться,— писалъ онъ Краевскому изъ Парижа,—для этого мнѣ не достаетъ одного: денегъ. Мнѣ совѣстно говорить объ этомъ вамъ, которому я уже безъ того много долженъ, но я прошу немного: 200 р. сер. За то я вамъ предлагаю, кромѣ моей благодарности, во 1-хъ Нахлѣбника, который наконецъ позволенъ въ Москвѣ (сколько мнѣ извѣстно изъ письма оттуда); во 2-хъ мою небольшую одноактную комедію «Завтракъ у предводителя», которую г-да редакторы Современника вручатъ вамъ (ихъ цензоръ почему то заартачился, хотя ее позволили на театрѣ)» [2]).

Оттѣненное здѣсь Тургеневымъ обстоятельство, какъ уже отмѣчали мы, не представлялось, однако, существеннымъ: все возростающій успѣхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и извѣстность «оригинальной комедіи Завтракъ у предводителя или Полюбовный дѣлежъ» [3]) нисколько не могли обезпечить ни разрѣшеніе пьесы

выставлена первою на афишѣ, то, значитъ, была главная) была комедія Завтракъ у предводителя. Тутъ все дѣло въ томъ, что къ предводителю дворянства какой то губерніи съѣзжаются помѣщики, чтобъ произвесть полюбовный дѣлежъ между братомъ и сестрою, и вмѣсто того, чтобъ помирить ихъ, ссорятся сами между собою и разъѣзжаются. Слѣдственно піесы тутъ нѣтъ, а однѣ сцены современныхъ, а можетъ быть и прежнихъ нравовъ. Но эти сцены написаны очень хорошо; характеры обрисованы вѣрно, рѣзко, отчетливо, и въ авторѣ видна большая наблюдательность. Лучше всѣхъ составленъ характеръ Анны Ильиничны Кауровой, превосходно сыгранный талантливою Сосницкою. Это удивительный типъ провинціальныхъ (а можетъ быть и столичныхъ) жительницъ, которыя ни на что не согласны, что бы имъ ни говорили, и почитаютъ себя вѣчно обиженными и угнетенными. Вся піеса была прекрасно обставлена и весьма удачно разыграна. По окончаніи не вызванъ никто. Р. З [отовъ]». Сообщаемыя А. Я. Головачевой-Панаевой («Русскіе писатели и артисты», СПБ., 1890, стр. 251—2) нѣкоторыя подробности о постановкѣ «Завтрака у предводителя» и связанныхъ съ этимъ волненіяхъ и огорченіи» Тургенева, хлопотахъ И. И. Панаева и пр. вызываютъ серьезныя сомнѣнія, и къ первымъ представленіямъ піессы, когда Тургеневъ былъ за границей, относиться во всякомъ случаѣ не могутъ. Ср. упоминаніе Т. въ письмѣ къ П. Віардо отъ 31 октября ст. ст. 1850 года: «я не видѣлъ еще ни одной своей комедіи на сценѣ» («Вѣстн. Европы», 1911, VIII, 184).

[1]) op. cit., 104.

[2]) «Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1890 г.», СПБ., 1893, Приложеніе, стр. 15.

[3]) Какъ отмѣчалъ Ѳ. Кони, («Пантеонъ и репертуаръ русской сцены», изд. подъ ред. Ѳ. Кони, т. I, январь, 1850. Театральная лѣтопись, стр. 26 «эта небольшая комедія, безспорно лучшее произведеніе изъ всѣхъ, какія въ послѣдніе два года являлись на русской сценѣ... Авторъ назвалъ ее комедіей—и это даже нѣсколько повредило ей во мнѣніи публики: комедіи, въ строгомъ смыслѣ теоріи, тутъ нѣтъ, но есть въ высшей степени комическое дѣйствіе, которое расположено въ нѣсколькихъ сценахъ, полныхъ занимательности и юмора рѣзкаго... Весь цвѣтъ дѣйствительныхъ талантовъ нашей сцены соединился здѣсь въ одинъ букетъ, и пьеса имѣла большой и заслуженный успѣхъ какъ со стороны созданія, такъ и со стороны выполненія».

для «Современника», ни допущеніе ея въ «Отечественныхъ Запискахъ». Кропотливѣйшая работа надъ Тургеневскимъ текстомъ цензора послѣднихъ А. И. Фрейганга, тщетно пытавшагося обезвредить «Завтракъ у предводителя» путемъ опредѣленныхъ сокращеній, измѣненій и исключеній отдѣльныхъ словъ, репликъ и цѣлыхъ сценъ, закончилась 14 ноября 1850 года слѣдующимъ чисто формальнымъ представленіемъ на имя предсѣдателя СПБ. Цензурнаго Комитета гр. М. Н. Мусина-Пушкина:

Для помѣщенія въ журналѣ «Отечественныя Записки» доставлена на мое разсмотрѣніе комедія въ одномъ дѣйствіи «Завтракъ у предводителя». Такъ какъ комедія эта не одобрена цензурою для другого журнала «Современникъ», то я имѣю честь испрашивать разрѣшенія Вашего Превосходительства: слѣдуетъ ли затѣмъ считать означенную пьесу запрещенною.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

Въ тотъ же день запросъ этотъ оглашенъ былъ въ засѣданіи СПБ. Цензурнаго Комитета, «опредѣленіе» котораго, разумѣется, оказалось не въ пользу разсматриваемаго произведенія:—«Комедію Завтракъ у предводителя—отмѣчено было въ протоколѣ—уже запрещенную къ печатанію въ Современникѣ, не дозволять къ напечатанію въ Отечественныхъ Запискахъ. Корректурные листы этой комедіи удержать при дѣлахъ и о запрещеніи ея сообщить прочимъ цензурнымъ комитетамъ».[1])

Включенный, такимъ образомъ, подобно «Нахлѣбнику» и «Мѣсяцу въ деревнѣ» въ число «недозволенныхъ» къ опубликованію твореній, «Завтракъ у предводителя» освобожденъ былъ отъ запрета только въ 1856 году, когда, въ связи съ фактическимъ пересмотромъ нѣкоторыхъ основаній прежнихъ цензурныхъ изъятій, онъ увидѣлъ свѣтъ въ августовской книжкѣ «Современника».[2]) Довольно существенное въ

Совершенно противоположны были впечатлѣнія рецензента «Библіотеки для чтенія» (1850 г., т. 99, Смѣсь, Новости Петербургской сцены, стр. 105—108). Комедія представляется рецензенту «написанной съ отъявленными претензіями на глубокость самой мелкой мысли, на страшный юморъ, срывающій горькую улыбку сомнѣнія, съ притязаніями на мимо-вѣрное изображеніе нравовъ, уже не существующихъ... «Вотъ вамъ и полюбовный дѣлежъ!» говоритъ Мирволинъ, едва стоя на ногахъ. Вслѣдъ за этою заключительною моралью, тихо опускается завѣса, при всеобщемъ молчаніи: ни одинъ голосъ не подаетъ одобренія, не справляются объ авторѣ, который благоразумно не выставилъ своего имени на афишѣ, и слушаютъ антрактную музыку»... Ср. болѣе позднее свидѣтельство о «Завтракѣ у предводителя» И. И. Панаева, отмѣтившаго въ Современникѣ (т. LIV, 1855, стр. 266), что «успѣхъ комедіи на сценѣ возрастаетъ съ каждымъ годомъ—и это успѣхъ правды» и А. И. Вольфа, подчеркнувшаго: «Завтракъ у предводителя или полюбовный раздѣлъ - простая картинка провинціальныхъ нравовъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ тенденцій, безъ желанія представить россійское дворянство съ невыгодной стороны привлась еще болѣе по вкусу публики» («Хроника Петербургскихъ театровъ съ конца 1826 до начала 1855 года», СПБ., 1877, ч. I, 136).

[1]) «Дѣло о статьяхъ, запрещенныхъ Цензурнымъ Комитетомъ по докладамъ цензоровъ, № 26. Нач. 7 февр. 1850 г. Конч. 14 ноября», л. 29 и 30.

[2]) «Современникъ», 1856 г., августъ, стр. 207—236. (Печать позволяется, СПБ. іюля 31 дня. Цензоръ В. Бекетовъ). Къ этому же времени относится неосуществившійся почему-то планъ изданія драматическихъ твореній Тургенева, о которомъ гласитъ слѣдующее мѣсто Некрасовской «инструкціи» отъ 6 августа 1856 г. Колбасину: «Комедіи Тургенева издать въ 2-хъ томахъ, въ форматѣ Повѣстей и на такой же бумагѣ, въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженіе первоначальнаго текста, на которое пришлось тогда здѣсь согласиться для облегченія формальнаго «дозволенія» пьесы, не было устранено при позднѣйшихъ ея перепечаткахъ, ибо запрещенная—наиболѣе полная—редакція «Завтрака у предводителя» оставалась до послѣдняго времени неизвѣстной, а самъ авторъ ея, вообще несклонный къ серьезной реконструкціи «цензурныхъ» текстовъ своихъ раннихъ произведеній, къ Завтраку у Предводителя—«сценамъ, не имѣющимъ значенія драматическаго»—относился особенно равнодушно [1].

Ю. Оксманъ.

Печатаемый нами текстъ корректурныхъ гранокъ является первой редакціей комедіи, значительно измѣненной въ послѣдующихъ печатныхъ изданіяхъ. Отличаясь большой полнотой и рѣзкостью въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, корректурный текстъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя особенности, отсутствіе которыхъ и въ «Современникѣ» и дальнѣйшихъ печатныхъ текстахъ, только въ меньшей своей части можетъ быть объяснено цензурными соображеніями. Даже если у Тургенева не было подъ руками корректурныхъ листовъ съ замѣтками цензора, общій духъ ихъ былъ ему извѣстенъ, и, тѣмъ не менѣе, только незначительная сравнительно часть этихъ замѣчаній была имъ принята во вниманіе. Такъ, исключены изъ «Современника» зачеркнутыя цензоромъ въ росписи дѣйствующихъ лицъ указанія на количество душъ, которымъ владѣетъ каждый изъ помѣщиковъ; «Мирвошкинъ», измѣненный въ «Мирволина», подъ такой фамиліей фигурируетъ въ журналѣ и во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ; отсутствуютъ въ нихъ же зачеркнутый въ корректурѣ разговоръ Мирвошкина съ Герасимомъ о барышникахъ, отмѣченныя цензоромъ упоминанія о «дѣвкахъ кружевницахъ» Безпандина, замѣчаніе Нехтерьева: «Царь Алексій Михайловичъ премудро сказалъ: дѣлу время, а потѣхѣ часъ», а также мѣсто, гдѣ Каурова начинаетъ читать «Господи, владыко живота моего» (стр. 291) [2].

Слѣдуя отчасти указаніямъ цензуры, Тургеневъ опустилъ въ Современникѣ нѣсколько почти звукоподражательныхъ репликъ, характеризующихъ обычно манеру разговора его «генераловъ» [3].

стр. 270. Балагалаевъ... Я, съ своей стороны, повѣрьте, особое обращу вниманіе, я слишкомъ, такъ сказать, хорошо чувствую обязанность, такъ сказать, которую... которую... словомъ, будьте спокойны (Алупкинъ кланяется).

числѣ 3025 экземпляровъ. Все изданіе продать за 4500 руб... Списать вымаранныя цензоромъ мѣста и отправить къ Тургеневу. На цензуру все представлять Бекетову чрезъ Вульфа» (Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову Москва. М. С. М. XVI, стр. 277).

[1]) Ср., напр., его неослабѣвающій въ теченіе многихъ лѣтъ интересъ къ «Нахлѣбнику», «Мѣсяцу въ деревнѣ», заботы о «Холостякѣ», «Провинціалкѣ» съ поразительной слудостью даже случайныхъ упоминаній о «Завтракѣ у Предводителя».

[2]) Ср. также обусловленныя, очевидно, цензурой измѣненія на стр.: 279^{3}; 286^{7}; 287_{5}—288^{8}; $291_{12\ 10}$; 292_{12}; 293^{16}—293_{11}; 293_{1}—294^{1}; $296^{9\ 10}$; 296_{13}; $299^{16\ 17}$.

[3]) Рѣзко это бросается въ глаза въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, напр. «Нови», но уже въ «Завтракѣ у предводителя» эта особенность явно выступаетъ, особенно въ первой, корректурной редакціи.

стр. 280. Балагалаевъ... я долженъ васъ попросить сперва меня выслушать (съ нѣкоторой торжественностью). Хотя... хотя... то есть... я (оправляясь) я имѣлъ удовольствіе пригласить васъ обоихъ... [1]).

Изъ роли Балагалаева выпущено много характерныхъ ремарокъ, подчеркивающихъ его важность.

стр. 269. Балагалаевъ (съ достоинствомъ). Я, повѣрьте, слишкомъ хорошо знаю, слишкомъ чувствую; это мой долгъ. Притомъ, лестное вниманіе дворянства (Берется рукой за подбородокъ).

стр. 265. Балагалаевъ (съ достоинствомъ).

стр. 271. Балагалаевъ (съ важностью).

Цензоръ тщательно отмѣтилъ всѣ мѣста, гдѣ показывается презрительное отношеніе къ Мирвошкину (а это ты, здравствуй) или гдѣ онъ услуживаетъ слишкомъ подобострастно (Мирвошкинъ быстро вынимаетъ карандашъ) и т. д. Эти отмѣтки цензора, а также и другія Тургеневъ во вниманіе не принялъ.

Исключительно художественными соображеніями вызвано было частичное сокращеніе, а отчасти и полное уничтоженіе ремарокъ [2]).

Въ корректурѣ.	Въ «Современникѣ».
Стр. 261. (Театръ представляетъ столовую. Прямо двѣ двери: одна въ гостиную, другая въ переднюю. Направо два окна. Стулья, столы, два дивана. Герасимъ молча накрываетъ столъ направо отъ зрителя, ставитъ приборы, закуску. Онъ нахмуренъ и не въ духѣ.—Слышенъ стукъ подъѣзжающихъ дрожекъ. Герасимъ подходитъ къ окну, глядитъ нѣкоторое время на дворъ, произноситъ: вишь! и медленно возвращается къ столу. Входитъ Мирвошкинъ).	(Театръ представляетъ столовую. Въ серединѣ выходъ, направо кабинетъ, окна позади, въ сторонѣ накрытый столъ съ закуской. Герасимъ хлопочетъ около стола. Услышавъ стукъ экипажа, онъ подходитъ къ окну).
Стр. 263. Мирвошкинъ (спустя нѣкоторое время, понизивъ голосъ).	Мирволинъ.
Стр. 264. Вельвицкій (съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ).	Вельвицкій.
Стр. 265. Балагалаевъ (съ улыбкой). Ты думаешь (съ достоинствомъ). Впрочемъ, Петръ Петровичъ, я долженъ сказать, весьма почтенный человѣкъ во	Балагалаевъ. Ты думаешь. Впрочемъ, Петръ Петровичъ, я долженъ сказать, весьма почтенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно заслуживаетъ...

[1]) Ср. также на стр. 268^{12}; 268^{14}; 270_{8-6}; 272^{14}; 280_{13}; 310^{4-5}.

[2]) Выпущены ремарки на стр.: 263^{6}; 263_{16}; 264^{1}; 264^{9}; 264^{12}; 264^{14}; 264_{15}; 264_{14} 264_{4}; 265_{16}; 265_{12}; 265_{8}; 266^{17}; 266_{10}; $266_{5\ 3}$; 266_{2}; 266_{1}; 267^{5}; 267^{6}; 267^{11}; 267^{13}; 267_{13}; $268^{12\ 14}$; $268^{15\ 17}$; 268_{16}, 268_{11}; 268_{6}; 269^{1}; 269^{3-4}; 269^{11}; 269^{11}; $269_{12\ 11}$; 269_{7}; 270^{5}; $270^{7\ 8}$; 270^{10}; 270^{15}; 270_{17}; 270_{9}; 270_{6}; 271^{6}; 271^{16}; 271_{16}; 272^{1}; 272^{2}; 272^{5}; 272_{9}; 273_{8}; $273_{3\ 1}$; 274^{1}; 274_{7}; 275^{2}; 275^{3}; $275^{2\ 9}$; 275^{10}; 275^{17}; 275_{16}; 276^{16}; 276_{13}; 276_{12}; 276_{11}; 276_{9}; 276_{7}; 276_{4}; 277^{10}; 277^{14}; 277_{8}; 277_{7}; $277_{6\ 5}$; 277_{3}; 278^{8}; 278^{9}; $278^{10\ 11}$; 278_{10}; 278_{5}; 279^{1}; 279^{6}; $279^{6\ 8}$; 279^{13}; 279^{14}; 279_{7}; 27_{16}; 279_{2}; 280^{2}; 280_{14}; 280_{13}; 282_{6}; 282_{4}; 283^{5}; $283^{6\ 7}$; $283^{7\ 11}$; 283^{11}; 283^{1};^{28};

всѣхъ отношеніяхъ и совершенно заслуживаетъ... Конечно, съ другой стороны, лестное вниманіе дворянства (останавливается, помолчавъ немного) Выпей-ка водки.

Стр. 270. Гарасимъ (входитъ и докладываетъ): Евгеній Тихонычъ пріѣхать изволили (выходитъ).

Балагалаевъ (поспѣшно вставая). Извините, пожалуйста (идетъ къ двери. Входитъ Суслевъ, Алупкинъ и Мирвошкинъ встаютъ). Евгеній Тихонычъ. Милости просимъ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ и т. д.

конечно, съ другой стороны, лестное вниманіе дворянства... Выпей-ка водки.

Герасимъ (входитъ): Евгеній Тихонычъ пріѣхать изволили.

Балагалаевъ (встаетъ). Извините, пожалуйста... Евгеній Тихонычъ. Милости просимъ. Какъ вы въ своемъ здоровьѣ.

Отмѣтимъ наличность въ первоначальной редакціи «Завтрака у предводителя» нѣкоторыхъ недочетовъ въ литературной отдѣлкѣ комедіи. Нѣкоторыя изъ нихъ чисто формальныя, какъ напримѣръ, нераздѣленіе ремарокъ отъ репликъ дѣйствующихъ лицъ [1]). Въ корректурѣ стр. 263.

Мирвошкинъ (въ полголоса и словно въ раздумьи) Вотъ бы, кстати, лѣску то попросить.

(Голосъ Балагалаева за кулисами: Филька.—Черезъ нѣсколько мгновеній раздается голосъ Фильки: чего изволите-съ. Голосъ Балагалаева: Вельвицкаго мнѣ позвать).

Въ Современникѣ.

....лѣску то попросить.

285_{2}; 286^{1}; 286_{16}; 286_{10}; 287^{6}; 287^{7}; 287^{10}; $288_{12\ 11}$; 288_{6}; $288_{4\ 3}$; 289^{1}; 289_{17}; 290^{5}; 290^{9}; 290^{10}; 292^{1}; $292^{7\ 8}$; $292^{12\ 13}$; 292_{6-5}; 293^{1}; 293_{11}; 293_{9}; 293_{2}; 294_{13}; 295^{6}; $295^{8\ 9}$; 295^{14}; 295^{17}; 295_{14}; 295_{12}; 295_{10}; 296^{1}; 296^{8}; 296^{14}; 296_{16-15}; 296_{10-9}; 296_{2}; 297^{2}; 297^{6}; 297^{9}; 297^{15}; 297_{16}; 297_{14}; 297_{12}; 298^{5}; 298^{10}; 298^{14}; 298^{15}; 298^{16}; 298_{11}; 298_{9}; 298_{7}; 298_{6}; 299^{5}; 299^{7}; 299_{16}; 299_{12-10}; 299_{9}; 300_{15}; 300_{12}; 300_{10}; 300_{6}; $300_{3\ 2}$; 301^{1}; $301^{4\ 5}$; 301^{7}; 301^{8}, 301^{9}; 301^{9-10}; 301^{14}; 301_{12}; 301_{11}; 301_{6-5}; 301_{1}; 302^{11}; 303^{4}; 303^{8}; $303^{9\ 10}$; 303^{11}; 303^{16}; 305_{16}; 305_{12}; 306^{5}; 306^{7}; 306^{12}; 306^{14}; 306^{17}; 307^{12}; 307^{14-15}; $307_{9\ 8}$; 307_{4}; 308^{9}; 308^{15}; 308_{16}; 308_{15}; 308_{11}; 308_{10-7}; 308_{6}; 308_{3-2}; 309^{1}; 309^{7}; 309^{9}; 309_{15-14}; 309_{5-4}; 309_{3}; 309_{2}; 310^{1}; 310^{6}; 310^{9-10}; 310^{11}; 310^{14}; 310_{6}; 311^{2}; 311^{3-4}; $311^{6\ 7}$.

Сокращены ремарки на стр.: $261_{13\ 5}$; 263^{13}; 263_{6};—до конца стр. 264^{3}; 264^{5}; 264_{15}; 264_{13}; 265_{3}; 266^{1}; 266^{15-16}; 266_{17-14}; 266_{9}; 270^{4}; 270^{6}; 270_{15-13}; 271^{3}; 273_{8}; 273_{6-4}; 278_{3-5}; 278_{11}; 279^{11-12}; 280^{3-7}; 280^{17}; 280_{8}; 286^{17}; 288^{14-15}; $289^{3\ 4}$; 292^{9}; 293_{6}; $296_{14\ 13}$; 297_{6-1}; $298^{1\ 3}$; 298^{7}; 298_{15-13}; 302^{12}; $302^{13\ 14}$; 303_{4}; 308_{13-12}; 310^{15}; 310_{15}; 310_{12}; $310_{9\ 8}$.

[1]) Тургеневъ какъ будто вообще съ трудомъ овладѣвалъ техникой театральныхъ пьесъ: на явленія, напримѣръ, у него разбиты только «Завтракъ у предводителя» и «Провинціалка», причемъ «Завтракъ» въ первой редакціи, то есть въ корректурныхъ гранкахъ, на явленія не разбитъ;—появились послѣднія впервые только въ «Современникѣ».

Отмѣтимъ тутъ же, что «Завтракъ у предводителя» въ корректурѣ, въ подзаголовкѣ названъ «Сцена изъ уѣздной жизни» (въ Современникѣ «Комедія въ одномъ дѣйствіи») Обозначеніе передъ росписью дѣйствующихъ лицъ: «Лица» введено въ Современникѣ.

Балагалаевъ (за кулисами) Филька. Вельвицкаго мнѣ позвать.

Въ корректурѣ стр. 266.

Балагалаевъ... я сейчасъ (уходитъ въ гостинную).

(Гарасимъ входитъ въ переднюю и говоритъ: пожалуйте-съ. Мирвошкинъ поправляетъ волосы на головѣ. Входитъ Алупкинъ).

стр. 297. (...Гарасимъ входитъ, остается нѣсколько времени неподвижнымъ отъ изумленія и вдругъ громко восклицаетъ: «Пехтеръевъ Петръ Петровичъ. Всѣ немножко расходятся и утихаютъ. Гарасимъ выходитъ).

Къ измѣненіямъ чисто стилистическаго характера слѣдуетъ отнести и значительныя сокращенія, сдѣланныя въ текстѣ «Современника» противъ корректурной редакціи [1]).

стр. 263. Мирвошкинъ.... что то саднитъ (выпиваетъ рюмку и заѣдаетъ). А все жена виновата. Вчера, представь, говорю ей: ты мнѣ бузины на ночь приготовь, а она—Богъ ее знаетъ, что такое съ ней происходитъ. Все съ индюшками возится. Вотъ ужъ сведутъ ее эти индюшки съ ума.—А ужъ мнѣ какъ онѣ надоѣли (передразнивая ихъ)... Клю, клю...

(Въ сосѣдней комнатѣ раздаются шаги.—Мирвошкинъ хватается за шапку и выпрямляется.—Изъ двери гостинной входятъ Балагалаевъ въ шлафрокѣ и Вельвицкій. У Вельвицкаго въ рукахъ бумаги. Мирвошкинъ кланяется. Гарасимъ выходитъ).

стр. 265. Какъ можно сравнить съ вашей коляской.

Балагалаевъ. Ты думаешь.

Мирвошкинъ. Еще бы, ваша солидная коляска. Экипажъ видный, какъ слѣдуетъ, дворянскій экипажъ. А это что, дрянь, пустячки, просто, вздоръ и больше ничего. Долго ли въ ней они поѣздятъ.

---

[1]) Ср. сокращ. на стр.: 262^{13} до конца стр.: 263_{11-6}; 265^{11-14}; 266^{11-12}; 266_{8-6}; 270^{1-3}; 270_{16-15}; 271^{9}; 271_{13} до конца стр.; 272^{4}; 273^{6}; 273_{11}; 273_{14-8}; 274_{17-15}; 275_{6}; 276^{11-15}; 277_{1}—278^{1}; 278^{11}—278_{12}; 278_{8}—$_{3}$; 279^{16}; 280^{13-14}; 280_{10}; 281^{8-9}; 281^{13}; 281^{15}; 281_{16-13}; 281_{2}; 282^{1-3}; 282_{11-8}; 284^{1-2}; 284^{3}: 284^{7-11}; 284^{13}; 284^{15}—284_{10}; 284_{4}—285^{10}; 285_{11-9}; 286^{10-11}; 286_{11-10}: 287_{15-14}: 287_{5}—288^{3}; 288^{17-18}; 288_{16-13}; 288_{11}; 288^{9-7}; 289^{9} — 289_{16}; 289_{15-4}; 290^{1}; 290^{11} — 291_{13}; 291_{10-7}; 291_{7-4}; 291_{2-1}; 292_{16-5}; 293^{16}—293_{11}; 293_{1}—294^{1}; 294^{16-17}; 296^{1-2}; 296^{12-13}; 296^{17}; 299^{10-15}; 300^{1-15}; 303^{4}: 303^{16-14}; 303_{8-5}; 304^{5-8}; 304^{10}—305^{14}; 305_{10-7}; 306_{14}; 307_{12}; 307_{1}; 308^{3-8}; 308^{13-14}; 309^{15-16}; 310_{14-12}; 310_{1}.

Незначительныя стилистическія измѣненія наблюдаются на стр.: 263_{12}; 264^{1-2}; 265^{2}; 265^{7}; 265_{17}; 266^{3-10}; 267^{4}; 267_{16}; 267_{7}; 268_{7}; 269^{15-16}; 269_{16}; 269_{11}; 269_{9}; 269_{2}; 269_{1}; 270^{17}; 271^{8}; 272_{11}; 272_{3}; 273^{6}; 273^{10}; 273^{11}; 273_{4-3}; 274^{3}; 274^{10}; 274^{12}; 274^{13}; 274_{11}; 274_{5}; 275^{14}; 275^{16}; 276^{2-3}; 277^{2}; 277_{16}; 278^{3}; 279^{3}; 279_{9}; 279_{3}; 280^{16}; 280_{2-1}; 281^{11}; 281^{15}; 281_{16}; 281_{13}; 281_{1}; 282^{4}; 282_{7}; 283^{1}; 283^{13}; 283^{14}; 283_{14-12}; 283_{11-10}; 283_{7}; 283_{5}; 283_{2}; 284^{4}; 284^{14-15}; 284_{9}; 285^{11}; 285^{12}; 285_{4}; 286^{6}; 286^{7}; 286_{2}—287^{1}; 287^{9}; 287^{16}; 287_{17}; 287_{9}; 288_{1}; 289^{2}; 291_{7}; 291_{5}; 292^{3}; 292_{11}; 292^{17}; 293^{2}; 293^{13}; 293^{15}; 293_{11}; 293_{8}; 294^{7}; 294^{12}; 295^{10}, 298_{5}; 299^{3}; 299_{9-8}; 299_{1}; 300^{15}; 301^{8}; 301^{15}; 301_{12}; 301_{9-8}; 301_{4}; 301_{3}; 302^{2}; 302_{13}; 302_{7}; 303^{2}; 303^{4-5}; 303^{8}; 303^{16}; 303_{8}; 305^{14}; 305_{1}; 306^{2}; 306^{10}; 306_{12-6}; 307^{12}; 307_{13}; 307_{9}; 307_{6-5}; 308^{1}; 308^{10}; 308^{17}—308_{17}; 309_{13-12}; 309_{9}; 310^{1}; 310^{2}; 310^{13-14}; 311^{5}.

Незначительныя вставки и распространенія см. на стр.: 289_{1}; 292^{4}; 292^{7}; 294^{4}; 295^{7}; 298^{10}; 302^{11}; 305^{14}.

Балагалаевъ. А что, она на лежачихъ рессорахъ.

стр. 271. Суслевъ. Э, да ужъ это не вдову ли Каурову я обогналъ за оврагомъ.

Мирвошкинъ. А позвольте узнать, какого рода экипажъ.

Суслевъ. Брычка—да такая длинная, парой.

Мирвошкинъ. Чалая въ корню, а на пристяжкѣ пѣгая, и кучеръ не молодыхъ лѣтъ.

Суслевъ. Точно кажется чалая въ корню... точно.

Мирвошкинъ. Ну, такъ она-съ, Каурова. Я и брычку то эту знаю. Она ее на коренной вымѣняла у Чубина Александра, можетъ изволите знать; три коровы за нее дала... и даже, помнится, Чубинъ потомъ надъ ней смѣялся. Женское дѣло, извѣстно-съ.

стр. 278. Балагалаевъ (поспѣшно). Ну, полноте, полноте, Анна Ильинишна, присядьте, успокойтесь (Каурова садится). Мы это все разберемъ. Что это г. Безпандинъ не ѣдетъ.

Алупкинъ. Однако это чрезвычайно странно. Я все таки ничего не понимаю (обращаясь къ Мирвошкину) а вы...

Мирвошкинъ (плутовато). Какъ не понять-съ.... Дѣло ясное-съ.

Алупкинъ. Вы находите (Суслеву). А вы.

Суслевъ. Ахъ, какъ бишь васъ по имени, по отчеству. Извините, позабылъ... вы еще, я вижу, весьма неопытны (помолчавъ). Впрочемъ и я хорошъ.

Алупкинъ. Странно, странно. Все это очень странно.—Странный здѣсь народъ живетъ.

Гарасимъ (входитъ и докладываетъ). Г. Безпандинъ изволили пріѣхать (Каурова приходитъ въ большое волненіе)..

Балагалаевъ. А, наконецъ. Ну, проси, разумѣется.

Каурова (съ замѣшательствомъ) Николай Иванычъ, я право...

Балагалаевъ. Что съ вами, сидите.

Каурова. Право, Николай Иванычъ, я бы на минуточку въ другую комнату вышла... я, право, боюсь...

Балагалаевъ. О полноте (къ входящему Безпандину) А, здравствуйте.

стр. 284. Балагалаевъ... Наконецъ г. Безпандинъ, а также ихъ сестрица, оба рѣшились ко мнѣ прибѣгнуть, изъявляя полную, такъ сказать, довѣренность, въ чемъ свидѣтельствуютъ ихъ собственноручныя письма... (Вельвицкому) При тебѣ они?

Вельвицкій. Къ дѣлу подшиты-съ.

Балагалаевъ. Я согласился быть между ними посредникомъ, потому что это, вы понимаете долгъ; но къ сожалѣнію, не успѣлъ до сихъ поръ склонить ни г. Безпандина, ни ихъ сестрицу. Всѣ мои старанія остались, какъ сказать [1]), тщетны. Вотъ г. Мирвошкинъ свидѣтель.

Мирвошкинъ (со вздохомъ). Да-съ, да-съ, да-съ.

Балагалаевъ. Но теперь это я въ послѣдній разъ. Рѣшительно. Итакъ, извольте посмотрѣть, вотъ въ чемъ состоитъ мое предложеніе. Это предложеніе окончательное; я принялъ въ соображеніе всѣ бывшіе споры, всѣ возраженія... Евгеній Тихонычъ, не угодно ли вамъ подвинуться.

---

[1]) Въ текстъ сборника вкралась здѣсь досадная опечатка—«такъ сказать» вмѣсто «намъ сказать».

Суслевъ (лѣниво). Да я и такъ знаю. Вотъ видите ли-съ, вотъ въ чемъ главное затрудненіе: г-нъ Безпандинъ и сестрица ихъ не желаютъ жить въ одномъ домѣ; стало быть, усадьбу слѣдуетъ раздѣлить. А раздѣлить ее нѣтъ возможности.

Алупкинъ. Да позвольте спросить, гдѣ же теперь они живутъ.

Балагалаевъ. Г. Безпандинъ живетъ въ своемъ помѣстьи, а г-жа Каурова въ городѣ.

Безпандинъ. У дьячихи.

Каурова. И совсѣмъ не у дьячихи, а у жены дьякона.

Безпандинъ. И дьячиха ее грибы заставляетъ солить.

Балагалаевъ. Ну, объ этомъ можно и послѣ поговорить. По дѣло въ томъ, что какъ г. Безпандинъ съ одной стороны, такъ г-жа Каурова съ другой, оба желаютъ переѣхать на жительство въ новоприобрѣтенное имѣніе.

Совершенно особо нужно отмѣтить измѣненія, сдѣланныя въ характеристикѣ Суслева [1]. Въ корректурѣ Суслевъ обрисованъ гораздо рѣзче. Усиленно подчеркивается его недовѣріе къ успѣшности попытки раздѣла, его неохота принимать въ немъ участіе его женоненавистничество. Характерны выпущеныя въ „Современникѣ“ мѣста:

стр. 273. Балагалаевъ. Я вамъ очень обязанъ (Суслеву, который во время разсказа Балагалаева сидя, зѣвалъ). Да, оно невесело, Евгеній Тихонычъ, точно, невесело, но долгъ.

Суслевъ. Какое веселье, да еще въ такую жару. Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ бабъ.

стр. 284. Балагалаевъ... Евгеній Тихонычъ, не угодно ли вамъ придвинуться.

Суслевъ (лѣниво). Да я и такъ знаю.

стр. 301. Пехтерьевъ.... посмотрите (чертитъ). Отсюда—вотъ сюда... а отсюда—сюда (про себя) 20 десятинъ, 20.... 40.... да такъ (громко) а отсюда вотъ куда... (Всѣ кромѣ Суслева, глядятъ на планъ).

стр. 293. Суслевъ (Алупкину, который съ досады отворачивается). Ну что взяли. Экой неугомонный человѣкъ, видно, что женатъ не былъ.

Алупкинъ. Нѣтъ, извините, былъ.

Суслевъ. Были? и жена ваша жива?

Алупкинъ. Нѣтъ умерла.

Суслевъ (помолчавъ). Вѣдь бываютъ же такіе счастливчики.

Въ 1860 году «Завтракъ у предводителя» перепечатывается изъ «Современника» въ 10 номерѣ «Драматическаго Сборника» Стелловскаго и выпускается имъ же отдѣльно [2]. Въ собраніи сочиненій Тургенева «Завтракъ у предводителя» начинаетъ включаться съ 1865 года [3]; измѣненія, произведенныя въ этихъ изданіяхъ, крайне незначительны—приведемъ ихъ полностью.

---

[1] Стр. 270^{15}; 273_9; 274_7; 275_{16-14}; 275_8; 275_7; 276^{12-13}; 276^{15}.

[2] «Завтракъ у предводителя, комедія въ одномъ дѣйствіи Ив. Тургенева. Изданіе Ѳ. Стелловскаго, Спб. 1860 г., тип. Ѳ. Стелловскаго (Печатать позволяется, 4 ноября 1860 года Цензоръ Обертъ).

[3] т. 2, изд. 1865; т. 7, изд. 1869; т. 8, изд. 1874; т. 10, изд. 1880 г. и т. 10, изд. 1883 г. Послѣднее изданіе, хотя и вышло послѣ смерти Тургенева, было имъ, какъ извѣстно, за исключеніемъ перваго тома просмотрѣно: 11 февраля 1883 г. Тургеневъ писалъ А. В. То-

Въ изданіи 1865 года уничтоженъ подзаголовокъ «Комедія въ одномъ дѣйствіи»; Пехтеревъ обозначенъ 60 лѣтъ, Каурова—45. Въ ремаркѣ, выставленной впервые въ Современникѣ, «накрываетъ на столъ» (стр. 262^{2}) [1]) измѣнено въ «накрывая на столъ»; нѣсколькими строками дальше, появившаяся впервые также только въ Современникѣ реплика «Да-съ»—на «А то къ обѣду, что-ль»; ремарка текста Современника «Къ Мирволину» (стр. 264^{3}) въ изд. 1865 г. измѣнено—«Мирволину»; выпущено «...не все же мнѣ тебѣ сказывать, наконецъ» (264_{17}) и вставлено «Вельвицкій. Да вы ничего не изволили мнѣ..... Балагалаевъ. Мало чего. Не все же мнѣ тебѣ сказывать, наконецъ»; изъ реплики «А.... Впрочемъ, не все ли равно, было бы сердце доброе» (266^{12}) выпущено «А....»; ремарка Современника—«Голосъ Алупкина (за кулисами)» (266_{16}) передѣлана—«Алупкинъ (за кулисами)»; «Антонъ Семенычъ» (270_{12}) замѣнено—«Антонъ Семеновъ»; 272_{9}—вставлено «Потому природа»; вставленная въ Современникѣ фраза..... «я пріѣхала» (271_{17}) выпущена; ремарка «Кауровой» (275^{14}) распространена—«цѣлуя руку Кауровой»; 279^{3}—вставлено «судья неумытный»; Слово «Фалеторское» (279^{13}), измѣненное въ Современникѣ на «форейторское», еще разъ измѣнено въ «фалейторское»; реплика «Быстро приподнимаясь» (280^{17}), выпущенная цѣликомъ въ Современникѣ, частично возстановлена—«приподнимаясь»; 282^{4}—вставлено «Примите другъ друга въ объятія»; 282_{14}—вставлено «и мы, въ этакіе жары, вмѣсто того, чтобы дома сидѣть, будемъ трястись по дорогамъ»; 287^{5}—прибавлено «али мы нехристы, какіе»; реплика Современника «позвольте, однако, замѣтить вамъ, Ферапонтъ Ильичъ»... (291_{1}) «позвольте, однако, замѣтить вамъ, что Ферапонтъ Ильичъ...»; ремарка Современника «Каурова (вмѣстѣ)» (292^{9}) распространена—«Каурова (вмѣстѣ съ нимъ)»; 298^{11}—прибавлено «убогій»; реплика Пехтерьева «Кто это» (298_{13}) замѣнена «Qui est ça?»; реплика Пехтерьева: «Нѣтъ родственниковъ? вовсе? скажите! Впрочемъ я теперь вспомнилъ: его Семендяевымъ звали, а не Алупкинымъ (обращаясь къ Кауровой) А вы какъ въ своемъ здоровьи, Анна Ильинишна?» (299^{4-6}) сокращена «Нѣтъ родственниковъ... Скажите.... Что ваши малютки Анна Ильинишна»; въ реплику Пехтерьева (301^{2}) вставлена фраза: «Savez vous cher ami»; реплика «самое уже упорство господъ владѣльцевъ» (303^{16}) передѣлана—«Самое ихъ какъ бы снова возгорѣвшее упорство»; 304^{3-4} реплика Мирволина. «Англо-съ? Позвольте, да это... нѣтъ то антресоль» выпущена; къ репликѣ Безпандина (310^{12}) прибавлена фраза «Проклятіе всѣмъ бабамъ отнынѣ и во вѣки».

Меньше измѣненій въ изданіи 1869 г.—Передъ росписью дѣйствующихъ лицъ появляется обозначеніе: «Дѣйствующія лица»; ремарка изд. 1865 г. «къ Мирволину» (264^{3}) читается «Мирволину»; ремарка «Да позвольте» (299^{7}) измѣнена «Да полноте»; реплика «Да этакъ лучше я вовсе отъ дома откажусь» (291_{4}) сокращена «Да этакъ лучше я отъ дома откажусь».

Въ изданіи 1874 г. сдѣлано только одно измѣненіе. Реплика «бумаги по дѣлу вдовы Кауровой» (264^{15}) передѣлана «бумагу по дѣлу вдовы Кауровой».

морову—«Надѣюсь выслать вамъ завтра X томъ, а черезъ 3 или 4 дня и VI», а въ письмѣ отъ 24 февраля ему же—«Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете меня о полученіи X тома».

[1]) Для удобства читателей мы указываемъ здѣсь и ниже соотвѣтствующія (иногда лишь приблизительно) мѣста нашего сборника, предупреждая, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ Современникѣ измѣнены.

Въ изданіи 1880 г.: «однако я столько наслышался объ ихъ справедливости» (268[12]) передѣлано «но я столько наслышался о ихъ справедливости»; характерно измѣнено начертаніе «нехристы» (287[5]) на «нехристи»; въ репликѣ на стр. 287[9]: «какъ же это я стану выбирать» «это» опущено.

Постоянно колебавшійся въ опредѣленіи своего литературнаго призванія, снискавшій, неожиданно для самого себя, широкую популярность наканунѣ полнаго отреченія отъ писательской дѣятельности, Тургеневъ, какъ драматургъ, въ промежутокъ времени, протекшій отъ перваго выступленія его на этомъ поприщѣ до опубликованія въ 1869 году впервые собранныхъ воедино «сценъ и комедій», рѣзко измѣнилъ свое отношеніе не только къ отдѣльнымъ пьесамъ, но и ко всей своей драматической дѣятельности въ цѣломъ.

Первоначально Тургеневъ предназначалъ свои пьесы для сцены, главной его задачей было живое воздѣйствіе на аудиторію самимъ исполненіемъ *театральнаго* произведенія. Всѣ пьесы писались обычно для какого нибудь опредѣленнаго актера («Нахлѣбникъ написанъ собственно для одной роли—роли Щепкина»), и постановка ихъ Тургенева занимала несравненно болѣе опубликованія въ томъ или иномъ журналѣ.

Побывавъ на исполненіи своей комедіи „Холостякъ“, шедшей съ большимъ успѣхомъ въ Москвѣ зимой 1850 года, Тургеневъ писалъ П. Віардо — „опытъ этотъ (постановка „Холостяка“) показалъ мнѣ, что у меня есть призваніе къ театру, и что со временемъ я могу писать хорошіе вещи“, однако уже въ 1852 году драматическая дѣятельность Тургенева прекращается и къ своимъ пьесамъ онъ совершенно охладѣваетъ. Въ предисловіи къ изданію сочиненій 1865 года онъ пишетъ «Въ настоящее изданіе вошли, сверхъ статей, помѣщенныхъ въ прежнемъ, 1860-го года, «Отцы и дѣти», «Призраки» и нигдѣ не напечатанный отрывокъ: «Довольно» и «Завтракъ у предводителя», сцены, не имѣющія значенія *драматическаго*». Еще опредѣленнѣе онъ высказывается два года спустя въ извѣстномъ предисловіи изданія 1869 года: «Не признавая въ себѣ *драматическаго* таланта, я бы не уступилъ однѣмъ просьбамъ г-дъ издателей, желавшихъ напечатать мои сочиненія въ возможной полнотѣ, если бы я не думалъ, что пьесы мои, неудовлетворительныя на сценѣ, могутъ представить нѣкоторый интересъ въ чтеніи. Я, быть можетъ, ошибаюсь и въ этомъ; пусть судитъ публика». Этотъ взглядъ на комедіи свои, какъ на пьесы для чтенія, Тургеневъ усвоилъ однако еще раньше—уже двѣ послѣднія изъ нихъ, «Разговоръ на большой дорогѣ» и «Вечеръ въ Соррентѣ» названы имъ «сценами» и явно предназначены для чтенія.

Эта же тенденція опредѣленно обнаруживается въ позднѣйшихъ переработкахъ всѣхъ его пьесъ—уничтоженіе ряда сценическихъ ремарокъ въ «Завтракѣ у предводителя» и «Нахлѣбникѣ» и нѣкоторыя другія характерныя въ этомъ отношеніи измѣненія ихъ раннихъ редакцій, убѣдительно доказываютъ, что «предисловіе» 1869 года, не явилось уступкой современной критикѣ, совершенно отрицавшей сценичность Тургеневскихъ пьесъ, а высказывало окончательно опредѣлившееся къ тому времени убѣжденіе автора.

М. Клеманъ.

Текстъ первоначальной редакціи комедіи «Завтракъ у предводителя» напечатанъ по корректурнымъ листамъ, сохранившимся въ архивѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и найденнымъ въ 1917 г. при разборкѣ этого архива. Листовъ

этихъ пять; всѣ они перенумерованы въ лѣвомъ верхнемъ углу. На каждомъ листѣ, въ правомъ верхнемъ углу написано «Г-ну Цензору. Сент. 12»; сверху посерединѣ, начиная со второго.—«Завтракъ у Предводителя»; справа внизу подпись цензора: «Цензоръ И. Срезневскій». На оборотѣ 5-го листа чернилами написано:

«Г-ну Цензору Срезневскому
Современникъ.
Изъ тип. Праца.»

карандашомъ: «Къ дѣлу—1850 г. № 26», тамъ-же, съ другой стороны карандашомъ: «Гост. Наполеонъ, въ Мал. Морск., Г-ну Тургеневу въ 6 №».

Корректура правлена—неизвѣстной рукой—но не очень внимательно. (Всѣ эти поправки введены въ текстъ въ настоящемъ сборникѣ. Сверхъ этого, въ текстѣ исправлены нѣсколько опечатокъ явно типографскаго происхожденія).

Въ росписи дѣйствующихъ лицъ приписаны рукой Тургенева, къ именамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ имена актеровъ: «Сосницкій» (Балагалаевъ), «Самойловъ» (Нехтерьевъ), «Каратыгинъ 2-й» (Алупкинъ), «Мартыновъ» (Мирвошкинъ), «Сосницкая» (Каурова). Текстъ корректуры испещренъ поправками цензора (судя по почерку—Фрейганга); на первомъ листѣ и въ одномъ столбцѣ второго (до стр. 273) красными чернилами, а далѣе—карандашомъ. Приводимъ списокъ этихъ исправленій.

Фамилія Мирвошкинъ вездѣ переправлена въ Мирволина (неисправлена лишь въ двухъ мѣстахъ въ концѣ пьесы).

Въ росписи дѣйствующихъ лицъ (стр. 261) зачеркнуты указанія на количество крестьянъ у помѣщиковъ: («400 душъ»), («600 душъ»), («200 душъ»), («400 душъ»), («12 душъ»), («800 душъ»), («70 душъ»).

Въ текстѣ пьесы зачеркнуто: 262^{14-15} «(помолчавъ). Чтожъ, вамъ кто подарилъ, что-ли, лошадь-то» [приписано «Да-съ»]; $262^{16\ 34}$ «Мирвошкинъ. Подарилъ» и далѣе до словъ «шематонъ, шематонъ»; 263^{9-10} «Вѣдь это наконецъ срамъ»; 264^{1-2} «Такъ такъ—таааа... такъ-то»; 264^{3} «А, ты»! [«здравствуй» передѣлано въ «здравствуйте»]; $264^{12\ 13}$ «я велю тебя позвать...»; 264_{6-5} «Стряпчій, говорятъ, вчера свою супругу опять того-съ...»; $264_{4\ 3}$ «(смѣется). Экой неугомонный!»; 264_{2-1} «Говорятъ-съ, знаки наложилъ сильные-съ»; 265^{12} «дворянскій экипажъ»; 265_{4} «Никакъ нѣтъ-съ»; [«нето» переправлено въ «Нето»]; 266_{15} «А—а—лупкинъ дворянинъ»; 267_{15} «солдатъ»; 267_{2} «Дрянь совершенная» [надписано «Ничего не было»]; $268^{2\ 3}$ «съ позволенія сказать, просто, развалился» [надписано «уже очень старый»]; 268^{12} «и истинно отеческомъ» [вмѣсто этихъ словъ поставлено многоточіе]; 268^{14} «истинно отеческомъ.... того-съ»; $269^{3\ 4}$ «(Берется рукой за подбородокъ)»; $269^{12\ 13}$ «на что мужику козелъ? Нѣтъ, вы мнѣ скажите, на что мужику козелъ? да и наконецъ»; 269_{16} «И становой будетъ въ-правѣ мнѣ грубить?»; 269_{15} «Онъ» [приписано «Становой»]; $269_{3\ 1}$ «я старый солдатъ; я обиду получилъ—честь моя страждетъ. Становой мнѣ говорилъ—и самымъ, знаете, неприличнымъ образомъ—лескать я васъ»; 270^{1} «Все такъ... но»; 270^{15} «Къ сожалѣнію жива» [приписано «Ничего...»]; $270_{16\ 15}$ «(съ улыбкой). Какъ говорится, отъ плодовъ земныхъ»; $270_{3\ 6}$ «я слишкомъ, такъ сказать, хорошо чувствую обязанность, такъ сказать, которую... которую... словомъ,»; 271^{13} «пустѣйшій человѣкъ. Впрочемъ»; 271^{13} «ничего»; 271^{15} «городъ» и «ничего»; 271_{3-2} «три коровы за нее дала»; $272^{8\ 13}$ «которое, такъ сказать, равно касается до всѣхъ дворянъ» и далѣе до словъ «того же семейства»; 272_{3}—273^{3} «До суда дѣло доходило» и далѣе до словъ «Долго ли тутъ до бѣды»; $273^{4\ 5}$ «вразумить»; $273^{7\ 8}$ «Предводитель тоже не камень, такой же чело-

вѣкъ, какъ и всѣ»; (далѣе исправленія сдѣланы карандашомъ): 273$_{11}$ «долгъ» [приписано «дѣлать нечего»]; 273$_{9}$ «Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ бабъ!»; 274$^{6-9}$ «Каурова. Покорно благодарю-съ и далѣе до словъ «чаю не прикажете ли»; 276$^{6-8}$ «(Мирвошкину)» и далѣе до словъ «Сейчасъ (выходитъ)» [вмѣсто этого приписано «(посылаетъ за кучеромъ)»]; 276^{13} «перекреститесь, матушка»; 276$_{12}$ «(входитъ. За нимъ кучеръ)»; 276$_{12}$ «съ» въ словѣ «Вотъ-съ»; 277^{12} «ушиби» [надписано «выволи»]; 277$^{12-13}$ «твою барыню до смерти» [приписано «Анну Ильинишну»]; 278$_{12}$ «Странный здѣсь народъ живетъ»; 278$_{5-4}$ «я бы на минуточку въ другую комнату вышла... Я, право»; 279$_{12}$ «до собакъ»; 279$_{11}$ «Нѣтъ-съ, я собакъ не люблю»; 279$_{9}$ «Безпандинъ (смѣясь). Въ сидячую, въ сидячую...»; 279$_{6}$ «собакахъ и»; 280$_{14\ 13}$ «(съ нѣкоторой торжественностью)»; 280$_{13}$ «(оправляясь)»; 480$_{10\ 9}$ «Помилуйте! какой примѣръ, посудите сами. Братъ и сестра, отъ одной, такъ сказать, утробы...»; 281$^{3\ 5}$« Гдѣ-жъ послѣ этого, искать на землѣ... того... ну, словомъ, тѣхъ— то есть узъ, такъ сказать...»; 281^{15} «Богъ знаетъ что такое...»; 281$^{16-17}$ «дѣвокъ ко мнѣ съ отравой подсылаете»; 281$_{16\ 15}$ «Что за дѣвки такія»; 281$_{14-13}$ «такія же развращенныя, какъ и вы сами. А что до кучера»; 281$_{13}$ «касается»; 281$_{12}$ «подъ присягой»; 281$_{3}$ «Сами вы скорѣй...»; 281$_{1}$ «ради самого Создателя»; 282$_{11\ 8}$ «Безпандинъ. (Суслеву)» и далѣе до словъ «(Сусловъ молча взглядываетъ на него)»; 283$^{3\ 4}$ «я... увѣщанія—это, такъ сказать, долгъ предводителя...»; 283$^{6-7}$ «Припеси-ка вонъ, столикъ (Вельвицкій приноситъ столикъ)»; 283^{11} «съ» въ словѣ «Вотъ-съ»; 283$_{16\ 14}$ «отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Ѳеранонтомъ Безпандинымъ и сестрою его, вдовой подпоручика, Анной Кауровой» приписано «ними»; 283$_{11-10}$ «А знать передъ смертью изъ ума старуха выжила»; 283$_{6}$ «бабы» [приписано «нея»]; 283$_{6}$—284^{2} «Правда, вы, говорятъ» и далѣе до словъ «не только чесать...»; 284$^{3\ 4}$ «Я долженъ васъ обоихъ попросить нѣсколько помолчать»; 284^{16} «какъ сказать»; 284$_{1}$—285^{6} «Безпандинъ. У дьячихи» и далѣе до словъ «Ну объ этомъ можно и послѣ переговорить. Но»; 286$^{6\ 7}$ «даже крестьянскія коровы и тѣ съ голодухи не ѣдятъ и»; 287^{10} «(Алупкинъ звѣрски глядитъ на нее)»; 287$_{14}$ «Каурова. Вотъ те Христосъ»; 287$_{6}$ «Боже мой»; 287$_{4}$—288^{7} «Я кружевницъ своихъ въ него посажу» и далѣе до словъ «Кружевницы! хороши кружевницы»; 288^{8} «Не о кружевницахъ теперь рѣчь...»; 288^{17} «дворянкою»; 289^{17} «мужикамъ» [приписано «людямъ»]; 290$_{14}$ «съ» въ словахъ «Двадцать четыре-съ»; 291$_{12-11}$ «(медленно крестясь). Господи Владыко живота моего...»; 291$_{9}$ «избу» [приписано «домъ т. е.»]; 291$_{9-8}$ «потому что теткинъ домъ таже изба»; 291$_{6\ 5}$ «(Опять крестится). Господи Іисусе Христе»; 292^{12} «какъ говорится, псу подъ хвостъ...»; 293$^{9\ 10}$ «Я даромъ, что вы, сколько мнѣ извѣстно, женщина, я не посмотрю... я... старый солдатъ, чортъ возьми!»; 293$^{18-23}$ «видно что женатъ не былъ» и далѣе до словъ «Вѣдь бываютъ же такіе счастливчики!»; 293$_{1}$ «божились и крестились» [надписано «говорили»]; 294$^{10-11}$ «то есть»; 295$_{12-11}$ «экой вы! вы видите, женщина съ поровомъ»; 296^{5}—297^{14} «Каурова. Нѣ-ѣтъ-съ, извините» и далѣе до словъ «неприлично сказать, что она такое»; 297$_{13\ 11}$ «(трепетнымъ голосомъ) Согласна, отцы мои, на все согласна, дайте подписать, все, что угодно, подпишу» [надписано: «На какія предложенія...»]; 297$_{10\ 1}$ «Суслевъ (Мирвошкину)» и далѣе до словъ «Герасимъ выходитъ»; 298$^{2-3}$ «сильно взволнованый»; 298^{11} «(Мирвошкину). А, и ты тутъ?»; 298$_{3\ 1}$ «съ бельмомъ на глазу, въ карты игралъ сильно и дома все строилъ»; 299^{3} «вовсе»; 299$^{7-8}$ «(которая только что оправилась отъ своего страху)»; 299$^{16-17}$ «Царь Алексій Михайловичъ премудро сказалъ: дѣлу время, а потѣхѣ часъ»; 300^{11} «съ»

въ словѣ «вотъ-съ»; 301[4] «быстро»; 301[5] «—съ» въ словѣ «Вотъ-съ»; 301[13—12] «мужикамъ»; 302[5] «какого дьявола»; [приписано «кого»]; 302[3—2] «Какіе вы однако странныя слова употребляете...»; 303[3] «Она суть женщина»; 303[4—5] «Она-съ? (помолчавъ). Нѣтъ-съ, это уже, я вижу филозофія пошла» [написано вмѣсто этого «Такъ тожъ...»]; 303[6—14] «Пехтерьевъ. Я не понимаю» и далѣе до словъ «Я повѣрю»; 304[3—4] «Мирвошкинъ. Ангрѣ-съ? Позвольте, да это... нѣтъ то антресоль»; 304[14] «съ» въ словѣ «вотъ-съ»; 306[13—9] «меня, предводителя» и далѣе до словъ «помилуйте»; 306[2]—307[2] «А что касается до предводительства, то повѣрьте, Николай Иванычъ, не всегда выбираютъ самыхъ достойныхъ, и если кого отставили, это еще не значитъ, что онъ недостойный...»; 307[4—13] «Балагалаевъ. Понимаю, Петръ Петровичъ» и далѣе до словъ «настоящій будетъ предводитель»; 307[14—15] «О, я не сомнѣваюсь. (къ Кауровой и Безпандину). Но вы поймете, что»; 307[16] «оскорбительныхъ»; 307[2] «глупую эту бабу» [надписано «мою сестру»]; 307[1] «Каурова. Прошу не ругаться»; 308[4—6] «оскорбленья и»; 308[5] «Насильно»; 308[9—10] «безмозглая» [надписано «напутала»]; 308[10] «Ну чего залотошила, чего?»; 308[16—18] «батюшка... вы его не знаете: онъ меня зарѣзать готовъ... это извергъ, батюшка, убійца рода человѣческаго! онъ меня нѣсколько разъ уже отравилъ»; 308[15] «сумасшедшая»; 308[3]—309[16] «Алупкинъ. (Увидѣвъ Наглановича, вздрагиваетъ и стремительно преступаетъ къ нему,» и далѣе до словъ «возьмите бумаги обратно...»; 309[15—14] «(который все время стоялъ какъ остолбенѣлый). Стойте, господа, стойте»; 309[13] «кажется, того»; 309[12] «того»; 309[12—9] «Дѣлежъ, козелъ, упрямая баба, помѣщикъ изъ Тамбова, вдругъ неожиданный становой, завтра дуэль, у меня нечистая совѣсть, усадьба, роща за безцѣнокъ роща, какая роща...»; 309[3]—310[10] «Пехтерьевъ (ему въ слѣдъ). Николай Иванычъ» и далѣе до словъ «(съ достоинствомъ отворачивается)»; 310[17] «угостили его»; 310[13] «милостивый... государь слишите вы?»; 310[7] «свистя».

Кромѣ того, на стр. 272[8] между словами «въ» и «дѣлѣ» вставлено «этомъ»; 281[14] «какія» передѣлано въ «какого»; 302[3] «какого» передѣлано въ «кого».

Всеподданнѣйшія представленія о «Запискахъ Охотника».

(къ стр. 315—326).

«Дозволеніе» отдѣльнаго изданія Записокъ Охотника, послѣдовавшее 6 марта 1852 года въ Москвѣ, открываетъ въ исторіи цензурныхъ злоключеній Тургенева ту страницу, на содержаніе которой не могли до сихъ поръ пролить свѣта ни противорѣчивыя показанія современниковъ, ни случайныя публикаціи и пересказы нѣкоторыхъ официальныхъ данныхъ, ни туманныя—на основаніи ихъ—соображенія и ссылки изслѣдователей.

Какъ извѣстно, выходъ Записокъ Охотника въ свѣтъ въ самомъ началѣ былъ не надолго отсроченъ, ибо ихъ авторъ, высланный за нѣсколько пламенныхъ строкъ о Гоголѣ «подъ присмотръ» на родину, самъ нѣкоторое время не рѣшался напоминать о себѣ въ печати [1]), но уже 4 октября И. С. Аксаковъ перечитывалъ Записки и въ письмѣ къ Тургеневу рѣшительно недоумѣвалъ, какъ

[1]) «Вотъ и мои Записки Охотника совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако мы съ Кетчеромъ рѣшили подождать»—замѣчалъ Тургеневъ въ письмѣ къ Аксакову отъ 6 іюня 1852 года («Вѣст. Европы». 1894, I, 334).

могла пропустить цензура этотъ «стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта» [1]) страны.

Образно выраженныя здѣсь особенности воспріятія Записокъ русской общественностью пятидесятыхъ годовъ до странности совпали съ офиціозной точкой зрѣнія на произведеніе, и если первыя сразу и надолго опредѣлили «огромное значеніе» Тургеневскихъ очерковъ, то вторая случайно лишь не привела къ изъятію книги изъ обращенія и къ немедленному уничтоженію наиболѣе яркихъ ея страницъ.

13 мая 1852 года обѣ части «Записокъ Охотника» препровождены были московскимъ цензурнымъ комитетомъ въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія, а черезъ десять дней особымъ чиновникамъ Главнаго Управленія Цензуры, призваннымъ съ 15 апрѣля 1850 г. осуществлять «бдительный надзоръ за духомъ и направленіемъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ, въ особенности же повременныхъ изданій», предложено было начать нѣсколько необычное слѣдствіе о только что отпечатанномъ произведеніи.

«По предложенію Вашего Сіятельства—отмѣчалось 26 мая въ первой справкѣ о «Запискахъ Охотника» для князя П. А. Ширинскаго-Шихматова—эти 2 части были сличаемы съ тѣми книжками журнала «Современникъ», въ которыхъ въ разное время помѣщались отдѣльныя статьи, соединенныя нынѣ въ одно цѣлое сочиненіе. Оказалось, что большая часть статей напечатана была въ «Современникѣ» 1847, 1848 и 1849 годовъ; въ послѣдніе же два года (1850 и 1851) только четыре статьи: двѣ же главы II части, именно XIII подъ заглавіемъ: «Два помѣщика», и XVIII подъ заглавіемъ: «Петръ Петровичъ Каратаевъ»,—не отысканы въ Современникѣ» [2]).

[1]) «Рус. Обозр.», 1894, VIII. 476. Какъ свидѣтельствуетъ П. В. Анненковъ, «графиня Растопчина (ур. Сушкова), получивъ книгу, замѣтила передъ Чаадаевымъ: «voilà un livre incendiaire». Потрудитесь перевести фразу по-русски, отвѣчалъ Чаадаевъ, такъ какъ мы говоримъ о русской книгѣ». Оказалось, что въ переводѣ фразы – зажигающая книга – получится нестерпимое преувеличеніе. .. Мы знали вельможу, очень образованнаго и гуманнаго, не мало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого» («Вѣст. Евр», 1884, II, 465).

[2]) «Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв. по Главн. Упр. Ценз. съ представленіемъ чиновникомъ особыхъ порученій коллежскимъ совѣтникомъ Волковымъ рапортовъ о прочитанныхъ имъ книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ дозволенія цензурныхъ комитетовъ. Нач. марта 24 дня, 1852 г.», № 77, листъ 7. Слѣдуетъ отмѣтить, что справка о «Петрѣ Петровичѣ Каратаевѣ» не отвѣчала дѣйствительности: разсказъ этотъ не только былъ напечатанъ въ первомъ томѣ «Современника» за 1847 годъ (стр. 197—212), но тогда же, какъ свидѣтельствуетъ письмо къ Тургеневу Некрасова, лишился въ цензурѣ «двухъ-трехъ мѣстъ» (А. Н. Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», СПБ., 1905, 87). Что же касается «Двухъ помѣщиковъ», исторія опубликованія которыхъ представляется пока совершенно невыясненной, то весьма вѣроятно, что очеркъ этотъ лишь изъ за цензурныхъ опасеній не увидѣлъ свѣта въ извѣстномъ «Иллюстрированномъ Альманахѣ», затѣянномъ въ 1847 году какъ приложеніе къ «Современнику». По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Тургеневу отъ 25 іюня 1847 г. въ Зальцбруннъ (Письма Бѣлинскаго, СПБ., 1914, III, 376) Некрасовъ выражаетъ твердую увѣренность въ участіи его въ этомъ изданіи, «въ первыхъ числахъ марта» слѣд. года для альманаха отпечатывается

Такимъ образомъ, включеніе въ «Записки Охотника» очерковъ, большая часть которыхъ недавно лишь подвергнута была дѣйствіямъ исключительно суровыхъ инструкцій цензоровъ «Современника», совершенно естественно на первыхъ порахъ ослабляло специфическій интересъ къ изданію представителей новаго охранительнаго института, ближайшимъ образомъ обязанныхъ всѣ произведенія «внимательно прочитывать тотчасъ по появленіи ихъ въ печати, дѣлать по содержанію ихъ замѣчанія и доводить немедленно до свѣдѣнія министра о всякомъ отступленіи отъ цензурныхъ правилъ», дабы глава вѣдомства могъ «тогда же употреблять нужныя мѣры строгости и предупреждать подобныя упущенія на будущее время» [1]). Съ этой точки зрѣнія, серьезныя «упущенія» могли быть проявлены въ Москвѣ лишь при разрѣшеніи неизвѣстныхъ якобы ранѣе произведеній—«Два помѣщика» и «Петръ Петровичъ Каратаевъ», на разсмотрѣніи которыхъ министръ народнаго просвѣщенія и предложилъ сейчасъ же сосредоточиться «одному изъ чиновниковъ».

Какъ свидѣтельствуетъ рапортъ коллежскаго совѣтника Е. Е. Волкова (л. 9—11), представленный лишь черезъ мѣсяцъ, обслѣдованіе Тургеневскихъ очерковъ нѣсколько задержалось, но добытый въ результатѣ его матеріалъ, очевидно, превзошелъ ожиданія высшихъ сферъ цензурнаго вѣдомства.

«По приказанію Вашего Сіятельства—доносилъ 25 іюня Волковъ—я разсмотрѣлъ XIII и XVIII главы второй части книги, подъ заглавіемъ: «Записки Охотника», соч. Г. Тургенева.

Замѣченныя мною въ этихъ главахъ нижеозначенныя мѣста, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ быть названы предосудительными,—я имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.

I) Глава XIII. Два помѣщика.

Авторъ, рисуя портретъ отставнаго Генералъ-Маіора Хвалынскаго, и изображая его въ смѣшномъ видѣ, говоритъ о немъ, между прочимъ, слѣдующее:

Страница 25 и 26. «Хлопотунъ онъ и жила страшный, а хозяинъ плохой; взялъ къ себѣ въ управители отставнаго вахмистра, Малоросса, необыкновенно глупаго человѣка. Впрочемъ, въ дѣлѣ хозяйничества, никто у насъ еще не перещеголялъ одного Петербургскаго важнаго Чиновника, который, усмотрѣвъ изъ донесеній своего прикащика, что озимы у него въ имѣньи часто подвергаются пожарамъ, отчего много хлѣба пропадаетъ—отдалъ строжайшій приказъ: впередъ до тѣхъ поръ не сажать сноповъ въ овинъ, пока огонь совершенно не погаснетъ. Тотъ же самый Сановникъ вздумалъ было засѣять всѣ свои поля

анонимный рисунокъ Ѳедотова «Два помѣщика», тѣснѣйшая связь котораго съ героями одноименнаго разсказа Тургенева не можетъ подлежать сомнѣнію, и, наконецъ, 6 сентября 1848 г. цензоръ А. Крыловъ обращаетъ вниманіе въ своемъ рапортѣ какъ на самый рисунокъ («безъ помѣщиковъ и здѣсь дѣло не обошлось»), такъ и на отсутствіе въ альманахѣ подходящаго текста. (Ср. Дѣло Главн. Упр. Ценз. объ Иллюстрированномъ Альманахѣ, 1848 г., № 108, л. 14—15; Дѣло СПБ. Ценз. К. 1848 г., № 81; А. Е. Грузинскій, Литературные очерки, М., 1908, 222, М. Азадовскій. Изъ старыхъ альманаховъ, П., 1908, стр. 21 и наши замѣчанія о послѣднемъ въ Московскомъ «Понедѣльникѣ Народнаго Слова», 1918, № 7).

[1]) См. Высочайше утвержденную 15 апрѣля 1850 года записку кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова «О наблюденіи за духомъ и направленіемъ Повременныхъ Изданій» (Секретное Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв. по Главн. Упр. Ценз., 1850 г., № 73, л. 7—9).

макомъ»... и проч. въ томъ же тонѣ насмѣшки. Этотъ важный Петербургскій Чиновникъ-Сановникъ выставленъ авторомъ пошлымъ дуракомъ и сумазбредомъ. Слово Сановникъ, означаетъ у насъ лице Государственное, а потому при этомъ названіи, не должно, мнѣ кажется, дозволять себѣ ни той ироніи, ни той насмѣшки, которыя допустилъ въ своей книгѣ Г. Тургеневъ.—Не кроется ли тутъ какая нибудь личность?

Страница 27. «Состоялъ онъ (Хвалынской) въ молодые годы адьютантомъ у какого-то значительнаго лица, котораго иначе и не называетъ какъ по имени и по отечеству; говорятъ будто-бы онъ принималъ на себя не однѣ адьютанскія обязанности—да не всякому слуху можно вѣрить».—

«Принималъ на себя не однѣ адьютанскія обязанности».

Не понятно какъ могъ Г. Ценсоръ пропустить подобное выраженіе, такъ ясно обозначающее скрытную грязную мысль автора? И я не ошибаюсь говоря это, потому что и многіе другіе, читавшіе «Записки Охотника», понимаютъ помянутое выраженіе точно-также какъ и я его понимаю. Каждому образованному читателю очень хорошо извѣстно, что никакихъ нѣтъ такихъ Адьютанскихъ обязанностей, о которыхъ бы нельзя было говорить печатно; но Г. Тургеневъ намекаетъ на такіе, по его словамъ, обязанности, которыя противны не только нравственности, но даже и самой природѣ человѣка!—Вотъ почему онъ и не наименовалъ эти обязанности, а закончилъ фразу словами: «да не всякому слуху можно вѣрить», и тѣмъ самымъ еще болѣе укрѣпилъ въ читателѣ мысль, родящуюся у него при чтеніи вышеозначеннаго выраженія.—

«Перейдемъ теперь къ другому помѣщику».—Этими словами авторъ оканчивая свой очеркъ Хвалынскаго, начинаетъ описывать помѣщика Стегунова.—

Такъ какъ въ обоихъ этихъ разсказахъ нѣтъ ни какой интриги,—это просто одинъ только очеркъ двухъ помѣщиковъ, знакомыхъ автору, то мнѣ и невозможно передать Вашему Сіятельству содержаніе XIII главы Записокъ Охотника.—Я вынужденъ ограничиться указаніемъ однѣхъ только мѣстъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ быть названы предосудительными, и слѣдовательно не долженствовавшія быть допущенными къ печати.—

Говоря о Священникѣ, котораго авторъ встрѣтилъ у помѣщика Стегунова, онъ представляетъ его въ униженномъ и подобострастномъ положеніи, такъ не соотвѣтственнымъ съ саномъ Служителя Церкви.—Обращеніе Стегунова съ Священникомъ болѣе чѣмъ фамильярное: оно близко къ пренебреженію, съ которымъ помѣщики, подобные Стегунову, привыкли обращаться со своими крестьянами.

Стран. 33 и 34. «—Погоди, погоди батюшка, заговорилъ Мардарій Аполлонычъ, не выпуская моей руки:—не уходи; я велѣлъ тебѣ водки принести».

«—Я не пью-съ, съ замѣшательствомъ пробормоталъ священникъ и покраснѣлъ до ушей.

«—Что за пустяки! Отвѣчалъ Мардарій Аполлонычъ:—Мишка! Юшка! водки Батюшкѣ!»—

Тутъ надо замѣтить, что это было вовсе не время, въ которое обыкновенно подаютъ водку,—это было въ 7 часовъ вечера,—время для чаю, а не для водки. Ее во всякое время подаютъ только однимъ мужикамъ.—Когда принесли водку, то священникъ началъ отказываться.

«—Пей, Батюшка, не ломайся», замѣтилъ помѣщикъ.

Выраженіе: «не ломайся», не доказываетъ ли пренебреженіе помѣщика къ Священнику?—

Стран. 37. «А что будешь дѣлать съ размежеваньемъ? Отвѣчалъ мнѣ Мардарій Аполлонычъ. У меня это размежеваніе, вотъ гдѣ сидитъ. (Онъ указалъ на свой затылокъ.)—И никакой пользы я отъ этого размежеванья не предвижу».—

Не могу оставить безъ вниманія этихъ послѣднихъ словъ.—Съ перваго взгляда онѣ кажутся очень невинными; но вникнувъ въ нихъ хорошенько, убѣдишься, что эти слова могутъ имѣть вредное вліяніе на большую часть нашихъ помѣщиковъ, которые, къ сожалѣнію, походятъ во всемъ на Мардарія Аполлоныча Стегунова.—

Мнѣ случалось много разъ присутствовать при полюбовномъ размежеваніи, а потому я знаю по опыту, какъ помѣщики, и въ особенности помѣщицы наши, закоренѣлые въ невѣжествѣ и предразсудкахъ,—стараются всевозможными средствами уклониться отъ исполненія желаній Правительства, касательно уничтоженія черезполоснаго владѣнія.—Каждый изъ такихъ помѣщиковъ, прочтя книгу Г. Тургенева, съ самодовольствіемъ остановится на словахъ: «И никакой пользы я отъ этого размежеванья не предвижу», и болѣе прежняго станетъ уклоняться отъ полюбовнаго размежеванія.—Въ провинціяхъ еще до сихъ поръ вѣрятъ слѣпо всему печатному, а потому тамъ навѣрное многіе станутъ разсуждать такъ: «Не защищайте пожалуйста вы размежеванія.—Отъ него нѣтъ и не будетъ никакой пользы, и мнѣ право странно, что вы спорите, когда извѣстный нашъ авторъ Г. Тургеневъ печатно, да, сударь мой, печатно, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ, что размежеваніе не можетъ принести никакой пользы!»—

Трудно, почти невозможно разувѣрить такого провинціяльнаго оратора; на всѣ доказательства и доводы, что это говоритъ не Г. Тургеневъ, а одно изъ описываемыхъ имъ лицъ,—помѣщикъ Стегуновъ, невѣжда, человѣкъ вовсе не образованный,—вамъ возразятъ, что это не такъ, не правда, что это говоритъ самъ Тургеневъ, потому что онъ, а ни кто другой сочинилъ эту книгу.—

Быть можетъ во всемъ вышесказанномъ я и ошибаюсь; но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ Цензоръ, при разсматриваніи каждаго сочиненія, долженъ обращать особенное вниманіе на выраженія въ которыхъ кроется какая нибудь дурная мысль автора, замаскированная приличными и часто отборными словами; равно и на тѣ слова, которыя могутъ быть извѣстнымъ кругомъ читателей поняты не такъ какъ слѣдуетъ, или перетолкованы въ дурную сторону.—

2) Глава XVIII. Петръ Петровичъ Каратаевъ.

Съ этимъ оригинальнымъ лицемъ, авторъ встрѣтился на станціи, въ проѣздъ свой изъ Москвы въ Тулу. Описавъ наружность и характеръ Каратаева, Г. Тургеневъ передаетъ читателю разсказанный ему самимъ Каратаевымъ эпизодъ изъ своей жизни.—

Вотъ содержаніе этого разсказа.—Каратаевъ, влюбившись въ крѣпостную дѣвку одной помѣщицы, хотѣлъ было ея выкупить на волю; но такъ какъ ея барыня на это не согласилась, то онъ увёзъ свою возлюбленную.—Барыня, какъ водится, подала объявленіе о побѣгѣ своей дѣвки, не подозрѣвая, что она живетъ у Каратаева. Въ послѣдствіи, однакожъ, помѣщица узнала объ этомъ, и подала въ судъ жалобу, да тутъ же, какъ выражается Каратаевъ, и благодарность, какъ слѣдуетъ, предъявила.—Въ слѣдствіе этой жалобы явился къ Каратаеву Исправникъ съ требованіемъ отъ него бѣглянки; но влюбленный похититель, угостивъ Исправника

хорошимъ завтракомъ, и предложивъ ему свою лошадь въ подарокъ, на что тотъ, и согласился, выпроваживаетъ уѣзднаго блюстителя порядка изъ своего дому.—

Стран. 179.—«Смотрю, ѣдетъ ко мнѣ Исправникъ; а Исправникъ-то былъ мнѣ человѣкъ знакомый, Степанъ Сергѣичъ Кузовкинъ, хорошій человѣкъ, то есть, въ сущности человѣкъ не хорошій. Вотъ пріѣзжаетъ и говоритъ: такъ и такъ Петръ Петровичъ, какъ же вы это такъ? отвѣтственность сильная и законы на этотъ счетъ ясные. Я ему говорю: ну, объ этомъ мы, разумѣется, съ вами поговоримъ, а вотъ, не хотите-ли перекусить съ дороги? Перекусить-то онъ согласился, но говоритъ: правосудіе требуетъ, Петръ Петровичъ, сами посудите.—Оно, конечно, правосудіе, говорю я: оно, конечно... а вотъ, я слышалъ, у васъ лошадка есть вороненькая, — такъ не хотите-ли помѣняться на моего Лампурдоса? а дѣвки Матрены Ѳедоровой у меня не имѣется.—Ну, говоритъ онъ: Петръ Петровичъ дѣвка-то у васъ; мы вѣдь не въ Швейцаріи живемъ... а на Лампурдоса помѣняться лошадкой можно, можно, пожалуй, его и такъ взять»—

Говоря другими словами, Исправникъ взялъ взятку, въ слѣдствіе чего и оставилъ дѣвку-бѣглянку у Каратаева. Но старая помѣщица не переставала хлопотать въ Судѣ, и вѣроятно отняла бы наконецъ у Каратаева свою дѣвку, еслибъ эта послѣдняя, вскорѣ послѣ посѣщенія Исправника, сама не вздумала къ ней явиться. Каратаевъ, лишившись своей возлюбленной, предался отчаянію, и долго не могъ забыть своего горя.—«Вѣдь, что вы думаете?—Продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, межь тѣмъ, какъ слёзы всё еще бѣжали по его разгорячennымъ щекамъ: —вѣдь выдала себя дѣвка! пошла да и выдала себя»...

Этими словами Каратаевъ заключаетъ свой разсказъ.

Въ Главѣ XVIII, я не встрѣтилъ ничего такого особеннаго, что могло бы, въ отношеніи Цензурномъ, обратить на себя вниманіе; однакожъ мнѣ кажется, что слѣдующее выраженіе не совсѣмъ-то прилично, и очень бы могло быть выпущено.—Авторъ, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, просидѣлъ цѣлый день на Станціи, и вотъ что говоритъ онъ о смотрителѣ.—

«Смотритель, человѣкъ уже старый, угрюмый, съ волосами, нависшими надъ самымъ носомъ, съ маленькими заспанными глазами, на всѣ мои жалобы и просьбы отвѣчалъ отрывистымъ ворчаньемъ, въ сердцахъ хлопалъ дверью, *какъ будто самъ проклиналъ свою должность*»...

Проклинать свою должность, то есть, службу свою, выраженіе довольно странное и не приличное, потому, что оно выражаетъ, нѣкоторымъ образомъ, неуваженіе къ Правительству, постановляющему всѣ должности въ Государствѣ.—

Коллежскій Совѣтникъ *Волковъ*.

25 Іюня, 1852.

Прежде чѣмъ опредѣлить въ связи съ этимъ рапортомъ дальнѣйшій ходъ слѣдствія о «сомнительныхъ» страницахъ «Записокъ Охотника», министръ 30 іюня предложилъ «сообразить и доложить» вновь это дѣло коллежскому совѣтнику В. И. Кузнецову. Особо отмѣченныя въ первомъ донесеніи предосудительныя детали Тургеневскаго повѣствованія новымъ докладчикомъ были значительно смягчены и разъяснены по возможности какъ промахи и недочеты скорѣе стилистическіе, чѣмъ послѣдовательно и опредѣленно тенденціозные [1]).

---

[1]) Благожелательныя заключенія Кузнецова о «Двухъ Помѣщикахъ» и «Петрѣ Петровичѣ Каратаевѣ» нѣсколько напоминаютъ строки его коллеги кн. А. Ширинскаго-Шихма-

По мнѣнію В. И. Кузнецова—(л. 12—13) «въ разбираемыхъ двухъ главахъ, XIII и XVIII, второй части «Записокъ Охотника» Тургенева авторъ рисуетъ бытъ помѣщиковъ въ Россіи, стараясь поддѣлаться подъ выраженія, употребляемыя въ общежитіи. Если разсматривать съ этой точки зрѣнія указанныя въ рапортѣ мѣста, то я бы полагалъ возможнымъ считать нѣкоторыя изъ нихъ не столь предосудительными какъ полагаетъ Коллежскій Совѣтникъ Волковъ. Именно:

1., Въ главѣ XIII »Два Помѣщика». Замѣчаніе о неосновательныхъ распоряженіяхъ по хозяйству одного важнаго Петербургскаго чиновника (стр. 25 и 26), тогда только подлежитъ осужденію, если тутъ скрывается личность: но вѣроятно, что это анекдотъ уже старый. Названіе же Сановника, данное тому же чиновнику, оправдывается тѣмъ, что авторъ говоритъ здѣсь иронически: ибо слово Сановникъ не имѣетъ опредѣленнаго значенія, и въ оффиціальномъ слогѣ не употребляется.

2., Свиданіе Священника съ помѣщикомъ Стегуновымъ (глава XIII стр. 33 и 34) также, кажется, взято изъ нравовъ деревенскаго быта. Если помѣщикъ и обращается съ Священникомъ съ нѣкоторою фамиліарностію, то это объясняется тѣмъ, что послѣдній пришелъ какъ гость. Если молодой Священникъ выказываетъ передъ уважаемымъ въ уѣздѣ лицемъ застѣнчивость и смиреніе: но это не можетъ назваться

това о Тургеневскихъ «Трехъ встрѣчахъ» въ рапортѣ о февральской книжкѣ «Современника» за 1852 г.: «Авторъ самъ дѣйствующее лицо, разсказываетъ свои три встрѣчи съ одною загадочною красавицею, сильно его заинтересовавшею.—Тутъ есть любовь, бляженство, очарованіе, разочарованіе; довольно удачное описаніе природы въ лѣтнюю ночь: вѣрно схваченные очерки характеровъ нѣсколькихъ крестьянъ, страшная сцена повѣсившагося старика двороваго человѣка, отъ тоски по отсутствующимъ господамъ и въ заключеніе Маскерадъ въ Петербургѣ, гдѣ и кончается повѣсть безъ развязки». (Арх. Мин. Нар. Просв., № 150041. Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв. по Главн. Упр. Ценз. съ представленіемъ чин. ос. пор. кн. Андр. Ширинскимъ-Шихматовымъ рапортовъ о прочитанныхъ имъ книгахъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ дозволенія цензурныхъ комитетовъ. Нач. 24 марта 1852 г., л. 3 об.). Въ такихъ же приблизительно тонахъ реферировались позднѣе во всеподданнѣйшихъ докладныхъ запискахъ министра народнаго просвѣщенія «замѣчательнѣйшія сочиненія, помѣщенныя въ періодической литературѣ». Ср., напр., представленный 12 марта 1860 г. мин. нар. просв. Е. П. Ковалевскимъ, конспектъ появившагося въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» Наканунѣ: «Г. Тургеневъ, въ новой своей повѣсти, выводитъ на сцену трехъ молодыхъ людей: бойкаго, красиваго, талантливаго художника; человѣка приготовляющагося къ ученой карьерѣ, горячо преданнаго наукѣ, полнаго самаго возвышеннаго самоотверженія; наконецъ «Булгарина» съ очень ограниченными познаніями, съ укомъ обыкновеннымъ, нѣсколько дикаго въ обществѣ, но одареннаго сильною волею и подчиняющаго всю свою жизнь одной идеѣ, одной цѣли: любви къ своей родинѣ. Поставленная между ними дѣвушка отдается всею душою послѣднему, оставляетъ свое семейство, жертвуетъ уваженіемъ общества и безстрашно видается въ новую жизнь, полную тревогъ и опасностей, потому что избранный ею молодой человѣкъ, при началѣ восточной войны оставляетъ Россію, чтобъ принять участіе въ освобожденіи Булгаріи» (Дѣло Канц. Мин. Нар. Просв. по Главн. Упр. Ценз. со всеподданнѣйшими докладными записками Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о замѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ, помѣщенныхъ въ періодической литературѣ. Ч. 1. Нач. января 16, оконч. іюля 5-го 1860 г., № 13, листъ 37).

неприличнымъ его лѣтамъ и званію. Если Стегуновъ при прощаніи угощаетъ водкой, то это есть извѣстный обычай у всѣхъ Русскихъ, остатокъ патріархальныхъ нравовъ; при томъ водкой угощаютъ обыкновенно дорогихъ гостей. Слова «не ломайся», не выражаютъ, кажется, пренебреженія, но напротивъ близость отношеній.

3., Въ главѣ XVIII подъ заглавіемъ: «Петръ Петровичъ Каратаевъ» обращаютъ на себя вниманіе: Разсказъ о любовной связи Каратаева съ простою крѣпостною дѣвкою, также о взяткахъ, которыя даются въ Судѣ и Исправнику. Въ первомъ отношеніи, разсказъ этотъ, кажется, не выходитъ изъ предѣловъ дозволеннаго; во второмъ отношеніи, хотя и желательно бы было, чтобы избѣгать намековъ на взятки, но это случай возможный, ибо неблагонамѣренные люди, какъ вездѣ, такъ и между чиновниками, встрѣчаются. Г. Волковъ также полагаетъ, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего особеннаго, что могло бы, въ отношеніи цензурномъ, обратить на себя вниманіе.

За тѣмъ я и съ своей стороны полагаю, что глава XIII: «Два Помѣщика» погрѣшаетъ противъ цензурныхъ требованій:

1., Въ приведенной изъ стр. 27-й выписки о томъ, что отставной Генералъ Хвалынскій, состоя въ молодые годы адъютантомъ, принималъ на себя не однѣ адъютантскія обязанности—да не всякому слуху можно вѣрить. Если признать толкованіе Г. Волкова на это мѣсто справедливымъ; то конечно оно весьма безнравственно и не должно бы было быть помѣщаемо. Нельзя ли однакожъ дать этимъ словамъ и болѣе близкій смыслъ со всей нитію разсказа? Въ этой самой выпискѣ сказано, что онъ называлъ то значительное лицо, у котораго былъ адъютантомъ, не иначе, какъ по имени и отечеству; слѣдовательно старался выказывать нѣкоторое равенство въ отношеніяхъ къ этому лицу. Между тѣмъ изъ описанія характера Хвалынскаго видно, что онъ былъ подобострастенъ съ высшими и обращался съ пренебреженіемъ съ низшими: изъ этого не льзя ли заключить, что подъ выраженіемъ: не однѣ адъютантскія обязанности. авторъ хотѣлъ указать на излишнюю услужливость вообще, независимо отъ исполненія долга благороднаго подчиненнаго.

2., Въ той же главѣ XIII, на стр. 37, употреблено выраженіе: «И никакой пользы отъ размежеванія не предвижу». Хотя оно и служитъ для изображенія характера Стегунова, предпочитающаго старину всему новому; но эти слова сказаны неосторожно, и удобнѣе могли бы быть пропущены.

3., Въ главѣ XVIII, стр. 159-й, «Петръ Петровичъ Каратаевъ», Г. Волковъ справедливо, какъ и мнѣ кажется, замѣчаетъ неумѣстность выраженія, что Смотритель: «будто самъ проклиналъ свою должность». Выраженіе это также заимствовано изъ просторѣчія; но въ печати могло быть замѣнено другимъ.

Вторая часть Записокъ Тургенева при семъ прилагается.

Коллежскій Совѣтникъ *В. Кузнецовъ*.

3-го Іюля 1852.

Подробно такимъ образомъ освѣдомившись о нѣкоторыхъ особенностяхъ содержанія второй части «Записокъ Охотника», кн. Ширинскій-Шихматовъ немедленно потребовалъ представленія ему свѣдѣній «была ли разсмотрѣна первая часть, и если была, то что оказалось?» (л. 12). Въ приготовленной объ этомъ 9 іюля справкѣ (л. 14) интересующихъ министра данныхъ почти не заключалось: «Повременныя изданія—пояснялъ колл. секр. Галовъ—разсматриваются Чиновниками особыхъ по-

ручений только съ 10-го Апрѣля 1850 г. Посему все, напечатанное въ Современникѣ до этого времени, не подвергалось никакому особому разсмотрѣнію, кромѣ какъ со стороны обыкновенной Цензуры. На семъ основаніи въ вышедшей въ Москвѣ книгѣ подъ заглавіемъ: «Записки Охотника», состоящей изъ 2-хъ томовъ, въ первомъ томѣ изъ 11-ти статей разсмотрѣны были Чиновниками особыхъ порученій только двѣ статьи, а во второмъ, не включая 2 статьи, разсмотрѣнныя Г. Волковымъ, изъ остальныхъ 11-ти разсмотрѣны тоже только двѣ статьи, въ которыхъ, по отзывамъ означенныхъ Чиновниковъ, не оказалось ничего, противнаго цензурнымъ правиламъ». Новая резолюція министра—Г. Волкову разсмотрѣть и первую часть въ цѣлости—знаменовала не только новый этапъ цензурнаго слѣдствія, но и торжество опредѣленнаго въ немъ направленія—полуоффиціальное признаніе и поддержку обличительныхъ тенденцій перваго референта «Записокъ Охотника» и косвенный тѣмъ самымъ отказъ отъ точки зрѣнія на нихъ его оппонента. Формальное ограниченіе роли Волкова въ этомъ дѣлѣ лишь «разсмотрѣніемъ» предосудительнаго произведенія нисколько не могло помѣшать исчерпывающему разрѣшенію имъ отвѣтственнаго заданія кн. Ширинскаго-Шихматова, на усмотрѣніе котораго представленъ былъ 5 августа 1852 г. не объективный матеріалъ предварительнаго дознанія, а старательно обоснованный обвинительный актъ [1]): «Вникнувъ внимательно въ содержаніе обѣихъ частей этихъ записокъ и обсудивъ ихъ со всѣхъ сторонъ—резюмировалъ Волковъ свои замѣчанія въ особомъ введеніи къ рапорту (л. 16—17),—невольно прійдешь къ заключенію: что при изданіи оныхъ, г. Тургеневъ, человѣкъ, какъ извѣстно, богатый, конечно не имѣлъ въ виду прибыли отъ продажи своего сочиненія; но вѣроятно имѣлъ совершенно другую цѣль, для достиженія которой, и напечаталъ помянутую книгу.

Какая же именно эта цѣль? Разрѣшеніе этого вопроса я на себя взять не могу,—боясь ошибиться; но желательно было бы, чтобъ всѣ читатели видѣли въ помянутыхъ запискахъ одну лишь только хорошую и полезную цѣль! Что же касается собственно до меня, то мнѣ кажется, что книга г. Тургенева сдѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ добра... и вотъ почему. Полезно ли, напримѣръ, доказывать нашему грамотному народу (нельзя же отвергать, что «Записки Охотника», какъ и всякая другая книга, могутъ быть читаны грамотнымъ крестьяниномъ и другими лицами изъ низшаго сословія), что однодворцы и крестьяне наши, которыхъ авторъ до того опоэтизировалъ, что видитъ въ нихъ администраторовъ, раціоналистовъ, идеалистовъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ (Богъ знаетъ гдѣ онъ нашелъ такихъ!), что крестьяне эти находятся въ угнетеніи, что помѣщики, надъ которыми такъ издѣвается авторъ, выставляя ихъ пошлыми дикарями и сумазбродами, ведутъ себя неприлично и противузаконно, что сельское духовенство раболѣпствуетъ передъ помѣщиками,

---

[1]) Ср. Ю. Г. Оксманъ, «Тургеневъ и цензура», М., 1919 г., гл. I. Нѣсколько строкъ изъ впервые опубликованнаго здѣсь полностью рапорта Волкова введены были, безъ обозначенія источника и съ ссылкой на «одного изъ цензоровъ», въ принадлежащій М. И. Сухомлинову некрологъ Тургенева въ «Отчетѣ о дѣятельности II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 г.» (стр. 28—29). Воспользовавшись этимъ неточнымъ указаніемъ Сухомлинова, А. Е. Грузинскій произвольно связалъ его съ временемъ предварительнаго разсмотрѣнія «Записокъ Охотника», нѣсколько впрочемъ недоумѣвая, «почему докладъ цензора не повелъ за собой остановки книги или изъятія ея изъ продажи» (op. cit., 244—245).

что исправники и другія власти берутъ взятки, или наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше. Не думаю, чтобъ все это могло принести какую нибудь пользу, или хотя бы удовольствіе благомыслящему читателю; напротивъ, всѣ подобные разсказы оставляютъ по себѣ какое то непріятное чувство...». Тщательнѣйшимъ образомъ документированныя въ рапортѣ красочнымъ подборомъ особо враждебныхъ офиціозно-клерикальной поэтикѣ сентенцій, коллизій и характеристикъ «Хоря и Калиныча», «Ермолая и Мельничихи», «Моего сосѣда Радилова» [1]), «Бурмистра» [2]) и «Конторы», эти уничтожающія обобщенія и оцѣнки положены были

---

[1]) «Ольга ревновала Радилова къ покойной родной сестрѣ своей!—возмущенно отмѣчалъ здѣсь Волковъ (л. 19).—Мнѣ кажется разсказъ этотъ противенъ мудрымъ постановленіямъ нашей Церкви, слѣдовательно противенъ и нравственности».

[2]) «Главное дѣйствующее лицо въ этой повѣсти богатый помѣщикъ, отставный Гвардейскій офицеръ Пѣночкинъ. Характеръ его описанъ съ самою злою иронією.—Пѣночкинъ, какъ помѣщикъ представленъ деспотомъ.—какъ человѣкъ—либераломъ, трусомъ и подлецомъ. Послѣ сего Авторъ знакомитъ читателя съ Бурмистромъ Пѣночкина Сафономъ,—продувнымъ мошенникомъ, который обкрадываетъ своего барина и притѣсняетъ крестьянъ. (Не смотря на это Пѣночкинъ называетъ его Государственнымъ человѣкомъ! стр. 269). Какая дерзость давать безграмотному мужику названіе, пріобрѣтаемое въ Государственной службѣ важными заслугами своему Отечеству! Если же въ словахъ Пѣночкина, или Автора, что одно и тоже.—скрывается иронія, т. е. насмѣшка надъ Государственными людьми, то тѣмъ еще хуже, тѣмъ не простительнѣе!

Но разсмотримъ по порядку, всѣ тѣ мѣста въ этой повѣсти, которыя я не могъ оставать безъ замѣчанія.

Стр. 254. «Пѣночкинъ, говоря собственными его словами, строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ же блага».

Своихъ подданныхъ! Странное, и даже дерзкое выраженіе! Подданные могутъ быть у одного только Государя, а не у помѣщика; крѣпостный человѣкъ не есть подданный своего господина, онъ подданный Царя своего.

Стр. 259. «Вѣдь вы можетъ быть не знаете,—продолжалъ Пѣночкинъ,—мои мужики тамъ на оброкѣ».

«Конституція, что будешь дѣлать»?

Говоря другими словами, это значитъ, что Пѣночкинъ далъ своимъ мужикамъ Конституцію.

Хотя тутъ и понятно, что Пѣночкинъ, употребивъ слово Конституція, хотѣлъ выразиться иронически; но тѣмъ не менѣе Г. Цензоръ не долженъ былъ бы допускать этого слова къ печати, вспомнивъ, что оно повторялось простымъ народомъ на сенатской площади, во время страшной Катастрофы 14 Декабря...

Стр. 261. «Я, говоритъ авторъ, сидѣлъ въ одной Коляскѣ съ Аркадіемъ Павловичемъ (Пѣночкинымъ), и подъ конецъ путешествія почувствовалъ тоску смертельную, тѣмъ болѣе, что въ теченіи нѣсколькихъ часовъ мой знакомецъ совершенно выдохся и начиналъ уже либеральничать...».

Хотя тутъ и не говорится, какія именно либеральныя мысли сообщалъ Пѣночкинъ автору; но во всякомъ случаѣ, слово либеральничать, не слѣдовало бы, мнѣ кажется, допускать къ печати.

Стр. 266. Бурмистръ, по подачѣ ужина барину своему, прогоняетъ изъ избы своего сына,—говоря: «дескать духоты нанущаешь».

въ основаніе особой записки о содержаніи Тургеневскихъ очерковъ, представленной министромъ народнаго просвѣщенія императору Николаю одновременно съ ходатайствомъ «о высочайшемъ соизволеніи на увольненіе отъ службы» пропустившаго ихъ цензора кн. В. В. Львова [1]).

Опредѣленность министерскаго воспріятія «Записокъ Охотника» какъ опаснѣйшаго памфлета, имѣющаго въ значительной части своей «рѣзительное направленіе къ униженію помѣщиковъ, которые представляются вообще или въ смѣшномъ и каррикатурномъ, или еще чаще въ предосудительномъ для ихъ чести видѣ», что «безъ сомнѣнія послужить можетъ къ уменьшенію уваженія къ Дворянскому сословію со стороны читателей другихъ состояній», исключала необходимость особыхъ ссылокъ въ всеподданнѣйшемъ представленіи о книгѣ Тургенева на дефекты ея «въ другихъ отношеніяхъ». Нѣкоторыми соображеніями Волкова пришлось пожертвовать здѣсь не только во избѣжаніе неумѣстныхъ полемическихъ разъясненій и двусмысленныхъ по существу цитатъ, но и въ силу основаній строго прежде всего формальныхъ: призванная раскрыть лишь конкретное вполнѣ содержаніе обвинительной формулы перваго представленія, «особая записка» не могла заключать въ себѣ матеріалъ, хоть сколько нибудь выходящій изъ рамокъ этого чисто служебнаго ея назначенія.

Намѣренно не предрѣшая ни дальнѣйшаго направленія слѣдствія, ни связанныхъ неразрывно съ нимъ новыхъ репрессій, кн. Ширинскій-Шихматовъ всецѣло предоставилъ опредѣленіе какъ перваго, такъ и вторыхъ Высочайшей иниціативѣ. Однако, императора Николая въ дѣлѣ о «Запискахъ Охотника» прежде всего заняли обстоятельства, связанныя съ нарушеніемъ кн. Львовымъ своего служебнаго долга и, въ то время какъ неожиданно оставленъ имъ былъ открытымъ вопросъ и объ изъятіи безпрепятственно расходившейся книги и о примѣрномъ взысканіи съ ея автора, всѣ попытки «смягченія жребія» опальнаго цензора заранѣе обрекались на неудачу. Лаконическая резолюція 15 августа—«отставить за небрежное исполненіе своей должности» [2]), подкрѣпленная 21-го сентенціей «явное небреженіе, а можетъ быть

Смѣшно, но не благопристойно,—грязно!

Стр. 266—268. Государственный человѣкъ, бурмистръ Сафронъ, докладываетъ своему барину, что по случаю размежеванья онъ далъ какому-то «Миколаю Миколаичу» взятку, а также далъ взятку и Становому приставу, по дѣлу о найденномъ на землѣ Пѣночкина мертвомъ тѣлѣ, которое, однакожъ, бурмистръ велѣлъ стащить на землю сосѣда.

«Вѣдь что батюшка думаете?

«Вѣдь осталось у чужаковъ на шеѣ; а вѣдь мертвое тѣло, что 200 руб. какъ Калачъ».

«Г. Пѣночкинъ много смѣялся уловкѣ своего бурмистра и нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, указывая на него головой: «Quel Gaillard, a?»

Хорошъ помѣщикъ, который участвуетъ въ плутовствѣ своего бурмистра!» (л. 19—21),

[1]) Секретное дѣло Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія объ отставленіи отъ службы за небрежное исполненіе должности цензора московскаго цензурнаго комитета князя Львова. Начато Августа 12 дня, 1852 года, № 166 (Арх. Мин. Нар. Просв., № 150129, л. 6—17 и 2—5).

[2]) 17 августа 1852 г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ о Высочайшемъ повелѣніи объ отставкѣ кн. Львова главноуправляющему инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства А. С. Танѣеву, а 22-го, съ изложеніемъ «конфиденціально» обстоятельствъ дѣла, управляющему московскимъ учебнымъ округомъ и московскому генералъ-губернатору (л. 20—23).

и умыселъ не могутъ оставаться безъ должнаго взысканія въ примѣръ другимъ» [1]) (л. 19), не оставляла, правда, сомнѣній въ особенностяхъ монаршей оцѣнки «Записокъ Охотника», но ликвидація «дѣла» о нихъ опредѣленно предуказана была тѣмъ не менѣе лишь въ одномъ направленіи.

---

[1]) Вторая резолюція положена была на всеподданнѣйшемъ представленіи кн. Ширинскаго-Шихматова «о смягченіи жребія статскаго совѣтника князя Львова», мотивированномъ тѣмъ, что «объявленіе въ Высочайшемъ приказѣ по всему Государству, что онъ отставляется за небрежное исполненіе своей должности, до такой степени усилило бы постигшее его несчастіе, что едва ли онъ былъ бы въ состояніи пережить его».

27 августа объ увольненіи кн. Львова опубликовано было въ Высочайшемъ приказѣ по гражданскому вѣдомству, а 20 октября министръ государственныхъ имуществъ гр. Киселевъ конфиденціально увѣдомилъ кн. Ширинскаго-Шихматова, что «при доведеніи до Высочайшаго свѣдѣнія объ успѣхѣ Московской выставки сельскаго хозяйства и безкорыстномъ усердіи распорядителей, въ числѣ коихъ былъ и кн. Львовъ,—онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи сему послѣднему вновь вступить на службу», на что «Его величество изволилъ отозваться: «рано» (л. 29—30). 22 ноября того же года послѣдовало «секретное» обращеніе къ министру народнаго просвѣщенія ген.-адъют. Я. И. Ростовцова въ виду того, что «Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, принимая участіе въ статскомъ совѣтникѣ князѣ Львовѣ, по службѣ его до назначенія въ Цензоры Инспекторомъ классовъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса желалъ бы имѣть подробныя свѣдѣнія о поводѣ удаленія князя Львова отъ должности Цензора, а потому и поручилъ мнѣ имѣть честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство доставить для прочтенія Его Высочества дѣло объ увольненіи отъ службы князя Львова (л. 31). На другой же день «дѣло» препровождено было къ наслѣднику, который, по ознакомленіи съ нимъ, положилъ слѣдующую резолюцію: «Товарищъ Вашъ, вѣроятно передалъ уже Вамъ мое желаніе возобновить къ Пасхѣ ходатайство о разрѣшеніи К. Львову вновь вступить въ службу, но не по цензурной части. К. Львовъ по прежнему служенію въ подвѣдомственныхъ мнѣ воен. учеб. завед. былъ всегда извѣстенъ за самаго благонамѣреннаго и усерднаго человѣка, по сему мнѣ бы весьма желательно было видѣть его вновь на службѣ» (л. 33). Тѣмъ не менѣе, сдѣланное на основаніи этого представленіе кн. Ширинскаго-Шихматова опять встрѣчено было 6 апрѣля 1853 г. краснорѣчивой помѣтой: «рано» (л. 33). 22 октября, какъ видно изъ записки Л. В. Дубельта (л. 38), дѣломъ кн. Львова заинтересовался шефъ жандармовъ гр. А. Ѳ. Орловъ, а 11 ноября наслѣдникъ цесаревичъ довелъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, что «По личному Моему всеподданнѣйшему докладу, Государю Императору благоугодно было изъявить свое согласіе на Всемилостивѣйшее прощеніе князя Львова, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ему дозволено было вступать на службу по всѣмъ отраслямъ Государственнаго управленія, кромѣ Цензуры и чтобы милость сія была объявлена въ Высочайшемъ приказѣ 6-го Декабря сего года» (л. 40). Отъ послѣдняго ограниченія освободило кн. Львова лишь новое царствованіе: 23 ноября 1855 г. по всеподданнѣйшему представленію министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, отмѣтившаго, между прочимъ, что «справедливое взысканіе, равно какъ и оказанное въ послѣдствіи монаршее помилованіе, будутъ имѣть благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшую служебную дѣятельность сего чиновника» (л. 78—79), послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на «опредѣленіе» его «по цензурной части»; назначенный 20 декабря цензоромъ московскаго цензурнаго комитета, кн. Львовъ въ этой должности и скончался 22 марта 1856 г. (Ср. нѣкоторыя оффиціальныя данныя о его злоключеніяхъ въ «Рус. Стар.», 1903, XII, 696—7).

Сказалась ли здѣсь фактическая невозможность парализовать дѣйствіе «Записокъ Охотника» путемъ той или иной формы изъятія ихъ изъ обращенія, сознаніе ли неизбѣжности тѣмъ самымъ совершенно противоположныхъ результатовъ—искусственнаго повышенія интереса къ Тургеневскимъ очеркамъ и возбужденія вокругъ нихъ предосудительнѣйшихъ толковъ, но Высочайше предопредѣленный исходъ слѣдствія 1852 года объ опасномъ московскомъ изданіи оказался въ общемъ необычайно благопріятнымъ и для автора и для произведенія [1]).

Въ связи съ этимъ уже 21 октября выясненіе возможности для Тургенева «писать и печатать» привело къ положительнымъ результатамъ [2]), никакихъ препятствій вольной продажѣ «Записокъ» чиниться болѣе не могло, и лишь строжайшее запрещеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ новаго изданія «зажигающей книги» напоминало о совершенно исключительныхъ условіяхъ допущенія ея выхода въ свѣтъ [3]).

Ю. Оксманъ.

Два письма Тургенева.

(къ стр. 327—328).

Письма И. С. Тургенева печатаются по автографамъ, сохранившимся въ дѣлѣ Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати «по прошенію Московскаго 2-й гильдіи купца книгопродавца Ѳ. И. Салаева, о воспрещеніи ввоза въ Россію отпечатанной въ Берлинѣ повѣсти Г-на Тургенева «Дымъ». Тутъ же по пред. отдѣльн. ценз. по внут. ценз. въ г. Ригѣ, объ изданіи Г. Бере перевода романа «Дымъ» на нѣмецкомъ языкѣ и о недозв. обращ.

---

[1]) На первыхъ порахъ не достаточно еще уяснивъ себѣ тотъ неожиданный оборотъ, который получило дѣло о «Запискахъ Охотника» послѣ всеподданнѣйшаго о нихъ представленія, кн. Ширинскій-Шихматовъ 18 августа распорядился «поручить г. Галову слить разсказы въ Запискахъ Охотника, напечатанныхъ къ двухъ частяхъ, съ помѣщенными отдѣльно въ періодическихъ сочиненіяхъ, и объ измѣненіяхъ въ послѣднемъ изданіи составить записку» (op. cit., л. 25). Требуемая «записка» (л. 26—30) была закончена составленіемъ 25 августа, черезъ четыре дня прочтена министромъ, но никакого примѣненія, сколько извѣстно, не получила. Пользуемся случаемъ отмѣтить, что на десятки лѣтъ погибшее въ цензурномъ дѣлопроизводствѣ невольное «разысканіе» коллежскаго секретаря Галова о первопечатныхъ текстахъ «Записокъ Охотника» до настоящаго времени не утратило интереса какъ все еще единственный трудъ въ области, лишь эпизодически освѣщенной въ спеціальныхъ экскурсахъ А. Е. Грузинскаго (op. cit., 228—243) и Г. З. Кунцевича («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1909, XII, 393—398).

[2]) «Мы спрашивали о тебѣ—сообщалъ Тургеневу 21 октября 1852 г. Некрасовъ—и намъ сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крыловъ (это ужъ онъ для себя) замѣтилъ, что лучше, если ты будешь представлять свои произведенія въ цѣломъ, чтобы можно было видѣть идею сочиненія (А. Н. Пыпинъ, «Н. А. Некрасовъ», СПБ., 1905, стр. 111).

[3]) Ср. «Дѣло Главнаго Управленія Цензуры по представленію С.-Петербургскаго цензурнаго комитета о дозволеніи къ новому изданію книги Записки Охотника. Начато апрѣля 14 дня 1856 г., № 102», опубликованное полностью въ книгѣ A. Mazon, Un maître du roman russe Ivan Gontscharov, Paris, 1914, стр. 344—356.

въ Россіи никакихъ другихъ перев. этаго ром. на нѣмецкомъ языкѣ. Началось 28 декабря 1867 г. Рѣшено 30 апрѣля 1868 года,» № 315. [1])

Вызванное предложеніемъ Тургенева «принять мѣры для охраненія нашей общей собственности», прошеніе Ѳ. И. Салаева отъ 21 декабря 1867 года препровождено было 2 января на заключеніе Комитета Цензуры Иностранной. Предсѣдатель послѣдняго Ѳ. И. Тютчевъ, «усмотрѣвъ изъ сего прошенія и изъ приложеннаго къ нему письма автора И. Тургенева, что право изданія повѣсти «Дымъ» принадлежитъ лично Г-ну Салаеву,» нашелъ, что цензура въ настоящемъ случаѣ должна дѣйствовать на основаніи Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. XIV Уст. Ценз. ст. 297, воспрещая всѣ контрафакціонныя изданія означенной повѣсти какъ на русскомъ языкѣ, такъ и въ переводахъ. Доведя объ этомъ 10 января до свѣдѣнія начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати и сдѣлавъ тогда же по ввѣренному ему комитету распоряженіе о непропускѣ контрафакціи съ повѣсти Дымъ, Ѳ. И. Тютчевъ, «имѣя въ виду, что авторомъ И. Тургеневымъ и его издателемъ Московскимъ книгопродавцемъ Салаевымъ заявлено относительно перепечатковъ сказаннаго изданія лишь на русскомъ языкѣ», въ дополнительномъ представленіи своемъ отъ 17 января за № 57 разъяснилъ, что «вышеупомянутое распоряженіе будетъ правильно отнести къ заграничнымъ контрафакціоннымъ изданіямъ повѣсти Дымъ только на русскомъ языкѣ, пропуская переводы сей повѣсти пока о томъ не будетъ заявлено авторомъ.» [2])

Слѣдуетъ отмѣтить, что 9 декабря 1872 года Ѳ. И. Салаевъ вновь обратился въ Главное Управленіе по дѣламъ печати съ просьбою о недопущеніи въ Россію всѣхъ «печатаемыхъ за границей сочиненій Тургенева», но на этотъ разъ получилъ отказъ, мотивированный М. П. Лонгиновымъ 31-го января 1873 г. тѣмъ, что «за

---

[1]) Нѣсколько своеобразное отраженіе въ цензурномъ дѣлопроизводствѣ получилъ выпускъ 29 октября 1884 г. типографіей М. М. Стасюлевича «безцензурной книги» Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, 1840 — 1883 г. Изданіе Общества для пособія литераторамъ и ученымъ (въ количествѣ 6025 экземпляровъ. Какъ свидѣтельствуетъ докладъ цензора Юферова, «въ этомъ собраніи писемъ обращаютъ на себя вниманіе въ цензурномъ отношеніи письмо за № 217, на стр. 277, и за № 219 на стр. 280, адресованныя Тургеневымъ къ М. Е. Салтыкову-Щедрину. Въ обоихъ письмахъ говорится о присланной Щедринымъ Тургеневу для прочтенія юмористической перепискѣ И-ая И-ча съ Поль-де-Кокомъ. Тургеневъ отзывается объ этой статьѣ, какъ о такомъ перлѣ первой величины, которую преступно начинать грѣхъ, а печатать теперь конечно нельзя. Цензоръ, съ своей стороны, опасается, чтобы читатели подъ сдѣланными выше указанными буквами «И-ая И-ча» не прочли также имя, которое сдѣлаетъ это мѣсто въ высшей степени неудобнымъ, даже и въ безцензурной печати. Поэтому цензоръ полагалъ бы донести о семъ на зависящее распоряженіе высшаго начальства». Признавъ 31 октября соображенія Юферова основательными, СПБ. Цензурный Комитетъ немедленно освѣдомилъ о «сомнительныхъ» мѣстахъ тургеневскихъ писемъ начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати Е. М. Феоктистова, резолюціей котораго—«нечего дѣлать изъ за нихъ исторію. Книга можетъ быть выпущена безпрепятственно»—дѣло неожиданно было прекращено. (Дѣло СПБ. Цензурнаго Комитета о безцензурной книгѣ: «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», нач. 29 октября, окончено 1 ноября 1884 г., № 104.

[2]) Ср. Дѣло по Комитету Цензуры Иностранной отъ 4 января 1868 г. за № 3 «по просьбѣ Московскаго книгопродавца Салаева о воспрещеніи ввоза въ Россію отпечатанной въ Берлинѣ повѣсти г. Тургенева «Дымъ».

силою ст. 1 и 3 Уст. Граждан. Судопр. и ст. 320 Устава Цензурнаго, по настоящему ходатайству не можетъ быть сдѣлано никакого распоряженія, пока вопросъ о контрафакціи въ настоящемъ случаѣ не будетъ разрѣшенъ подлежащимъ судебнымъ мѣстомъ.» [1])

Неоднократно сѣтуя на то, что *если подобныя изданія могутъ проникать въ Россію, то книжная торговля становится затруднительной—и потери какъ писателей, такъ и издателей становятся слишкомъ значительны*» (327_{7-10}), Тургеневъ въ письмѣ отъ 28 сентября 1872 года къ Я. П. Полонскому, между прочимъ, замѣчалъ: «Чортъ бы побралъ этихъ заграничныхъ издателей-пиратовъ! Они у меня порядочный кушъ денегъ выдернули!» (Пол. соб. писемъ И. С. Тургенева, СПБ., 1884, стр. 205).

Запросъ на стр. 327_{1-2} *А что изданіе „Дыма“ и много ли осталось отъ моего Карлсруйскаго изданія?* связанъ съ слѣдующимъ мѣстомъ письма Тургенева къ П. В. Анненкову отъ 28 (16) іюня 1867 года: «Салаевъ мнѣ пишетъ, что послѣ появленія Дыма мое Карлсруэское изданіе пошло такъ шибко, что онъ желаетъ начать печатаніе новаго не съ 1869 года, какъ было сказано въ контрактѣ, а съ 1868 года [2]). Вотъ уже одинъ хорошій результатъ моей повѣстушки» («Рус. Обозр.», 1894, I, 21).

19 апрѣля 1869 года Рижскій отдѣльный цензоръ вошелъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати съ слѣдующимъ представленіемъ: «Е. Бере, собственникъ книгопродавческой фирмы «Лукасъ» въ Митавѣ, заявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи издать нѣмецкій переводъ романа «Дымъ» И. Тургенева, и представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ письмо И. Тургенева, въ которомъ сочинитель романа выражаетъ свое согласіе и уполномочіе на изданіе означеннаго перевода. Вмѣстѣ въ тѣмъ Г. Бере, желая административнаго обезпеченія его издательской собственности на означенный переводъ и исключительнаго права на распространеніе онаго въ Россіи, проситъ меня исходатайствовать у Главнаго Управленія по дѣламъ печати циркулярное предписаніе по всему Цензурному вѣдомству, воспрещающее выпускъ въ свѣтъ или въ продажу всякаго другаго составленнаго въ Россіи или за границею нѣмецкаго перевода означеннаго романа. Прилагая при семъ подлинное письмо И. Тургенева, которое Г. Бере проситъ возвратить ему по минованіи надобности, честь имѣю представить ходатайство Г. Бере на уваженіе Главнаго Управленія по дѣламъ печати», Ходатайство г. Бере уважено, однако, въ Петербургѣ не было, ибо, какъ разъяснилъ въ своемъ отношеніи отъ 30 апрѣля 1868 года начальникъ Главнаго Управленія Похвисневъ, «изъ прилагаемаго письма г. Тургенева не видно, что бы подобное право предоставлялось просителю авторомъ». Тѣмъ не менѣе митавскій переводъ Дыма очень скоро появился въ продажѣ, и 27 мая Тургеневъ писалъ уже о немъ изъ Баденъ-Бадена Л. Пичу: «переводъ Дыма, сдѣланный Гартманомъ

---

[1]) Дѣло Канцеляріи Главнаго Управленія по дѣламъ печати «по ходатайству купца Салаева о недопущеніи въ Россію печатаемыхъ заграницею сочиненій И. С. Тургенева. Началось 12-го декабря 1872 г. Рѣшено 31 января 1873 года», № 151.

[2]) Сочиненія И. С. Тургенева (1844—1864) Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 5 томовъ. Въ типографіи В. Гаснера. (Дозволено Цензурою. Санктъ-Петербургъ, 20-го Февраля 1864) Карлсруэ. 1865; Дымъ. Изданіе братьевъ Салаевыхъ (2-ое изданіе). М. 1868.

въ Allgemeine Zeitung прямо великолѣпенъ. Но въ Митавѣ выпустили другой переводъ отдѣльнымъ изданіемъ, на что я, къ сожалѣнію, далъ свое согласіе: это не переводъ, а возмутительное свинство! Они все безжалостно исковеркали, получилось настоящее caput mortuum изъ общихъ мѣстъ. И эту мерзкую книгу разсылаютъ повсюду, а нѣкій господинъ Эккартъ изъ Лейпцига присылаетъ мнѣ рецензію о ней! Это возмутительно, хотя собственно говоря, значенія не имѣетъ». («Вѣстн. Европы», 1909, V, стр. 139—140).

Особенностей «s. 97-wo die Biografie des Generals Ratmiroff vollstandig wiedergegeben worden ist» (328_{16-18}) И. С. Тургеневъ коснулся нѣсколько подробнѣе въ письмѣ отъ 17 августа 1867 г. къ кн. А. Голицыну: «J'envoie aujourd'hui même le dernier placard de Fumée (que j'ai reçu hier) à l'imprimerie, avec toutes les corrections, et je me hâte de vous prévénir que j'ai reintégré dans le texte la biographie du général Ratmiroff, que mon éditeur avait cru devoir raccurcir et affaiblir dans le texte original. Je crois que vous ne trouverez pas mauvais que je l'ai fait» (E. Halpérine-Kaminsky. Ivan Tourgueneff d'après sa correspondence avec ses amis français. Paris, 1901, p. 328). Для сравненія съ общеизвѣстнымъ текстомъ «Дыма» пользуемся случаемъ перепечатать здѣсь совершенно извращенную М. Н. Катковымъ 70-ую страницу мартовской книжки «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ, по которой впервые ознакомились всѣ съ однимъ изъ интереснѣйшихъ персонажей романа: «Читатель позволитъ намъ сообщить ему на этомъ мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о генералѣ Ратмировѣ. Поступивъ съ раннихъ лѣтъ на военную службу Валеріанъ Владимировичъ обратилъ на себя вниманіе начальства не столько успѣхами въ наукахъ, сколько фронтовою выправкой хорошими манерами и вышелъ въ гвардію Карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости въ танцахъ, мастерской ѣздѣ верхомъ ординарцемъ на парадахъ, и наконецъ какому-то особенному искусству фамиліярно-почтительнаго обращенія съ высшими, грустно-ласковаго, почти спротиваго прислуживанія, не безъ примѣси общаго, легкаго какъ пухъ либерализма. Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему однако отечески посѣчь пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ во взбунтовавшемся бѣлорусскомъ селеніи, куда его послали для усмиренія. Наружностью онъ обладалъ привлекательною и необычайно моложавою. Гладкій, румяный, гибкій и липкій, онъ пользовался удивительными успѣхами у женщинъ: знатныя старушки просто съ ума отъ него сходили. Осторожный по привычкѣ, молчаливый изъ разчета, генералъ Ратмировъ зналъ себѣ цѣну и мѣтилъ высоко».

Ю. Оксманъ.

Алфавитный указатель личныхъ именъ и произведеній печати.

А.

„Абидосская Невѣста“, 343.
„Авторская Исповѣдь“, 81, 83, 92, 93, 94, 104, 105, 108. 109, 111, 121, 127, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 144.
Аддиссонъ, 366.
„Адская Почта“, 61.
Азадовскій, М. Н., 396.
Аксаковъ, И. С., 81, 99, 362, 394.
Аксаковъ, С. Т., 342.
Александра Ѳеодоровна, Императрица, 79, 80, 144.
Александръ I, 334, 335.
Св. Алексѣй Божій человѣкъ, 184.
„Allgemeine Zeitung., 409.
Анненковъ, И. В., 372.
Анненковъ, П. В., 368, 369, 371, 372, 373, 377, 395, 408.
„Анненковъ и его друзья“, 368, 369.
„Арабески“, 348, 349, 350, 351, 354, 356.
„Архивъ села Карабихи“, 384.

Б.

Б., Ѳ., 176, 179,
Баженовъ, А. Н., 372, 378.
Бакстъ, О. И., 342.
Баратынская, Н. М., 336.
Ба (о) ратынскій, Е. А., 13, 15, 336, 338, 339, 342.
Барсуковъ, Н. П., 340.
Безгласный, В., 354.
Бекетовъ, В. Н., 173, 180, 383, 384.
Бере, Е., 327, 406, 408.
Беръ, 365.
Берте, А. А., 131, 137, 175.
„Библіотека для Чтенія“, 349, 351, 352, 354, 383.
„Богдановичу“, 338, 339.
Бомарше, 352.
Бонди, С. М., 336.
Бородинъ, А., 110.
Боткинъ, В. П., 369.
Брадке, фонъ, 134, 137.
Брамбеусъ, баронъ, 354.
„Бригадиръ“, 61.
Брокгаузъ-Ефронъ, 349.
Булгаринъ, Ѳ. В., 62, 173, 175, 366, 367.
Бурдинъ, Ѳ. А., 372.
„Бурмистръ“, 323, 324, 403.
„Буря“, 15, 336, 337.
Бутырскій, Н. М., 15, 336, 337.
Быкова, Е. В., 69, 167, 169, 171.
Бѣгичевъ, Д. Н., 62.
Бѣлинскій, В. Г., 332, 395.
Бѣлозерская, 366.

В.

Вагенгеймъ, 161, 162.
Вагнеръ, Ф., 365.
Валуевъ, П. А., 167, 170, 171, 335, 365.
Вальтеръ-Скоттъ, 366.
Веневитиновъ, А. В., 342.
Веневитиновъ, Д. В., 19, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347.
Веневитиновъ, М. А., 341.
„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, 348.

„Вечеръ въ Соррентѣ“, 391.
„Вій“, 95, 106.
Віардо, П., 368, 381, 382, 391.
Віельгорскій, гр. М. Ю., 332.
Віельгорскій, гр., 371.
„Владиміръ Ивановичъ Назимовъ“, 360.
Волковъ, Е. Е., 395, 396, 399, 400, 402. 403, 404.
Волконскій, кн. Гр. П., 49, 66, 112, 357, 358.
Вольфъ, А. И., 370, 383.
„Воспоминанія А. В. Щепкиной“, 369.
Вульфъ, А. Н., 338, 384.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, 77, 79, 80, 94, 110, 139, 141, 142, 143, 145, 184, 359, 363.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, 1-е изд., 144.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, изд. 2-е, 139, 143.
„Вѣстникъ Европы“, 372, 382, 394, 395, 409.
Вяземскій, кн. П. А., 9, 10, 12, 139, 143, 145, 153, 157, 159, 162, 163, 164, 331, 332, 333, 358, 365.

Г.

Гаевскій, В. П., 338, 343.
Галовъ, 406.
Гальперинъ-Каминскій, И. Д., 409.
Гартманъ, 409,
Гасперъ, В. 408.
„Гдѣ ты безпечный другъ. гдѣ ты, о Дельвигъ мой“, 337.
Германъ,. 365.
Герценъ, А. И., 368, 369.
„Герценъ, А. И., полное собр. соч. и писемъ подъ ред. М. К. Лемке“, 368.
Герценъ, Н. А., 368.
Гете, 345.
„Гетьманъ“, 348, 349, 350, 351.
„Глава изъ историческаго романа“, 348, 349, 350, 353.
Глазуновъ, И. И., 379.
Гогартъ, 118.
Гоголь, А. В., 69, 167, 169, 171.
Гоголь, Н. В., 25, 27, 39, 43, 44, 45, 47, 49, 53, 62, 63, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 74, 75, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 156, 157, 159, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 169, 170, 171, 173, 175, 176, 177, 179, 181, 183, 184, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 362, 364, 365, 366, 367, 368, 394.
Гоголь, М. И., 69, 155, 364.
„Гоголь и Булгаринъ“, 376.
Голицынъ, кн. А. В., 409.
Головачева-Панаева, А. Я., 382.
„Голосъ Минувшаго“, 343.
Гончарова, Н. Н., см. Ланская.
„Горе отъ ума“, 62.
Готвальдъ, 365.
Гофманъ, М. Л., 336, 337, 338, 339.
„Гоѳолія“, 381.
Грановскій, Т. Н., 368.
Грибоѣдовъ, А. С., 101.
Гротъ, Я. К.. 332, 333, 358.
Грузинскій, А. Е., 396, 402, 406.
„Гувернантка“, 64, 357.

Д.

„Да или нѣтъ или роковое письмо“, 381.
Даль, В. И., 62.

Даниловъ, В. В., 368.
Данте, 373.
„Два помѣщика“, 325, 326, 395, 396, 397, 399, 400, 401.
Де-Лакроа, 365.
Дельвигъ, бар. А. А., 15, 337, 338.
„Денница“, 341.
„День“, 343.
Державинъ, Г. Р., 61.
Диккенсъ, 118.
Дмитріевъ, И. И., 342. 343.
Добровольскій, Л. 87, 116, 126, 136, 173, 175, 366.
„Довольно“, 391.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн. М. А., 352.
„Дополненія къ перепискѣ съ друзьями“, 146.
„Драматическая цензура двухъ эпохъ“, 369.
„Драматическій Сборникъ, 389.
Дризенъ, бар. Н. В., 369.
Дубельтъ, Л. В., 120, 124, 125, 173, 176, 178, 315, 316, 359, 360, 363, 369, 405.
„Дубельтъ о сочиненіяхъ Гоголя“, 360.
„Дымъ“, 327, 328, 406, 407, 408, 409.

Е.

Екатерина II, 338, 339.
Елена Павловна, вел. кн., 155, 157, 364, 365.
„Ермолай и мельничиха“, 319, 320, 403.
Ефронъ (Брокгаузъ), 349.
Еф-скій, П., 357.

Ж.

„Женитьба“, 52, 96, 107.
„Жизнь и труды М. П. Погодина“, 340, 342.
Жуковскій, В. А., 7, 9, 10, 12, 331, 332, 333, 348, 350, 358, 359.
„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 337, 406.

З.

„Завтракъ у предводителя“, 259, 261, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 392, 393, 394.
„Завѣщаніе“, 344, 345.
Загоскинъ, М. Н., 62.
„Записки и дневникъ А. В. Никитенко, 351, 353, 354, 357.
„Записки о жизни Н. В. Гоголя“, 350.
„Записки Охотника“, 313, 316, 318, 394, 395, 396, 397, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 406.
„Записки Почтмейстера“, 96, 107, 113, 360, 362.
„Записки сумашедшаго“, 96, 107, 353.
Зиновьевъ, П., 146, 150.
Зотовъ, Р., 382.

И.

„И вотъ нетлѣнными лучами“, 338.
„Игроки“, 96, 107.
„Ivan Tourgueneff d'après sa correspondence avec ses amis français“, 409.
„Извѣстія Отдѣла русскаго языка и словесности Академіи Наукъ“, 366.
„Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, 357.
„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, А. П. Пятковскаго, 341.
„Изъ литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ“, 356, 360.

„Изъ русскаго водевиля“, 343.
Изъ старыхъ альманаховъ“, 396.
Ирвингъ, Вашингтонъ, 118.
„Иллюстрированный альманахъ“, 395.
„Историческій Вѣстникъ“, 357, 360, 367.

I.

Св. Іоаннъ Кущникъ, 184.
Іогансонъ, Ф., 342.

К.

„Какъ много ты въ немного дней“, 17, 338.
Каллашъ, В. В., 348, 349.
Каллотъ, 118.
Каманинъ, И. Н., 348, 350.
Канкринъ, гр. Е. Ф., 75.
Кантемиръ, А. Д., кн., 60.
Капнистъ, В. В., 61.
Карамзинъ, Н. М., 69.
Каратыгинъ, П. А., 381, 382
Карбоньеръ, Л. Л., 345.
Катковъ, М. Н., 409.
Кернъ-Виноградская, А. П., 342.
Кетчеръ, Н. Х., 368, 394.
„Кинжалъ“, 343.
Кирпичниковъ, А. И., 366.
Кирѣевскій, И. В., 341.
Киселевъ, гр. П. Д. 405.
Клейнмихель, гр. П. А., 357.
Клеманъ, М. К., 379, 391.
Княжевичъ, А. М., 366.
Ковалевскій, Е. П., 400.
„Когда печалью вдохновенный“, 17, 338.
Кокъ-де, Поль, 407.
Колбасинъ, Д., 371.
Колбасинъ, Е. А., 371, 383.
„Коляска“, 96, 107.
Комаровскій, гр., 181, 183, 184, 367.
Кони, Ѳ. А., 382.
Константинъ Николаевичъ вел. кн., 81, 82, 123, 153, 155, 156, 157, 359, 360, 364.
„Контора“, 324, 403.
Коптевъ, Д., 332.
Коробка, Н. И., 348.
Коршъ, Е. Ѳ., 368.
Коршъ, М. Ѳ., 368.
Котляревскій, Н. А., 342, 348.
Краевскій, А. А., 369, 370, 371, 374, 382.
Криденеръ, бар. К. А., 359, 364, 365.
„Кровавый бандуристъ“, 27, 29, 331, 347, 342, 352, 353, 354, 356.
Крыловъ, А. Л., 331, 396, 406.
Крыловъ, И. А., 61.
Кузнецовъ, В. И., 399, 400, 401.
Кулишъ, П. А., 159, 161, 162, 164, 165, 349, 365, 366, 367.
Кунцевичъ, Г. З., 406.
Куторга, М. С., 64, 65.
„Къ Дельвигу“, 15, 337.
„Къ любителю музыки“, 343.
„Къ моей богинѣ“, 344, 345.
„Къ чему невольнику мечтанія свободы“, 16, 337.

Л.

Лажечниковъ, И. И., 372.
„Лакейская“, 96, 107.
Ланская, Н. Н., 7, 9, 12, 332, 333, 335.
Ланской, П. П., 9, 332.
„Леда“, 336, 339
Лейхтенбергская, вел. кн., 358.
Лемке, М. К., 358.
Лермонтовъ, М. Ю., 101, 327, 360.
Лихачевъ, В., 360, 361.
„Литературныя воспоминанія П. В. Анненкова“, 372.
„Литературныя воспоминанія И. И. Панаева“, 371.
„Литературные очерки“, 396.
Львовъ, кн. В. В., 102, 113, 313. 315, 316, 317, 404, 405.

„Льговъ“, 325.
Лонгиновъ, М. Н., 407.
„Любовь и смерть Веневитинова“, 341.
„Любовь и смерть, ночное мечтаніе“, 454.

М.

Mazon, A., 406.
Максимовичъ, М. А., 341.
„Малиновая вода“, 320, 321.
Марія Александровна, Императрица, 155, 157, 364.
Марія Николаевна, вел. кн., 11, 67, 71, 74.
Мартыновъ, А. Е., 392.
„Матерьялы для біографіи Гоголя“, 319.
„Матерьялы для исторіи отношеній цензуры къ Пушкину“, 332.
„Мертвыя души“, 41, 43, 45, 62, 81, 83, 92, 93, 94, 99, 100, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 120, 121, 124, 125, 127, 129, 130, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 144, 161, 165, 356, 357, 365.
„Мечтатель“, 96, 107, 113, 360, 361.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., 79, 144.
„Мнемозина“, 336, 339.
„Мой сосѣдъ Радиловъ“, 322, 403.
„Москвитянинъ“, 113, 360, 362.
„Московскій Вѣстникъ“, 338, 343.
„Московскій Сборникъ“, 81, 98, 112, 315, 316, 362.
„Московскія Вѣдомости“, 372.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. М. Н., 7, 10, 11, 173, 179, 180, 332, 333, 335, 336, 345, 346, 347, 383.
Мухановъ, А. А., 336.
„Мѣсяцъ въ деревнѣ“, 383, 384.

Н.

Назимовъ, В. И., 81, 82, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 95, 102, 104, 105, 106, 110, 112, 123, 125, 130, 131, 133, 135, 136, 139, 141, 360, 363.
„Наканунѣ“, 400.
„Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи“, И. Н. Каманина, 348, 350.
„Нахлѣбникъ“, 187, 189, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 384, 391.
„Наша Старина“, 371.
„Невскій Проспектъ“, 96, 106.
„Недоросль“, 61.
Некрасовъ, Н. А., 327, 331, 332, 334, 370, 381, 382, 383, 384, 395, 406.
„Нежданный праздникъ“, 343.
„Нива“, 349.
Никитенко, А. В., 12, 49, 52, 60, 64, 65, 111, 331, 333, 351, 352, 353, 357.
„Николаевскіе жандармы и литература 1825—1855 г.“, 358.
Николай I, 10, 11, 12, 64, 65, 66, 69, 70, 71, 72, 74, 75, 79, 86, 87, 88, 91, 105, 114, 115, 117, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 136, 137, 144, 155, 157, 315, 316, 317, 318, 331, 333, 334, 335, 340, 346, 359, 364, 405.
„Нимфы и сатиръ“, 373.
„Новгородъ“, 19, 21, 340, 341, 344, 345, 346.
„Новоселье“, 353.
„Новости Петербургской сцены“, 383.
„Новь“, 384.
Норовъ, А. С., 81, 82, 83, 89, 90, 91, 104, 105, 106, 113, 123, 126, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 141, 143, 144, 146, 149, 150, 151, 153, 155, 156, 157, 173, 175, 177, 178, 180, 183, 347, 352, 359, 360, 364, 365, 405.
„Носъ“, 96, 107.

„Нѣсколько главъ изъ неоконченной повѣсти“, 349, 350.
„Нѣсколько словъ о Гоголѣ“, 98, 102, 112, 362.
„Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, 350.

О.

„О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.“, 354.
„О наблюденіи за духомъ и направленіемъ временныхъ изданій“, 396.
„О первомъ изданіи посмертныхъ сочиненій Гоголя“, 360.
„О преподаваніи всеобщей исторіи“, 350.
Обертъ, 389.
„Обозрѣніе“, 408.
„Обозрѣніе русской словесности за 1829 г.“, 341.
Оболенскій, кн. Д. А., 360.
„Объ Академическомъ изданіи стихотвореній Е. А. Баратынскаго“, 337.
„Объ архитектурѣ нынѣшняго времени“, 350.
„Однодворецъ Овсянниковъ“, 322, 323.
Одоевскій, кн. В. Ѳ., 9, 10, 12, 331, 332, 333, 342, 354.
Оксманъ, Ю. Г., 340, 347, 356, 373, 384, 402, 406, 409.
Олсуфьевъ, В. Д., 364, 365.
„Она мила, о томъ ни слова“, 343.
„Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“, 366, 367.
Орловъ, гр. А. Ф., 178, 358, 360, 405.
„Освобожденіе Скальда“, 343.
„Острогожскъ“, 149, 151, 152, 364.
„Отечественныя Записки“, 187, 369, 370, 373, 379, 381, 382, 383.
„Отрывокъ изъ записокъ Иринея Модестовича Гомозейки“, 354.
„Отцы и дѣти“, 391.
„Отчеты Императорской Публичной Библіотеки“, 369, 371, 382.
„Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“, 402.

П.

Панаевъ, И. И., 331, 371, 382, 383.
„Пантеонъ и репертуаръ русской сцены“, 382.
Пейкеръ, Н. И., 345, 346.
„Первое полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя“, 1842 г., 47, 49, 357.
„Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“, 407, 408.
„Переписка Грота съ Плетневымъ“, 332, 333, 358.
Переселенковъ, С. А., 332, 333.
Петръ Великій, 60, 61.
„Петръ Петровичъ Каратаевъ“, 326, 395, 396, 398, 399, 400, 401.
„Пиковая Дама“, 349, 354.
„Письма Бѣлинскаго“, 395.
„Письма Гоголя“, 161, 353, 354.
Пичъ, Людвигъ, 408.
Плетнева, А. В., 333, 335.
Плетневъ, Ал-дръ П., 334.
Плетневъ, Алексѣй П., 334.
Плетневъ, П. А., 7, 9, 10, 11, 12, 67, 73, 75, 77, 79, 167, 169, 331, 332, 333, 334, 335, 353, 358, 359.
„Плѣнникъ“, 348, 349, 354, 356.
„Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, 96, 106, 353.
Погодинъ, М. П., 340, 342, 350.
„Подражателямъ“, 338.

„Полное собраніе сочиненій Веневитинова, ред. Пятковскаго“, 341, 342.
„Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Лейпцигъ 1864 г.“ 365.
„Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго“, изд. 1918 г., 367.
„Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія В. Л. Пушкина и Д. В. Веневитинова. Изд. Смирдина, 1855“, 341, 342, 345.
„Полное собраніе стихотвореній Веневитинова, изд. А. С. Суворина“, 342.
„Полное собраніе стихотвореній Веневитинова“, изд. Ф. Іогансона, 342.
Полонскій, Я. П., 408.
Поль-де-Кокъ, 407.
„Понедѣльникъ Народнаго Слова“, 396.
„Портретъ“, 96, 107.
„Посмертное изд. соч. Н. В. Гоголя“, 359, 360, 364.
„Потемкинъ и современники Ломоносова“, 354.
Похвисневъ, М. П., 81, 90, 92, 94, 105, 106, 108, 109, 122, 335, 360, 408.
„Появленіе въ печати сочиненій Гоголя“, 356, 357.
Працъ, 392.
Пржецлавскій, О. А., 81, 120, 125.
„Призраки“, 391.
„Провинціалка“, 384.
Путята, Н. В., 336, 337.
Пушкинъ, А. С., 1, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 69, 101, 327, 331, 332, 333, 334, 335, 342, 343, 349, 353.
Пушкинъ, В. Л., 341.
„Пушкинъ и его современники“, 332, 338.
„Пѣснь грека“, 344.
Пыпинъ, А. Н., 370, 381, 395, 406.
Пятковскій, А. П., 341, 342, 343.

Р.

„Разбитая чашка“, 381.
„Разговоръ на большой дорогѣ“, 391.
„Развлеченіе“, 378.
Расинъ, 381.
Растопчина, гр. Е. П., 395.
„Ревизоръ“, 62, 96, 107, 352.
Ржевскій, Д., 81, 90, 95, 97, 105, 106, 107, 113, 122, 360.
„Римъ“, 96, 107.
Ростовцевъ, Я. И., 405.
„Русскій Архивъ“, 336, 358.
„Русскій Вѣстникъ“, 400, 409
„Русская Старина“, 343, 360 366, 405.
„Русскіе писатели и артисты“ 382.
„Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 341.
„Русское Богатство“, 369.
„Русское Обозрѣніе“, 395.
Рылѣевъ, А. Ѳ., 149, 151, 152, 364.

С.

Салаевъ, Ѳ. И., 327, 328, 406, 407, 408.
Салтыковъ-Щедринъ, М. Е., 407.
Самойловъ, В. В., 392.
„Санктпетербургскія Вѣдомости“, 373.
Сатинъ, Н. М., 368.
„Сборникъ, изданный студентами и преподавателями. СПБ. 1857“, 366.
„Свадьба Фигаро“, 352.
Свиньинъ, П. П., 354.
Свифтъ, 118.
Селивановскій, С., 340, 342.
„Сельскія Школы“, 373.
Семеновъ, В., 342, 344,

Семенъ, Авг., 336.
Сенковскій, О. И., 62, 351, 353, 354.
Сербиновичъ, К. С., 339.
„Сердечнымъ нѣжнымъ языкомъ“, 16, 338.
„Скульптура, живопись, музыка“, 350.
Смирдинъ, А. Ф., 341, 342, 345.
Смирнова, А. О., 67, 70, 71, 73, 74, 358, 359.
Смирновъ, 71, 74.
Снѣгиревъ, И. М., 339.
Снѣткова, Ф. А., 373.
„Собраніе сочиненій Баратынскаго и Веневитинова, изд. „Жизнь для Всѣхъ“, Спб. 1913, 342.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1855 г., 389, 390, 391, 408.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1860 г., 391.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1869 г., 373, 377, 378, 389, 390, 391.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1874 г., 374, 389, 390.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1880 г., 373, 893, 391.
„Собраніе сочиненій Тургенева“, изд. 1883 г., 374, 389.
„Современникъ“, 1, 3, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 183, 184, 331, 332, 333, 334, 335, 354, 367, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 389, 390, 392, 395, 396, 400, 402.
„Солнце Россіи“, 343.
„Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Н. В. Гоголя“, 366.
Сосницкая, 382, 392.
Сосницкій, И. И., 392.
„Сочиненія Баратынскаго, изд. Академіи Наукъ“, 336, 337, 338, 339.
„Сочиненія Д. В. Веневитинова, М., 1829“, 340, 342, 345, 346.
„Сочиненія Гоголя, изд. 1842 г.“ 83, 88, 90, 95, 96, 97, 106, 107, 110, 121, 122, 125, 127, 129, 130, 132, 134, 135, 136, 144, 170.
„Сочиненія Гоголя, изд. 1853“ 83, 103, 121, 127, 135, 153.
„Сочиненія Гоголя, М. 1856 г.“, 348.
„Сочиненія Гоголя, изд. 1862“, 170.
„Сочиненія Гоголя, Лейпцигское изд.“, 167, 169, 170, 171.
„Сочиненія Гоголя, подъ ред. Тихонравова, изд. 10-ое“, 349, 350.
„Сочиненія Гоголя, ред. В. В. Каллаша, изд. Брокгауза“, 349.
„Сочиненія Жуковскаго, ред. А. Д. Алферова“, 358, 359.
„Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, изд. П. А. Кулиша, 159, 161, 162, 163, 367.
„Сочиненія и письма Н. В. Гоголя“, 183.
„Сочиненія Пушкина, посмертное изданіе“, 331.
Сочиненія Тургенева, Карлсруэ, 327.
Срезневскій, И. И., 381, 392.
„Старинные портреты“, 342.
„Старосвѣтскіе помѣщики“, 95, 106, 351.
Стасюлевичъ, М. М., 372, 407.
„Стасюлевичъ и его современники“, 372, 373.
Стелловскій, Ѳ., 389.
„Стихотворенія Баратынскаго, М., 1827“, 336, 337, 338, 339.
„Стихотворенія Е. Баратынскаго, М., 1835“, 13.
„Страшная ночь“, 373.
Строгоновъ, гр. А. Г., 41, 43, 44, 45, 352.

Строгоновъ, гр. С. Г., 357.
Суворинъ, А. С., 342.
Сумароковъ, А. П., 61.
Сухомлиновъ, М. И., 356, 357, 360, 362, 364, 402.
Сушкова (см. Ростопчина), 395.
„Сцены изъ Эгмонта“, 345, 346.
„Сѣверная Пчела“, 175, 176, 178, 179, 180, 366, 373, 381.
„Сѣверные Цвѣты“, 338, 339, 343, 344, 348, 350, 351.
„Сынъ Отечества“, 64, 337, 357.

Т.

Танѣевъ, А. С., 404.
„Тарасъ Бульба“, 95, 106, 348, 349, 351.
„Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія Комедіи“, 53, 96, 107.
„Телема и Макаръ“, 338.
Теніеръ, 118.
Тихонравовъ, Н. С., 349, 350.
Толстой, гр. А. П., 163.
Толстой, гр. Л. Н., 371.
Топоровъ, А. В., 389, 390.
„Три встрѣчи“, 400.
„Три розы“, 344.
Трубецкая, кн. А. И., 340, 341.
„Труды Оренбургской учебн. арх. Комиссіи“, 368.
Трушковскій, 364, 365.
Трушковскій, Н. П., 153, 155, 157, 348.
Тургеневъ, И. С., 185, 257, 311, 316, 318, 319, 320, 322, 325, 326, 327, 328, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 384, 386, 389, 391, 392, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 402, 403, 404, 406, 407, 408, 409.
„Тургеневъ, И. С., неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ“, 368, 381.
„Ты будешь славный полицейскій“, 343.
„Тяжба“, 96, 107.
Тютчевъ, Ѳ. И., 407.

У.

Уваровъ, гр. С. С., 10, 11, 41, 43, 44, 45, 49, 67, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 79, 80, 102, 111, 112, 114, 144, 331, 333, 345, 351, 352, 358, 359.
„Утро дѣлового человѣка“, 53, 96, 107.
„Учебная книга словесности“, 147, 149, 151, 152, 346.
«Un maître du roman russe Ivan Gontscharov», 406.

Ф.

Фатовъ, Н., 341.
Фетъ, А. А., 180.
Филипповичъ, П. П., 337.
Фонъ-Фокъ, М. Я., 176, 177, 179, 366.
Фонвизинъ, Д. И., 61.
Фрейгангъ, А. И., 369, 370, 379, 383, 392.

Х.

„Холостякъ“, 384, 391.
„Хорь и Калинычъ“, 318, 320, 403.
„Хроника Петербургскихъ Театровъ“, 373, 383.

Ч.

Чаадаевъ, П. Я., 395.
Чернышевскій, М. Н., 367.
Чернышевскій, Н. Г., 181, 367.
Чижовъ, Ф. В., 169.
„Чужой хлѣбъ“, 371, 372, 373, 374.

Ш.

Шамбо, И. П., 80, 359.
Шевыревъ, С. П., 83, 84, 103, 121, 364.
Шенрокъ, В. И., 350, 359.
Шидловскій, Ю. Е., 345, 369, 370.
„Шинель“, 49, 96, 107, 360.
Ширинскій-Шихматовъ, кн. П. А., 81, 83, 84, 85, 86, 88, 98, 102, 112, 313, 315, 317, 326, 346, 347, 362, 395, 396, 399, 400, 401, 402, 404, 405, 406.
Шишковъ, А. С., 340, 344, 345.
„Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ“, 350.
Штуръ, 327.

Щ.

Щедринъ (см. Салтыковъ).
Щепкинъ, М. С., 189, 368, 369, 371, 372, 374, 376, 377, 379, 381, 391.
Щербань, 372.

Э.

„Эгмонтъ“, 345, 346.
Эккартъ, 409.
Энгельгардъ, Н. А., 397.
Эрвингъ, Вашингтонъ (см. Ирвингъ).

Ю.

Юферовъ, А. Н., 407

Я.

„Я слышалъ, камены тебя воспитали“, 342.
„Ябеда“, 61.
Языковъ, Н. М., 363.
„Языковъ и Гоголь“, 363.
Яковлевы, 366.
Ярославцевъ, А. К., 346.

Ѳ.

Ѳедотовъ, П. А., 396.
Ѳеоктистовъ, Е. М., 407

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Предисловие . . . . . .

Пушкинъ. Документы дѣла о „Современникѣ“ . . . . . 1— 12

„Стихотворенія Евгенія Баратынскаго“ въ цензурѣ . . . . 13— 17

Д. В. Веневитиновъ. Неизвѣстная редакція „Новгорода“ . . 19— 23

Гоголь. Кровавый бандуристъ . . . . . 27— 39

Официальная переписка о „Мертвыхъ душахъ“ . . 41— 45

Цензурное разсмотрѣніе перваго полнаго собранія сочиненій Гоголя . . . . . 47— 66

Дѣло о пособіи Гоголю въ 1845 году . . . . . 67— 75

Официальная переписка о поднесеніи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ высочайшимъ особамъ . 77— 80

Дѣло о посмертномъ изданіи сочиненій Гоголя . . . 81—137

Дѣло о второмъ изданіи „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ . . . . . 139—146

Дѣло о напечатаніи „Учебной книги словесности“ Гоголя . . . . . 147—152

Дѣло о представленіи посмертнаго собранія сочиненій Гоголя высочайшимъ особамъ . . . . . 153—157

Дѣло объ изданіи П. А. Кулишемъ „Сочиненій и писемъ Гоголя“ . . . . . 159—165

Дѣло о Лейпцигскомъ изданіи сочиненій Гоголя . . 167—171

Официальная переписка по поводу сообщенія Ѳ. В. Булгарина о службѣ Гоголя въ III Отдѣленіи . . . . 173—180

Рапортъ графа Комаровскаго о „непозволительныхъ строкахъ“ въ статьѣ Чернышевскаго о Гоголѣ . . . . . 181—184

Тургеневъ. Нахлѣбникъ (первая редакція) . . . . . 185—257

Завтракъ у предводителя (запрещенный цензурой текстъ) . . . . . 259—311

Всеподданнѣйшія представленія о „Запискахъ охотника“ . . . . . 313—326

Два письма Тургенева . . . . . 327—328

Примѣчанія . . . . . 329—409

Алфавитный указатель личныхъ именъ и произведеній печати . 411—420

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000222177 80